

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 19, № 4, 2026

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некиселов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 19, no. 4, 2026

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Türkiye)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Вольчик В.В., Маскаев А.И., Цыганков С.С. Экономические реформы в контексте доминирующих идеологий	9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Узякова Е.С., Узяков Р.М. Структурно-технологические изменения в российской экономике после 2014 года	29

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Гумеров Р.Р. Методологические проблемы оценки продовольственной безопасности России: преодоление «ловушки средних показателей» и диагностика уязвимостей	47
Антонова И.С., Лещинская М.А., Печенская-Полищук М.А. Моделирование влияния ключевых социально-экономических факторов региона на развитие креативных индустрий Дальнего Востока	67
Будник А.С. Потенциал повышения энергоэффективности российской экономики: отраслевая оценка и макроэкономические эффекты	84

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Секушина И.А. Кластерная типология малых и средних городов Северо-Запада России: от формальных статусов к структурным профилям	98
Васильева Е.В., Тырсин А.Н. Современные проблемы развития системы мониторинга экономической безопасности регионов	115

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Сумская Т.В. Межбюджетное выравнивание в России: оценка эффективности и проблемы снижения межрегиональной дифференциации	136

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Горлачева Е.Н., Кушнарева Д.Л. Анализ систем мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС: проблемы и возможные решения	156

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Камарова Т.А., Тонких Н.В., Маркова Т.Л. Значимость финансовых стимулов в мотивации многодетности: опыт качественного исследования	172
Короленко А.В. Личностные ресурсы здоровья населения российского региона: оценка влияния и типологизация	191

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Козицина Т.С., Ключев А.К. Расширение инструментария изучения бедности: аналитический обзор исследовательских практик	213

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	226
Правила приёма статей	237
Информация о подписке	238

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION

Volchik V.V., MaskaeV A.I., Tsygankov S.S. Economic Reforms in the Context of Dominant Ideologies	9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Uzyakova E.S., Uzyakov R.M. Structural and Technological Changes in the Russian Economy since 2014	29

BRANCH-WISE ECONOMICS

Gumerov R.R. Methodological Problems in Assessing Russia's Food Security: Overcoming the "Average Metrics Trap" and Diagnosing Vulnerabilities	47
Antonova I.S., Leshchinskaya M.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A. Modeling the Impact of Key Regional Socio-Economic Factors on the Development of Creative Industries in the Russian Far East	67
Boudnik A.S. The Potential for Improving Energy Efficiency of the Russian Economy: Sectoral Assessment and Macroeconomic Effects	84

REGIONAL ECONOMICS

Sekushina I.A. Cluster Typology of Small and Medium-Sized Towns in the Russian North-West: From Formal Statuses to Structural Profiles	98
Vasilyeva E.V., Tyrsin A.N. Current Issues in the Development of a Regional Economic Security Monitoring System	115

PUBLIC FINANCE

Sumskaya T.V. Intergovernmental Equalization in Russia: Assessing Efficiency and the Issues of Reducing Interregional Disparities	136

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Gorlacheva E.N., Kushnareva D.L. Analysis of the Systems for Monitoring the Scientific and Technological Development of the BRICS Countries: Problems and Possible Solutions	156

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Markova T.L. The Significance of Financial Incentives in the Motivation for Having a Large Family: A Qualitative Study.....	172
Korolenko A.V. Personal Health Resources of the Population of a Russian Region: Impact Assessment and Typology	191

SCIENTIFIC REVIEWS

Kozitsina T.S., Klyuev A.K. Expanding the Toolkit for Poverty Research: An Analytical Review of Research Practices	213

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	226
Manuscript Submission Guidelines	237
Subscription Information	238

Экономические реформы в контексте доминирующих идеологий

Вячеслав Витальевич

ВОЛЬЧИК

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012

Артём Ильич

МАСКАЕВ

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-7431-6978; ResearcherID: O-8704-2016

Сергей Сергеевич

ЦЫГАНКОВ

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: sscygankov@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-7827-8318; ResearcherID: AAY-4272-2020

Для цитирования: Вольчик В.В., Маскаев А.И., Цыганков С.С. (2026). Экономические реформы в контексте доминирующих идеологий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 9–28. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.1

For citation: Volchik V.V., Maskayev A.I., Tsygankov S.S. (2026). Economic reforms in the context of dominant ideologies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 9–28. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.1

Аннотация. Постсоветский период развития России связан с постоянным осуществлением экономических реформ, отличающихся по масштабу и характеру. Экономическая политика может подвергаться идеологическому обоснованию, транслируемому через теоретические нарративы, объясняющие ее направление. В рамках статьи проведен анализ транскриптов 35 глубинных интервью и трех фокус-групп с отечественными учеными-экономистами. Используя методологию тематического и нарративного анализа, авторы выделили пять тем, содержащих следующие теоретические нарративы: кризис российской экономической науки и самоопределения российских экономистов; «научный неолиберализм» или мнимая «идеологическая нейтральность» в экономической политике; экономический суверенитет и идентичность; государственное вмешательство ради справедливости; институты и экономическая политика. Используемые российскими учеными теоретические нарративы были систематизированы в соответствии с выделенными ранее идеальными типами экономических идеологий. Показано присутствие каждого из таких теоретических нарративов в научной литературе. Раскрыто, что теоретическому нарративу может соответствовать несколько идеальных типов экономических идеологий. Произведена систематизация данных теоретических нарративов по трихотомической шкале «деструктивность — нейтральность — конструктивность» применительно к экономической политике и реформам в России. Авторы предлагают рассматривать эволюционное формирование конструктивной идеологии экономических реформ на основе прагматической адаптации современных достижений науки к решению актуальных задач с учетом исторических особенностей развития, культуры и существующих институтов. Результаты анализа могут быть использованы учеными, исследующими идеологии в экономической науке, а также лицами, занимающимися разработкой реформ и проведением экономической политики.

Ключевые слова: экономические идеологии, тематический анализ, теоретический нарратив, экономическая политика, реформы.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/>, «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

Россия довольно часто сталкивается с необходимостью проведения экономических реформ. Трудно найти исторический период, в котором бы не осуществлялись экономические реформы различного типа — от радикальных до структурных. Безусловно, экономическая наука формирует теоретические основания для их проведения. И даже в случае, когда политики говорят исключительно о технократических и прагматичных реформах, они, по меткому выражению Дж.М. Кейнса, «обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» (Кейнс, 2007, с. 340).

Экономические идеологии, которые, по Й. Шумпетеру, связаны с неустранимым из процесса познания «донаучным когнитивным актом» (Шумпетер, 2012, с. 264), оказывают значительное влияние на реформы, реформаторов и восприятие реформ в общественном

дискурсе. Более того, идеологизированные теоретические нарративы через экономическое образование и различного рода социальные сети значимо воздействуют на понимание гражданами страны происходящих хозяйственных процессов, а также оправдывают те или иные меры экономической политики через формирование общественного мнения. Хорошим примером значительного влияния на объяснение и оправдание радикальных рыночных реформ является неолиберальная идеология (Slobodian, 2025).

В.М. Полтеровичем была предложена логическая схема, где идеология является одним из важнейших компонентов формирования связей между экономической теорией, экономическими механизмами и человеческими качествами: «экономическая теория → доминирующая идеология → экономический механизм → ... →

гражданская культура и человеческие качества» (Полтерович, 2022, с. 202). В данной схеме возможны не только прямые, но и обратные связи, о существовании которых также говорит ее автор. В данной работе нас интересуют прежде всего связи между экономической наукой, экономическими идеологиями и проведением хозяйственных реформ.

Доминирующие экономические идеологии часто рассматриваются в деструктивном контексте, так как они «негативно влияют на научные разработки» (Полтерович, 2017, с. 63). Однако существуют идеологии, к которым стоит стремиться для гармонизации экономических отношений. Например, «идеология сотрудничества», которую В.М. Полтерович связывает с возможностью «построить скоординированную рыночную экономику с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности в сочетании с консенсусной демократией» (Полтерович, 2023, с. 14).

В настоящее время появляются работы, где показано, что идеологические предпочтения правительств имеют большое значение при проведении экономической политики, даже в том случае, если такая политика отличается от классических нарративов, например меньшее перераспределение доходов при правых (Resmini, Rojas, 2025). Следовательно, при определенных условиях краткосрочные материальные интересы элит могут иметь меньшее значение, чем понимание вектора реформ, проводимых в определенных идеологических рамках.

Цель настоящего исследования состоит в систематизации теоретических нарративов, связанных с разработкой экономической политики и проведением реформ. Выявленные теоретические нарративы будут соотнесены с экономическими идеологиями, существующими в российской экономической науке. Также будет проведена оценка нарративов на предмет соответствия конструктивным экономическим реформам.

Экономические реформы и конструктивная идеология

Использование теоретических нарративов, идеологических конструкций и клише относительно проведения реформ может уводить от понимания, как работают специфические механизмы и институты в той или иной стране.

Хорошим примером является Китай, где развивается социалистическая рыночная экономика. Само определение «социалистическая рыночная» содержит в себе идеологическое противоречие. Однако практика проведения реформ и экономической политики в Китае показывает, что такая модель позволяет длительное время сохранять одновременно конкурентные рыночные механизмы и институты, обеспечивающие высокую устойчивость и управляемость экономики (Попов, 2025, с. 161–162). Это, среди прочего, обеспечивается тем, что «частный капитал оказывает меньшее влияние на государственную политику, чем на Западе» (Zhang, 2023, p. 822).

Негативное отношение к реформам связано также с тем, что идеологизированная программа реформ зачастую опирается на идеологемы, которые далеки от передового края научного знания (Полтерович, 2017, с. 60). Следовательно, разработка стратегий социально-экономического развития под влиянием той или иной доминирующей идеологии «как правило, терпит неудачу» (Полтерович, 2017, с. 55). Такой критический взгляд можно считать справедливым, если предположить, что подход к проведению реформ, который опирается на доминирующую идеологию, неизбежно будет односторонним, негибким и догматичным (Вольчик, Кот, 2025). Но здесь возникает определенная проблема, связанная с шumpетерианской трактовкой идеологий, где они неустраняемы из процесса научного поиска. Таким образом, хотим мы этого или нет, любые реформы, основанные на научных концепциях социально-экономического развития, в той или иной степени идеологизированы. И главный вопрос смещается в сторону догматизма, присутствующего идеологическим установкам. Действительно, если идеология, лежащая в основе экономической политики и разработки стратегий социально-экономического развития, догматичная и негибкая, то весьма вероятно, что она будет негативно влиять на результаты реформ или даже на формирование человеческих качеств (Полтерович, 2022).

Догматизму следует противопоставить прагматизм. Примером прагматичного подхода к разработке стратегии реформ может служить рыночная трансформация экономики Китая. Казалось бы, в социалистической стране роль

идеологии всегда очень важна, но в случае китайских реформ, проводимых с 1978 года, на практике была реализована прагматичная стратегия. Она, с одной стороны, позволила постепенно выстроить институты и механизмы конкурентной рыночной экономики, а с другой — избежать «шоковой терапии» (Weber, 2021), которая лежала в основе российских радикальных рыночных реформ 1990-х годов. И если идеология фактически неустранима из научного процесса, то следует не «очистить» разработку реформ от влияния идеологий, а найти необходимый баланс и комбинации идеальных типов для построения конструктивной идеологической повестки.

Таким образом, разработка конструктивной идеологии связана с прагматизмом, учетом исторических особенностей, существующих институтов и культуры, а также с адаптацией современных достижений науки к решению практических задач. Поэтому важно, чтобы комбинация идеологических типов и используемых теорий «была укоренена в социальной реальности» (Wu, 2025, p. 304).

Подходы, в рамках которых экономическая политика рассматривается как деидеологизированная и технократическая, обычно основываются на предположении, что демократические институты порядка открытого доступа способствуют созданию условий для всестороннего экономического развития и роста (Норт и др., 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015). В современных условиях политические институты демократии также рассматриваются как важное условие для технологических инноваций и современного развития, основанного на прорывных технологиях (Aghion et al., 2007). Однако порядки открытого доступа с развитой рыночной экономикой присущи небольшому количеству стран. Большинство стран современного мира не попадают в узкий коридор, позволяющий извлекать экономические преимущества от сочетаний инклюзивных демократических институтов и конкурентной рыночной экономики (Аджемоглу, Робинсон, 2021).

Выбор траектории проведения реформ во многом зависит от «идеологического ландшафта», который соотносится с их разработкой и осуществлением. Известный социобиолог П. Турчин рассматривает «идеологический консенсус» как важное условие для стабильного

и поступательного экономического развития США: «...идеологию послевоенного консенсуса иногда называют американским символом веры. Основными элементами этой идеологии были демократия (принципы которой закрепились в конституции), политика невмешательства и американский патриотизм (Турчин, 2024, с. 139). Напротив, разрушение консенсуса он ассоциирует с институциональной и экономической нестабильностью и конфликтом элит: «... не устаешь поражаться тому, насколько сильно изменился наш идеологический ландшафт. Культурная стабильность начала разрушаться под воздействием антивоенных движений и движений за гражданские права 1960-х годов. Экономические столпы рухнули под натиском неолиберальной экономики в 1970-х годах. Но по состоянию на 2020 год послевоенный консенсус не удалось заменить каким-либо столь же последовательным нарративом, принятым подавляющим большинством элиты и населения» (Турчин, 2024, с. 140).

О важности идеологического контекста для успеха реформ свидетельствует кейс КНР, который особенно показателен при наглядном сравнении с советским опытом. «Институциональная гибкость» китайских властей при проведении рыночных реформ обеспечила их успех, в то время как «идеологический консерватизм» советских властей, а также сворачивание косыгинских реформ способствовали «экономическому истощению» страны, что в итоге привело к ее разрушению (Балацкий, 2025а, с. 173).

При проведении реформ идеология способна дать ответ на вопрос «какое государство мы строим?» (Ильин, Морев, 2025). Однако строительство государства и формирование соответствующего хозяйственного порядка зависят от адаптивной эффективности институциональной среды или «правил, формирующих направление развития экономической системы во времени» (Норт, 1997, с. 106). Влияние идеологии (которая может рассматриваться как комбинация идеальных типов) на направление и траекторию развития инерционно и сопряжено с зависимостью от предшествующей траектории развития (*path dependence*), поэтому важно понимать, какие «догмы, теории и мифы» связаны с той или иной идеологией: «Идеологии лежат в основе субъективных рамок, которыми обладают люди, чтобы

объяснить мир вокруг них. Идеологии содержат существенный нормативный элемент; то есть они объясняют как то, как устроен мир, так и то, каким он должен быть. Хотя субъективные модели могут быть и обычно представляют собой смесь убеждений, догм, обоснованных теорий и мифов, обычно существуют элементы организованной структуры, которые делают их экономичным средством получения и интерпретации информации» (North, 1991, p. 484).

Разработка реформ должна базироваться на передовых достижениях науки. В противном случае есть угроза, что стратегии развития могут содержать идеологические моменты, приводящие к принятию неэффективных решений (Полтерович, 2017). Однако необходимо учитывать, что многие теоретические рамки и передовые достижения экономической науки подвержены влиянию идеологии. «Сложность проблемы заключается в том, что полезные и идеологические элементы западной экономической науки не разграничиваются, а зачастую и вовсе смешиваются. Поэтому, если мы не будем научно проницательны и откажемся от тщательной оценки этих теорий, вполне возможно, что в качестве полезных аспектов экономической науки будут использоваться вредные, а правильные и рациональные аспекты будут игнорироваться» (Чжан, 2017, с. 22–23). Такое идеологическое влияние «западной экономической науки» часто наблюдается в имплицитной форме. Наша концепция идеальных типов предполагает, что в реальности при научных исследованиях и разработке политики в явной или неявной форме используются идеологии как «донаучный когнитивный акт» (Шумпетер, 2012). Причем на практике мы наблюдаем комбинации идеальных типов идеологий, где один из них является доминирующим, поэтому разработка реформ и проведение экономической политики на практике происходят под влиянием различных идеальных типов идеологий. В данном контексте важно понимать, как соотносятся доминирующие идеальные типы идеологий с применением тех или иных мер политики. Также важно идеологическое обоснование реформ. Примером такого идеологического обоснования могут служить радикальные рыночные реформы в России 1990-х годов, когда в широком общественном

дискурсе и научной среде были популярны идеи и идеологемы рыночной трансформации, которая в ближайшее время приведет к ощутимым экономическим результатам. Наш предшествующий анализ экономических идеологий показал, что в научных публикациях с 1992 по 2002 год доминировала идеология неоллиберализма (Вольчик, 2025).

Другим примером имплицитного использования дирижизма как идеального типа экономической идеологии может служить концепция позитивного сотрудничества В.М. Полтеровича: «...наиболее предпочтительной является стратегия позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества, предусматривающая институциональную реформу и реформу экономической политики и включающую два основных этапа: 1) формирование институтов догоняющего развития...; 2) построение скоординированной рыночной экономики с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности...» (Полтерович, 2023, с. 9).

Теоретические нарративы связаны с распространенными экономическими концепциями и моделями, которые можно отнести к той или иной фундаментальной парадигме. Согласно У. Сэмюэлсу: «В настоящее время широко признано, что основным способом проникновения идеологии в экономическую теорию является фундаментальная парадигма или когнитивная система, которая обеспечивает общую основу для мышления и смысла и которая, хотя и нагружена метафизическим содержанием и психологической обусловленностью, является ключевым достоянием идеологии» (Samuels, 1992, p. 239–240).

Действительно, можно проследить определенное влияние «фундаментальных парадигм» на экономические идеологии (Полтерович, 2022). Наиболее отчетливо оно проявлялось в период российских радикальных рыночных реформ, когда были сильны идеи «вашингтонского консенсуса» и неоллиберальной экономической идеологии. Наше исследование идеологий также показывает, что в глубинных интервью и на фокус-группах российские ученые зачастую связывают идеальные типы идеологий с той или иной «фундаментальной парадигмой».

Позиция отрицания идеологии в «нормальной» или «настоящей» экономической науке на деле является иллюстрацией имплицитной идео-

логизированности такой позиции. Универсализм, который присущ тем или иным теориям и моделям, не является аргументом в пользу деидеологизированности: «Существует широко распространенное мнение, что некоторая часть экономической теории свободна от идеологии и полезна для объяснения любой экономической системы, не подвергая ее скрытой критике или рационализации. Однако экономисты не пришли к согласию относительно того, какая часть настолько свободна от идеологии или какие условия регулируют ее свободу» (Samuels, 1992, p. 239).

Влияние идеологии на экономические исследования часто происходит в неявной форме, через постановку проблемы, подбор релевантных данных и переменных. Это согласуется с подходом Й. Шумпетера: «Как только мы признаем возможность наличия идеологических предубеждений, становится легко их обнаружить. Все, что надо сделать, — это внимательно рассмотреть научную процедуру. Она начинается с восприятия взаимосвязанных явлений, которые мы намерены анализировать, и заканчивается (на сегодняшний день) созданием научной модели, в которой эти явления концептуализированы, а соотношения между ними точно сформулированы либо как допущения, либо как утверждения (теоремы)» (Шумпетер, 2012, с. 253).

Идеальные типы идеологий, которые пусть часто и в неявной форме используются экономистами, связаны с «социальной обусловленностью» выбора проблем, наиболее востребованных или релевантных текущим хозяйственным процессам: «Даже в математике и логике и в еще большей степени в физике выбор исследователем проблем и подходов к ним, а значит, и образ научной мысли соответствующей эпохи становятся социально обусловленными — именно это мы имеем в виду, когда говорим о научной идеологии, а не о все более совершенном восприятии объективных научных истин. Однако немногие будут отрицать, что в случае логики, математики и физики влияние идеологических предубеждений не идет дальше выбора проблем и подходов, то есть социологическая интерпретация не ставит под сомнение „объективную истинность“ научных результатов» (Шумпетер, 2012, с. 251).

Можно сказать, что идеологические «предубеждения» экономистов делают их невосприимчивыми к проблемам и самой постановке вопросов, которые не соотносятся с их представлениями о «настоящей» экономической науке. Поэтому в исследовательском процессе в социальных науках трудно разграничить «чистую науку» и «моральные суждения» ученых: «Вопросы сюжета [нарратива] не сводятся к его изяществу. Есть в нем и нравственная сторона. Хейден Уайт писал: „потребность завершить исторический нарратив — это потребность... в моральном суждении“ (White, 1981, p. 20). Монетарист не испытает моральное удовлетворение, пока не возложит вину на Федеральную резервную систему» (Макклоски, 2015, с. 21).

Понятие теоретического нарратива, которое используется в данной статье, близко по смыслу понятию метафоры, которое использует Д. Макклоски: «...метафора здесь — повод и инструмент для мысли, не ее замена. Метафоры порождают такие установки, которые лучше держать на виду и под контролем логических рассуждений» (Макклоски, 2015, с. 65). В связи с этим роль идей и идеологий (которые часто в научном и общественном дискурсах выступают в форме теоретических нарративов) так значима в исторической перспективе, когда мы рассматриваем эволюцию хозяйственных порядков, например, как идеология капитализма сформировала современный мир (McCloskey, 2006).

Методы исследования

Выбор метода глубинных интервью (Legard et al., 2003) объясняется тем, что с их помощью можно получить наиболее богатый и разнообразный материал для выявления релевантных нарративов. Применение метода фокус-групп оправдано, когда изучаемые вопросы или концепции могут быть по-разному истолкованы разными людьми (Суг, 2024, p. 222). Фокус-группы не только способствуют более глубокому пониманию рассматриваемых процессов (Kamberelis, Dimitriadis, 2013, p. 41), что особенно важно, в фокус-группах могут вырабатываться солидарные, объединяющие решения для сложных вопросов (Kamberelis, Dimitriadis, 2013, p. 57) наподобие конструктивной экономической идеологии.

Большие текстовые массивы предполагают использование различных подходов к анализу текста при помощи качественных методов (Stueber, 2019). В последние годы получил распространение так называемый «тематический анализ», предполагающий активное участие исследователя в интерпретации рассматриваемых качественных данных (Brain, Clarke, 2022, р. 8). Отличительной чертой этого подхода является гибкость, которая позволяет его применять в рамках различных теоретических подходов, широкого круга исследовательских вопросов и размеров выборки (Kiger, Varpio, 2020, р. 848). Например, тематический анализ широко применяется в экономических исследованиях (Mahmood et al., 2021; Chaiechi, Eijdenberg, 2022; Srtang et al., 2022), исследованиях в рамках методологии других общественных наук (Riggs et al., 2016; Drápal et al., 2023), а также в медицинских качественных исследованиях (Joffe, 2011; Ahmed et al., 2025).

Тематический анализ позволяет обобщать и объединять представления респондентов в «узнаваемые «паттерны» (Lochmiller, 2021, р. 2031), выявляя закономерности в имеющихся данных для последующего анализа (Kutsyuruba, 2023, р. 143). Теоретизирование происходит по мере того, как исследователи рассматривают

способы поддержки, опровержения, уточнения или расширения темы (Fife, Gossner, 2024). В рамках анализа отдельных тем, которые организуются вокруг ограниченного числа фундаментальных понятий, касающихся объектов, отношений и процессов, формируется особое «концептуальное пространство» (Агацци, 2017, с. 211–212; 227). В контексте нашего исследования это означает, что выделение тем позволяет выявить теоретические нарративы и соответствующие им экономические идеологии.

Источником данных для анализа послужила серия из глубинных интервью и фокус-групп с представителями российской экономической науки. С апреля по июль 2025 года было проведено 35 интервью. Фокус-группы проводились с апреля по июнь 2026 года, всего три фокус-группы по 8 человек: первая фокус-группа проводилась очно, вторая – в онлайн-формате. Средняя продолжительность фокус-группы 1 час 40 минут.

Для интервью были отобраны респонденты преимущественно с ученой степенью в области экономических наук (N = 31), однако из-за разнообразия предметного поля экономической науки было опрошено четыре ученых-экономиста с научными степенями по другим дисциплинам: в области физико-математических

Таблица 1. Характеристики респондентов интервью и фокус-групп

Характеристика	Интервью	Фокус-группы
Географические характеристики	ЦФО – 9 чел. СЗФО – 5 чел. ЮФО – 6 чел. СКФО – 1 чел. ПФО – 6 чел. УФО – 2 чел. СФО – 4 чел. ДФО – 2 чел.	ЦФО – 6 чел. СЗФО – 2 чел. ЮФО – 8 чел. СКФО – 2 чел. УФО – 1 чел. СФО – 5 чел.
Возрастные характеристики	До 35 лет – 8 чел. 36–59 лет – 17 чел. Старше 60 лет – 10 чел.	До 35 лет – 1 чел. 36–59 лет – 16 чел. Старше 60 лет – 7 чел.
Гендерные характеристики	Мужчины – 16 чел. Женщины – 19 чел.	Мужчины – 11 чел. Женщины – 13 чел.
Научные степени	Кандидаты наук – 21 чел. Доктора наук – 14 чел.	Кандидаты наук – 16 чел. Доктора наук – 8 чел.
Аффилиация	Сотрудники вузов – 31 чел. Сотрудники РАН – 4 чел.	Сотрудники вузов – 22 чел. Сотрудники РАН – 2 чел.
Всего	35 чел.	24 чел.
Источник: составлено авторами.		

наук — 2, исторических наук — 1, социологических наук — 1. В фокус-группах приняли участие 23 респондента с ученой степенью в области экономических наук и 1 ученый-экономист со степенью по историческим наукам.

Отбор информантов осуществлялся до достижения точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples) (Watters, Biernacki, 1989; Neckathorn, Cameron, 2017), так как для проведения качественного исследования наиболее предпочтителен целевой отбор, при котором «для изучения отбираются те единицы анализа, которые обладают наибольшим количеством насыщенной информации, позволяющей ответить на исследовательские вопросы» (Ваньке и др., 2020, с. 36). Интервью и фокус-группы проводились до достижения точки насыщения, когда количество получаемой новой информации делает дальнейшее проведение сбора данных нецелесообразным (Квале, 2003, с. 106).

Для тематического анализа материалов интервью и фокус-групп использовался язык программирования Python, а также библиотеки для обработки естественного языка NLTK и Scikit-learn. Исследуемый корпус текстовых документов предварительно обработан следующим образом:

1) из транскриптов интервью и фокус-групп были выбраны ответы респондентов, связанные с обсуждением взаимосвязи экономической политики и экономической идеологии;

2) из текстов удалены высказывания ведущих (интервьюера и модератора в случае фокус-групп) и оставлена только прямая речь участников;

3) реплики респондентов разделены на полноценные смысловые блоки, состоящие из нескольких предложений, позволяющие передать смысл и контекст каждого мнения);

4) удалены стоп-слова и символы с помощью библиотеки NLTK;

5) для всего корпуса текстов проведена токенизация, то есть разделение на отдельные слова, а также лемматизация, выражающаяся в приведении всех слов в начальную форму.

Таким образом, итоговый набор данных для анализа составил 1307 реплик информантов. Далее для всех предварительно обработанных

материалов были получены частоты биграмм и триграмм. На их основе выявлялись самые распространенные словосочетания, характеризующие ключевые темы, о которых рассуждают респонденты и участники фокус-групп.

По результатам анализа частоты упоминаний биграмм и триграмм можно сделать вывод, что фокус мнений респондентов сосредоточен на следующих темах: кризис российской экономической науки и самоопределения российских экономистов; «научный неолиберализм» или мнимая «идеологическая нейтральность» в экономической политике; экономический суверенитет и идентичность; государственное вмешательство ради справедливости; институты и экономическая политика.

Экономическая политика, реформы и теоретические нарративы

Тематический анализ глубинных интервью и фокус-групп позволяет продвинуться в направлении выявления и систематизации теоретических нарративов, связанных с разработкой экономической политики и проведением реформ. В данном контексте теоретические нарративы связаны с той или иной экономической идеологией через «фундаментальные парадигмы» (Samuels, 1992) и релевантные им теории и модели. Одним из ярких примеров в данном контексте может быть идеология неолиберализма, которая через теоретические нарративы «оправдывала» и «продвигала» проведение рыночных реформ в России.

Теоретические нарративы выступают основой для формулирования экономической политики. В свою очередь источником многих теоретических нарративов становится экономическое образование, отражающее современное состояние экономической науки и действительности: *«На протяжении последних, наверное, 40 лет мы получали экономическое образование в условиях плановой экономики, и это была одна система знаний, это были одни экономические теории и экономические подходы. Потом начался процесс перехода к рыночной экономике, и система экономического образования полностью стала основываться на исследованиях, на теориях и концепции зарубежных авторов. Российских исследований было очень мало, очень мало российских теорий, которые мы показывали нашим студентам. Сейчас у нас пошёл „следующий цикл“. Идёт процесс формирования нашей отечествен-*

ной экономической и управленческой науки, в рамках которой появляются уже наши теории, появляются наши учебники. Это очень радует. И тут нам работы ещё очень много предстоит, чтобы создавать и дальше развивать свою экономическую науку» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Тема 1 «Кризис российской экономической науки и самоопределения российских экономистов»

Тематический анализ показал, что тема «кризиса российской экономической науки» является центральной для рассмотрения экономической политики: «в данный момент у нас очень много различных концепций, где мы идем либо в хвосте зарубежной науки, либо чисто в оппозицию зарубежной науке, но, так сказать, идеология затмевает практику» (кандидат наук, Екатеринбург, 45 лет). При этом этот вызов присущ не только российской науке.

«Современная экономическая наука не может в полной мере справляться с вызовами глобальной экономики и рынков, так как не в состоянии адекватно реагировать на изменяющиеся условия. Так как российская экономическая наука — это часть глобальной экономической науки, то это, конечно, свойство всей экономической науки. Но из-за специфики российского рынка и российской экономической мысли наиболее остро это проявляется в России» (кандидат наук, Рязань, 33 года).

«Это не только у нас. Видите, что происходит в США? Происходят немыслимые вещи — попытка... такого идеологического влияния и пересмотра всей экономической политики! Диву даешься. Там пытаются пересмотреть основы бюджетной политики. Это попытка идеологии повлиять на экономику сильнее, чем у нас» (доктор наук, Москва, 70 лет).

Основной теоретический нарратив данной темы соответствует ее названию: кризис современной экономической науки. Основываясь на данной теме, можно провести дальнейшую систематизацию теоретических нарративов.

Практически все респонденты признают наличие проблем, однако их представления о том, какими должны быть реформы, разительно отличаются, что позволило определить несколько направлений их рассуждений. С одной стороны, это рассуждения о месте мейнстрима: существуют ли у него альтернативы при принятии решений об экономической политике,

насколько неолиберализм деидеологизирован и т. д. С другой стороны, это альтернативные подходы к экономической политике, связанные с идеей экономического суверенитета. В обоих случаях присутствуют как положительные, так и отрицательные высказывания: «У нас своего, особого пути нет, кто бы что ни говорил. У нас опять же банки делают деньги по учебнику Макконнелла «Экономикс». Понимаете? <...> Если бы не было сейчас такого регулирования, у нас была бы огромная инфляция» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 49 лет). Или: «Фокус в экономических науках смещается больше на актуальные, хайповые темы, если так можно сказать, связанные с технологическим суверенитетом и импортозамещением. Сейчас каждый второй старается про это писать. Вторая тенденция — это история про нарастающую изолированность именно по экономическому направлению» (кандидат наук, Пермь, 30 лет).

Одной из важных проблем при реализации реформ, преодолению которой должна способствовать экономическая наука, является отсутствие у бюрократии системного представления о направлениях экономической политики, в результате чего она вынужденно пользуется зачастую устаревшими теоретическими нарративами.

«Провалы государства в том числе связаны с тем, что сам чиновник не может определить наилучшее направление развития экономической политики. <...> для этого просто не хватает компетенций» (доктор наук, Санкт-Петербург, 47 лет).

Тема 2 «Научный неолиберализм или мнимая идеологическая нейтральность в экономической политике»

Эта тема собрала в себе наиболее противоречивые высказывания. Респонденты заняли две противоположных позиции. Первая из них: только неолиберальный подход к экономической политике можно считать научно обоснованным: «В 90-е и начало 2000-х экономическая политика обладала авторитетом, потому что она владела западной методологией, на которую можно было сослаться в случае чего, что мы действуем так и так. Сейчас скорее наоборот, научный подход среди лиц, принимающих решения, использует только председатель ЦБ. Больше я никого назвать не могу» (доктор наук, Владивосток, 55 лет). Отход от данной позиции ав-

томатически идеологизирует экономическую политику: *«Вы же видите: государственной политикой, особенно в финансовой сфере, занимаются люди, следующие принципам экономической науки. Например, вопрос борьбы с инфляцией — шире неолиберализма. Во главе экономических ведомств — люди, которые не слушают шумных идеологов. Это правильно: нужна выдержанность при ответственности за всю экономическую систему. Не считаю, что идеология сейчас сильно влияет на политику»* (доктор наук, Москва, 70 лет).

Противоположное мнение состоит в том, что выстраивать логическое противопоставление «научный неолиберализм» vs «вненаучное все остальное» не совсем корректно, так как это лишь мнимая идеологическая нейтральность: *«Есть фонды, которые спонсируют на основе грантовой поддержки фундаментальные и прикладные исследования, либо государственные заказы, либо инициативы самих университетов. Соответственно, есть возможности поддерживать лаборатории, научные группы, научные проекты, чтобы они вышли на какой-то определенный уровень исследований, закупили определенное оборудование, определенные программы, софт для того, чтобы проводить определенные расчеты, подавались в определенные журналы»* (кандидат наук, Казань, 41 год).

При этом от принципов всегда можно отойти, если возникает такая необходимость: *«Есть такая мудрая мысль среди исследователей: пишут одно, говорят другое, а делают третье. Что пишется? Пишется экономическая свобода, свобода торговли. Правильно? Вся неоклассика построена на принципах сравнительных преимуществ Риккардо и вообще принципах свободы торговли. Что реально? Реально мы знаем, что в той или другой отрасли возникают проблемы и сразу закрываются рынки. И сразу возникает помощь государства, которое не должно вмешиваться в рыночные процессы. На моей жизни таких примеров было много. Например, когда проблемы были с авиационной компанией <KLM (Royal Dutch Airlines)>¹ в Нидерландах, государство сразу вмешалось и организовало помощь своей авиационной компании. А почему же они опустили рыночные моменты? И почему же тогда*

эта компания не обанкротилась? Также примеры можно привести с чёрной металлургией и прочее. На деле свободная торговля пишется в теории, а в реальной жизни на деле это нечто иное» (доктор наук, Новосибирск, 70 лет).

Основные теоретические нарративы: только неолиберальный подход научно обоснован, мнимая идеологическая нейтральность.

Тема 3 «Экономический суверенитет и идентичность»

Вторым ответом на кризис в российской экономической науке стали рассуждения об особом пути, суверенитете и поиске идентичности. Ввиду разнообразия понимания особого пути (Тамбовцев 2026) эта тема включает в себя несколько подтем.

Во-первых, «существует ли особый путь?».

«Повторить чью-то экономическую траекторию мы не сможем. Это соответствует теории Полтеровича, что у всех территорий, не важно, что это: страна, регион, маленький какой-нибудь кусочек региона, у всех территорий свои первоначальные макроэкономические условия, институциональные условия, свои культурные ограничения, религиозные ограничения. И просто взять и повторить? Как мы это будем повторять?» (доктор наук, Новосибирск, 70 лет).

Согласно неолиберальному нарративу, возможность обретения экономического суверенитета упирается в общеэкономические законы: *«Что касается принципа сравнительных издержек, этот принцип работает в мире тысячу лет. Почему? Допустим, такая проблема, как импортозамещение. Импортозамещение — это не производство телевизора Березка вместо телевизора Филипс. Или Лады вместо Мерседеса. Здесь работает принцип сравнительных издержек. Автомобиль должен произвести по уровню, качеству, такой как Мерседес»* (доктор наук, Ростов-на-Дону, 52 года).

Во-вторых, «какой особый путь присущ России?».

«Если говорить про особый путь, то он тоже разный: либертарианский остров Крым и тоталитаризм тоже как особый путь» (кандидат наук, Санкт-Петербург, 70 лет).

«Как будто бы особый путь — он и может быть наиболее в каком-то смысле гибким в плане

¹ Petzinger J. (2020). German and Dutch governments put up billions to save airlines. Yahoo Finance UK. URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/german-and-dutch-governments-put-up-billions-to-save-airlines-092234870.html>

применения, реализации экономической политики с учетом конкретной экономической ситуации» (доктор наук, Москва, 72 года).

«Здесь получается по Льву Николаевичу Толстому, что каждая семья по-своему счастлива, или несчастлива, мы все по-своему счастливы, а все „особые пути“ — одинаковы» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 64 года).

«Значит, что касается конкретно России, а тут все непросто, потому что российская цивилизация, она по своей самой природе периферийная» (доктор наук, Москва, 59 лет).

«Это целостная модель экономики: суды, технологический суверенитет, устойчивые внешне-экономические связи, развитие инфраструктуры, логистические потоки, товарооборот и так далее. То есть вот модель, именно модель устойчивого развития» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

«Экономическая свобода одного ограничена экономической свободой другого. Поэтому вообще понятие там свободы, оно слишком философски сложное. Поэтому совсем не считаю это приоритетным, то есть это может быть на примитивном уровне понимания свободы, это вот тогда анархия и революция. <...> Ну и я бы так сказала, что опять, с учётом роли государства в России в экономике, нам экономические свободы совершенно не свойственны» (доктор наук, Санкт-Петербург, 47 лет).

В-третьих, «экономический суверенитет и его границы».

«Определенные стратегии присутствуют в любом государстве. Во-первых, чтобы общество согласовывало свои интересы, а во-вторых, чтобы был некий общий ориентир, к чему мы стремимся, куда мы идем? И без установления стратегических целей не будет значимого результата, если все развиваются в своем темпе, в разных областях. Поэтому сейчас цели больше связаны со стратегическими задачами в области достижения суверенитета» (кандидат наук, Казань, 41 год).

«Да, мы будем дружить с другими странами, но интересы нашего бизнеса, который сейчас в импортозамещение зашёл — прежде всего! Поэтому если будут возвращаться иностранцы, то их запросы будут удовлетворяться по остаточному принципу. То есть свои активы, которые они раньше продали за копейку, они уже не получают» (доктор наук, Томск, 49 лет).

«Повышение экономического статуса страны в мире, разумная взаимовыгодная кооперация с другими странами, при обеспечении собственной экономической безопасности, устойчивого развития как с политикой ESG» (доктор наук, Нижний Новгород, 58 лет).

«Эта промышленность существует только на бумаге, то есть это не реальная промышленность, а такой постмодерн, когда за вывеской вообще ничего» (кандидат наук, Рязань, 33 года).

«Чтобы всё-таки российская экономика вышла из этого антикризисного состояния и действительно чтобы началось устойчивое развитие, чтобы бюджет наш наконец-то стал из дефицитного профицитным, а не таким дефицитным, как сейчас» (доктор наук, Москва, 72 года).

Основные теоретические нарративы: особый путь как адаптивная стратегия, экономический суверенитет, импортозамещение, центр — периферия.

Тема 4 «Государственное вмешательство ради справедливости»

Тема 4 связана с темой 3 через основную ценность, которую называли респонденты — стремление к справедливости: «Эту мечту в XIX веке озвучили — это справедливость и справедливое общество. Нас больше всего раздражает не степень неравенства богатства или в доходах. Как раз с этим, как ни странно, русские мирятся гораздо спокойнее, чем, например, наши украинские братья или немцы. В первую очередь это неравенство людей перед законом. Понимаете? Неравенство и незащищённость перед насилием различных видов, неравенство положения» (доктор наук, Москва, 60 лет).

«Вы знаете, вот сегодня в нашем государстве основной упор делается на традиционной ценности, на это основной упор делает президент государства. И это верно, это хорошо. И одна из основных традиционных ценностей — это как раз-таки и справедливость. Она нам очень нужна сегодня в нашем государстве, где есть как раз неравноправие» (кандидат наук, Махачкала, 58 лет).

«Социальная справедливость должна лежать в основе экономических решений государства, но не в ущерб экономической эффективности. То есть это сочетание социальной справедливости и борьбы с социальным изживенчеством» (доктор наук, Владивосток, 55 лет).

Респонденты признают необходимость государственного вмешательства в экономику при условии, если оно способствует преодолению провалов рынка и снижению уровня неравенства, однако масштаб такого вмешательства является дискуссионным вопросом.

«Государственное вмешательство в экономику неизбежно. Об этом говорили все, включая Смита, которого считают либералом, но он подчёркивал необходимость государства в борьбе с монополиями, защите страны, развитии образования. Есть теория общественных благ и провалов рынка — рыночная экономика не всегда справляется сама. Вопрос в пределах и структуре вмешательства...» (доктор наук, Москва, 70 лет).

«...Один из принципов вмешательства государства в экономику обусловлен <...> провалами рынка, следствием которых является неравенство. Но далеко заходить в этом плане не стоит. Борьба с неравенством хороша до тех пор, пока она не начнёт препятствовать экономическому росту, развитию предпринимательской инициативы и так далее...» (кандидат наук, Санкт-Петербург, 67 лет).

«Государственное вмешательство в экономику может быть полезным и необходимым в определенных обстоятельствах, но его масштабы и формы должны тщательно регулироваться, чтобы избежать негативных последствий» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 60 лет). Ведь это серьезно ограничивает деятельность предпринимателей: *«Но покажите мне хоть одного предпринимателя, который не верещал от того, что с экономикой делает вот такое государственное вмешательство»* (доктор наук, Москва, 72 года).

«Государственное вмешательство в экономику, с одной стороны, наверно плохо. Смотришь, читаешь новости, думаешь: «Господи, что они делают? Почему так происходит?». А с другой стороны, понимаешь, я же просто „диванный эксперт“ или аналитик. Мы же не видим всей ситуации» (кандидат наук, Краснодар, 35 лет).

Основной теоретический нарратив: борьба с неравенством, справедливость.

«Вот мы сегодня знаем, что в нашей стране очень высокий уровень дифференциации, очень неравномерное развитие регионов, социальная несправедливость, которая имеется в нашем обществе» (доктор наук, Махачкала, 57 лет).

«Экономическое неравенство — это основная проблема и необходимо принимать самые серьезные меры и решать эту проблему» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 48 лет).

Тема 5 «Институты и экономическая политика»

Тема 5 связана с темой 3 «Экономический суверенитет и идентичность» через основной теоретический нарратив, который очень широко распространен в отечественном и зарубежном научном дискурсе — «эффект колеи» или зависимость от предшествующего пути развития (North, 1993; David, 1994; Малкина, 2010; Нуреев, 2010; Аузан, 2015; Заостровцев, 2023; Acemoglu, 2025): *«Вероятно, существует какая-то колея, есть какие-то установки, институциональная традиция, которая диктует нам определенную идеологию, диктует определенные методы исследования»* (кандидат наук, Москва, 34 года); *«Наша страна всегда двигалась по своему пути, и в этом была особенность и сила нашего государства. И в дальнейшем у меня есть видение, что движение по своему пути, как это было всегда, даст возможности еще большего развития. Конечно, мы всегда смотрим на лучшую практику, опыт который есть в других странах, анализируем и оцениваем, насколько он может быть применен в нашем государстве. И мы, конечно, должны учитывать нашу специфику и наши условия»* (кандидат наук, Москва, 38 лет).

Респонденты сходятся во мнении, что институты и их качество важны в ходе реализации экономической политики: *«Чем хуже институты, тем больше ограничений — и тем хуже результат...»* (кандидат наук, Владивосток, 49 лет). Однако любые институциональные изменения оказывают влияние только в долгосрочной перспективе: *«Чтобы институты, которые занимаются демографией, достигли своих целей, у нас должны быть программы на ближайшие 100 лет»* (кандидат наук, Казань, 46 лет).

В то же время респонденты отмечают важность использования рыночных принципов для реализации успешной экономической политики государства: *«...Главный принцип, оставшийся от гайдаровских реформ, — это рыночные принципы. Переход нашей экономики на рыночные рельсы был правильным решением, хотя способ перехода — предмет дискуссии. Это наша карта для дальнейшего движения. Сейчас экономика в тяжелом*

положении, сильно пострадали внешнеэкономические связи. Но она продолжает жить в затрудненных условиях благодаря активности предпринимателей, находящих нетривиальные способы обходить ограничения и развивать новые виды деятельности...» (доктор наук, Москва, 70 лет).

«...Главное — не подорвать рыночные принципы, на которых ещё держатся отдельные отрасли. В некоторых сферах рыночные механизмы пока работают, и их сохранение критически важно...» (доктор наук, Тольятти, 66 лет).

В свою очередь это может быть достигнуто за счет развития рыночной инфраструктуры, которое является критической предпосылкой для реализации предпринимательской инициативы и, как следствие, инновационного развития страны (Вольчик, 2022; Вольчик, 2023).

Основные нарративы: зависимость от исторического пути развития (эффект колеи), рыночные принципы в основе успешной экономической политики.

Систематизация теоретических нарративов об экономической политике и реформах

Согласно нашему подходу к определению идеологий на основе ценностей, мы выделяем пять идеальных типов экономических идеологий: неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм (Вольчик, 2025). При этом на практике существуют комбинации экономических идеологий с «доминированием одной из них» (Вольчик, 2026, с. 22). Это означает, что определенному теоретическому нарративу

может соответствовать как одна, так и несколько идеальных типов экономических идеологий.

Кроме того, к одному теоретическому нарративу могут обращаться несколько различных идеальных типов экономических идеологий, однако тональность этого нарратива у разных идеологий может сильно отличаться. О кризисе экономической науки применительно к экономической политике говорили представители всех идеологий, однако если в рамках неолиберальной идеологии этот кризис вызван отходом от мейнстрима при принятии экономических решений, то представители других направлений видят проблему в самом неоклассическом подходе. С их точки зрения, апелляции к научной обоснованности неолиберализма выглядят несостоятельными, что порождает альтернативные подходы к экономической политике. В частности, идеологию мейнстрима характеризует С.Ю. Глазьев: «Мейнстрим экономической мысли уже многие десятилетия служит идеологической основой пропагандистского инструментария защиты интересов капиталистов от ограничений их деятельности по максимизации прибыли государством» (Глазьев, 2016, с. 12).

Основные теоретические нарративы, связанные с идеологией неолиберализма, присутствующие данной теме, хорошо изучены и находят отражение в научной литературе, зачастую апеллируя к международному опыту (Shleifer, Treisman, 2005). Например, в программной

Таблица 2. Соотнесение теоретических нарративов с идеальными типами экономических идеологий

Теоретический нарратив			Идеальный тип экономической идеологии
Кризис экономической науки			Неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм
	Только неолиберальный подход научно обоснован		Неолиберализм
		Мнимая идеологическая нейтральность неолиберализма	Социализм, дирижизм, особый путь и экологизм
	Особый путь как адаптивная стратегия		Особый путь, дирижизм, социализм
		Экономический суверенитет	Особый путь, дирижизм
		Импортозамещение	Особый путь, дирижизм
		Справедливость	Социализм
		Борьба с неравенством	Социализм, дирижизм
		Центр – периферия	Социализм, дирижизм
		Эффект колеи	Неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм
		Рыночные принципы для экономической политики	Неолиберализм
Источник: составлено авторами.			

статье Е. Ясина присутствуют такие теоретические нарративы, как ограничение государственного сектора, развитие предпринимательства и борьба с инфляцией (Ясин, 2002). Этот нарратив связан с убеждениями о научно обоснованных реформах, базирующихся на достижениях передовой экономической науки и мировом опыте успешных преобразований. Подробно о существующих подходах к критике данной позиции и многообразии неолиберализмов см. (Капелюшников, 2022; Вольчик и др., 2024).

Альтернативой выступает «большой» теоретический нарратив об особом пути, который включает в себя остальные экономические идеологии, в зависимости от того, куда этот особый путь должен привести. Нарратив особого пути рассматривается как адаптивная стратегия и настаивает на необходимости конструктивных изменений, учитывающих отечественную специфику, а не является чем-то связанным с изоляционизмом или автаркией. Если мы признаем важность особого пути, то соответственно учитываем как значимые концепты национальной идентичности, национальных интересов, культуры, патриотизма, специфических политических институтов для обеспечения поступательного экономического развития (Вольчик, 2026, с. 30). Упор на необходимость экономического суверенитета и импортозамещения свойственен подходу дирижизма. А вопросы справедливости и борьбы с неравенством — идеологии социализма.

Справедливость в рамках социалистического нарратива является краеугольным камнем в экономической деятельности, которая в рамках соответствующей системы должна способствовать «инновациям, обеспечивающим человеческое развитие» (Бузгалин, 2013, с. 136). Кроме того, «подлинная социальная справедливость» рассматривается в рамках данного направления как конечная цель трансформации общества (Елисеев, 2024, с. 32).

Нарратив экономического суверенитета является фундаментом при реализации особого пути экономического развития страны и ее дальнейшей модернизации. Особенно важно учитывать фактор суверенитета в долгосрочном периоде, так как «эффективность управления внутренними процессами в стране напрямую зависит от свободы правительства в принятии соответствующих решений. Внешнее влияние

со стороны других государств может ограничить многие варианты эффективной внутренней политики» (Балацкий, 2025b, с. 61). Отдельно следует отметить более прикладной нарратив — импортозамещение, который построен вокруг измеримых показателей, укладывающихся в логику идеологии дирижизма (см., например, Попова, Сергеева, 2022).

Нарратив борьбы с неравенством выходит за рамки идеологии социализма, становясь частью идеологии дирижизма. В таком случае дифференциация доходов выступает как препятствие, разрушающее стимулы к эффективному труду, а значит снижающее эффективность всей экономической системы (см., например, Вахтина, 2015).

Нарратив «центр — периферия» респонденты рассматривают в двух контекстах: чтобы подчеркнуть дифференциацию регионов российской экономической системы (см., например, Попов, 2023; Макушин и др., 2023) — в таком случае нарратив становится элементом идеологии дирижизма; либо периферийный характер российского капитализма — тогда нарратив обращается к смеси идеологии социализма и мир-системного анализа (см., например, Гловели, 2018).

Для объяснения возникновения особого пути может применяться концепция «эффекта колеи». При этом оказалось, что эффект колеи может использоваться представителями всех идеологий. Например, в исследовании Р. Нуреева и А. Рунова обосновывается, что проблемы России при переходе к рыночной экономике были в «значительной мере» обусловлены эффектом колеи, который «восходит к традициям восточного деспотизма» (Нуреев, Рунов, 2002, с. 27).

Систематизация теоретических нарративов по шкале «деструктивность — нейтральность — конструктивность»

Вторым направлением систематизации теоретических нарративов стала их оценка на предмет того, способствуют ли они проведению экономической политики и реформ в России. Для этого нарративы были систематизированы по трихотомической шкале от негативно воздействующих на реформы и экономическую политику до нейтральных, соответственно, формирующих конструктивную повестку и способствующих изменениям.

Наиболее противоречивый нарратив о «кризисе экономической науки» сам по себе является одним из самых деструктивных с точки зрения экономической политики, так как во многом уводит от рассмотрения самой экономической политики и проведения реформ, заставляя сосредоточиться на вопросах, представляющих интерес только для академического экономического сообщества.

Производный от него нарратив «только неолиберальный подход научно обоснован» также носит деструктивный характер. Сторонники данного подхода зачастую сосредоточены на критике или отрицании проводимой политики, а противники через нарратив о «мнимой идеологической нейтральности» тратят значимые усилия на попытку развенчания этого нарратива.

Среди конструктивных нарративов стоит выделить «особый путь как адаптивная стратегия» и «рыночные принципы для экономической политики». При их взаимном отрицании именно эти два нарратива целиком сосредоточены на проведении экономических реформ и определении принципов экономической политики. Кроме того, они по-разному отвечают на вопросы о границах экономического суверенитета и обоснованности импортозамещения.

Отдельно следует выделить нарративы «справедливости» и «борьбы с неравенством». Они носят скорее нейтральный характер, так как при всей их риторической убедительности респон-

денты не смогли описать, как они отражаются в экономической политике. Скорее они остаются на уровне декларируемых принципов, чем находят практическое применение. Также к нейтральным нарративам стоит отнести теоретические нарративы «центр – периферия» и «эффект колеи», которые выступают как одно из объяснений успеха или неудачи проводимых реформ. Однако, когда на основе анализа предшествующего пути развития разрабатывается программа реформ, учитывающая неудачный опыт, то теоретический нарратив об «эффекте колеи» становится конструктивным нарративом.

Заключение

Анализ теоретических нарративов о реформах и экономической политике является важной и нетривиальной научной проблемой. С одной стороны, это обусловлено перманентными экономическими реформами в современной России. С другой стороны, теоретические нарративы могут служить оправданием соответствующих реформ как в академическом сообществе, так и в общественном дискурсе. Проведенный в рамках исследования тематический анализ данных о реформах и разработке экономической политики, полученных в ходе 35 глубинных интервью и трех фокус-групп позволил:

— во-первых, выявить пять тем о восприятии учеными-экономистами экономической политики и реформ в России (кризис российской экономической науки и самоопределения

Таблица 3. Систематизация теоретических нарративов по шкале «деструктивность – нейтральность – конструктивность»

Теоретический нарратив			Тип по отношению к экономической политике и реформам
Кризис экономической науки			Деструктивный
	Только неолиберальный подход научно обоснован		Деструктивный
		Мнимая идеологическая нейтральность неолиберализма	Деструктивный
	Особый путь как адаптивная стратегия		Конструктивный
		Экономический суверенитет	Конструктивный
		Импортозамещение	Конструктивный
		Справедливость	Нейтральный
		Борьба с неравенством	Нейтральный
		Центр – периферия	Нейтральный
		Эффект колеи	Нейтральный
		Рыночные принципы для экономической политики	Конструктивный
Источник: составлено авторами.			

российских экономистов; «научный неолиберализм» или мнимая «идеологическая нейтральность» в экономической политике; экономический суверенитет и идентичность; государственное вмешательство ради справедливости; институты и экономическая политика);

— во-вторых, определить одиннадцать теоретических нарративов, соответствующих каждой выявленной теме (кризис экономической науки; мнимая идеологическая нейтральность неолиберализма; особый путь как адаптивная стратегия; экономический суверенитет; импортозамещение; справедливость; борьба с неравенством; центр — периферия; эффект колеи; рыночные принципы для экономической политики);

— в-третьих, систематизировать теоретические нарративы и связать их с соответствующими пятью идеальными типами экономических идеологий.

Авторами было выявлено присутствие каждого из теоретических нарративов в научной литературе. Показано, что теоретическому нарративу может соответствовать не одна,

а несколько идеальных типов экономических идеологий. Кроме того, осуществлена систематизация теоретических нарративов по отношению к проведению реформ и экономической политики в России от деструктивных до нейтральных и конструктивных.

На основе проведенного анализа авторы предлагают рассматривать принимаемые управленческие решения при реализации экономической политики в контексте конструктивной повестки. Конструктивная идеологическая повестка базируется на явном признании необходимости использования прагматичного и адаптивного подхода при выработке стратегий реформ, который позволяет использовать релевантные современным вызовам конструктивные теоретические нарративы, обозначенные в статье. В связи с этим эволюционное формирование конструктивной идеологии экономических реформ может основываться на прагматической адаптации современных достижений науки к решению актуальных задач с учетом исторических особенностей развития, культуры и существующих институтов.

Литература

- Агацци Э. (2017). Научная объективность и ее контексты. Москва: Прогресс-Традиция.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2021). Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы. Москва: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: АСТ.
- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. С. 3—17.
- Балацкий Е.В. (2025a). Китайская модель геополитического успеха: рецензия на книгу: Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Москва: Fortis Press // Мир России. Социология. Этнология. № 34 (3). С. 167—185.
- Балацкий Е.В. (2025b). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 46—65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2
- Бузгалин А.В. (2013). Справедливость как предпосылка свободы и эффективности: обновление социального проекта возможно? // Социологические исследования. № 3. С. 135—145.
- Ваньке А., Полухина Е., Стрельникова А. (2025). Как собрать данные в полевом качественном исследовании. Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики.
- Вахтина М.А. (2015). Нарушение социальной справедливости в российской экономике: причины и следствия // Карельский научный журнал. № 2 (11). С. 66—69.
- Вольчик В.В. (2026). Российская мечта и экономические идеологии // Journal of Institutional Studies. Т. 18. № 2. С. 20—39. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.020-039
- Вольчик В.В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики // Journal of Economic Regulation. Т. 13. № 2. С. 6—21. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021

- Вольчик В.В. (2023). Идеи, символы и нарративы для экономического развития России // *Russian Journal of Economics and Law*. Т. 17. № 1. С. 5–22. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.5-22
- Вольчик В.В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке // *Journal of Institutional Studies*. Т. 17. № 2. С. 133–145. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145
- Вольчик В.В., Кот В.В. (2025). Реформы: фактор идеологии в свете российских научных публикаций // *Вопросы теоретической экономики*. Т. 29. № 4. С. 20–35. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35
- Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А. (2024). Политика нового менеджмента в государственном секторе как продолжение идеологии неолиберализма // *Управленец*. Т. 15. № 6. С. 2–16. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-6-1
- Глазьев С.Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке // *Государственное управление. Электронный вестник*. № 56. С. 5–39.
- Гловели Г.Д. (2018). Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ // *Вопросы политической экономии*. № 2. С. 86–111.
- Елисеев В.Н. (2024). Основной вопрос политической экономии как составной части марксизма в его системной логически завершенной целостности // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 1. С. 6–43. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.1.006-043
- Заостровцев А.П. (2023). Эффект колеи, культура и критические моменты в институциональной истории // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21
- Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперед идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 18. № 4. С. 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.1
- Капелюшников Р. (2022). Приключения «неолиберализма» // *Философско-литературный журнал «Логос»*. Т. 32. № 4. С. 1–50. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-4-1-49 EDN: ILFPPA
- Квале С. (2003). Исследовательское интервью. Москва: Смысл.
- Кейнс Дж. М. (2007). Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Эксмо.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Макушин М.А., Демидова К.В., Горячко М.Д. (2023). Индустриальное пространство российских регионов в системе «центр – периферия» // *Известия Русского географического общества*. Т. 155. № 1. С. 30–42. DOI: 10.31857/S0869607123010068
- Малкина М.Ю. (2010). Эффект колеи в историческом развитии // *Journal of Institutional Studies*. Т. 2. № 2. С. 148–156.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р.М. (2010). Россия после кризиса: эффект колеи // *Journal of institutional studies*. Т. 2. № 2. С. 7–26.
- Нуреев Р., Рунов А. (2002). Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики*. № 6. С. 10–31.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65.
- Полтерович В.М. (2022). Экономическая теория и формирование человеческих качеств // *AlterEconomics*. Т. 19. № 2. С. 201–211. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.1
- Полтерович В.М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 6–16. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16
- Попов А.В. (2023). Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр – периферия» в модельном регионе России // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 19. № 4. С. 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528
- Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Изд-во «Fortis Press».

- Попова И.Н., Сергеева Т.Л. (2022). Импортзамещение в современной России: проблемы и перспективы // *Beneficium*. № 2 (43). С. 73–84. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2022.2(43).73-84
- Тамбовцев В.Л. (2026). Экономическая идеология «особого пути»: к причине разнообразия трактовок // *Journal of Institutional Studies*. Т. 18. № 2. С. 6–19. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.006-019
- Турчин П.В. (2024). *Конец времен* Москва: Издательство АСТ.
- Чжан Ю. (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость. Москва: Шанс.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология // *Философия экономики. Антология* / под. Ред. Д. Хаусмана. Москва: Изд-во Института Гайдара. С. 247–264.
- Ясин Е. (2002). Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // *Вопросы экономики*. № 11. С. 4–30.
- Acemoglu D. (2025). Nobel lecture: Institutions, technology, and prosperity. *American Economic Review*, 115(6), 1709–1748. DOI: 10.1257/aer.115.6.1709
- Aghion P., Alesina A., Trebbi F. (2007). *Democracy, Technology, and Growth*. DOI: 10.3386/W13180
- Ahmed S.K., Mohammed R.A., Nashwan A.J. et al. (2025). Using thematic analysis in qualitative research. *Journal of Medicine, Surgery, and Public Health*, 6, 100198. DOI: 10.1016/j.glmedi.2025.100198
- Brain V., Clarke V. (2022). *Thematic Analysis. A Practical Guide*. Sage.
- Chaiechi T., Eijdenberg E.L. (2022). Entrepreneurship, knowledge-economy and economic success of cities: A scoping review and thematic analysis. *Community Empowerment, Sustainable Cities, and Transformative Economies*, 73–94. DOI: 10.1007/978-981-16-5260-8_6
- Cyr J. (2024). Focus groups. In: *Doing Good Qualitative Research*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780197633137.003.0019
- David P.A. (1994). Why are institutions the ‘carriers of history’?: Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions. *Structural Change and Economic Dynamics*, 5(2), 205–220.
- Drápal J., Westermann H., Savelka J. (2023). Using large language models to support thematic analysis in empirical legal studies. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*, 379, 197–206. DOI: 10.3233/FAIA230965
- Fife S.T., Gossner J.D. (2024). Deductive qualitative analysis: Evaluating, expanding, and refining theory. *International Journal of Qualitative Methods*, 23, 1–12. DOI: 10.1177/16094069241244856
- Heckathorn D.D., Cameron C.J. (2017). Network sampling: From snowball and multiplicity to respondent-driven sampling. *Annual Review of Sociology*, 43, 101–119. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053556
- Joffe H. (2011). Thematic analysis. In: *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners*. DOI: 10.1002/9781119973249.ch15
- Kamberelis G., Dimitriadis G. (2013). *From Structured Interviews to Collective Conversations*. New York: Routledge New York.
- Kiger M.E., Varpio L. (2020). Thematic analysis of qualitative data: AMEE Guide No. 131. *Medical Teacher*, 42(8), 846–854. DOI: 10.1080/0142159x.2020.1755030
- Kutsyuruba B. (2023). Document analysis. In: *Varieties of Qualitative Research Methods: Selected Contextual Perspectives*. Cham: Springer International Publishing.
- Legard R., Keegan J., Ward K. (2003). In-depth interviews. In: Ritchie J., Lewis J. (Eds). *Qualitative Research Practice*. Sage Publications.
- Lochmiller C.R. (2021). Conducting thematic analysis with qualitative data. *The Qualitative Report*, 26(6), 2029–2044. DOI: 10.46743/2160-3715/2021.5008
- Mahmood A., Naveed R.T., Ahmad N. et al. (2021). Unleashing the barriers to CSR implementation in the SME sector of a developing economy: A thematic analysis approach. *Sustainability*, 13(22), 12710. DOI: 10.3390/su132212710
- McCloskey D.N. (2006). *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. University of Chicago Press. DOI: 10.7208/hicago/9780226556673.001.0001
- North D.C. (1991). Institutions, ideology, and economic performance. *Cato J.*, 11, 477–488.
- North D.C. (1993). The new institutional economics and development. *Economic History*, 9309002, 1–8.
- Resmini F., Rojas D. (2025). Government ideology and support for redistribution among the wealthy. *Political Science Research and Methods*, 1–17. DOI: 10.1017/PSRM.2025.10029

- Riggs D.W., Bartholomaeus C., Due C. (2016). Public and private families: A comparative thematic analysis of the intersections of social norms and scrutiny. *Health Sociology Review*, 25(1), 1–17. DOI: 10.1080/14461242.2015.1135071
- Samuels W.J. (1992). Ideology in economics. In: *Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-1-349-12371-1_12
- Shleifer A., Treisman D. (2005). A normal country: Russia after communism. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 151–174. DOI: 10.1257/0895330053147949
- Slobodian Q. (2025). *Hayek's Bastards: The Neoliberal Roots of the Populist Right*. Random House.
- Strang K.D., Che F., Vajjhala N.R. (2022). Thematic analysis of agricultural government policy and operational problems. *Agricultural Research*, 11(3), 549–556. DOI: 10.1007/s40003-021-00588-2
- Stueber K.R. (2019). The ubiquity of understanding: Dimensions of understanding in the social and natural sciences. *Philosophy of the Social Sciences*, 49(4), 265–281. DOI: 10.1177/0048393119847103
- Watters J.K., Biernacki P. (1989). Targeted sampling: Options for the study of hidden populations. *Social Problems*, 36(4), 416–430. DOI: 10.2307/800824
- Weber I.M. (2021). *How China Escaped Shock Therapy: The Market Reform Debate*. Routledge. DOI: 10.4324/9780429490125
- White H. (1981). The value of narrativity in the representation of reality. In: Mitchell W.J.T. (Ed.). *On Narrative*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wu Z. (2025). *The Theory of Chinese Modernization*. Singapore: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-981-97-8066-2
- Zhang X. (2023). Is China Socialist? Theorising the political economy of China. *Journal of Contemporary Asia*, 53(5), 810–827. DOI: 10.1080/00472336.2023.2235757

Сведения об авторах

Вячеслав Витальевич Вольчик — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Артём Ильич Маскаев — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: maskaev@sfedu.ru)

Сергей Сергеевич Цыганков — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: sscygankov@sfedu.ru)

Volchik V.V., Maskaev A.I., Tsygankov S.S.

Economic Reforms in the Context of Dominant Ideologies

Abstract. Russia's post-Soviet development has been marked by recurring economic reforms of varying scale and nature. Economic policy is often grounded in ideological justifications conveyed through theoretical narratives that explain its direction. Drawing on transcripts of 35 in-depth interviews and three focus groups with Russian academic economists, we use thematic and narrative analysis to identify five key themes and the theoretical narratives they contain: the crisis of Russian economics and economists' self-identification; "scientific neoliberalism" or the supposed "ideological neutrality" of economic policy; economic sovereignty and identity; state intervention in the name of justice; and institutions and economic policy. We then systematize these narratives against previously identified ideal types of economic ideology, showing that each appears in the scholarly literature and that a single narrative may align with several ideal types. Finally, we classify the narratives on a trichotomous scale — destructiveness, neutrality, constructiveness — with respect to economic policy and reforms in Russia. We argue that a

constructive ideology of economic reform should emerge evolutionarily through the pragmatic adaptation of contemporary science to current challenges, taking into account historical development, culture, and existing institutions. The findings will be of interest to researchers studying ideology in economics and to those involved in designing reforms and implementing economic policy.

Key words: economic ideologies, thematic analysis, theoretical narrative, economic policy, reforms.

Information about the Authors

Vyacheslav V. Volchik – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@sfedu.ru)

Artem I. Maskaev – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: maskaev@sfedu.ru)

Sergey S. Tsygankov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: sscyankov@sfedu.ru)

Статья поступила 16.07.2026.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.2

УДК 338.012, 338.12.015, 338.12.017, 338.36, 338.242, 330.44, ББК У053.5, У050.15, У054

© Узякова Е.С., Узяков Р.М.

Структурно-технологические изменения в российской экономике после 2014 года

Елена Сергеевна

УЗЯКОВА

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: mironova_helen@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3773-9725; ResearcherID: T-2048-2017

Рафаэль Маратович

УЗЯКОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: rafael.uzyakov@gmail.ru

ORCID: 0000-0002-2001-7227

Аннотация. Вызовы современного экономического развития актуализируют проблему, связанную с повышением качества роста экономики и ее эффективности. Переформатирование взаимоотношений с внешним миром стало причиной начала достаточно динамичных изменений в содержании основных макроэкономических и межотраслевых взаимодействий в российской экономике. Предметом исследования являлись структурно-технологические изменения в отраслях экономики в совокупности с изменениями отраслевой производительности труда. Исходные данные — статистика Росстата, обновленные ряды межотраслевых балансов, разработанные в Институте народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук за 2011–2024 гг. На основе анализа межотраслевой статистики с применением методов и моделей математиче-

---

Для цитирования: Узякова Е.С., Узяков Р.М. (2026). Структурно-технологические изменения в российской экономике после 2014 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 29–46. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.2

For citation: Uzyakova E.S., Uzyakov R.M. (2026). Structural and technological changes in the Russian economy since 2014. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 29–46. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.2

ского анализа и межотраслевого моделирования было доказано, что структурно-технологические характеристики российской экономики претерпели существенные изменения после 2014 года. Ограничение доступа к внешним рынкам стало серьезным испытанием, однако именно эта жесткая ограничительная политика стран Запада помогла российской экономике продемонстрировать гибкость и переориентировать работу значительной части отраслей реального сектора на внутренний рынок как с точки зрения производимой продукции, так и наращивания инвестиций. Повышение качества роста экономики в этот период характеризовалось ускорением динамики продуктивности использования первичных ресурсов и производительности труда в отдельных видах экономической деятельности. Однако значимые изменения технологического уровня производства в некоторых ключевых секторах экономики, отвечающих за безопасность и технологический суверенитет (таких, например, как производство лекарственных средств, машиностроение и производство компьютерного оборудования), стали результатом роста импорта, а не импортозамещения. Важным содержательным выводом из проведенного исследования является тот факт, что зависимость российской экономики от импорта товаров и оборудования продолжает оставаться высокой. Моделирование экономического роста, основанного на обновленных структурно-технологических взаимодействиях в отраслях российской экономики, может послужить предметом дальнейших исследований.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, продуктивность по первичным ресурсам, производительность труда, структурно-технологический мультипликатор, структурные сдвиги, качество экономического роста, импортозамещение.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта в форме субсидий из федерального бюджета на осуществление государственной поддержки программ развития научных центров мирового уровня, выполняющих исследования и разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение между Минобрнауки России и ИНП РАН от 18 мая 2026 г. № 075-15-2026-344).

Введение

Новые геополитические условия постепенно создают новый образ российской экономики. Вопреки внешнему санкционному давлению в России формируются предпосылки для ускорения экономического роста, создания новых технологических ниш и импортозамещающих производств. Это означает, что разработка мер, направленных на достижение технологической независимости, на практике становится одной из наиболее важных задач экономического развития.

Вызовы современного экономического развития, включая санкционное и геополитическое давление, ограничения по основным производственным ресурсам, постепенно выводят на первый план проблему повышения качества и эффективности роста экономики. Если с точки зрения трудовых ресурсов эффективность использования труда отражается в его производительности, то технологический уровень производства — в эффективности использования

капитала. Эти показатели взаимосвязаны, неслучайно во многих исследованиях уровень и динамика технологического развития ассоциируются с уровнем и динамикой производительности труда (Маркс, 1951). В современных условиях с учетом первичных и вторичных санкций импортозамещение технологий, даже на основе прямых заимствований, достаточно дорогой и длительный процесс, требующий не только значимых инвестиционных вложений, но и затрат квалифицированного труда. Зачастую предприниматели предпочитают «переждать» плохие времена в надежде при возможности вернуться к закупкам импортного оборудования. У большинства предприятий и отраслей экономики по-прежнему нет долгосрочных программ и стратегий развития, деятельность предприятий зачастую строится исходя из краткосрочных интересов (Капелюшников, Лукьянова, 2010), в то время как экономия на технологических разработках в

краткосрочном периоде может стать значимым препятствием к достижению целей и приоритетов стратегического развития страны в долгосрочной перспективе.

Динамика экономического роста в существенной степени зависит от уровня и скорости научно-технологического развития. Однако, с другой стороны, фронтальное повышение технологического уровня производства могут гарантировать только достаточно высокие темпы экономического роста¹.

Для количественной оценки уровня и скорости технологических изменений используют различные индикаторы технологических инноваций, например затраты на НИОКР, долю нового оборудования, число патентов (Капелюшников, 2017), оценки фондо- и материалоотдачи, трудоемкости и ресурсоемкости экономики (Суворов, Давидкова, 2005; Suvorov, 2008), а также различные комбинации соотношений величины выпуска и инвестиций в основной капитал (Almon, 2002; Ерошкин, Комков, 2006). Технический прогресс зачастую ассоциируется с темпом роста производительности труда или снижением трудоемкости, означающим увеличение влияния технического прогресса на процесс производства (Baldwin, 1995; Imagava, 2008).

Сгруппируем некоторые существующие методы и модели измерения технологического уровня производства и его влияния на экономическую динамику.

1. Методы и модели производственных функций (Капелюшников, 2017; Suvorov, 2008; Суворов и др., 2015; Мамонов и др., 2015; Solow, 1956; Solow, 1957; Bergeaud et al., 2017).

Оценкой технологического прогресса в моделях, основанных на производственных функциях, является показатель совокупной факторной производительности (СФП) (Мамонов и др., 2015; Solow, 1956; Solow, 1957; Bergeaud et al., 2017). За период 1909–1949 гг. оценки динамики технологических приращений в экономике США, рассчитанные с использованием подхода (Solow, 1957), составляли 1,5%. Причем среднегодовые темпы прироста СФП возрастали до 2,5% (за период с 1890 года) с учетом дополнительных факторов — среднего уровня

образования занятых и среднего возраста оборудования (Капелюшников, 2017; Bergeaud et al., 2017). При этом наибольшие темпы (2,5%) приходились на период 1913–1950 гг., включающий десятилетие Великой депрессии, а наименьшие (0,6%) — на период 2005–2015 гг. Полученные аналогичным образом среднегодовые темпы прироста СФП для Великобритании не превышали 1,8% за период с 1890 года, для Японии — не более 4,4% за тот же период, при чем наименьшие темпы прироста были характерны для 2005–2015 гг. — около 0,4% (Капелюшников, 2017; Bergeaud et al., 2017).

2. Методы межотраслевого моделирования (Левицкий и др., 1975; Саяпова, 2016; Оно, 2008).

Выделение компоненты технического прогресса производится в данном случае с использованием матрицы коэффициентов прямых затрат (матрицы технологических коэффициентов). В отдельных исследованиях (Левицкий и др., 1975; Саяпова, 2016) показаны незначительные изменения технологических коэффициентов и соответствующее их влияние на экономический рост. К примеру, в работе (Саяпова, 2016) приводится оценка технологического вклада в динамику выпусков экономики России — около 5% (по национальному МОБ). При этом отставание технологического уровня производства России, например, от Японии, где на технологические изменения приходится около 16% прироста выпуска, составляет не менее 15 лет. В Японии имеется свой опыт моделирования коэффициентов прямых затрат. Оценка прогнозного вклада технологического прогресса в экономический рост Японии при постоянных коэффициентах прямых затрат составляла от 9% на периоде 2006–2020 гг., а при динамических (заданных экспертно) — 20% (Оно, 2008).

3. Модели согласования методов производственных функций и инструментария МОБ (Суворов, Давидкова, 2005; Суворов и др., 2015).

При оценке темпов роста технического прогресса в экономике России на основе двух разных способов (методом ПФ и с использованием отраслевых показателей материалоемкости)

¹ Узякова Е.С., Узяков Р.М. (2018). Анализ влияния научно-технического развития на экономический рост с использованием инструментария межотраслевого баланса // Проблемы прогнозирования. № 6 (171). С. 82–92.

были получены разные результаты: среднегодовой рост технологического прогресса, оцененный на основе аппарата ПФ за 23 года прогнозного периода, составил 3,3%, тогда как рост технологического прогресса, оцененный с использованием темпов изменения отраслевых показателей текущей материалоемкости, составил 2,1% в год. При этом прогнозируемый рост экономики на 81 и 74% соответственно обеспечивался технологическим фактором (Суворов и др., 2015).

Как следует из проведенного анализа оценки научно-технического прогресса (НТП), довольно существенно различаются значительный разброс наблюдается и в оценках воздействия НТП на экономический рост. В связи с этим воспользуемся конструкцией (Uzyakov, 2011), где были предложены оценки НТП на основе показателей продуктивности использования первичных ресурсов². Его динамика в экономике России оценивается в 2,3% в среднегодовом выражении на периоде 1990–2009 гг. (Uzyakov, 2011). В нашей работе³ отмечалось, что отрасли изначально имеют существенно разные возможности для наращивания технологического уровня производства. Есть отрасли с устоявшимися, капиталоемкими технологиями и консервативной структурой выпуска, например нефтепереработка или металлургия, они не могут рассчитывать на быстрое повышение технического уровня производства и соответственно на высокий вклад НТП в рост выпуска. В то же время сельское хозяйство и строительство за счет внутриотраслевых и территориальных сдвигов, а также новых технологий могут обеспечивать более быстрое изменение технического уровня производства. Результаты нашей работы показывают, что наиболее значимыми в отношении вклада технического

прогресса в экономический рост являются такие виды деятельности, как связь и телекоммуникации, строительство, сельское хозяйство, производство машин и оборудования, характеризующиеся более быстрым ростом продуктивности по первичным ресурсам.

Необходимость поиска новых источников роста актуализирует исследования структурных взаимодействий в экономике (Широв, 2022), все более востребованной становится оценка структурных ограничений экономического роста. Несмотря на то, что структурные изменения не рассматриваются как самостоятельный фактор, в отдельных исследованиях делается вывод, что они могут быть как следствием, так и причиной роста экономики⁴. Именно на фоне выраженных структурных изменений происходил быстрый (на уровне 4,5% на душу населения в год) и стабильный (не менее 30 лет) рост экономик разных стран (Rodrik, 2013). Основным драйвером экономической трансформации 1991–2008 гг. были как раз структурные сдвиги. Некоторые исследователи связывают со структурными сдвигами и изменением межотраслевых связей экономическую динамику в последние 25 лет⁵. Кроме того, сдвигами в структуре производства во многом объясняется основная часть снижения материалоемкости для развитых экономик, когда влияние изменений в среднем уровне технологий замедляется (Uzyakov, 2011). Экономическая структура оказывает значимое влияние и на инфляцию, а политика ее таргетирования, напротив, сдерживает экономический рост и фиксирует структуру экономики (Сухарев, Ворончихина, 2025).

Согласно исследованиям (Глазьев, Сухарев, 2024; Мальцев, Чичилимов, 2024), российская экономика имеет значительный потенциал роста, необходимым условием которого выступа-

² Величина, обратная материалоемкости по первичным ресурсам (Uzyakov, 2011). В состав первичных ресурсов входит продукция следующих видов деятельности: 1) сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, 2) рыболовство, рыбоводство, 3) добыча полезных ископаемых, 4) обработка древесины и производство изделий из дерева, 5) производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, 6) химическое производство, 7) производство прочих неметаллических минеральных продуктов, 8) металлургическое производство, 9) производство электроэнергии, газа и воды.

³ Узякова Е.С., Узяков Р.М. (2018). Анализ влияния научно-технического развития на экономический рост с использованием инструментария межотраслевого баланса // Проблемы прогнозирования. № 6 (171). С. 82–92.

⁴ Сухарев О.С. (2020). Структурная и технологическая динамика российской экономики: доклад. Москва: Институт экономики РАН. 53 с.; Симачев Ю., Акиндинова Н. и др. (2018). Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: аналитический доклад / НИУ ВШЭ. 252 с.

⁵ Трансформация структуры экономики: механизмы и управление (2018) / под науч. ред. А.А. Широ́ва. Москва: МАКС Пресс. 264 с.

ет изменение ее структуры, причем не только отраслевой, но и технологической. Новая модель роста должна быть основана на увеличении инвестиций в основной капитал, развитии внутреннего рынка и поддержке совокупного спроса, импортозамещении. Однако другие исследователи с закрытием экономики связывают негативные тенденции для экономического развития, а импортозамещение, которое в настоящих условиях носит вынужденный характер, предлагают сбалансировать поиском новых партнеров для возобновления импортных поставок из стран, не присоединившихся к санкциям⁶. Ключевая опасность для геоэкономического суверенитета страны заключается в «низкой доле машин и оборудования, необходимых для поддержания промышленно-технологической трансформации, в товарном импорте РФ» (Мальцев, Чичилимов, 2024, с. 114).

Переход к устойчивому росту экономики невозможен без активной промышленной политики государства, а предпосылкой долгосрочности такого роста являются инвестиции в человеческий капитал. Многими исследователями структурных и технологических факторов экономического роста подчеркивается, что сбалансированный экономический рост формируется за счет не только совершенствования технологий, но и особой значимости человеческого капитала (Воскобойников, 2023; Мальцев, Чичилимов, 2024). При этом системные меры трансформации экономики и ее структурной модернизации должны быть направлены на повышение уровня общественного благосостояния (Глазьев, Сухарев, 2024).

Исследования влияния структурных и технологических факторов, к примеру, на рост производительности труда (Узякова, 2026) показывают, что со временем влияние структурных факторов возрастает, а технологических, напротив, снижается: если в 2016 году около 70% роста производительности труда можно было объяснить технологическими изменени-

ями, то в 2026 году их влияние сократилось до 30%, тогда как влияние структурных сдвигов возросло с 10% в 2016 году до 37% в 2026 году. Вклад качественной компоненты в формирование динамики ВВП в 2013–2024 гг. не превышал 10%⁷.

Мы предполагаем, что структурно-технологические взаимодействия в российской экономике претерпели существенные изменения после 2014 года. К наиболее интенсивным сдвигам привели изменения во взаимоотношениях с внешним миром, прежде всего с коллективным Западом. Цель работы мы определили как исследование изменений структурно-технологических характеристик российской экономики во взаимосвязи с отраслевой динамикой производительности труда; выявление отраслей экономики с наибольшим и наименьшим потенциалом роста для обеспечения целей долгосрочного развития экономики в новых геоэкономических условиях и в контексте задач укрепления суверенитета РФ. Исходя из поставленной цели, задачи исследования состояли в анализе изменений структурно-технологических характеристик российской экономики в совокупности с отраслевой динамикой производительности труда как одним из показателей качества роста экономики; определении отраслей экономики с наибольшим и наименьшим потенциалом роста производства и технологических приращений; выявлении ограничений роста для отраслей, значимых с точки зрения безопасности и технологического суверенитета. Потенциал роста производства в данном случае рассматривается нами как возможность для ускоренного повышения выпуска, обусловленная значимыми технологическими приращениями, традиционно соотносящимися с ростом качества и эффективности производства. Предметом исследования являлись структурно-технологические изменения в отраслях экономики в совокупности с изменениями отраслевой производительности труда.

⁶ Акиндинова Н.В., Авдеева Д.А., Бессонов В.А. [и др.] (2023). Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2023 г. / под ред. Н.В. Акиндиновой; НИУ «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 63 с. С. 5.

⁷ Согласно материалам: Широков А.А. (2025). Качество роста в современной российской экономике // Конференция по макроэкономическому и макроструктурному анализу и прогнозированию, посвященная 90-летию академиков В.В. Ивантера и Ю.В. Яременко. 20–21 ноября 2025 г. URL: <https://ecfor.ru/publication/kachestvo-rosta-rossijskoj-ekonomiki/>

Данные и методы

Межотраслевой баланс содержит наиболее полную информацию не только об уровне и динамике коэффициентов прямых затрат, которые традиционно ассоциируются с показателем НТП, но и о межотраслевых взаимодействиях в экономике. С использованием межотраслевого инструментария представляется возможным оценить влияние структурных и технологических изменений на экономический рост, то есть сформировать структурно-технологический образ российской экономики как комплекс взаимодействий производственных характеристик, таких как отраслевой валовой выпуск, элементы конечного спроса, затраты первичных ресурсов, с показателями, соотносящимися с качеством роста экономики, такими, к примеру, как производительность труда. В связи с этим межотраслевые разработки приобретают все большую актуальность.

Появление актуальных межотраслевых данных⁸ позволило нам оценить основные макроэкономические и структурные взаимодействия на периоде с 2014 года, с начала введения санкционного режима. По нашему мнению, с этого времени содержание основных экономических взаимодействий в России стало достаточно динамично изменяться, причиной чего послужило переформатирование взаимоотношений с внешним миром. Здесь мы не будем обсуждать санкционные «пакеты» коллективного Запада, но попытаемся понять, как происходившие с 2014 года структурные изменения повлияли на характер функционирования российской экономики.

Исходные данные — статистика Росстата, обновленные ряды межотраслевых балансов, разработанные в Институте народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН) за 2011–2024 гг., в постоянных ценах 2011 года. Результаты исследова-

ния были получены на основе анализа межотраслевой статистики с применением методов и моделей математического анализа и межотраслевого моделирования.

Научная новизна работы определяется возможностью использования обновленных таблиц «затраты — выпуск» за период 2011–2024 гг. для анализа технологических изменений в отраслях экономики с применением методологии, изложенной в работе (Uzyakov, 2011), в сопоставлении с рядами отраслевой производительности труда, а также для верификации авторской методики структурно-технологического анализа⁹. К научной новизне допустимо отнести также расчет рядов отраслевой производительности труда в структуре 64 видов экономической деятельности¹⁰, соответствующей разработанным таблицам «затраты — выпуск».

Результаты и обсуждение

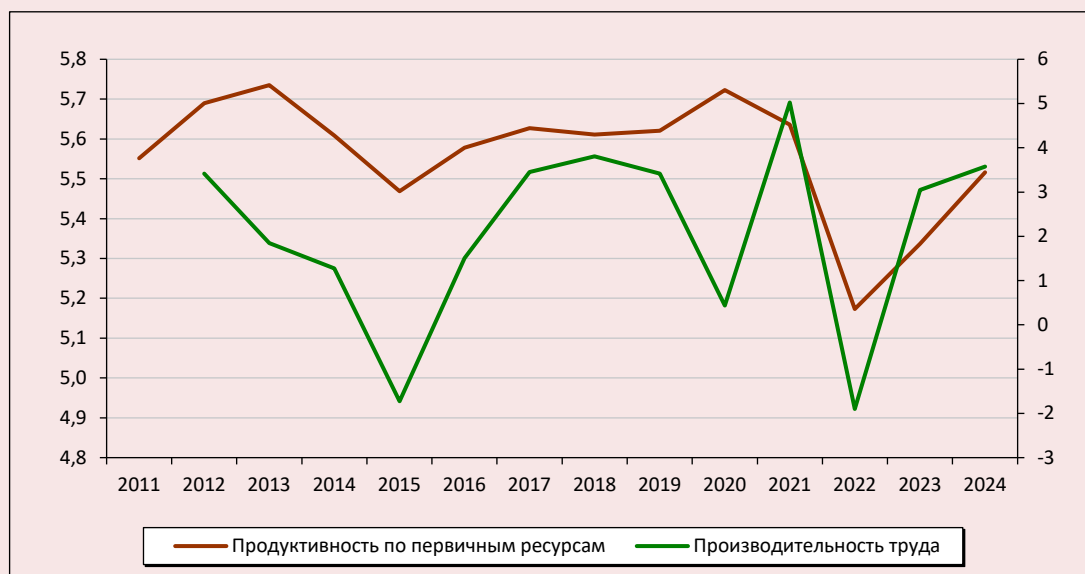
Как отмечалось ранее, динамика продуктивности использования первичных ресурсов часто ассоциируется с динамикой технического прогресса или с качеством роста экономики. В связи с этим представляет особый интерес сопоставить ее динамику соответственно динамике производительности труда по видам экономической деятельности в последнее десятилетие. Продуктивность по первичным ресурсам в целом по экономике снижалась с 2013 по 2015 год (*рис. 1*). С ужесточением санкционного давления после 2014 года значительная часть экономики переориентировалась или начала переориентироваться на другие рынки или других производителей, постепенно развивалась импортозамещающая деятельность, качество роста экономики одновременно с продуктивностью по первичным ресурсам начало возрастать, и такой рост продлился вплоть до 2020 года. Согласно гипотезе о синхронной динамике продуктивности и производительности, эффективность использования труда с 2015

⁸ Обновленные ряды межотраслевых балансов за 2011–2024 гг. были разработаны в ИНП РАН в структуре 64 видов экономической деятельности номенклатуры ОКВЭД2, на основе данных Росстата.

⁹ Узяков Р.М. (2022). Структурные и технологические изменения как фактор экономического роста (модельный анализ на примере современной российской экономики): дис. ... канд. экон. наук. Москва. 182 с.

¹⁰ Отраслевая производительность труда рассчитывалась как отношение отраслевого выпуска и численности занятых. Для получения рядов численности занятого населения в структуре 64 видов экономической деятельности использовалась статистика Росстата о среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности за ряд лет, данные ЕМИСС о среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, по видам экономической деятельности за ряд лет, корректировка последнего отчетного года происходила с использованием данных Обследований рабочей силы, Росстат.

Рис. 1. Продуктивность по первичным ресурсам и производительность труда (правая шкала), годовая динамика, %

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

по 2020 год возросла на 13%. Далее под воздействием шоков неэкономической природы (Covid-19, проведение специальной военной операции) с 2020 по 2022 год продуктивность по первичным ресурсам снижалась, однако с 2022 года и продуктивность, и производительность показали значительное ускорение динамики. За период 2022–2024 гг. оба показателя возрастали ежегодно на 3,3%.

Приведем результаты отраслевого анализа. В структуре отраслей материального производства выделим виды деятельности с наибольшим и наименьшим относительным уровнем продуктивности по первичным ресурсам (табл. 1). Наибольший уровень продуктивности наблюдается в секторах, обладающих потенциалом роста импортозамещающих производств или увеличения спроса на альтернативных рынках сбыта (в случае добывающей промышленности), продуктивность здесь растет опережающими темпами. В этих же секторах, соответственно, наблюдается ускоренный рост производительности труда.

Как уже отмечалось, и динамика технического прогресса (продуктивности по первичным ресурсам), и динамика производительности труда ассоциируется с качеством роста экономики. Отраслевой анализ свидетельствует, что можно выделить ряд отраслей, преимущественно с наиболее высоким уровнем продуктивности, в которых за рассматриваемый период наблюдалась синхронная динамика продуктивности и производительности труда (рис. 2–5).

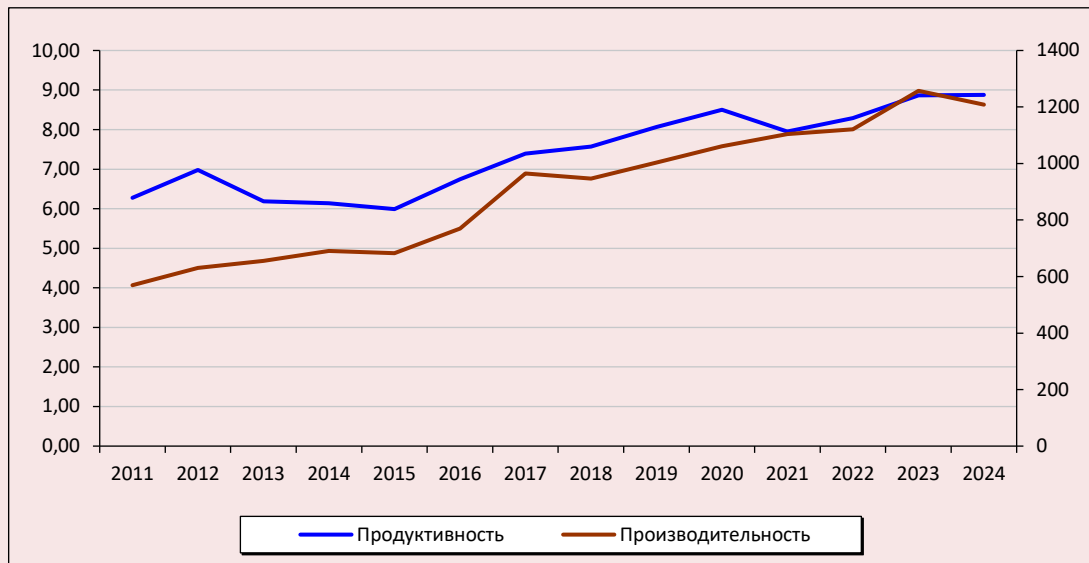
Кроме того, синхронная динамика продуктивности и производительности отмечается в некоторых других секторах: производство пищевых продуктов (здесь эластичность производительности труда по продуктивности на периоде 2011–2024 гг. равнялась 2,01¹¹), бумаги и изделий из бумаги (0,12), производство минеральных неметаллических продуктов (3,67), производство изделий металлических готовых, кроме машин и оборудования (0,69), производство электрического оборудования (3,8), средств автотранспортных, прицепов и полуприцепов (0,19).

¹¹ Положительное значение эластичности свидетельствует о росте (снижении) производительности труда вслед за ростом (снижением) продуктивности. Отрицательная зависимость характеризует разнонаправленные изменения показателей, что не соответствует предложенной экономической логике.

Таблица 1. Виды деятельности с наибольшим и наименьшим уровнем продуктивности и их динамические характеристики

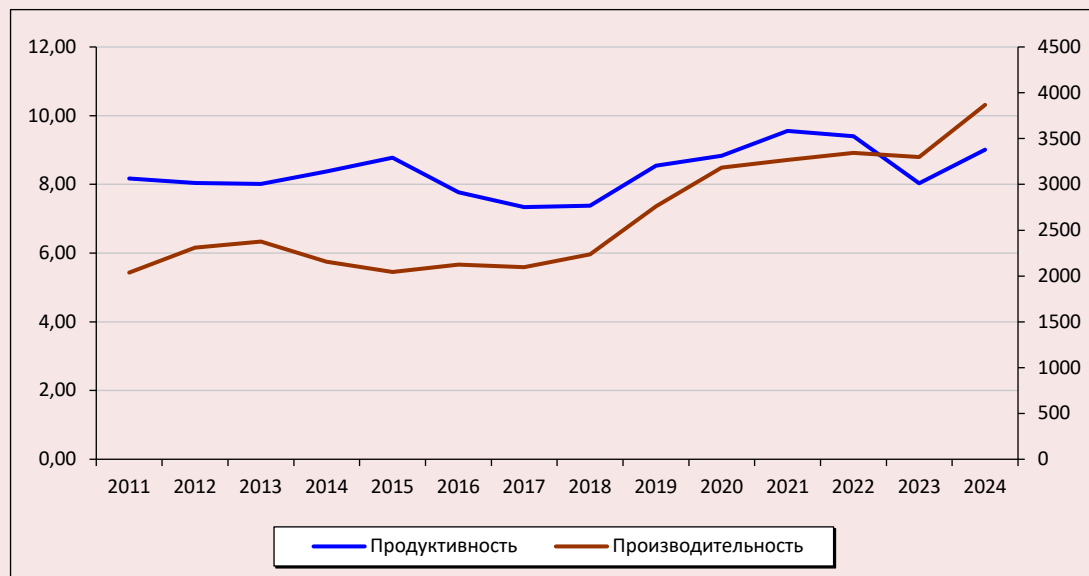
Вид деятельности	Уровень продуктивности в сравнении со средним по экономике, 2024 г., %	Среднегодовой темп прироста продуктивности, 2011–2024 гг., %	Среднегодовой темп прироста производительности, 2011–2024 гг., %	Соотношение темпов (эластичность производительности труда по продуктивности), раз
Наибольший уровень				
Угольная промышленность	135	2,16	2,8	1,31
Прочие полезные ископаемые, услуги в области добычи полезных ископаемых	130	0,38	12,1	31,50
Текстиль и изделия текстильные, одежда, кожа и изделия из кожи	162	2,70	6,0	2,20
Средства лекарственные и материалы, применяемые в медицинских целях	164	0,75	5,1	6,72
Оборудование компьютерное, электронное и оптическое	703	8,33	8,7	1,05
Средства транспортные и оборудование, прочие	287	6,11	8,8	1,45
Наименьший уровень				
Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты	48	-2,00	4,9	-2,47
Древесина и изделия из дерева и пробки, кроме мебели; изделия из соломки и материалов для плетения	36	-2,37	4,6	-1,95
Кокс и нефтепродукты	26	-3,08	-0,6	0,20
Вещества химические и продукты химические	40	0,14	2,7	18,57
Изделия резиновые и пластмассовые	30	-1,08	3,5	-3,26
Металлы основные	27	-2,55	1,6	-0,62
Электроэнергия, газ, пар и кондиционирование воздуха	38	0,09	0,8	8,15
Источник: расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.				

Рис. 2. Продуктивность использования первичных ресурсов и производительность труда (правая шкала) в текстильном производстве

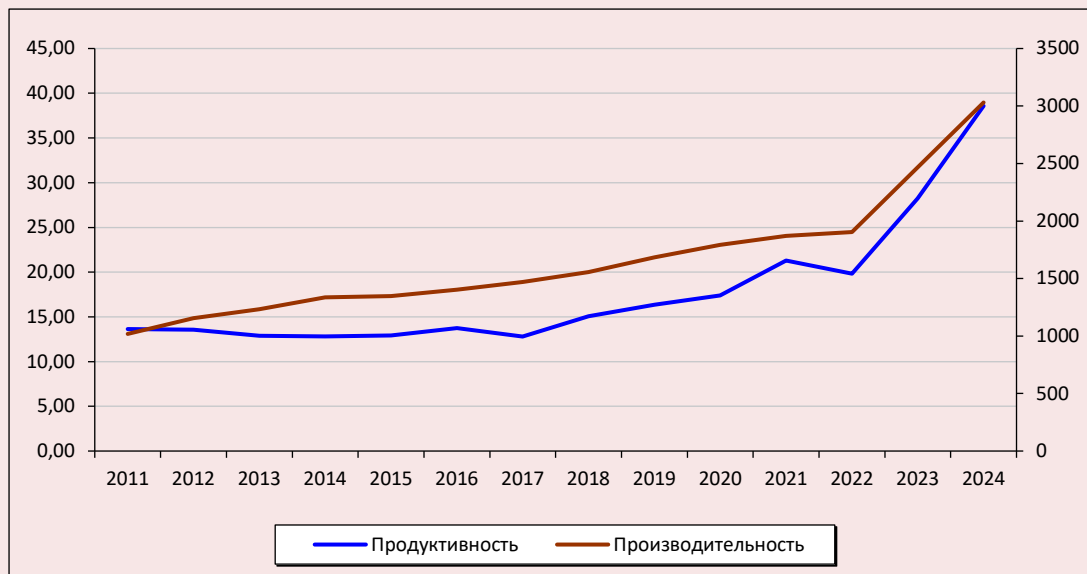
Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 3. Продуктивность использования первичных ресурсов и производительность труда (правая шкала) в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях

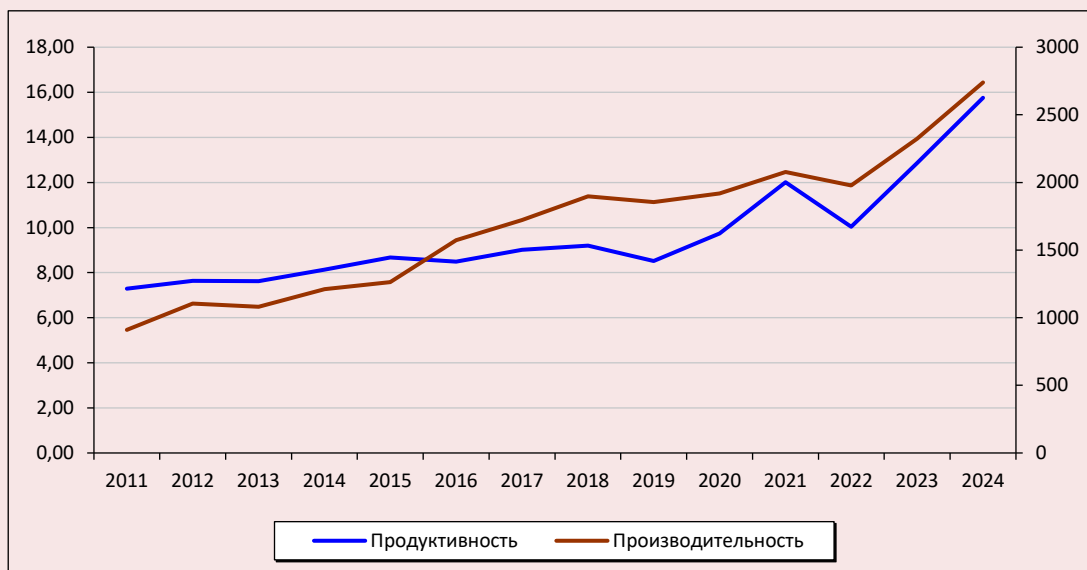
Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 4. Продуктивность использования первичных ресурсов и производительность труда (правая шкала) в производстве оборудования компьютерного, электронного и оптического

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 5. Продуктивность использования первичных ресурсов и производительность труда (правая шкала) в производстве прочих транспортных средств и оборудования

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

С точки зрения повышения эффективности производства в долгосрочной перспективе нет альтернатив качественному росту экономики, в том числе за счет роста технологического уровня производства и следующего за ним увеличе-

ния уровня производительности труда. Модель роста экономики 2000-х гг. была основана преимущественно на росте использования импортного оборудования и потребительских товаров, что предполагало заимствование технологий и

инноваций из-за рубежа. По некоторым оценкам, импортозависимость по высокотехнологичным товарам и услугам в 2015 году составляла 90% по сравнению с 15% в позднесоветский период (Мальцев, Чичилимов, 2024). Изменения во взаимоотношениях с внешним миром, прежде всего с коллективным Западом, привели к наиболее интенсивным сдвигам в структуре российской экономики (Узяков, Серебряков, 2023). Структурно-технологический образ российской экономики претерпел значительные изменения, стали активно развиваться виды деятельности, связанные не только с оборонными, но и с импортозамещающими производствами.

Дальнейший анализ структурно-технологических взаимодействий в российской экономике будем проводить с использованием методологии структурно-технологических мультипликаторов (СТМ)¹². Показатели СТМ являются синтетическими метриками, рассчитываемыми при помощи статической модели межотраслевого баланса (МОБ). СТМ — это модельная реакция отраслевых выпусков и валового выпуска на однопроцентное увеличение компонентов конечного спроса¹³. Значения СТМ являются производением двух факторов, структурного и технологического. Структурным фактором является доля изменяемого компонента конечного спроса в выпуске. Технологический фактор — это эластичность выпуска по приросту изменяемого компонента конечного спроса (расчет эластичности производится с применением статической модели МОБ, т. е. учитывается влияние матрицы коэффициентов прямых затрат или «технологической матрицы»). Изменение характеристик СТМ во времени отражает характер адаптации экономики и отдельных отраслей к структурно-технологическим сдвигам в производстве.

Также необходимо отметить, что показатели СТМ являются вкладами факторов компонентов конечного спроса в динамику отраслевых и

валового выпусков экономики. Анализ динамики СТМ показывает, что многие виды деятельности, даже из разряда наиболее эффективных (с наиболее высоким ростом продуктивности использования первичных ресурсов), по-прежнему опираются на рост импорта и не оказывают значимого воздействия на качественный уровень российской экономики. Так, например, расчеты вкладов компонентов конечного спроса в динамику выпусков видов деятельности с высоким уровнем и динамикой продуктивности (текстильная промышленность и фармацевтика) выявили значительную зависимость потребления домашних хозяйств (ПДХ) от импортной продукции¹⁴ (рис. 6, 7).

На приведенных графиках видно, что вклады потребления домашних хозяйств и импорта находятся в противофазе на протяжении всего рассматриваемого периода как в текстильной, так и в фармацевтической промышленности. То есть увеличение вклада ПДХ происходит только при аналогичном увеличении отрицательного вклада импорта. Другими словами, потребление продукции этих видов деятельности обеспечивается импортом.

Анализ вклада компонентов конечного спроса (СТМ) в динамику выпуска компьютерного, электронного и оптического оборудования (с уровнем продуктивности 703% от средней по экономике в 2024 году и среднегодовым ее ростом за период 2011–2024 гг. в 8,3%) подтверждает, что в этой отрасли по-прежнему велика взаимосвязь между накоплением основного капитала и импортом, что может свидетельствовать об ограниченном характере импортозамещения (рис. 8). Таким образом, в рассматриваемых видах деятельности рост выпуска обусловлен увеличением доли импортных товаров и оборудования, что в текущих условиях противоречит целям и стратегическим приоритетам долгосрочного развития страны, основными из которых являются безопасность и технологический суверенитет¹⁵.

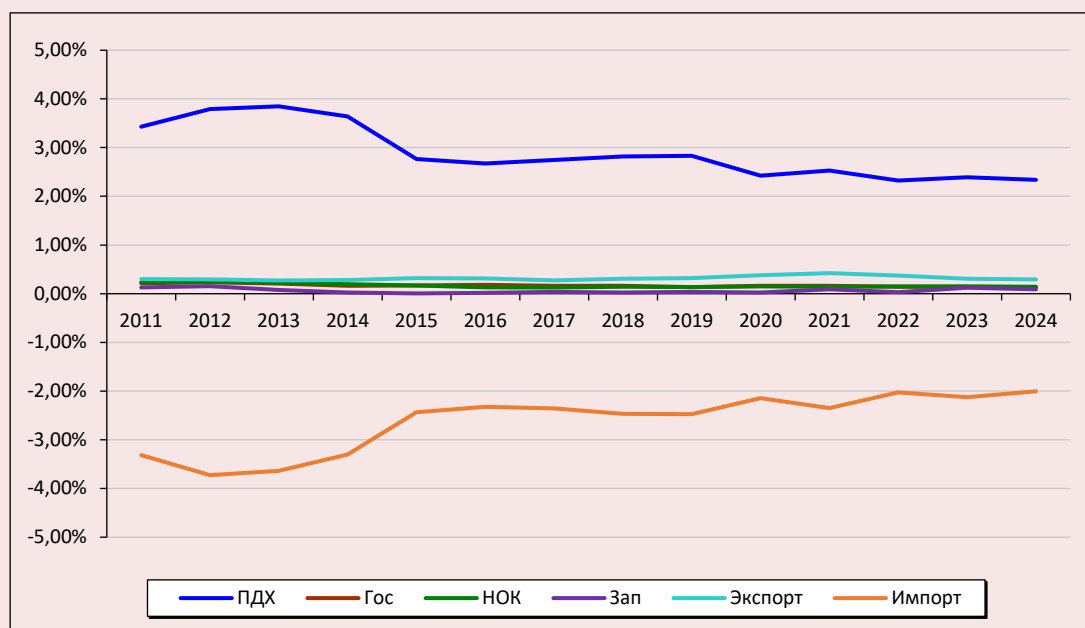
¹² По материалам: Узяков Р.М. (2024). Структурно-технологический мультипликатор как характеристика динамических свойств структуры экономики // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 54–66. DOI: 10.47711/0868-6351-202-54-66

¹³ По материалам: Узяков Р.М. (2018). Возможности структурного анализа динамики российской экономики в 1991–2013 годах с использованием межотраслевого инструментария // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 13–27.

¹⁴ Сливающиеся линии на графиках, колеблющиеся в околонулевой зоне, в данном случае не представляют значимой информации для анализа.

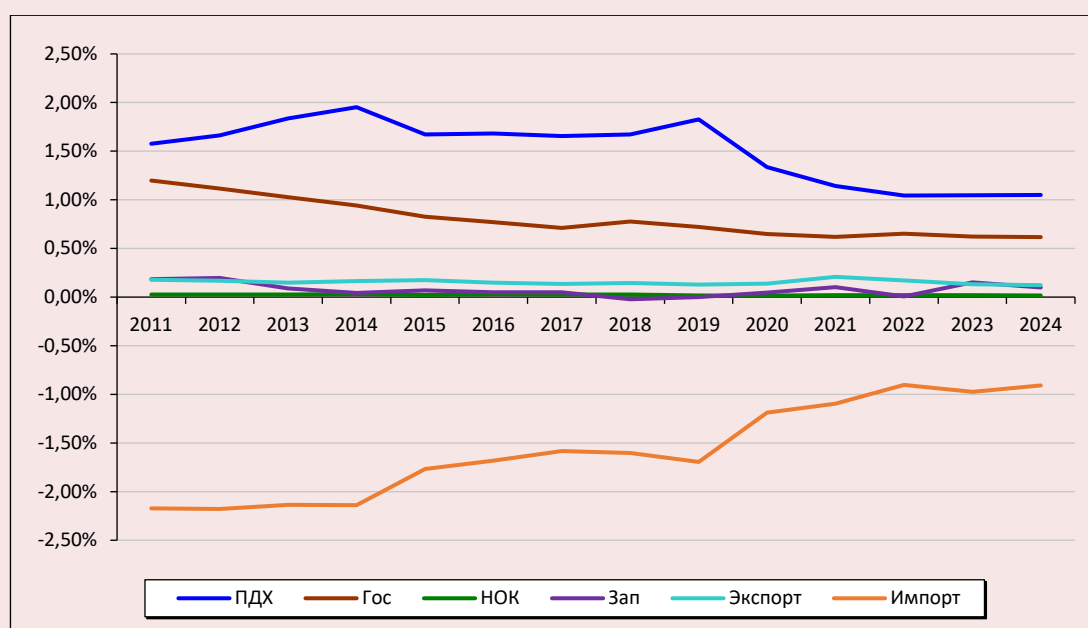
¹⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // КонсультантПлюс (дата обращения: 16.05.2024).

Рис. 6. Динамика СТМ в текстильной промышленности

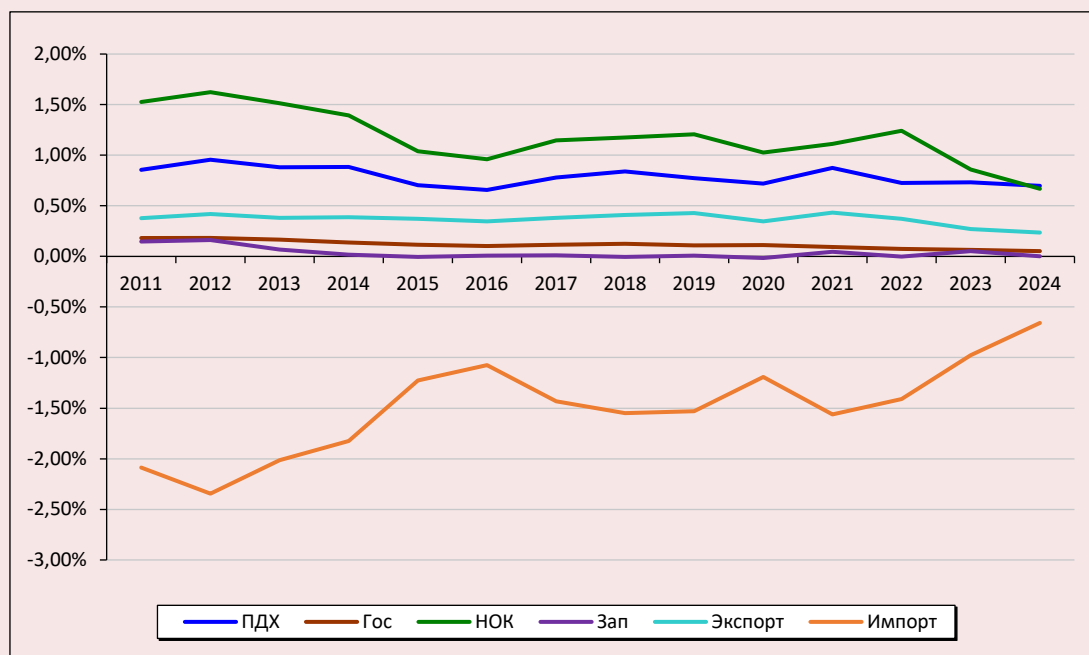
Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 7. Динамика СТМ в производстве лекарственных средств и материалов

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 8. Динамика СТМ в производстве компьютерного, электронного и оптического оборудования

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Среди отраслей с наибольшим уровнем продуктивности есть такие, адаптационные механизмы которых в текущих экономических условиях связаны с переориентацией на внутренний рынок. К ним относятся угольная промышленность и добыча прочих полезных ископаемых, где в период после 2020 года снижение вклада экспорта в прирост соответствующих выпусков (влияние санкций и снижения внешнего спроса) наблюдалось одновременно с увеличением вкладов накопления основного капитала и потребления домашних хозяйств (рис. 9, 10).

Анализ отраслевой динамики структурно-технологических мультипликаторов показал, что в целом все виды деятельности, относящиеся к реальному сектору экономики, разделились на два вида взаимодействия вкладов компонентов конечного спроса в динамику выпусков. Первый вид заключается в положительной для российской экономики реакции на ограничение внешних рынков (снижение вклада экспорта) и выражается в увеличении вкладов потребления домашних хозяйств и (или) накопления основного капитала. Подавляющее число видов эко-

номической деятельности, относящихся к реальному сектору экономики, получили импульс к переориентации производства на внутренний рынок и увеличению инвестиций и отреагировали на него только в результате ограничения доступа к внешним рынкам (табл. 2).

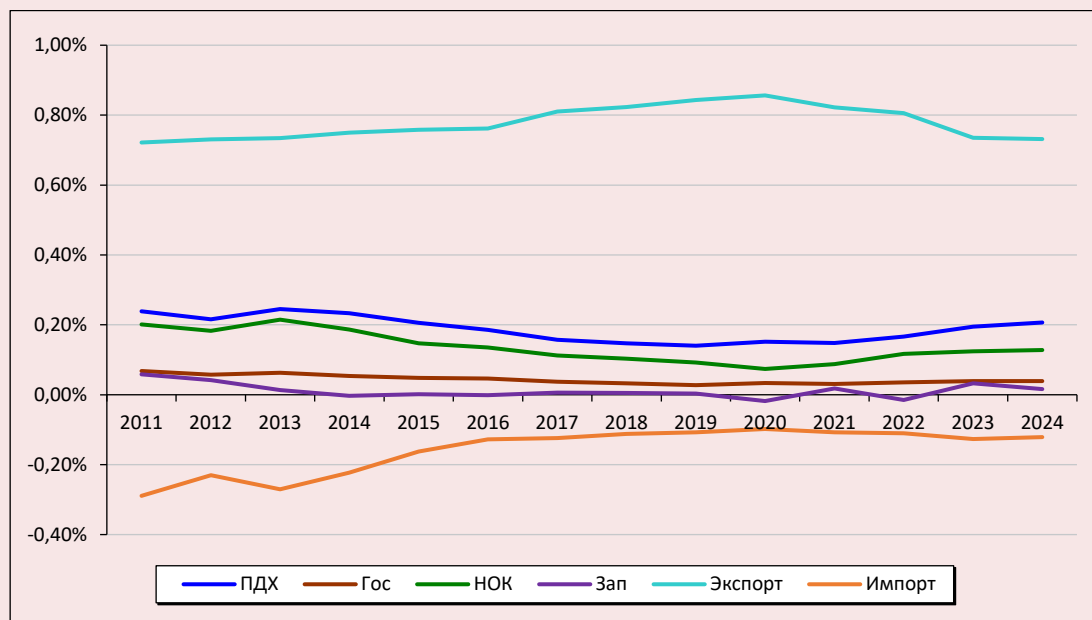
Второй вид взаимодействия выражается в продолжающейся зависимости от импортных товаров и комплектующих. Виды экономической деятельности, традиционно сильно зависящие от импорта, сохраняют эту связанность даже в годы ведения специальной военной операции (СВО), характеризующиеся наиболее сильным санкционным давлением на Россию. Примечательно, что среди этих видов деятельности представлены отрасли, по-настоящему значимые с точки зрения безопасности и технологического суверенитета, такие как производство лекарственных средств, машиностроение и компьютерное оборудование.

В целом структурно-технологические характеристики российской экономики претерпели существенные изменения после 2014 года. Если в первые годы после введения антироссийских санкций изменения, происходящие в структуре

российской экономики, были не так очевидны и отражались в макроэкономической статистике незначительно, то после пандемии коронавируса и начала СВО их динамика и масштаб

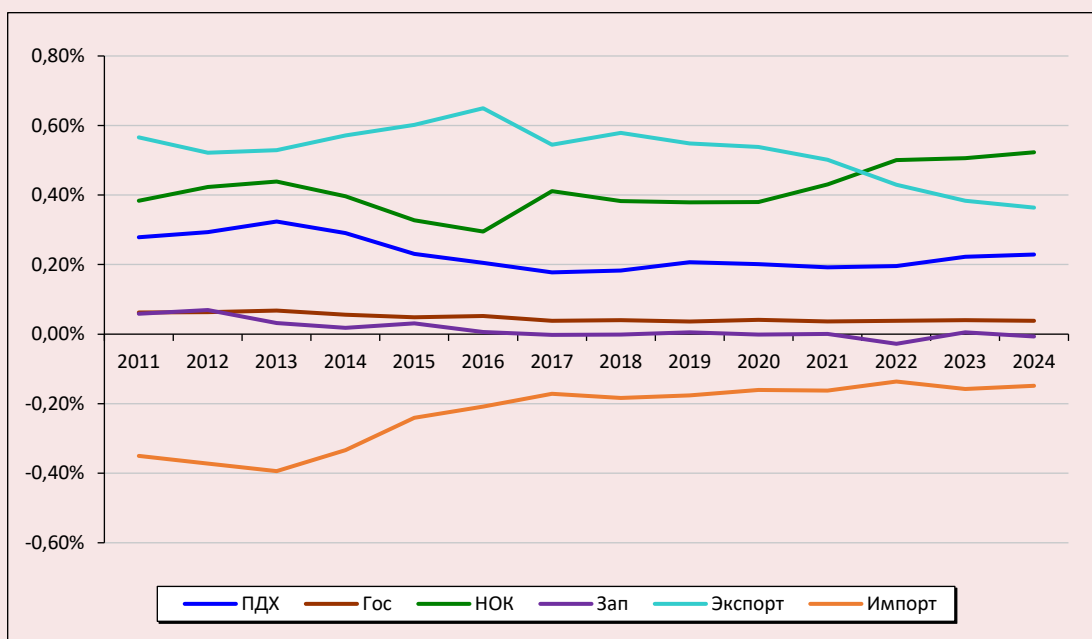
позволили нам сделать содержательные экономические выводы, оперируя только макро-статистикой верхнего уровня – компонентами конечного спроса.

Рис. 9. Динамика СТМ в угольной промышленности

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Рис. 10. Динамика СТМ в прочих полезных ископаемых

Источники: данные Росстата; расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.

Таблица 2. Взаимодействие вкладов компонентов конечного спроса в динамику выпусков в период с 2020 по 2024 год

Переориентация на внутренний рынок	Зависимость от импорта
Снижение вклада экспорта сопровождается увеличением вклада ПДХ и (или) накопления основного капитала	Увеличение вклада импорта сопровождается увеличением вклада ПДХ и (или) накопления основного капитала
Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты	Текстиль и изделия текстильные, одежда, кожа и изделия из кожи
Рыба и прочая продукция рыболовства и рыбоводства; услуги, связанные с рыболовством и рыбоводством	Средства лекарственные и материалы, применяемые в медицинских целях
Уголь	Изделия резиновые и пластмассовые
Сырая нефть, природный газ	Оборудование компьютерное, электронное и оптическое
Руды металлические	Машины и оборудование, не включенные в другие группировки
Прочие полезные ископаемые, услуги в области добычи полезных ископаемых	Средства автотранспортные, прицепы и полуприцепы
Продукты пищевые, напитки, изделия табачные	Мебель, изделия готовые прочие
Древесина и изделия из дерева и пробки, кроме мебели; изделия из соломки и материалов для плетения	Услуги водного транспорта
Бумага и изделия из бумаги	
Кокс и нефтепродукты	
Вещества химические и продукты химические	
Продукты минеральные неметаллические прочие	
Металлы основные	
Изделия металлические готовые, кроме машин и оборудования	
Средства транспортные и оборудование, прочие	
Услуги по ремонту и монтажу машин и оборудования	
Электроэнергия, газ, пар и кондиционирование воздуха	
Вода природная; услуги по очистке воды и водоснабжению	
Услуги по водоотведению; шлам сточных вод; услуги по сбору, обработке и удалению отходов; услуги по утилизации отходов; услуги по рекультивации и прочие услуги по утилизации отходов	
Сооружения и строительные работы	
Услуги сухопутного и трубопроводного транспорта	
Источник: расчеты авторов с использованием межотраслевых балансов ИНП РАН.	

Ограничение доступа к внешним рынкам стало серьезным испытанием для отечественной экономической системы, однако именно эта жесткая позиция коллективного Запада помогла российской экономике продемонстрировать гибкость и организовать работу значительной части реального сектора экономики с ориентацией на внутренний спрос как с точки зрения производимой продукции, так и с точки зрения наращивания инвестиций.

Заключение

В рамках проведенного анализа определено, что зависимость российской экономики от импорта товаров и оборудования продолжает оставаться высокой. Результаты исследования подтверждают, что переориентация на внутренний спрос являлась не реализацией потенциала ро-

ста экономики, а скорее вынужденной мерой в текущих геоэкономических условиях. С одной стороны, организовать импортозамещение в короткие сроки нелегко, почти невозможно, но, с другой стороны, зачастую интерес экономических субъектов состоит не в формировании долгосрочных целей и приоритетов развития (а следовательно, в организации импортозамещающей деятельности, направленной на развитие собственного производства и технологического потенциала), а в получении краткосрочных выгод. Однако если в краткосрочном периоде возможность роста экономики за счет наращивания количества привлеченных ресурсов кажется выгодной стратегией, то в долгосрочном периоде, в контексте задач укрепления суверенитета РФ, нет альтернатив росту

качества и эффективности, поскольку привлекаемые производственные ресурсы — труд и капитал — ограничены.

Отсутствие стратегии экономического развития, адресных отраслевых программ проектного финансирования и других мер государственной поддержки отечественных производителей приводит к обесцениванию любых качественных изменений в экономике, будь то технологические изменения или рост качества человеческого капитала (производительности труда). Наши расчеты свидетельствуют о том, что рост продуктивности использования первичных ресурсов в целом по экономике со временем замедляется. Если за период 2000—2011 гг. показатель прирастал ежегодно в среднем на 2,9%, затем в 2011—2024 гг. — на 0,1%. В перспективе до 2035 года мы прогнозируем его среднегодовую динамику не более 1%.

Безусловно, ключевым фактором, сдерживающим любые качественные изменения в экономике, является чрезмерно жесткая денежно-кредитная политика (Узякова, Узяков, 2026), которая должна иметь обслуживающую экономику функцию, подстраиваться под экономическую политику, а не наоборот. Инновационная экономика, экономика знаний подразумевает вложения в исследования и разработки, в технологические новации, в качество образования и человеческого капитала. Отсутствие долгосрочной социально-экономической политики (в совокупности с денежно-кредитной и бюджетной политикой), стратегий и приоритетов развития дезориентируют экономических субъектов, заменяя идеи и ценности стратегического развития государства краткосрочными интересами и выгодами.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Структурно-технологические характеристики российской экономики претерпели су-

щественные изменения после 2014 года. Подавляющее число видов экономической деятельности, относящихся к реальному сектору экономики, получили импульс к переориентации производства на внутренний рынок и увеличению инвестиций и отреагировали на него только в результате ограничения доступа к внешним рынкам.

2. Отраслевой анализ свидетельствует, что виды деятельности экономики с наибольшим уровнем продуктивности использования первичных ресурсов, отражающей технологические приращения в отраслях (такие, например, как угольная промышленность, прочие полезные ископаемые, текстильная промышленность и производство изделий из кожи, фармацевтическая промышленность, производство компьютерного, электронного и оптического оборудования, производство прочих транспортных средств и оборудования), могут обладать наибольшим потенциалом роста выпуска в связи с ускоренными изменениями по направлениям роста качества и эффективности. В значительном количестве таких отраслей наблюдалась синхронная динамика продуктивности и производительности труда.

3. Зависимость российской экономики от импорта товаров и оборудования продолжает оставаться высокой. Виды экономической деятельности, традиционно сильно зависимые от импорта, сохраняют эту связанность даже в условиях необходимости организации импортозамещающей деятельности, направленной на развитие собственного производства и технологического потенциала. Среди таких видов деятельности представлены отрасли, по-настоящему значимые с точки зрения безопасности и технологического суверенитета, такие как производство лекарственных средств, машиностроение и производство компьютерного оборудования.

Литература

- Воскобойников И.Б. (2023). Технологии общего назначения, человеческий капитал и экономический рост // Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП. № 2 (19).
- Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. (2024). Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. № 2. С. 4—30. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_2_4
- Ерошкин С.Ю., Комков Н.И. (2006). Методические основы прогнозирования технологического развития // Научные труды ИМП РАН. Москва: МАКС-Пресс. С. 176—208.

- Капелюшников Р.И. (2017) Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. № 11. С. 111–140.
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2010). Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») / Фонд «Либеральная миссия». 196 с.
- Левицкий Е.М., Меньшиков С.М., Чижов Ю.А. (1975). Моделирование американской экономики / под ред. С.М. Меньшикова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 228 с.
- Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2024). Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 98–117. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.5
- Мамонов М.Е., Пестова А.А., Сабельникова Е.М., Апокин А.Ю. (2015). Подходы к оценке факторов производства и технологического развития национальных экономик: обзор мировой практики // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 45–57.
- Маркс К. (1951). Капитал. Т. III. Москва: Государственное издательство политической литературы. 927 с.
- Саяпова А.Р. (2016). Оценка вклада технологического фактора в динамику и структуру производства // Научные труды ИМП РАН. Москва: МАКС-Пресс. С. 196–208.
- Суворов Н.В., Давидкова О.Б. (2005). Система прогнозно-аналитических расчетов для оценки воздействия новых технологий на динамику и эффективность производства в отраслях промышленности // Научные труды ИМП РАН. Москва: МАКС-Пресс. С. 116–137.
- Суворов Н.В., Трещина С.В., Балашова Е.Е., Давидкова О.Б., Зенкова Г.В. (2015). Роль технологического фактора в развитии российской экономики: результаты прогнозно-аналитических исследований // Научные труды ИМП РАН. Москва: МАКС-Пресс. С. 8–75.
- Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. (2025). Экономический рост и структурная трансформация: цели, задачи, решения: монография. Москва: Финансы и статистика 130 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2192961> (дата обращения: 11.08.2026).
- Узяков М.Н., Серебряков Г.Р. (2023). Глобальный контекст и возможности развития России // Научные труды ИМП РАН. № 3. С. 48–57. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-3-48-57
- Узякова Е.С. (2026). Рынок труда России: текущие тенденции и перспективы развития // ЭКО. № 2. С. 65–84. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-2-65-84
- Узякова Е.С., Узяков Р.М. (2026). Влияние денежно-кредитной политики на инфляцию и экономический рост в Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. № 2 (215). С. 40–55. DOI: 10.47711/0868-6351-215-40-55
- Широв А.А. (2022). Макроструктурный анализ и прогнозирование в современных условиях развития экономики // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 43–57.
- Almon Cl. (2002). *The Craft of Economic Modeling. Part 2*. Department of Economics University of Maryland. College park.
- Almon Cl., Grassini M. (2010). *The Changing Structure of Employment in Italy 1980–2010: Can Investment Affect the Outcome? INFORUM Working Papers*. Available at: <http://www.inforum.umd.edu/papers/workingpapers.htm>
- Baldwin R.E. (1995). Effect of trade and foreign direct investment on employment and relative wages. *OECD. Economic Studies*, 23.
- Bergeaud A., Cetto G., Lecat R. (2017). Total factor productivity in advanced countries: A long-term perspective. *International Productivity Monitor*, 32, 6–24.
- Imagawa T. (2008). *Trade and Labor Productivity Effects on the Changing Structure of Employment in Japan. Paper presented to the 16-th INFORUM World Conference. Cyprus*. Available at: <http://www.inforum.umd.edu/organization/conferences/iwcxvi/iwcxvi.html>
- Ono M. (2008). *The Evaluation of Technological Progress in Japanese Economy using JIDEA7. Paper presented to the 16-th INFORUM World Conference*. Available at: <http://www.inforum.umd.edu/organization/conferences/iwcxvi/iwcxvi.html> 11 p
- Rodrik D. (2013). *Structural Change, Fundamentals and Growth: An Overview*. Institute for Advanced Study.
- Solow R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 70, 65–94.
- Solow R. (1957). Technical change and the aggregate production function. *Review of Economics and Statistics*, 39, 312–320.

- Suvorov N.V. (2008). Macroeconomic analysis of production efficiency in the real sector of the economy: Methods and results. *Studies on Russian Economic Development*, 19(3), 217–225.
- Uzyakov M.N. (2011). Usage efficiency of primary resources as an indicator of technological development: A retrospective analysis and forecast. *Studies on Russian Economic Development*, 22(2), 111–121. DOI 10.1134/S1075700711020109

Сведения об авторах

Елена Сергеевна Узякова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: mironova_helen@mail.ru)

Рафаэль Маратович Узяков — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: rafael.uzyakov@gmail.ru)

Uzyakova E.S., Uzyakov R.M.

Structural and Technological Changes in the Russian Economy since 2014

Abstract. The challenges of modern economic development make it particularly urgent to improve the quality of economic growth and the efficiency of the economy. Reshaping Russia's external economic relations has set in motion far-reaching changes in core macroeconomic and intersectoral linkages. The study focuses on structural and technological shifts across industries, together with changes in sectoral labor productivity. Drawing on Rosstat data and updated input-output tables for 2011–2024 developed at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, we apply methods and models of mathematical analysis and input-output modeling to show that the structural and technological characteristics of the Russian economy have changed substantially since 2014. Restricted access to external markets posed a major challenge, but the severe restrictions imposed by Western countries ultimately enabled the Russian economy to display flexibility and shift much of the real sector toward the domestic market, both in terms of output and investment. The improvement in the quality of growth during this period was accompanied by faster dynamics of primary resource productivity and labor productivity in certain economic activities. At the same time, significant changes in the technological level of production in several key economic sectors responsible for security and technological sovereignty (such as pharmaceuticals, machinery, and computer equipment) resulted from rising imports rather than import substitution. An important finding is that the Russian economy remains highly dependent on imports of goods and equipment. Modeling economic growth based on updated structural and technological interactions in Russian industries could be a subject of further research.

Key words: input-output table, primary resource productivity, labor productivity, structural and technological multiplier, structural shifts, economic growth quality, import substitution.

Information about the Authors

Elena S. Uzyakova — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: mironova_helen@mail.ru)

Rafael M. Uzyakov — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: rafael.uzyakov@gmail.ru)

Статья поступила 03.07.2026.

Методологические проблемы оценки продовольственной безопасности России: преодоление «ловушки средних показателей» и диагностика уязвимостей

**Рустам Раулевич
ГУМЕРОВ**

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: gumerovrr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1057-9434

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию и верификации оптимизированной системы национальных индикаторов продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях нарастающих геоэкономических и логистических рисков. Цель работы — преодоление методологических тупиков избыточных нормативных перечней оценочных показателей посредством формирования компактного открытого перечня индикаторов для оперативной диагностики рисков продовольственной безопасности. В качестве теоретического базиса автором разработана циклическая модель продовольственной безопасности («матрешка»), описывающая непрерывную трансформацию структуры предложения под влиянием меняющихся моделей потребления. Эмпирическую основу исследования составил статистический анализ данных Росстата в разрезе децильных групп населения за 2020–2024 гг. с применением коэффициента Энгеля и децильного коэффициента расходов. Вскрыты глубокие структурные дисбалансы между макроуровнем самообеспеченности страны и микроуровнем экономической доступности продовольствия. Доказано, что вынужденное расходование первой децильной группой более 50% бюджета на питание приводит к парадоксальному качественному ухудшению рациона из-за перехода на дешевые калорийные суррогаты. Разработана и апробирована матричная группировка населения по уровню благосостояния на основе доли продовольственных расходов, зафиксировавшая поляризацию общества: переход десятой группы в категорию «богатого

Для цитирования: Гумеров Р.Р. (2026). Методологические проблемы оценки продовольственной безопасности России: преодоление «ловушки средних показателей» и диагностика уязвимостей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 47–66. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.3

For citation: Gumerov R.R. (2026). Methodological problems in assessing Russia's food security: Overcoming the "average metrics trap" and diagnosing vulnerabilities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 47–66. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.3

общества» при стагнации первой группы в зоне низкого уровня. Обоснована критическая роль агфляции как сквозного фактора разгона общей инфляции. Доказана необходимость создания Ситуационного аналитического центра мониторинга агфляции при Правительстве РФ для превентивного межведомственного моделирования товарных балансов. Переход к разработанной автором компактной системе из трех-пяти ключевых индикаторов по каждому измерению продовольственной безопасности (наличие, доступность, использование, стабильность) позволит разгрузить органы государственной статистики и преодолеть регуляторную перегруженность. Предложенный оптимизированный перечень показателей обеспечивает высокую оперативность и точность принятия управленческих решений, критически необходимых для защиты технологического и финансового суверенитета государства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, агфляция, экономическая доступность, децильные группы, закон Энгеля, ловушка средних показателей, уровень жизни, импортозамещение, Ситуационный центр.

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности (ПБ) в современных геоэкономических реалиях выходит далеко за рамки чисто аграрного или технологического дискурса, превращаясь в один из центральных элементов обеспечения технологического и финансового суверенитета государства. Трансформация глобальных логистических цепочек, беспрецедентное санкционное давление, волатильность мировых рынков сырья и нарастающие климатические аномалии актуализируют необходимость непрерывного мониторинга уязвимостей национальных продовольственных систем.

Научная проблема исследования обусловлена методологическим несовершенством действующей системы мониторинга Доктрины ПБ РФ, которая за счет преобладания валовых макроэкономических показателей не позволяет своевременно идентифицировать латентные структурные угрозы как в сфере экономической доступности продовольствия для полярных групп населения, так и на уровне материально-технического контура агропромышленного комплекса (АПК).

Цель работы — теоретическое обоснование и верификация аналитического инструментария (открытого перечня индикаторов) продовольственной безопасности Российской Федерации, ориентированного на превентивное выявление латентных структурных угроз и уязвимостей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- синхронизировать отечественные подходы к оценке продовольственной безопасности

с базовыми измерениями концепции ФАО (наличие, доступность, использование, стабильность);

- преодолеть «ловушку средних показателей» за счет интеграции дифференцированного анализа бюджетов домашних хозяйств в разрезе децильных групп;

- отразить уникальную специфику социально-экономического расслоения и технологического контура национальной продовольственной системы, включая риски агфляции и вторичной импортозависимости.

Под технологическим контуром продовольственной системы в рамках данного исследования понимается критически важный срез материально-технической базы АПК (семенной фонд, племенное ядро, ветеринарные препараты), определяющий способность отрасли функционировать независимо от внешних санкционных и логистических шоков.

В качестве исследовательских вопросов, определяющих структуру работы, выдвинуты следующие:

- каковы ключевые дефекты существующей макроэкономической модели оценки продовольственной безопасности в РФ;

- как децильная дифференциация населения по доходам трансформирует реальную картину экономической доступности продуктов питания;

- в каких элементах отечественного АПК парадокс импортозамещения создает риски вторичной технологической зависимости?

Авторская гипотеза исследования состоит в предположении о том, что применение разра-

ботанной модели «матрешки» и ее циклической модификации позволяет осуществить декомпозицию национальной системы мониторинга на компактные наборы индикаторов (по 3–5 параметров для каждого измерения ФАО) и за счет этого увязать макроэкономические параметры рынка с микроэкономическим уровнем потребления населения, преодолеть «ловушку средних показателей» и превентивно диагностировать скрытые социальные и технологические риски суверенитета государства.

Что мы оцениваем? Термины и смыслы

Продовольственная безопасность — сложный, многокомпонентный феномен, обладающий множеством характеристик, что усложняет его точную идентификацию. Можно согласиться с мнением, что «концепция продовольственной безопасности является сложной и многофакторной, включая поведенческие, социальные, культурные, экологические и экономические факторы, чем, по всей видимости, обусловлено отсутствие терминологической согласованности между исследователями» (Россинская и др., 2022). Поиск в базе данных НЭБ elibrary по запросу «„продовольственная безопасность” в названии, ключевых словах и аннотации научной статьи в журнале» выдает более 5000 статей, опубликованных только в 2022–2026 гг. (по состоянию на 19 июня 2026 года).

Родовым признаком продовольственной безопасности как особого феномена является безопасность как таковая, а именно: а) текущее состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз и б) способность объекта защищенности противостоять внутренним и внешним угрозам и разрушающим воздействиям без утраты качественных характеристик¹. Соответствующий понятийный аппарат имеет тесную коннотацию с рисками и угрозами национальным интересам в различных сферах, а также с мерами по их нейтрализации и устранению.

Продовольственная безопасность как один из видов безопасности означает защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в специфической сфере продовольственного обеспечения населения; ее объектом являются продовольственные системы² разного уровня, от национального до местного.

Предметная область продовольственной безопасности представляет собой зону пересечения проблематики трех самостоятельных концепций: всеобщего права на адекватное питание, национальной безопасности и устойчивого развития. Она развивает, детализирует и интегрирует в единое целое отдельные элементы названных концепций, непосредственно связанные с развитием продовольственных систем (рис. 1).

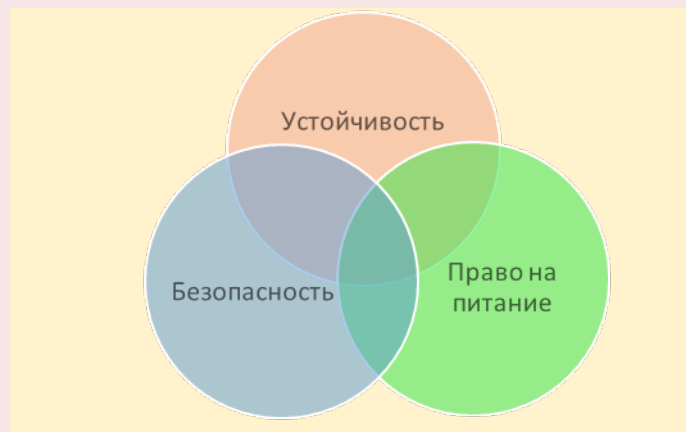
Содержательная многозначность понятия ПБ косвенно подтверждается полисемией аутентичного термина food security: безопасность, обеспечение, уверенность (Гумеров, 2013). В русском переводе эта полисемия отсутствует, а в отечественном научном и правовом дискурсе безальтернативно доминирует закрепленный в нормативных актах термин «продовольственная безопасность». К сожалению, лингвистические ограничения не позволяют в полной мере отразить суть ПБ на разных уровнях проявления: если макроструктурные и геополитические аспекты ПБ традиционно — и вполне справедливо — описываются дефиницией «безопасность», то на уровне отдельных социальных групп и домохозяйств уместнее будет использовать категорию «обеспеченность/обеспечение» с коннотацией с правом на питание.

Стержень концепции продовольственной безопасности составляет всеобщее право на питание. Римская Декларация о всемирной продовольственной безопасности начинается с подтверждения права каждого человека на доступ к безопасной и питательной пище в соот-

¹ См., например: Гражданская защита: Энциклопедический словарь (2015) / под общ. ред. В.А. Пучкова. МЧС России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). 664 с. С. 40.

² Продовольственная система охватывает все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, факторы производства, процессы, инфраструктуру, организации и т. д.) и все виды деятельности, связанные с производством, переработкой, распределением, приготовлением и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе социально-экономические и экологические. Источник: ГЭВУ 2017. (2017). Питание и продовольственные системы: доклад Группы высокого уровня экспертов по продовольственной безопасности и питанию Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 152 с. С. 13.

Рис. 1. Предметная область концепции продовольственной безопасности*

* Предметная область концепции ПБ представлена как область пересечения трех исходных кругов.
Источник: составлено автором.

ветствии с правом на достаточное питание и основным правом каждого человека быть свободным от голода³. Это право должно обеспечиваться безопасными для национальных интересов способами и не в ущерб устойчивому развитию «на благо будущих поколений». Также очевидно, что проблематика продовольственной безопасности семантически тесно связана с проблематикой бедности и нищеты.

Классическим определением продовольственной безопасности признается формулировка, представленная в Плане действий, принятом на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия 1996 года: «Продовольственная безопасность существует, когда каждый человек в любой момент времени имеет физический и экономический доступ к достаточной по объему, безопасной и питательной пище, соответствующей его диетическим потребностям и предпочтениям для ведения активного и здорового образа жизни» (Plan of Action)⁴. Данное определение — продукт по-

следовательного переосмысления представлений мирового сообщества о продовольственной безопасности, которые постепенно эволюционировали от преимущественно технических вопросов продовольственного обеспечения (надежность поставок, объемы предложения и запасов на национальном уровне) к идее обеспечения одного из фундаментальных прав человека — права на достаточное и полноценное питание для ведения активного образа жизни на уровне семьи и отдельного индивида⁵.

В соответствии с приведенным определением выделяется четыре признака, или измерения, ПБ: 1) наличие, 2) физическая и экономическая доступность, 3) использование и 4) стабильность (Biswas et al, 2024). В последнее время структуры ФАО наряду с четырьмя традиционными измерениями продовольственной безопасности используют два дополнительных критериальных признака: субъектность (agency) и устойчивость. Эти два новых аспекта, включая их точные формулировки, официально не

³ Rome Declaration on World Food Security and World Food Summit Plan of Action (1996). FAO UN. Available at: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (accessed: 30.07.2026).

⁴ Перевод автора. «Food security exists when all people, at all times, have physical and economic access to sufficient, safe and nutritious food to meet their dietary needs and food preferences for an active and healthy life». Available at: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (accessed: 26.06.2025).

⁵ Эволюция термина «продовольственная безопасность» прослежена, например, в (Белугин, 2019; Болотнова, 2025); FAO Policy Brief: Food Security (2006). Issue 2. 4 p. Available at: https://www.fao.org/fileadmin/templates/faoitaly/documents/pdf/pdf_Food_Security_Cocept_Note.pdf (accessed: 30.07.2026).

одобренны ФАО, но активно продвигаются Группой экспертов высокого уровня Комитета по всемирной продовольственной безопасности⁶.

Расширение методологической рамки ФАО за счет категорий «субъектности» и «устойчивости» представляется избыточным. Первый из этих критериев смещает фокус мониторинга с физической и экономической доступности продовольствия на оценку общественно-политических институтов (право населения влиять на продовольственные системы). Включение этого фактора превращает оценку ПБ из технологичного аудита в субъективный политический рейтинг. Попытка выделить «устойчивость» в отдельное, шестое измерение избыточна. Устойчивость уже латентно присутствует в классическом критерии «стабильности» (stability) ФАО 1996 года, а также полностью покрывается глобальной концепцией Устойчивого развития (ESG / ЦУР ООН). Можно сказать, что стабильность в кратко- и среднесрочном плане гарантирует устойчивость в долгосрочном периоде. Оба критерия неоперациональны, не могут быть измерены с помощью объективных количественных индикаторов (в тоннах, калориях, денежных единицах, долях). В итоге практические задачи искоренения голода, в частности достижение ЦУР2, подменяются «ложными целями», не имеющими технологичного инструментария для количественного измерения.

О методологии оценки состояния продовольственной безопасности

Зафиксируем несколько предварительных соображений.

1. Формула «наличие у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи» является абстрактным целевым ориентиром, ее не следует понимать буквально. Речь идет о теоретической модели, об обеспеченном государством праве на «равный и постоянный доступ к адекватному питанию» для всех групп населения, независимо от уровня доходов, имущественного и социального статуса. Естественно, в рамках различных групп населения всегда будут граждане, не получающие постоянно-

го доступа к адекватному питанию в силу той или иной жизненной ситуации. ПБ может, например, обеспечиваться на уровне семьи (домохозяйства), а не отдельно взятого индивида. Для иллюстрации этого тезиса в одной из ранних статей автор провел образную параллель между целевым состоянием ПБ и состоянием абсолютно здорового человека, которое на практике, как правило, не встречается. Однако это не означает, что больного не нужно лечить. В нашем случае «процесс лечения» заключается в определении признаков и рисков продовольственной небезопасности и выработке мер по их устранению, смягчению и/или предотвращению. В качестве отсекающего операционального критерия «абсолютного здоровья» мы можем использовать нормы потребления основных продуктов питания, принятые за стандарты потребления (научно обоснованные нормы, рациональные нормы) на данной территории на данном временном отрезке.

2. Понятие ПБ относительно хотя бы потому, что меняются сами наши представления об адекватном питании и рациональных нормах потребления. Согласно известному утверждению американского криптографа и специалиста по компьютерной безопасности Б. Шнайера, «безопасность — это процесс, а не результат». Транслируя этот тезис на ПБ, мы можем сказать, что обеспечение продовольственной безопасности есть непрерывный процесс, характеризующийся сменой тактических задач и ориентиров, механизмов их решения по мере изменения стандартов потребления и возможностей их обеспечения.

3. Согласно своей полиморфной природе ПБ имеет несколько самостоятельных уровней проявления, соответственно, контроля, оценки и управленческого воздействия: глобальный, национальный, субнациональный, групповой (домохозяйства) и индивидуальный. Возможны ситуации, когда целевые установки разных уровней ПБ входят в неантагонистическое противоречие друг с другом. Например, протекционистская политика (национальный уровень) может временно ограничить товарное разнообразие или повысить цены для отдельной семьи или индивида (микроуровень).

⁶ ГЭВУ 2020 (2020). Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года: доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 91 с. С. 7.

Принято визуализировать измерения ПБ как четыре ее равноценных «опоры/столба» (pillar) (Clapp et al., 2022, p. 1; El Bilali et al., 2018). В определенном смысле это так и есть: отсутствие любого из этих признаков должно расцениваться как отсутствие продовольственной безопасности, или состояние продовольственной небезопасности в строгом смысле этих понятий. Однако такая визуализация не дает полного понимания взаимосвязей и взаимозависимостей этих измерений ПБ; более удачной аналогией является представление о четырех измерениях как о своеобразной «матрешке» (рис. 2), в которой каждая из вложенных «кукол» меньше предыдущей — от стадии производства (наличие) через стадии распределения (доступность) и использования к самой маленькой «кукле» стабильности (оценки уязвимости и рисков продовольственной небезопасности).

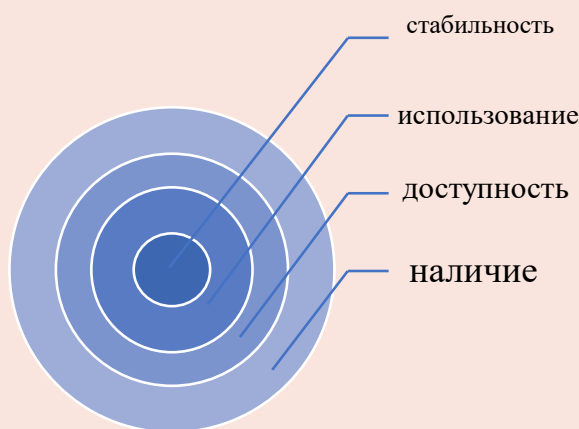
Модель «матрешки» позволяет частично снять справедливое замечание Я. Паппэ и соавторов в отношении критериев ПБ, сформулированных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации: «...если в определении некоторого понятия используются два или более рядоположенных и равноприоритетных тезиса без предварительного анализа соотношений между ними (совместимости, соподчиненности и т. д.), это сразу вызывает обоснованные сомнения в методологической корректности. Тем более когда эти тезисы каса-

ются принципиально различных объектов или субъектов» (Паппэ и др., 2017).

Модель наглядно иллюстрирует соподчиненность измерений продовольственной безопасности и соответствующий вектор поочередной оценки ее индикаторов: от фундаментальных показателей наличия продовольствия до показателей стабильности национальных систем; каждое последующее измерение фиксирует «узкие места» национальных продовольственных систем в обеспечении ПБ. «Матрешка» также позволяет дифференцировать уровни оценки ПБ: оценка на национальном (наличие) уровне, уровне домохозяйства (доступность) или отдельного индивида (использование).

Однако формат «матрешки» не дает представления о циклической природе ПБ. Возвращаемся к одному из выводов, сформулированных выше: обеспечение продовольственной безопасности есть не результат, а непрерывный процесс, поскольку понятие достаточности продовольствия субъективно и относительно. Самой очевидной иллюстрацией циклической природы ПБ является смена моделей потребления, когда население в меру роста продовольственных ресурсов, доходов, реализации мер государственной поддержки продовольственных систем начинает предъявлять новые, более высокие требования к наличию, доступу и использованию качественного и разнообразного продовольствия. Для характеристики различных моделей потребления как меры ПБ Ю.М. Ксенофонов

Рис. 2. «Матрешка» продовольственной безопасности

Источник: составлено автором.

и соавторы ввели специальный термин «продовольственное благополучие» (Ксенофонов и др., 2018, с. 128). Переход от статичной «матрешки» к циклической модели динамично развивающихся потребностей снимает это противоречие (рис. 3). Постепенное уменьшение диаметров кругов от «наличия» к «стабильности» действительно передает идею сужения и фильтрации элементов ПБ, а также соподчиненность ее уровней: от макроуровня (наличие) к микроуровню индивидуального потребления.

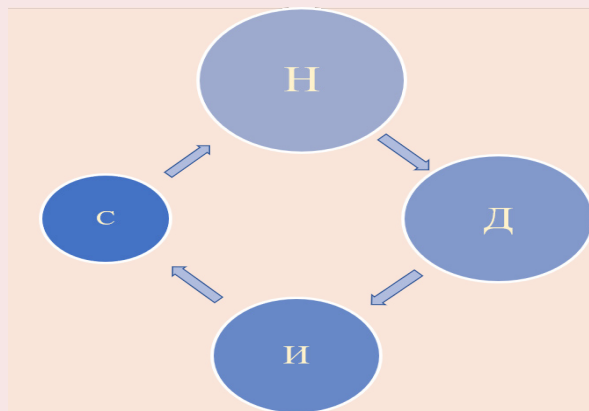
Циклическая модель также наглядно иллюстрирует действие механизмов обратной связи. Прохождение продовольствием всей цепочки от производства до конечного усвоения организмом вскрывает новые общественные потребности, которые заставляют перестраивать структуру предложения на следующем витке цикла, выступая реакцией на накопленные изменения на уровнях доступности, использования и общей стабильности системы⁷.

Обоснование и оценка набора национальных индикаторов ПБ Российской Федерации. Методологические «тупики» и «развилки»

Международные индикаторы

В 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года ООН началась реализация семнадцати целей в области устойчивого развития (ЦУР). Цель 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» (End hunger, achieve food security and improved nutrition and promote sustainable agriculture) непосредственно направлена на ликвидацию голода и неполноценного питания во всех его проявлениях к 2030 году. Мониторинг реализации цели проводится по тринадцати индикаторам, сгруппированным по восьми задачам⁸. Российский национальный набор индикаторов ЦУР2 включает в себя пять показателей, отнесенных к четырем задачам⁹.

Рис. 3. Циклическая модель «матрешки» ПБ, где: Н – наличие, Д – доступность, И – использование, С – стабильность

Источник: составлено автором.

⁷ Наиболее наглядно эти процессы прослеживаются на примере КНР, где сдвиги в структуре продовольствия были обусловлены стремительной урбанизацией, формированием многочисленного среднего класса и общим ростом доходов населения. За последние десятилетия продовольственная корзина КНР претерпела фундаментальную трансформацию: страна перешла от традиционной диеты, основанной на углеводах (рис и зерновые), к западному типу потребления с высокой долей белков, жиров и переработанных продуктов. При этом также наблюдались увеличение доли потребления говядины и мяса птицы в общем потреблении мяса, скачкообразный рост потребления яиц, молока, морепродуктов (Zhu, 2026; Sun et al., 2024; Gale, Dong, 2023).

⁸ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 21.06.2026).

⁹ Национальный перечень показателей ЦУР. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/NPP_ZUR-2026.xlsx (дата обращения 21.06.2026).

Глобальный индекс продовольственной безопасности (GFSI), который разрабатывается группой Economist, оценивает наличие, доступность, качество и безопасность продовольствия, а также устойчивость и адаптацию по 68 индикаторам. Последние, по утверждению разработчиков, измеряют факторы, влияющие на продовольственную безопасность как в развивающихся, так и в развитых странах¹⁰.

Специфика этих перечней заключается в их неполном соответствии четырем измерениям ПБ в общепринятой концепции ООН/ФАО. Соответствующий набор показателей, полностью гармонизированный с четырьмя измерениями, впервые был предложен в совместном докладе «Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире — 2014. Улучшение благоприятной среды для продовольственной безопасности и питания»¹¹. Перечень состоит из 31 индикатора, включая 5 индикаторов наличия, 9 индикаторов доступности (в том числе 3 — физической доступности), 10 — использования и 7 — стабильности.

Все упомянутые перечни представляют собой унифицированные наборы наиболее общих показателей, предназначенных для оценки ПБ как в развивающихся, так и в развитых странах. При этом перечень ФАО, что вполне естественно, больше акцентирован на оценке состояния ПБ в развивающихся странах, и значительное число индикаторов неактуально для развитых стран Европы и Северной Америки. Это относится, в частности, к высокой доле показателей использования и присутствию в их составе таких показателей, как «доступ к улучшенным источникам водоснабжения», «доступ к улучшенным санитарно-техническим сооружениям», «процентная доля детей в возрасте до пяти лет,

страдающих от истощения», «процентная доля взрослого населения, имеющего пониженную массу тела». Такая же приоритизация показателей ПБ характерна для индикаторов достижения ЦУР2. Что касается частных показателей GFSI, то они максимально унифицированы, сфокусированы на межстрановых сравнениях (индексировании и ранжировании), а потому слабо учитывают страновую специфику состояния ПБ «здесь и сейчас». Безусловно, для ряда регионов РФ показатели инфраструктурного доступа к водоснабжению остаются актуальными, однако в рамках построения компактной общенациональной модели оперативной диагностики рисков они не могут быть признаны сквозными лимитирующими факторами.

Индикаторы Доктрины продовольственной безопасности РФ. Перегруженность действующего нормативного контура Доктрины ПБ РФ, отмеченная выше, диктует необходимость смены аналитической парадигмы¹². Национальный перечень индикаторов методологически должен строиться на сочетании универсальных подходов к идентификации ПБ с оперативным анализом специфической продовольственной ситуации в стране «здесь и сейчас». В связи с этим предлагаемые нами показатели были жестко структурированы по четырем классическим измерениям ФАО.

Авторская позиция состоит в том, что число индикаторов национального перечня по каждому измерению должно находиться в коридоре от трех до пяти. Ограничение аналитического контура рамками 3–5 ключевых индикаторов по каждому из четырех измерений концепции ФАО продиктовано требованиями управленческой эргономики (триангуляция, закон Миллера), позволяющими оперативно выявлять угро-

¹⁰ Global Food Security Index 2022 (2022). The Economist Group. 29 p. Available at: https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/resources/Economist_Impact_GFSI_2022_Global_Report_Sep_2022.pdf (accessed: 30.07.2026).

¹¹ ФАО, МФСР, ВПП (2014). Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире — 2014. Улучшение благоприятной среды для продовольственной безопасности и питания. Рим. ФАО. 58 с. С. 54. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/3647342f-9f40-4bb7-94a2-996e8fe80d67/content> (дата обращения: 30.07.2026).

¹² Нормативный перечень показателей для оценки ПБ Российской Федерации, разработанный в развитие Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, изложен на 27 страницах. Представленные в перечне показатели условно можно разбить на следующие подгруппы, имеющие разную релевантность в отношении собственно ПБ: макроэкономические показатели; показатели собственно ПБ; показатели, характеризующие факторы и риски обеспечения ПБ. См. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2021 года № 296-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации».

зы без избыточной перегрузки аналитической системы. Приоритет в оценке отдается индикаторам, в сжатые сроки выявляющим проблемные точки. В качестве качественных критериев отбора совместно использовались:

- релевантность показателей по отношению к четырем базовым измерениям продовольственной безопасности (наличие, доступность, использование, стабильность);

- регулярная сквозная наблюдаемость, предполагающая опору на непрерывные ряды официальных данных Росстата либо простейшие расчеты на их основе, что исключает экспертный субъективизм и обеспечивает проверяемость результатов;

- логическая репрезентативность, основанная на эвристических методах анализа, включая SWOT-метрики (для фиксации сильных/слабых сторон контура АПК), абдукцию (как метод поиска наилучшего объяснения скрытых причин латентных рисков) и теорию изменений (Theory of Change) для моделирования цепочек причинно-следственных связей.

По сути, через предлагаемую систему показателей диагностируются риски продовольственной небезопасности. *Таблица 1* консолидирует показатели, которые либо содержатся в официальных базах данных, либо требуют минимальных расчетов на их основе. Данная система преимущественно предназначена не для получения слепок, или «моментального снимка» ПБ, а для оценки проблемных зон, трендов и рисков в целях последующего принятия управленческих решений. Ввиду ограниченности объема статьи акцент далее делается на показателях и критериях, представляющих наибольший теоретико-практический интерес.

Наличие. В системе балансовых показателей продовольственных ресурсов критериями безопасности являются: 1) неснижение годовых совокупных объемов располагаемых продовольственных ресурсов (производство, импорт, сальдо запасов) и 2) соблюдение порогового от-

ношения запасов зерновых на конец года к объемам их совокупного потребления в следующем году. Второй индикатор является эмуляцией индикатора «stock-to-use ratio», используемого экспертами ФАО для оценки глобальной ПБ. Соотношение в 17–18%, по оценкам, является минимально необходимым для обеспечения мировой продовольственной безопасности¹³.

К сожалению, мы вынуждены ограничить горизонт анализа продуктовых балансов 2021 годом, поскольку в дальнейшем Росстат прекратил их официальную публикацию¹⁴. Поэтому в рамках данной работы соответствующие выводы имеют больше иллюстративный, нежели доказательный характер. В период 2017–2021 гг. по большинству видов продукции критерий неснижаемости ресурсов соблюдался. Исключение составили картофель и овощи (снижение как тенденция), а также зерно (неустойчивая динамика). Реальную озабоченность может вызывать только снижение ресурсов овощей и продовольственных бахчевых культур, по которым наблюдается дефицит потребления. В данной работе классический показатель stock-to-use ratio модифицирован автором в «коэффициент промежуточной (зимней) обеспеченности запасами». Он рассчитан как отношение объемов зерна, находящихся на хранении на промежуточный пиковый момент (31 декабря отчетного года), к фактическому использованию в последующем календарном году. Полученные высокие значения (в диапазоне 60–70%) методологически не сопоставимы напрямую с летними переходящими остатками ФАО ООН (17–18%), однако они наглядно иллюстрируют колоссальную концентрацию продовольственных ресурсов в середине управленческого цикла и свидетельствуют о высокой степени краткосрочной ресурсной обеспеченности внутреннего рынка зерна в зимне-весенний период. Сознательное использование модифицированного показателя обусловлено, в том числе, необходимостью гармонизации данных с иными календарными показателями Росстата.

¹³ Trade Reforms and Food Security: Conceptualizing the Linkages (2002). FAO UN. Rome. P. 6. Available at: <https://www.fao.org/4/y4671e/y4671e00.htm> (accessed: 30.07.2026).

¹⁴ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 55-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 и приостановлении действия части 7 статьи 8 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» и об особенностях осуществления официального статистического учета на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» внес поправки, разрешающие Правительству временно приостанавливать распространение официальной статистической информации.

Таблица 1. Перечень показателей мониторинга и контроля состояния продовольственной безопасности Российской Федерации

Измерение ПБ	Индикаторы ПБ	Корреспондирующие показатели
Наличие	Балансы отдельных видов продовольственных ресурсов	Объем располагаемых продовольственных ресурсов (по отдельным товарным группам)
	Модифицированный индикатор « <i>stock-to-use ratio</i> », используемый экспертами ФАО для оценки глобальной ПБ (17–18%)	Расчет по показателям Росстата (продуктовые балансы)
	ВП сельского хозяйства в расчете на душу населения, динамика	Расчет по показателям Росстата
Доступность	Соотношение фактических расходов на приобретение продуктов питания (в разрезе децильных групп) со стоимостью минимального (условного) набора продуктов питания	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Доля затрат на приобретение продовольствия: – на душу населения в среднем; – в первой децильной группе	Показатели Росстата
	Децильный коэффициент расходов на приобретение продуктов питания (расходы первой группы по отношению к расходам десятой группы)	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения, по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности, %	Позиция национального перечня показателей ЦУР. Рассчитывается по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности (FIES)
	Плотность площадей торговых объектов на 1000 человек	Показатели региональной статистики
Использование	Среднедушевое потребление основных продуктов питания	Показатели Росстата
	Потребление по децильным группам	Показатели Росстата
	Децильный коэффициент душевого потребления по наиболее ценным продуктам питания (потребление первой группы по отношению к потреблению десятой группы)	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Энергетическая и питательная ценность потребляемого продовольствия, в т. ч. соотношение белков, жиров, углеводов в рационе	Показатели Росстата
Стабильность	1. Производство и потребление: – колебания валовых сборов зерна в пределах пятилетнего периода (наименьшее к среднему); – доля продукции отечественного производства в общих ресурсах основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия, %, по стоимости (динамика); – уровень монополизации продовольственных рынков	Показатели Росстата и расчетные показатели по исходным показателям Росстата Методика анализа состояния конкуренции на товарном рынке ФАС позволяет проводить оценку монополизации отдельных рынков
	2. Технологии: – доля семян отечественного производства (а); – доля животных отечественной репродукции, используемых для целей сельскохозяйственного производства на территории Российской Федерации (б)	Показатель Доктрины ПБ РФ (а) Позиция национального перечня показателей ЦУР (б)
	3. Финансы: – объем государственной поддержки сельского хозяйства; – уровень агфляции	Данные Минсельхоза России и Росстата
Источник: составлено автором.		

Доступность. Статистический анализ верифицирует модель «циклической матрешки»: несмотря на то что на верхнем уровне («наличие») продовольственные ресурсы в стране в основном сформированы, на следующем уровне («доступность») объемы и экономические условия приобретения продовольствия в разных децильных группах заметно различаются.

Первую приблизительную оценку экономической доступности продовольствия дает соотношение фактических расходов населения на приобретение продуктов питания и стоимости минимального (условного) набора продуктов питания (ФР/СН) не только в целом для населения страны, но и в разрезе децильных групп¹⁵. Как видно из *таблицы 2*, в период 2020–2024 гг. первая децильная группа населения страны находилась в условной зоне абсолютного неблагополучия; расходы на приобретение продуктов питания в ней были ниже стоимости условного набора. Вторая группа находилась в условной зоне уязвимости (повышенного риска), или относительного неблагополучия, периодически «проваливаясь» в зону абсолютного неблагополучия: фактические расходы на приобретение питания в этой группе очень незначительно превышали

стоимость минимального набора (2020, 2023, 2024 гг.) либо были ниже (2021, 2022 гг.).

Ограниченность показателя ФР/СН заключается в том, что он носит условный характер и не учитывает сдвигов в структуре потребления — как меж-, так и внутригрупповых. Нюансированную картину экономической доступности продовольствия для различных групп российского населения можно получить, исследуя долю их расходов на приобретение продовольствия в общих расходах на потребление.

В теории и практике международных отношений широко применяется принцип неделимости безопасности, означающий невозможность обеспечения собственной защищенности за счет ущемления интересов других субъектов. В рамках нашего исследования данный принцип транслируется на систему базовых потребностей человека. Продовольственная безопасность может считаться достигнутой лишь тогда, когда потребитель не просто имеет достаточно средств для приобретения желаемого набора качественных продуктов, но и использует их без ущерба для удовлетворения других своих основных материальных и духовных потребностей¹⁶. Ущемление любой из этих сфер ради выживания девальвирует общую защищенность индивида.

Таблица 2. Фактические расходы на домашнее питание по децильным группам в сравнении со среднегодовой стоимостью условного (минимального) набора продуктов питания в 2020–2024 гг., руб. в месяц

Год	Фактические расходы на приобретение продуктов питания, по децильным группам			Среднегодовая стоимость условного (минимального) набора
	1 группа	2 группа	3 группа	
2020	3263,6	4334,9	4950,0	4320,1
2021	3557,8	4681,8	5485,4	4911,7
2022	4126,3	5397,5	6330,2	5775,6
2023	4466,0	5997,8	6990,0	5788,7
2024	5075,3	6 820,0	7987,2	6495,3
Примечание: красным цветом выделены зоны абсолютного неблагополучия (расходы ниже стоимости минимального набора); желтым — зоны относительного неблагополучия/уязвимости. Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.				

¹⁵ В состав условного (минимального) набора продуктов питания включено 33 наименования продовольственных товаров. Данные о стоимости набора определяются в расчете на одного человека в месяц. При ее расчете используются единые, установленные в целом по Российской Федерации, условные объемы потребления продуктов питания и средние потребительские цены на них по субъектам Российской Федерации («Официальная статистическая методология наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», утвержденная приказом Росстата № 915 от 15 декабря 2021 г.).

¹⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 12 (1999 год): Право на достаточное питание (ст. 11). ООН. Док. E/C.12/1999/5. 12 мая 1999 г. URL: <https://docs.un.org/ru/E/C.12/1999/5> (дата обращения: 30.07.2026).

В качестве оценочного критерия экономической доступности продовольствия автор использовал шкалу уровня жизни ООН, основанную на коэффициентах Энгеля. Высокая доля расходов на питание (свыше 50%) есть иная форма продовольственной небезопасности, поскольку в данном случае приобретение продуктов питания не может осуществляться без ущерба расходам на другие основные потребности, реабилитацию и развитие. Это очень важный нюанс¹⁷.

В Российской Федерации в целом доля расходов на питание в общих расходах домашних хозяйств на потребление находится на приемлемом уровне, соответствующем формату среднего уровня развития общества и сравнительно обеспеченного населения, и в последние годы имеет слабый тренд к снижению. В предыдущие годы, напротив, отмечался рост этого показателя — с 33,2% в 2013 году до 37,0% в 2020 году. Внутри периода 2013–2020 гг. можно отметить два скачка расходов на приобретение продуктов питания — в 2014 и 2020 гг. В первом случае доля расходов увеличилась с 33,2 до 33,9% в связи с принятием ответных защитных мер в сфере внешней торговли продовольствием, во

втором рост доли с 34,6 до 37,0% был обусловлен в основном логистическими последствиями пандемии коронавирусной инфекции.

Полученные данные позволяют с определенной долей осторожности констатировать институциональный перелом в долгосрочной динамике рассматриваемого индикатора, в той мере, в какой речь идет о средних показателях. Вместе с тем развернутые статистические данные подтверждают жизнеспособность и практическую значимость разработанной нами циклической модели «матрешки» не только применительно к взаимосвязям четырех измерений ПБ, но и к анализу каждого из измерений. Методологическая ловушка «среднего благополучия» маскирует факт заметного расслоения российского населения.

Как видно из *таблицы 3*, в 2024 году в пяти группах из десяти доля расходов на питание находилась в диапазоне 40–50%, что, согласно нашей гипотезе, соответствует уровню жизни ниже среднего, а 10% населения страны (первая децильная группа) расходует на продовольствие более половины своего потребительского бюджета, что соответствует низкому уровню благосостояния. Именно на показатели этой группы,

Таблица 3. Группировка населения РФ по уровню благосостояния на основе доли расходов на продовольствие (2020 и 2024 гг.)

Шкала расходов на продукты питания, % от совокупных расходов	Интерпретация (стандарты уровня жизни)	Распределение децильных групп населения РФ по категориям	
		2020	2024
> 60	крайняя бедность		
50–60	низкий уровень, едва удовлетворены основные потребности	1 группа	1 группа
40–50	уровень ниже среднего, удовлетворены основные потребности	2, 3, 4, 5, 6, 7 группы	2, 3, 4, 5, 6 группы
30–40	средний уровень, сравнительно обеспеченное население	8, 9 группы	7, 8 группы
20–30	уровень выше среднего, обеспеченное общество	10 группа	9 группа
< 20	высокий уровень, богатое общество		10 группа
Источник: данные Росстата.			

¹⁷ В последнее время появлялись публикации, в которых утверждалось, что значительная часть продовольствия: мясо, сахар, яйца, масло — стала доступней в сравнении с советским периодом на том основании, что изменились соотношения средней заработной платы россиян и цен на эти продукты. В частности, такой вывод сделали опрошенные эксперты по итогам проведенного специально для ТАСС анализа. См.: «Цена/доход»: как изменилась доступность продуктов в России по сравнению с СССР. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26443829> (дата обращения: 06.07.2026). Это большая методологическая ошибка, приводящая к неверным практическим выводам. Доказанным можно считать лишь тот факт, что изменились названные соотношения. Такая оценка не учитывает, что одновременно возросли тарифы ЖКХ и проезд на общественном транспорте, многие другие виды расходов, которые «оттягивают» на себя заметную часть расходов современных российских домохозяйств в сравнении с советским периодом. Не говоря уже о том, что неправомерно оценивать доступность продовольствия для российского населения по средней заработной плате.

а не на средние показатели, в первую очередь должен быть направлен мониторинг и контроль ПБ (контроль лимитирующего звена).

Предложенный автором децильный коэффициент по расходам на питание в последние годы колеблется в диапазоне 3,08–3,27 (рис. 4). Децильный коэффициент расходов на питание K_{rp} рассчитывается по формуле:

$$K_{rp} = P_{10} / P_1,$$

где

K_{rp} — децильный коэффициент расходов на питание,

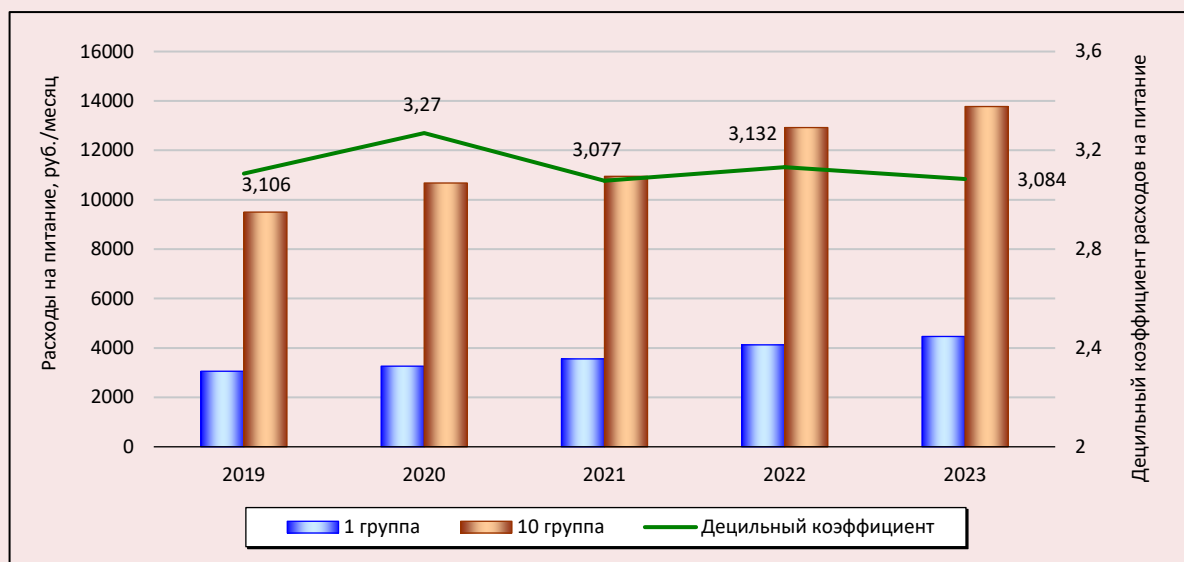
P_{10}, P_1 — ежемесячные расходы на питание в десятой и первой децильных группах соответственно.

Флуктуации децильного коэффициента расходов на приобретение продуктов питания в пределах узкого диапазона значений могут свидетельствовать о затухающей предельной эффективности традиционных инструментов адресной поддержки малоимущих слоев населения и необходимости поиска новых форм.

В отечественной литературе довольно широкое распространение получила трактовка физической доступности продовольствия как наличия/достаточности продовольствия в соответствии с рациональными нормами потребления основных его видов (Киреева и др., 2020; Щетинина, 2024; Яшкова, 2020).

Методологическая триангуляция такой подход не подтверждает: и методика ФАО, и GFSI, и Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации в качестве критериев физической доступности используют другие индикаторы. Здесь мы имеем дело с методологическим смешением разных измерений ПБ — наличия, доступности, использования. В действительности термин «физическая доступность» имеет очевидную коннотацию с возможностью приобретения продовольствия в месте проживания, в пределах досягаемости. Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности определяет физическую доступность как «физическую близость» продовольствия¹⁸.

Рис. 4. Расходы на питание первой и десятой децильных групп и децильный коэффициент расходов в 2019–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

¹⁸ ГЭВУ 2020 (2020). Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года: доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 91 с. С. 90.

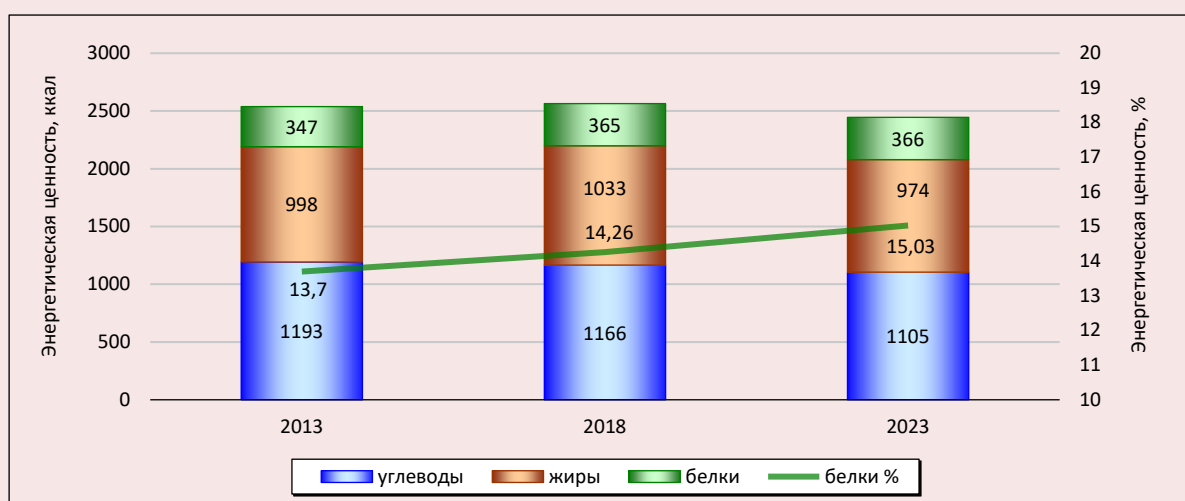
Для оценки физической доступности автор предлагает использовать достаточно нейтральный показатель Доктрины «уровень развития товаропроводящей инфраструктуры». Поскольку в соответствии с законодательством сами нормативы минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов для субъектов Российской Федерации разрабатываются уполномоченными органами исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации, им же целесообразно делегировать полномочия по мониторингу и оценке этого параметра.

Использование. Использование оценивает энергетическую ценность, сбалансированность и разнообразие рациона, его усвояемость и соответствие традициям, обычаям и представлениям о питании в специфической культурной среде.

Ретроспективный анализ энергетической и питательной ценности потребляемого продовольствия фиксирует две тенденции (рис. 5): 1) стабилизацию энергетической ценности дневного рациона среднестатистического россиянина (снижением менее 4% можно пренебречь) при 2) качественном улучшении рациона питания за счет некоторого увеличения доли килокалорий, получаемых в форме белков.

Другим показателем использования является степень соответствия рациона потребления рациональным (научно обоснованным) нормам, которая характеризует вещественно-натуральную форму, в которой происходит потребление необходимых макронутриентов (белки, жиры, углеводы), обладающих достаточной энергетической ценностью. Подчеркнем условность рациональных норм потребления. Рекомендуемые рациональные нормы Минздрава России – не что иное как научное представление (гипотеза) о наборе продуктов питания, в наибольшей степени соответствующих критериям сбалансированности, разнообразия, усвояемости при существующих допущениях и ограничениях, в первую очередь фактическом наличии и экономической доступности продовольствия. Известны исследования, где для оценки рациона использовались иные критерии: общая калорийность рациона (Pradhan et al., 2014; Kinnunen et al., 2020) либо альтернативный набор продуктов (Stehl et al., 2025). Дополнительными компонентами использования принято считать свободный доступ к чистой воде, средствам санитарии и здравоохранению, содействующих лучшему усвоению питательных веществ.

Рис. 5. Динамика пищевой и энергетической ценности суточного рациона питания лиц в возрасте 14 лет и более

Источники: данные выборочных наблюдений рациона питания населения в 2013, 2018, 2023 гг.; расчеты автора на их основе.

Объемы среднедушевого потребления всех основных продуктов питания в 2000-х гг. имели положительную динамику, тем не менее фактическое потребление овощей, фруктов и ягод, молочных продуктов заметно отстает от рекомендуемых норм Минздрава России; в меньшей степени это касается потребления рыбы. Зеркальная картина наблюдается в отношении сахара: фактическое его потребление на душу населения более чем в четыре раза превышает рекомендуемую рациональную норму. Справедливости ради отметим, что рекомендуемая норма значительно ниже исторически сложившихся стандартов потребления российского населения, она была пересмотрена в сторону значительного уменьшения в 2020 году и пока ее можно отнести к разряду нереалистичных.

Существующее неравенство в потреблении наиболее ценных продуктов питания в разрезе децильных групп (табл. 4) коррелирует с дифференциацией расходов соответствующих групп на приобретение продуктов питания.

Здесь мы вновь попадаем в ловушку средних показателей и наблюдаем некий парадокс: чем большую долю своих расходов домохозяйства направляют на приобретение продуктов питания, тем менее питательным и здоровым является их рацион.

Стабильность. Измерение стабильности (устойчивости) в системе продовольственной безопасности обладает двойственной, дуалистической природой. С одной стороны, в рамках кластерного подхода ФАО стабильность

выступает как самостоятельное, четвертое измерение ПБ, оценивающее уязвимость системы перед краткосрочными шоками и долгосрочными рисками. С другой стороны, стабильность является сквозным фактором и необходимым условием реализации всех остальных измерений – наличия, доступности и использования. Эту методологическую особенность можно сравнить с проекциями геометрического тела (например, карандаша): при взгляде с торца мы видим лишь изолированную точку (самостоятельное измерение), но при взгляде сбоку – протяженный отрезок, пронизывающий всю конструкцию «циклической матрешки» (сквозной фактор). Стабильность как «точка» измеряется конкретными маркерами, например долей продукции отечественного производства в общих ресурсах основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия или колебаниями валовых сборов зерна в пределах пятилетнего периода. В то же время стабильность как «отрезок» определяет, насколько устойчивы во времени экономическая доступность для децильных групп, физическая бесперебойность поставок в торговые сети или сбалансированность рациона питания.

В данном исследовании хотелось бы акцентировать внимание на двух базовых показателях стабильности: доле семян отечественной селекции (технологическая устойчивость продовольственной системы как выражение технологического суверенитета) и уровне агфляции (финансовая устойчивость как выражение финансового суверенитета).

Таблица 4. Потребление продуктов питания по децильным (десятипроцентным) группам населения в 2023 году

Потребление основных продуктов питания, в среднем на потребителя в год, кг	Первая группа	Вторая группа	Четвертая группа	Седьмая группа	Десятая группа
хлебные продукты	75,1	82,4	87,3	89,0	86,0
картофель	46,2	52,7	55,8	55,9	51,9
овощи и бахчевые	68,7	86,9	101,3	116,7	129,6
фрукты и ягоды	39,1	51,2	63,9	77,7	104,1
мясо и мясопродукты	63,9	80,1	91,9	105,9	117,5
молоко и молочные продукты	169,7	212,9	249,3	274,7	321,6
яйца, шт.	171	204	225	241	288
рыба и рыбопродукты	13,8	17,0	20,2	23,1	33,2
сахар и кондитерские изделия	22,3	26,3	28,5	30,9	29,8
масло растительное и другие жиры	7,7	8,8	9,6	9,3	9,3

Источник: данные Росстата.

Ранее (Гумеров, Гусева, 2018) был сформулирован так называемый «парадокс импортозамещения»: при сложившихся объемах поставок производственных ресурсов для сельского хозяйства (семена, племенной материал, СХЗР, кормовые премиксы) импортозамещение в части сельскохозяйственной продукции при прочих равных условиях будет сопровождаться ростом вторичной зависимости по ресурсам; на эту особенность обращают внимание и другие отечественные исследователи (Потапов, 2019). Под ростом вторичной зависимости понимается ситуация, когда наращивание внутренних объемов конечной продукции критически опирается на растущий в соответствующей пропорции импорт материально-технических ресурсов первого уровня (генетический материал, инкубационные яйца, ветеринарные препараты, премиксы и семенной материал), что при внешних шоках создает скрытые уязвимости для всей продовольственной системы.

В обновленную редакцию Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации 2020 года наряду с пороговыми значениями самообеспеченности по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия включен показатель обеспеченности семенами отечественной селекции основных сельскохозяйственных культур на уровне не менее 75%. Здесь тоже важно не попасть в ловушку «средних значений»: при высоких показателях самообеспеченности семенами пшеницы, риса, ячменя прямо-таки катастрофической выглядит обеспеченность семенами отечественной селекции таких культур, как картофель и сахарная свекла — на уровне 10 и 2% соответственно (2024 год)¹⁹. В целом процесс импортозамещения выстроен и отрегулирован. Распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4133-р утвержден план-график увеличения доли семян отечественной селекции в разрезе основных сельскохозяйственных культур, в рамках Госпрограммы развития сельского хозяйства выплачиваются субсидии на приобретение элитных семян отечественной селекции производителям зерновых и подсол-

нечника, для производителей овощей из элитных семян отечественной селекции предусматриваются повышающие коэффициенты субсидирования. Параллельно снижаются квоты на импорт картофеля, пивоваренного ячменя, гибридных семян сахарной свеклы. Важно контролировать целевые показатели Доктрины, а также распространить политику импортозамещения на другие производственные ресурсы сельского хозяйства в рамках Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства (ФНТП) на 2017–2030 гг.

Индекс цен на продовольственные товары (уровень агфляции) является информативным индикатором стабильности продовольственной системы «первого уровня». Как показал опыт мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг., в основе роста продовольственных цен может лежать целый комплекс факторов разнообразной природы: климатические изменения и погодные колебания, политические решения, рост населения и изменения модели потребления, дефицит производственных ресурсов. В последние годы существенно возрастают риски военно-политических конфликтов и связанных с ними логистических проблем. Детальный анализ природы, триггеров и макроэкономических последствий подобных ценовых скачков на отечественном продовольственном рынке подробно исследован автором в специальной работе (Гумеров, 2021).

На основе представленного графика (рис. 6) можно выделить три ключевых этапа динамики агфляции в Российской Федерации на отрезке 2019–2025 гг.

1. Период опережающего роста (2019–2021 гг.). Начало пандемии COVID-19 и сбои в глобальных логистических цепочках привели к резкому скачку цен на продовольствие (Гумеров, 2021). Оранжевая линия стремительно уходит вверх, достигая пика в 2021 году (около 112,5%). В это время общая инфляция (синяя область) росла гораздо медленнее, что привело к сильному разрыву («ножницам цен») в пользу агфляции, которая создавала избыточное экономическое давление на наименее защищенные слои населения.

¹⁹ Итоги года в селекции и семеноводстве — 2024. URL: <https://поле.пф/journal/publication/itogi-goda-v-selekcii-i-semenovodstve-2024> (дата обращения: 05.07.2026).

2. Эффект догоняющей инфляции (2022 год). В 2022 году тренд временно развернулся. Продовольственные цены стабилизировались и даже немного пошли вниз, в то время как общий индекс потребительских цен (синяя область) достиг своего пика (около 111,8%). Это объясняется тем, что виток агфляции прошлых лет перекинулся на остальные сектора экономики (выросли цены на топливо, услуги, непродовольственные товары) и общая инфляция «догнала» продовольственную (ножницы «сомкнулись»).

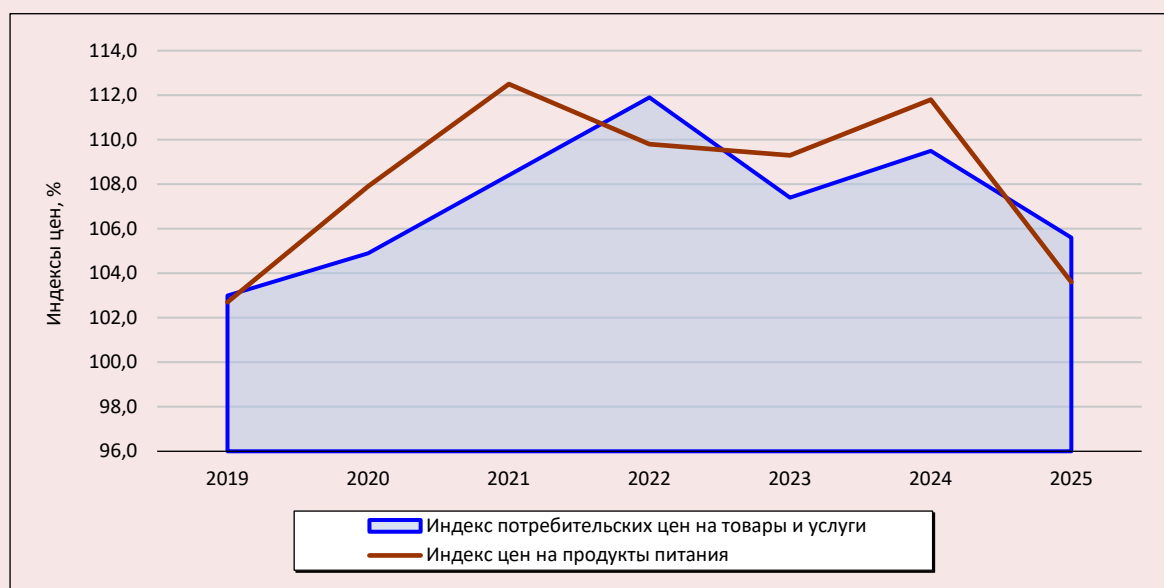
3. Вторая волна агфляции (2023–2024 гг.). После кратковременного спада в 2023 году оранжевая линия продовольственных цен снова резко устремилась вверх, сформировав второй пик в 2024 году (около 111,8%). Синяя область общей инфляции при этом находилась ниже. Это подтверждает, что хронические структурные дисбалансы продовольственного рынка регулярно обостряются под влиянием внешних шоков.

В 2025 году наблюдалось синхронное замедление обоих показателей, однако индекс цен на продукты питания падал быстрее общей инфляции. Сейчас мы не можем сказать, насколько устойчивой является такая динамика и пере-

растет ли она в тенденцию; это покажут последующие наблюдения.

Очевидный комплексный характер аграрной инфляции, зарождающейся на стыке макроэкономических, монетарных, транспортных и фитосанитарных триггеров, требует интеграции межведомственных аналитических компетенций путем создания специального института, например Межведомственного координационного совета или Ситуационного центра по продовольственным рынкам при Правительстве РФ. Основными функциями данного центра в контексте предложенной системы индикаторов должны стать: 1) консолидация и сквозной мониторинг ведомственных информационных потоков для формирования единой базы данных о состоянии продовольственного рынка; 2) разработка краткосрочных оперативных балансов спроса и предложения по критически важным группам продовольствия, позволяющих выявлять латентные дисбалансы до их проявления в розничном ценовом контуре; 3) сценарное моделирование рисков агфляции и вторичной технологической зависимости АПК для оперативного принятия мер тарифно-таможенного и монетарного регулирования.

Рис. 6. Индексы потребительских цен

Источник: данные Росстата.

Заключение

В соответствии с поставленной целью исследования (разработка компактной модели оперативной диагностики рисков продовольственной безопасности на основе полярного межгруппового анализа) получены следующие основные результаты, зеркально отражающие решение ключевых задач.

1. В части синхронизации с международными подходами: обоснован переход от валовых показателей к четырехкомпонентной рамке ФАО, что позволило выявить латентные угрозы, маскируемые средними показателями национальной доктрины.

2. В части преодоления «ловушки средних»: на основе авторского децильного коэффициента расходов на питание (K_{rp}) эмпирически доказана критическая глубина социально-

ально-экономической дифференциации, где инфляционное сжатие рационов наименее обеспеченных групп происходит на фоне стабильных средних показателей.

3. В части технологического контура и стабильности: разработана и верифицирована двухступенчатая модель «матрешки» (в статике и циклической модификации), а также аргументирована необходимость создания Ситуационного центра при Правительстве РФ для сценарного моделирования агфляционных шоков сопутствующих функций.

Разработанный методологический подход обладает концептуальной завершенностью и смещает фокус мониторинга с констатации свершившихся кризисов на превентивное управление скрытыми рисками.

Литература

- Белугин А.Ю. (2019). Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 11. № 2 (32). С. 122–143.
- Болотнова О.И. (2025). Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Актуальные вопросы современной экономики. № 3. С. 82–91.
- Гумеров Р.Р. (2021). Невыученные уроки ценовых скачков на продовольственном рынке // Российский экономический журнал. № 3. С. 25–45. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-3-25-45
- Гумеров Р.Р., Гусева Н.В. (2018). Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности // ЭКО. № 2. С. 90–102. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-2-90-102
- Гумеров Р.Р. (2013). Обеспечение национальной продовольственной безопасности: как расставить приоритеты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 6. № 1. С. 6–17.
- Киреева Н.А., Прущак О.В., Грандонян К.А., Миронов М.Г. (2022). Продовольственная безопасность России: новые вызовы и пути достижения // Инновационная деятельность. № 2 (61). С. 15–26.
- Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Гольденберг И.А., Ситников П.В. (2018). Методологические проблемы формирования продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 127–135.
- Паппэ Я.Ш., Антоненко Н.С., Ползиков Д.А. (2017). Продовольственная безопасность России: современный подход // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 62–74.
- Потапов А.П. (2019). Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства в контексте продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 120–129.
- Россинская Г.М., Ишмухаметов Н.С., Ибрагимова З.Ф. (2022). Таргетирование продовольственной безопасности: многоуровневый подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 11-3. С. 502–508. DOI: 10.17513/vaael.2597
- Щетинина И.В. (2024). Достигла ли Россия продовольственной безопасности? // ЭКО. № 6. С. 258–280. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-6-258-280
- Яшкова Н.В. (2020). Методика оценки физической доступности продовольствия // Фундаментальные исследования. № 8. С. 92–96. DOI: 10.17513/fr.42833
- Biswas A., Sarkar S., Chakraborty R. et al. (2024). An introduction to food security: Basic concepts, present scenarios, and government initiatives. In: *Advances in Agricultural Economics & Statistics Insights*. New Delhi. Kolkata.

- Clapp J., Moseley W.G., Burlingame B., Termine P. (2022). Viewpoint: The case for a six-dimensional food security framework. *Food Policy*, 106. DOI: 10.1016/j.foodpol.2021.102164
- El Bilali H., Callenius C., Strassner C., Probst L. (2018). Food and nutrition security and sustainability transitions in food systems. *Food and Energy Security*. DOI: 10.1002/fes3.154
- Gale F., Dong F. (2023). *China's Meat Consumption: Growth Potential (Report No. ERR-320)*. U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service. Available at: <https://doi.org/10.32747/2023.8122125.ers> (accessed: 30.07.2026).
- Kinnunen P. et al. (2020). Local food crop production can fulfil demand for less than one-third of the population. *Nature Food*, 1, 229–237. DOI: 10.1038/s43016-020-0060-7
- Pradhan P., Lüdeke M.K.B., Reusser D.E., Kropp J.P. (2014). Food self-sufficiency across scales: How local can we go? *Environmental Science & Technology*, 48(16), 9463–9470. DOI: 10.1021/es5005939
- Stehl J., Vonderschmidt A., Vollmer S. et al. (2025). Gap between national food production and food-based dietary guidance highlights lack of national self-sufficiency. *Nature Food*, 6, 571–576. DOI: 10.1038/s43016-025-01173-4
- Sun Z., Zhan Y., Liu L., Ye Q., Zhang Q. (2024). China's dietary transition and its impact on cropland demand for sustainable agriculture. *Sustainable Production and Consumption*, 49, 61–71. DOI: 10.1016/j.spc.2024.06.018
- Zhu Z. (2026). Trends and current situation of China's meat sector. *Animal Research & One Health*, 3(1). DOI: 10.1002/aro2.70055

Сведения об авторе

Рустам Раулевич Гумеров — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Российская Федерация, 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А; e-mail: gumerovrr@mail.ru)

Gumerov R.R.

Methodological Problems in Assessing Russia's Food Security: Overcoming the “Average Metrics Trap” and Diagnosing Vulnerabilities

Abstract. The article focuses on the theoretical substantiation and verification of an optimized system of national food security indicators for the Russian Federation under escalating geo-economic and logistical risks. The aim of the study is to overcome the methodological bottlenecks of redundant regulatory lists of assessment indicators by constructing a concise analytical model for risk express-diagnostics. As a theoretical framework, the author developed a cyclical model of food security (the “matryoshka”) that describes the continuous transformation of the supply structure under the influence of changing consumption patterns. The empirical basis of the study comprises a statistical analysis of Rosstat data across population decile groups for the 2020–2024 period, applying Engel's law and the decile expenditure ratio. Deep structural imbalances have been revealed between the macro-level of national self-sufficiency and the micro-level of economic food accessibility. It is proved that forced spending of more than 50% of the budget on food by the first decile group leads to a paradoxical qualitative deterioration of the diet due to the transition to cheap, high-calorie substitutes. A matrix grouping of the population by welfare level based on the share of food expenditures was developed and tested. It captured the polarization of society: the transition of the 10th group into the “wealthy society” category while the 1st group stagnates in the low-level zone. The critical role of agflation as a cross-cutting factor accelerating general inflation is substantiated. The necessity of establishing a Situational Analytical Center for Agflation Monitoring under the Government of the Russian Federation for preventive interagency modeling of commodity balances (Ministry of Agriculture, Federal Customs Service, Federal Antimonopoly Service, Bank of Russia) is demonstrated. The transition to a compact system of 3–5 key indicators for each dimension of food security (availability, accessibility, utilization, stability) will reduce the burden on state statistics bodies

and overcome regulatory overload. The proposed optimized list of indicators ensures high responsiveness and precision of managerial decisions which is critically necessary for protecting the technological and financial sovereignty of the state.

Key words: food security, agflation, economic accessibility, decile groups, Engel's law, average metrics trap, standard of living, import substitution Situational Center.

Information about the Author

Rustam R. Gumerov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (6A, Vorobyevskoe Shosse, Moscow, 119285, Russian Federation; e-mail: gumerovrr@mail.ru)

Статья поступила 08.07.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.4

УДК 332.12, ББК 65.2

© Антонова И.С., Лещинская М.А., Печенская-Полищук М.А.

Моделирование влияния ключевых социально-экономических факторов региона на развитие креативных индустрий Дальнего Востока

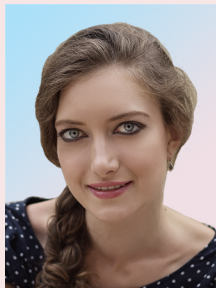
**Ирина Сергеевна
АНТОНОВА**

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: antonovais@tpu.ru
ORCID: 0000-0002-4993-2904; ResearcherID: Q-4782-2016

**Мария Анатольевна
ЛЕЩИНСКАЯ**

Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: povzunyasha@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0525-7767; ResearcherID: PVD-7253-2026

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: 5164088@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Для цитирования: Антонова И.С., Лещинская М.А., Печенская-Полищук М.А. (2026). Моделирование влияния ключевых социально-экономических факторов региона на развитие креативных индустрий Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 67–83. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.4

For citation: Antonova I.S., Leshchinskaya M.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2026). Modeling the impact of key regional socio-economic factors on the development of creative industries in the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 67–83. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.4

Аннотация. В условиях усиления роли нематериальных факторов производства и перехода к экономике знаний развитие креативных индустрий становится важным направлением диверсификации национальной экономики и стимулирования экономического роста. Для Российской Федерации, характеризующейся значительной территориальной и социально-экономической неоднородностью, особое значение приобретает выявление факторов, влияющих на формирование и динамику креативного сектора на субрегиональном и муниципальном уровнях. Цель исследования заключается в оценке влияния социально-экономических факторов на вероятность создания организаций креативных индустрий на муниципальном уровне с учётом регионального контекста и иерархии «центр — периферия». Эмпирическую основу исследования составили панельные данные на примере 220 муниципальных образований Дальневосточного федерального округа Российской Федерации за период 2012–2020 гг., сформированные на основе информации системы СПАРК и статистических данных органов государственной власти. Для анализа использованы линейные вероятностные модели с фиксированными эффектами, позволяющие учитывать ненаблюдаемую территориальную гетерогенность и определять влияние ключевых факторов развития креативного сектора. В результате оценки регрессионных моделей выявлена статистически значимая нелинейная (U-образная) зависимость между численностью студентов и вероятностью создания организаций креативных индустрий, указывающая на пороговый эффект человеческого капитала. Связи с оплатой труда и предпринимательской активностью менее устойчивы и зависят от спецификации и территориального контекста: на периферийных территориях их статистическая значимость снижается, тогда как U-образный эффект образовательного потенциала сохраняется. Полученные выводы подтверждают пространственную гетерогенность факторов создания организаций креативного сектора и демонстрируют ключевую роль образовательного потенциала территорий. Результаты работы расширяют представления о механизмах формирования креативной экономики в России и могут быть использованы при проведении дальнейших эмпирических исследований, а также как индикативные ориентиры при разработке дифференцированной региональной политики в области поддержки креативного сектора.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, социально-экономическое развитие территорий, Дальневосточный федеральный округ, регрессионный анализ.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01135, <https://rscf.ru/project/25-28-01135/>

Введение

Креативные индустрии являются одним из динамично развивающихся секторов, обеспечивающих создание добавленной стоимости через капитализацию интеллектуального и творческого потенциала (Гущина, Тарабанова, 2022; Gouvea, Vora, 2018), способствуя социальной сплоченности, развитию муниципалитетов и технологическим инновациям (Borge et al., 2023; Gustafsson, Lazzaro, 2021). Для России, чей переход к постиндустриальной экономике осложнен многочисленными санкционными

ограничениями и накопленными социально-экономическими дисбалансами, развитие креативного сектора — стратегическая задача по снижению сырьевой зависимости (Шлычков и др., 2023) и обеспечению экономического роста. Действительно, суверенное развитие, о котором говорят в последние годы как представители академического сообщества (Ильин, Морев, 2024), так и политическое руководство страны¹, невозможно в стагнирующей и (или) несбалансированной экономике.

¹ Путин заявил о защите Россией суверенитета так же, как в 1612 году. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690a45139a794784717fa451>

В 2022 году вклад креативных индустрий в мировой ВВП составил 3,1%, обеспечив 6,2% мировой занятости (порядка 50 млн рабочих мест)². По прогнозу НИУ ВШЭ, к 2030 году их доля в глобальном ВВП утроится и будет находиться на отметке в 10%³. Мировыми лидерами креативной экономики в 2024 году, согласно рейтингу WIPO, стали Швейцария, Южная Корея и Великобритания⁴. Несмотря на рост вклада креативной экономики в ВВП России до 4,1% в 2024 году⁵, страна заняла лишь 53 позицию в вышеприведенном рейтинге. Вопрос достоверности оценок и рейтингов зарубежных организаций может быть предметом дискуссии, однако в текущем состоянии говорить о мировом лидерстве по развитию креативных индустрий в целом пока не приходится. Напротив, президент России в майских указах 2024 года⁶ подчеркивал важность дальнейшего усиления роли креативных индустрий в национальном хозяйстве, что говорит о недостижении пределов роста на сегодняшний день.

Минэкономразвития РФ относит к креативному сектору 16 укрупненных видов экономической деятельности, среди которых мода, кино, телевизионные программы и фильмы, музыка, архитектура и урбанистика, дизайн и др.⁷ Однако в опубликованном проекте Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года отмечается, что границы и состав индустрий остаются размытыми⁸, что указывает на возможность пересмотра этого перечня в будущем. Помимо методологической неоднородности, выделяется ряд иных проблем развития креативного сектора, связанных с защитой (передачей и оценкой) прав ин-

теллектуальной собственности (Домнин, Домнина, 2025), слабой динамикой инвестиций⁹, неразвитостью инфраструктуры и недостатком кадров (Королева, Соколова, 2022).

Важно отметить, что на креативный сектор также влияет гетерогенность уровня и темпов социально-экономического развития регионов (Румянцев, Лукин, 2025), их географическое расположение и проходящие агломерационные процессы (Кожевников, Ворошилов, 2024). Сжатие экономического пространства, свойственное современным реалиям (Попов, 2023), снижает не только потенциальное производство креативного продукта, но и его потребление. При этом в условиях быстро меняющейся реальности и изменчивого характера креативного рынка (Montalto et al., 2021) креативным индустриям необходимо быстро адаптироваться и развиваться, если они хотят быть конкурентоспособными (Kalfas et al., 2024).

Несмотря на многостороннюю проработанность тематики в отечественных и зарубежных исследованиях, остаются не до конца изученными детерминанты появления креативных организаций в отдельных регионах и муниципалитетах России. К примеру, ученые из Волгоградского государственного технического университета не рассматривают муниципальный уровень при определении потенциала роста креативных индустрий (Акимова и др., 2022), а в зарубежных работах состав видов деятельности креативных индустрий значительно отличается от отечественных институциональных установок (Che Arshad, Irijanto, 2023; Campi et al., 2024), что затрудняет интерпретацию их выводов в отношении отечественных территорий.

² UNCTAD: Creative Economy Outlook 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf

³ Развитие креативной экономики. URL: https://ncmu.hse.ru/chelpoten_trends/creat_economy

⁴ Global Innovation Index 2024. Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf

⁵ Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 году составил 7,5 трлн рублей. URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rubley.html

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

⁷ Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности: Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.04.2025 № 266.

⁸ Проект Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.html

⁹ Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития. URL: https://www.hse.ru/data/2021/07/11/1434062388/CI_1.pdf

Особую актуальность вопрос развития креативного сектора приобретает в Дальневосточном федеральном округе (ДФО). Макрорегион обладает как обширными природными ресурсами, уникальными культурными особенностями, так и близостью к развитым азиатским странам. Во многом это обуславливает включение положения по развитию креативных индустрий в проект Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2026 года¹⁰. Тем не менее общая социально-экономическая ситуация в ДФО остается напряженной. Наблюдается устойчивый отток населения, особенно высококвалифицированной молодежи, не только в другие регионы страны, но и за ее пределы (Строева, 2025). При этом ключевыми факторами эмиграции молодые специалисты называют желание иметь высокий доход и реализовать свой творческий потенциал (Олейник и др., 2024). Отрицательное миграционное сальдо на фоне депопуляции дальневосточных территорий приводит к тому, что по данным на II квартал 2025 года в ДФО формируется значительный дефицит трудовых ресурсов, а среднее время поиска работы (6,1 мес.) почти на месяц превышает среднероссийское значение (5,2 мес.) (Бравок, Найден, 2025). Кроме того, экономическое развитие ДФО в целом осложнено несбалансированностью структуры хозяйства. Сырьевая направленность, выражающаяся в доминировании добычи полезных ископаемых в структуре отгруженной промышленной продукции, и отсутствие явных тенденций к росту обрабатывающих производств глубокого передела усиливают существующую технологическую зависимость местных производств (Бухвальд, Кизиль, 2026).

В этих условиях развитие креативного сектора становится стратегическим приоритетом, так как оно задействует культурный капитал ДФО и отвечает на запрос молодежи на самореализацию, одновременно увеличивая долю несырьевой продукции в ВРП. Исследования подтверждают, что именно количество креативных организаций, их выручка и занятость оказывают наибольшее влияние на вклад сектора в ВРП (Акимова и др., 2022). Развитие креативных ин-

дустрий также способствует решению проблемы хронического упадка периферийных территорий (Буфетова, 2009; Кожевников, 2019). Опыт Италии показывает, что увеличение числа креативных фирм положительно сказывается на динамике занятости и добавленной стоимости (Piergiovanni et al., 2012). Таким образом, развитие креативных индустрий в ДФО позволит не только смягчить проблему эмиграции, но и стимулировать более сбалансированное экономическое развитие макрорегиона.

С учетом вышесказанного целесообразно оценить влияние социально-экономических детерминант на создание организаций креативных индустрий в регионах и муниципалитетах на примере Дальневосточного федерального округа с учетом иерархии «центр – периферия» для обоснования региональной политики по развитию креативной экономики.

Научная новизна работы заключается в заполнении лакун исследования зависимости развития креативных индустрий от социально-экономического развития регионов и муниципалитетов, а именно в эмпирическом обосновании нелинейных пороговых эффектов человеческого капитала и контекстной зависимости социально-экономических детерминант создания организаций креативных индустрий на региональном и муниципальном уровнях с учётом иерархии «центр – периферия».

Обзор литературы

Теоретические подходы к объяснению причин создания и роста фирм традиционно опираются на несколько концептуальных рамок. Ресурсная теория фирмы подчеркивает роль уникальных ресурсов и способностей в обеспечении конкурентных преимуществ и роста (Клэйнер, 2011). Теория человеческого капитала акцентирует внимание на знаниях, навыках и опыте предпринимателей и сотрудников как ключевых детерминантах успеха (Дятлов, 1994). Институциональная теория рассматривает влияние формальных и неформальных институтов на предпринимательскую активность и рост числа фирм (Сазанова, 2015).

Креативным индустриям присущи специфические паттерны роста (Loots, van Witteloostuijn, 2018), отличающие их от других коммер-

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: <https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/> (дата обращения: 27.07.2026).

ческих организаций. В частности, рост креативных организаций происходит по отдельным измерениям (продажи, активы, занятость) независимо друг от друга, что контрастирует с традиционными моделями сбалансированного роста (Pfeifer et al., 2016). Например, в Хорватии только 2,2% креативных предприятий демонстрировали одновременный рост по продажам, активам и занятости (Pfeifer et al., 2016). Более того, отличается даже характер мотивации предпринимателей, определяемый не только экономическими установками и целями, но и личностными, такими как страсть, вдохновение (Bhansing et al., 2018).

Человеческий капитал признается ключевой составляющей креативных индустрий (Rustiadi, 2015). Доля высокообразованных сотрудников позитивно коррелирует с ростом в секторах знаний и высоких технологий, включая креативные индустрии (Pfeifer et al., 2016). Квалификация работников, их креативные способности и профессиональные навыки определяют способность фирмы создавать инновационные продукты и услуги (Гущина, Тарабанова, 2022), а половозрастные характеристики основателей и предпринимателей таких фирм непосредственно влияют на траекторию развития организаций (Protogerou et al., 2024).

Однако ряд отечественных и зарубежных исследователей связывают развитие креативных индустрий с образовательными тенденциями, проходящими на соответствующей территории. Этот аспект рассматривается как с позиции подготовки кадров, которые впоследствии будут заняты в качестве работников (Ефимова, Брюханова, 2023) или создавать креативные организации и экосистемы (Dent et al., 2024; Kim, Comunian, 2024), так и с точки зрения потребления культурной продукции населением (Zhang, Kloudova, 2011).

Высшие учебные заведения помимо подготовки кадров выступают узлами предпринимательских экосистем, способствующими трансляции знаний в коммерческие продукты (Audretsch et al., 2022). К примеру, в Республике Саха (Якутия) внедрение специализированных образовательных программ и поддержка студенческих инициатив позволили создать базу для развития ИТ-сектора и медиа-индустрий (Верховцева, 2024). Сетевое взаимодействие креативных компаний не ограничивается свя-

зями с другими фирмами или вузами, но и распространяется на органы власти, которые могут взаимодействовать с ними прямо (Гущина, Тарабанова, 2022) или через создание институциональных условий (Гущина, Тарабанова, 2022; Glebova et al., 2021).

Отдельно стоит подчеркнуть, что весомая часть работ направлена на изучение креативных индустрий через призму культуры (De Bernard et al., 2022), связь которой с образованием линейна (Доброва, 2024). Вследствие этого отдельным фактором развития культурных индустрий часто считают науку (Martinaityte, Kregzdaite, 2015). Несмотря на то, что в отечественном перечне видов экономической деятельности в сфере креативных индустрий научные исследования отсутствуют, существует феномен научной креативности (scientific creativity), который, по мнению некоторых исследователей, является основополагающим для всего креативного сектора (Martinaityte, Kregzdaite, 2015). Так, из работы Г. Штумпфа следует, что научные исследования существенно зависят от человека (в том числе от его мотивации и личностных характеристик), а научные изыскания становятся результатом интеллектуального труда, хотя их оригинальность может стать объектом дискуссии (Stumpf, 1995). Согласимся с мнением А. Свириденка о том, что научная креативность предполагает появление идеи как результата, а также творческую реализацию на основе существующих знаний, методов исследований, технологий и материальных продуктов (Свириденко, 2014).

Другой детерминантой развития креативных индустрий выступает наличие туристического и историко-культурного потенциала (Крюков, 2024). Его особая роль проявляется в тех индустриях, которые в качестве креативного продукта не создают что-то новое. Например, деятельность библиотек, архивов или музеев направлена на сохранение и распространение культурного наследия, однако некоторыми учеными предлагаются модели вовлечения музеев в инновационный процесс (Nogare, Murzyn-Kupisz, 2022). Для успешной реализации названных потенциалов необходима инфраструктура и квалифицированные специалисты. Труды ученых показывают, что наличие сервисной инфраструктуры способствует оживлению локальных экономик (Sharp et al., 2002), а развитие туристических маршрутов и

наличие квалифицированных гидов стимулируют спрос на сопутствующие креативные услуги (Lin et al., 2022).

Исследователи выделяют также ряд сугубо экономических детерминант развития и появления организаций в целом. Так, уровень оплаты труда выступает главным экономическим стимулом для миграции (Болденков и др., 2025) и концентрации талантов (Леонидова, 2024). Рост креативного сектора в экономике муниципалитетов стимулирует оплату труда в целом, но вытесняет наименее производительные отрасли из городов (Lee, 2014). Помимо вышесказанного, креативные индустрии тесно связаны с уровнем предпринимательской активности (Музычук, 2023) и степенью концентрации рынка. Так, эмпирические исследования демонстрируют, что доступ к внутреннему и внешнему финансированию на этапах зарождения является критическим (Юданов, 2010), а разумное использование денежных средств и удержание прибыли связаны с большей вероятностью роста продаж и активов (Pfeifer et al., 2016). В свою очередь агломерационные эффекты способствуют концентрации стартапов и креативных фирм в крупных городах, где выше доступ к рынкам сбыта и цифровой инфраструктуре (Земцов и др., 2021), а взаимодействие акторов в рамках региональных кластеров и арт-резиденций способствует креативному развитию на субфедеральном уровне (Ефимова, Брюханова, 2023).

На основании литературного обзора и степени изученности влияния социально-экономических детерминант на создание организаций креативных индустрий выдвигаем следующие гипотезы.

H1. Влияние человеческого капитала, аппроксимируемого численностью студентов, на вероятность роста креативных индустрий носит нелинейный характер.

H2. Уровень оплаты труда оказывает положительное влияние на развитие креативного сектора, выступая фактором притяжения талантов, однако значимость данного эффекта усиливается в условиях агломерационных преимуществ региональных центров и снижается на периферийных территориях.

H3. Занятость в науке и культуре имеет сложную нелинейную связь с динамикой креативных индустрий, что отражает специфическую природу

научной креативности и различия в механизмах трансфера знаний в коммерческий сектор.

H4. Общая предпринимательская активность стимулирует рост числа организаций креативных индустрий преимущественно через линейный механизм, без выраженных нелинейных эффектов, указывая на прямую зависимость между общим бизнес-климатом и входом фирм в креативный сектор.

H5. Структура детерминант роста креативных индустрий пространственно гетерогенна и зависит от иерархического положения территории в системе расселения, подтверждая различия в механизмах развития между региональными центрами и периферией.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили панельные данные по муниципальным образованиям (городским округам, муниципальным округам и районам) Дальневосточного федерального округа (ДФО) за период 2012–2020 гг. Выбор муниципального уровня анализа соответствует общепринятой практике в исследованиях региональной предпринимательской динамики и инноваций (Anokhin et al., 2018). ДФО представляет собой стратегически важный и неоднородный по социально-экономическому развитию макрорегион России (Ильченко, Сираждинов, 2024), включающий городские, пригородные и сельские территории, что обеспечивает вариативность данных и обобщенность выводов.

Данные были сформированы из двух источников. Первым послужили сведения информационно-аналитической системы СПАРК за 1999–2023 гг. об организациях и индивидуальных предпринимателях, зарегистрированных в регионах Дальнего Востока, включая отраслевую принадлежность, показатели финансовой отчетности, а также даты регистрации и ликвидации. К креативным индустриям отнесены хозяйствующие субъекты, у которых в качестве основного вида деятельности указан код из официальной собирательной классификационной группировки творческих (креативных) индустрий по ОКВЭД2 (Постановление Минэкономразвития России № 266), что является обязательным условием получения поддержки от государства. На муниципальном уровне рассчитаны показатели креативного сектора по организациям и индивидуальным предпри-

нимателям: число созданных, действующих и ликвидированных субъектов, а также индекс Херфиндаля — Хиршмана. Вторым источником выступили социально-экономические показатели муниципалитетов из открытых данных Росстата и региональных органов власти. Сопоставление административных единиц выполнено по справочнику кодов ОКАТО/ОКТМО; матрица географических расстояний между муниципалитетами построена на основе координат их административных центров. Эмпирические модели оцениваются на сбалансированной панели за 2012–2020 гг.

Для анализа детерминант создания креативных индустрий использовались линейные вероятностные модели (ЛВМ) с фиксированными эффектами. Коэффициенты интерпретируются как изменения вероятности события, что удобно для содержательного анализа предельных эффектов (Angrist, Pischke, 2009). Панели с большим числом объектов и малым числом периодов ЛВМ с фиксированными эффектами дают состоятельные оценки при наличии ненаблюдаемой гетерогенности, специфичной для муниципалитета или региона (Wooldridge, 2010). Нелинейные модели с фиксированными эффектами (в том числе условный логит) на коротких панелях часто дают смещённые оценки: приходится оценивать слишком много индивидуальных эффектов при малом числе лет, особенно если у части объектов зависимая переменная почти не меняется внутри периода. При доле положительных исходов около 19% для панельных данных с фиксированными эффектами линейная вероятностная модель предпочтительнее логит-спецификации (Timoneda, 2021). Во всех моделях стандартные ошибки кластеризованы на уровне муниципалитета.

В качестве зависимой переменной использовалась бинарная переменная создания креативных индустрий (CI_create_{it}). Она принимает значение 1, если количество действующих организаций креативных индустрий в муниципалитете i в году t превысило их количество в году $t - 1$, и 0 в противном случае, т. е.

$$CI\_create_{it} = \begin{cases} 1, & CI\_Ex\_E_{it} > CI\_Ex\_E_{it-1}, \\ 0, & \text{иначе} \end{cases}$$

где $CI\_Ex\_E_{it}$ — число организаций креативных индустрий в муниципалитете i в год t .

Распределение переменной показало, что 18,9% наблюдений в панели соответствуют случаям создания креативных индустрий, при этом ни один муниципалитет не демонстрировал устойчивого роста на всем протяжении исследуемого периода.

Таким образом, модель объясняет не масштаб сектора, а вероятность самого факта создания его на муниципальном уровне. Переход к непрерывным показателям (логарифм числа организаций, выручка, занятость) смещает задачу к моделям развития креативных индустрий, которые более распространены в литературе. Основная зависимая переменная построена по динамике числа действующих организаций, зарегистрированных в форме юридического лица. Мы приняли осознанное решение исключить число созданных ИП из данного показателя, поскольку именно создание юридического лица позволяет получить гранты на поддержку креативных индустрий. Юридические лица имеют потенциал масштабирования и корпоративного развития, чего не имеют ИП, поэтому создание юридического лица, преимущественно ООО, свидетельствует о развитии коммерческого потенциала креативных индустрий, тогда как создание ИП — это попытка «остаться в тени» малого бизнеса.

Набор независимых переменных был сформирован на основе теоретических представлений о детерминантах создания креативного бизнеса и включал показатели человеческого капитала, экономических условий, предпринимательской активности и структуры рынка.

Численность студентов (*students*) измеряется как число студентов вузов на душу населения и используется в качестве основного индикатора образовательного потенциала территории. Фонд оплаты труда (*wages*) приводится к постоянным ценам и нормируется на душу населения как прокси состояния локального рынка труда. Предпринимательская активность (*firms*) измеряется числом вновь созданных предприятий всех отраслей на душу населения. Концентрация рынка креативных индустрий (*HHIciRev*) оценивается индексом Херфиндаля — Хиршмана по выручке организаций сектора. Отдельно рассматривается численность научных сотрудников и экскурсоводов музеев на душу населения (*sci_cult*). Этот показатель отражает занятость в сфере науки и культуры по доступным

муниципальным данным и не используется как прокси численности исследователей или занятости в НИОКР: соответствующие показатели Росстата на уровне муниципалитетов в используемой базе недоступны. В основных моделях акцент сделан на образовательном потенциале и экономических условиях; показатель (*sci_cult*) анализируется дополнительно и интерпретируется с учётом его агрегированной природы.

Общий объем пропусков в исходном массиве данных составил 7,28%. Для обеспечения методологической корректности и минимизации смещения была разработана дифференцированная стратегия, основанная на анализе природы пропусков (табл. 1). Подход различал случаи, когда пропуск мог отражать фактическое отсутствие явления, и случаи, связанные с системными проблемами сбора данных. После применения такой стратегии был сформирован финальный набор данных: сбалансированная панель из 220 муниципалитетов за 9 лет (2012–2020 гг.), что составляет 1980 наблюдений (объект – год). Все финансовые показатели приведены к постоянным ценам с учетом индекса инфляции.

Отметим, что для учета потенциального смещения и контроля качества была создана комплексная система бинарных индикаторов для каждого типа пропуска, которые затем использовались в диагностическом анализе. В дальнейшем включение этих индикаторов в регрессионные модели в качестве дополнительных контрольных переменных не измени-

ло основных результатов, что свидетельствует об устойчивости полученных оценок.

Среднее значение зависимой переменной *CI_create* составляет 0,189, что означает, что в 18,9% наблюдений зафиксирован рост числа организаций креативных индустрий (табл. 2). Все переменные демонстрируют достаточную вариацию для проведения регрессионного анализа.

Состав финальных спецификаций определялся на основе теоретических предпосылок и требований эконометрической корректности. Для проверки устойчивости и риска смещения из-за избыточных или сильно коррелированных регрессоров выполнен диагностический анализ альтернативных наборов контрольных переменных. Ключевым критерием служила стабильность оценок по переменным основного интереса, прежде всего квадратичного эффекта численности студентов. Если при добавлении контролей у ключевых коэффициентов менялся знак или резко росли стандартные ошибки, спецификацию дополнительно проверяли на мультиколлинеарность. Для контроля смещения, связанного с пропусками, во все регрессии включены бинарные индикаторы пропусков; их включение не изменило основных результатов.

Сформированы две группы моделей: основные (1–4) – для проверки влияния человеческого капитала и экономических условий; дополнительные (5–6) – для анализа нелинейных эффектов занятости в сфере науки, куль-

Таблица 1. Стратегия обработки пропусков

Показатель	Применяемая стратегия обработки пропусков
<i>students</i>	Для численности студентов применен дифференцированный подход к 33,41% пропусков: для 18 муниципалитетов без какой-либо образовательной инфраструктуры пропуски заменены на 0; для двух муниципалитетов с инфраструктурой использована медиана по малым муниципалитетам; для 212 муниципалитетов с историческими данными пропуски за период системного сбоя (2018–2020 гг.) были заполнены путем экстраполяции тренда 2009–2017 гг.
<i>wages</i>	Для оплаты труда были исключены первые три года наблюдений (2009–2011 гг.) с системными пропусками и 12 муниципалитетов с полным отсутствием данных для формирования сбалансированной панели, пригодной для моделей с фиксированными эффектами. Оставшиеся частичные пропуски заполнялись медианой по муниципалитету.
<i>sci_cult</i>	Для численности научных сотрудников и экскурсоводов музеев пропуски (3,20% наблюдений) заменены на 0, исходя из анализа структуры данных. Анализ показал, что большинство наблюдений уже имеют нулевое значение, а муниципалитеты с пропусками не обладают соответствующей культурной инфраструктурой. Для численности населения незначительные пропуски (0,86%) восстановлены с помощью линейной интерполяции и региональной медианы.
<i>firms</i>	Для числа созданных предприятий пропуски (6,29% наблюдений) интерпретировались как отсутствие создания новых фирм в конкретном году, что согласуется с логикой показателя, фиксирующего события создания.
Источник: составлено авторами.	

Таблица 2. Описательная статистика и корреляции*

Показатель	Среднее	Ст. откл.	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
(1) CI_create	0,189	0,392	1,000				
(2) students	4252,95	6687,21	0,148	1,000			
(3) wages	475,4	2610,6	0,054	0,328	1,000		
(4) sci_cult	4,36	15,67	0,203	0,196	0,184	1,000	
(5) firms	56,52	227,41	0,160	0,412	0,421	0,195	1,000
(6) HHICiRev	0,15	0,22	-0,022	-0,178	-0,132	-0,098	-0,104

* wages – фонд оплаты труда; sci_cult – численность научных сотрудников и экскурсоводов музеев; firms – число созданных предприятий; HHICiRev – индекс концентрации рынка креативных индустрий.
Источник: рассчитано авторами.

туры и предпринимательской активности. В спецификациях с фиксированными эффектами муниципалитетов включены годовые эффекты, контролирующие общероссийские тренды и макроэкономические шоки. В модели 3 с фиксированными эффектами регионов годовые эффекты также включены. Региональные и временные дамми оцениваются совместно. Фиксированные эффекты муниципалитетов и регионов в одной модели не комбинируются. Для проверки нелинейных эффектов соответствующие переменные (численность студентов, занятость в сфере науки и культуры, предпринимательская активность) предварительно

стандартизировались и включались в модели в линейной и квадратичной форме.

Анализ проводился в два этапа. На первом этапе анализировались модели на полной выборке всех муниципалитетов. На втором этапе производился анализ на выборке, исключая административные центры субъектов ДФО, для проверки устойчивости результатов и выявления специфики факторов роста на периферийных территориях.

Результаты исследования

В таблице 3 представлены результаты оценки линейных вероятностных моделей с фиксированными эффектами. Индекс *sq* обозначает

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа*

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
	Упрощенная спецификация (только студенты)	Базовая полная модель (все факторы)	Проверка: фиксированные эффекты регионов (все факторы)	Проверка: подвыборка периферии (все факторы)
<i>students</i>	-0,0097 (0,0167)	-0,0085 (0,0169)	-0,0193 (0,0128)	-0,0013 (0,0178)
<i>student_{ss}q</i>	0,3804** (0,1532)	0,3816** (0,1557)	0,4067*** (0,1122)	0,3336** (0,1539)
<i>wages_z</i>		-0,0255 (0,0190)	-0,0333** (0,0156)	-0,0053 (0,0283)
<i>wages_{sq}</i>		2,477e-12*** (6,195e-13)	2,497e-12*** (5,814e-13)	7,81e-13 (3,352e-12)
<i>firms</i>		0,0297 (0,0189)	0,0684*** (0,0100)	0,0268 (0,0237)
<i>HHICiRev</i>		0,0174 (0,0140)	0,0025 (0,0095)	0,0186 (0,0154)
Фикс. эффекты	Муниципалитетов	Муниципалитетов	Регионов	Муниципалитетов
Временные эффекты	Да	Да	Да	Да
Выборка	Полная	Полная	Полная	Периферия
R^2_{within}	0,0039	0,0135	0,0470	0,0089

* Зависимая переменная – CI_create. В скобках – стандартные ошибки, кластеризованные на уровне муниципалитета. Уровни значимости: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. В столбцах (2)–(4) представлены модели с полным набором независимых переменных.
Источник: рассчитано авторами.

квадратичный член соответствующей центрированной переменной, включённый в модель для проверки гипотезы о нелинейном характере связи. Столбец 1 представляет упрощённую спецификацию, включающую только переменные, связанные с человеческим капиталом ($students$, $student_{sq}$). Столбец 2 отражает базовую полную модель, содержащую все рассматриваемые независимые переменные и использующую фиксированные эффекты муниципалитетов и временные эффекты. Столбец 3 представляет проверку устойчивости: фиксированные эффекты муниципалитетов заменяются на фиксированные эффекты регионов при сохранении годовых эффектов. Столбец 4 демонстрирует результаты оценки полной модели на подвыборке, исключающей административные центры субъектов ДФО.

В качестве базовой спецификации принимается Модель 2, включающая полный набор независимых переменных и контролирующая как ненаблюдаемую неоднородность муниципалитетов, так и общероссийские временные тренды. Результаты её оценки выявляют статистически значимую U-образную зависимость между численностью студентов и вероятностью создания креативных индустрий (коэффициент при $students_{sq}$ составляет 0,3816, $p < 0,05$). Важно отметить, что этот нелинейный эффект проявляется уже в упрощённой спецификации, содержащей только переменные человеческого капитала (модель 1), и остаётся устойчивым как по величине, так и по значимости при последовательном добавлении контроля за экономическими условиями, предпринимательской активностью и структурой рынка.

U-образная форма связи указывает на пороговый характер влияния образовательного потенциала: вблизи среднего уровня стандартизированной численности студентов на душу населения предельный эффект минимален, а при дальнейшем росте показателя вероятность расширения числа организаций креативных индустрий увеличивается. Положительный вклад человеческого капитала проявляется после формирования локальной критической массы, а не равномерно на всём диапазоне значений.

Для проверки устойчивости полученных оценок к изменению уровня агрегации ненаблюдаемых характеристик была оценена спецификация с фиксированными эффектами регио-

нов и годовыми эффектами (модель 3). Переход на региональный уровень контроля, как и ожидалось, повлиял на оценки коэффициентов, однако ключевой вывод о значимой U-образной связи с человеческим капиталом ($students_{sq} = 0,4067$, $p < 0,01$) подтвердился. В этой спецификации также значимы нелинейный эффект оплаты труда и положительный коэффициент предпринимательской активности. В базовой модели 2 с фиксированными эффектами муниципалитетов значим квадратичный эффект оплаты труда, тогда как линейный эффект $firms_z$ не достигает стандартных уровней значимости.

Заключительная проверка была направлена на выявление территориальной специфики. Оценка полной модели на выборке, исключающей административные центры субъектов ДФО (столбец 4), позволила выявить контекстную зависимость действия факторов. В то время как U-образная связь с численностью студентов остаётся статистически значимой даже на периферийных территориях ($students_{sq} = 0,3336$, $p < 0,05$), нелинейный эффект оплаты труда, значимый на полной выборке (модели 2–3), на периферии теряет значимость. Коэффициент предпринимательской активности, значимый в модели 3, также становится незначимым. Таким образом, образовательный потенциал устойчиво связан с вероятностью создания числа организаций креативных индустрий как на полной выборке, так и на периферии, тогда как эффекты оплаты труда и предпринимательской активности более чувствительны к спецификации и составу выборки.

Стоит отметить, что значения R^2_{within} во всех спецификациях являются относительно низкими (например, 0,0135 в базовой модели 2). Это свидетельствует о том, что ежегодные изменения (внутримуниципальная вариация) использованных в модели социально-экономических показателей объясняют лишь малую долю годовых колебаний в росте креативных индустрий. Данный результат, однако, является ожидаемым для исследований, основанных на панельных данных с фиксированными эффектами, где R^2_{within} часто бывает невысоким, поскольку модель абсорбирует всю устойчивую межмуниципальную неоднородность. Низкое значение показателя подчёркивает, что динамика креативного сектора в краткосрочной перспективе в значительной степени определяется факто-

рами, не учтёнными в модели (например, локальными институциональными инициативами, действиями отдельных предпринимателей или случайными событиями). При этом ключевая цель исследования, заключающаяся в оценке устойчивых статистических связей, а не в построении точного прогноза, достигается. Это подтверждается высокой статистической значимостью выявленных нелинейных зависимостей.

Для исследования специфических эффектов были оценены дополнительные спецификации (табл. 4). Модель 5 фокусируется на агрегированном показателе занятости в сфере науки и культуры, включая переменные *sci_cult* и *sci_cult_{sq}* при контроле за базовыми факторами (*students*, *wages*). Модель 6 проверяет нелинейный эффект предпринимательской активности (*firms*, *firms_{sq}*) при аналогичном контроле. Обе модели используют фиксированные эффекты муниципалитетов для контроля неизменных во времени характеристик, но не включают временные эффекты, что позволяет сосредоточиться на кросс-секционных различиях.

Результаты оценки модели 5 демонстрируют статистически значимую нелинейную связь агрегированного показателя занятости в сфере науки и культуры (*sci_cult*) с ростом креативных индустрий. Положительный знак линейного члена и отрицательный для квадратично-

го (коэффициенты 0,0389, $p < 0,1$ и $-115085,8$, $p < 0,05$ соответственно) формально соответствуют перевёрнутой U-образной зависимости. Важно подчеркнуть, что ввиду агрегированного характера переменной *sci_cult*, объединяющей различные профессиональные группы, содержательная интерпретация данного результата как «оптимального уровня научной активности» была бы некорректна. Полученная оценка указывает на существование сложной, возможно, немонотонной связи между наличием в муниципалитете кадров в смежных секторах и динамикой креативных индустрий, природа которой требует уточнения в будущих исследованиях с более детализированными данными.

В модели 6 квадратичный эффект предпринимательской активности (*firms_{sq}*) статистически незначим, что не позволяет отвергнуть гипотезу об отсутствии нелинейной зависимости между созданием новых предприятий и ростом креативного сектора в данной спецификации. Линейный эффект *firms* также не достигает стандартных уровней значимости, что может свидетельствовать либо об отсутствии прямой связи в рамках выбранной спецификации, либо о необходимости учёта дополнительных факторов или иного уровня агрегации данных.

Следует отметить, что модели, представленные в данном дополнительном анализе, носят иллюстративный и гипотетический характер.

Таблица 4. Дополнительный анализ нелинейных эффектов*

Переменная	Модель 5	Модель 6
<i>sci_cult</i>	0,0389* (0,0223)	
<i>sci_cult_{sq}</i>	-115085,8** (57270,0)	
<i>firms</i>		0,0410 (0,0321)
<i>firms_{sq}</i>		-1281,7 (11190,0)
<i>students</i>	0,0133 (0,0142)	0,0147 (0,0142)
<i>wages</i>	0,0148 (0,0130)	0,0128 (0,0146)
Фикс. эффекты	Муниципалитетов	Муниципалитетов
R^2_{within}	0,0041	0,0061
* Зависимая переменная – CI_create. В скобках – стандартные ошибки, кластеризованные на уровне муниципалитета. Уровни значимости: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. Источник: рассчитано авторами.		

Они оцениваются на ограниченном наборе контрольных переменных и предназначены для первичной проверки возможных нелинейных эффектов. В частности, интерпретация результатов модели 5 затруднена агрегированной природой показателя *research*. Поэтому данные результаты не следует рассматривать как установленные причинно-следственные связи, а скорее как указания на перспективные направления для более детального изучения в будущих работах. Методологически обоснованные выводы исследования следуют из анализа, представленного в таблице 3.

Дискуссия и обсуждение

Несмотря на полученные значимые результаты, работа имеет ряд методологических ограничений, которые следует учитывать при интерпретации выводов и планировании дальнейших исследований.

Во-первых, оценка выполнена на девяти-летнем окне 2012–2020 гг. Этого достаточно для панельных моделей с фиксированными эффектами, но недостаточно для анализа долгосрочных структурных сдвигов. Расширение единой панели на годы после 2020 затруднено изменением административно-территориального устройства муниципальных образований в ряде субъектов ДФО в ходе реформы местного самоуправления (укрупнение, переход к муниципальным округам, уточнение границ и наименований), что нарушает сопоставимость единиц наблюдения во времени без отдельной методики увязки. Кроме того, обобщение результатов на постковидный период и на условия после 2022 года ограничено: эти годы связаны с иными макроэкономическими и институциональными шоками и требуют отдельного анализа.

Во-вторых, зависимая переменная показывает только, произошло ли в муниципалитете создание креативного бизнеса, т. е. выросло ли число действующих организаций креативной индустрии относительно предыдущего года. Она не говорит о размере компаний, их выручке, занятости, устойчивости или качестве продукции, поэтому выводы относятся к факторам вероятности создания, а не к масштабу и эффективности развития креативного сектора.

В-третьих, показатель занятости в сфере науки и культуры агрегирован и не разделяет вклад научных сотрудников и работников куль-

туры. Данные Росстата о численности исследователей и занятых в НИОКР на муниципальном уровне недоступны в используемой базе. На региональном уровне их включение возможно в дальнейших работах. Это ограничивает интерпретацию выявленной для показателя нелинейной связи. Модели с данной переменной носят иллюстративный характер.

В-четвертых, несмотря на применение комплексной стратегии обработки пропущенных значений, возможность систематической ошибки, связанной с неслучайным характером пропусков в данных, не может быть полностью исключена.

В-пятых, даже при контроле фиксированных эффектов муниципалитетов и времени сохраняется риск эндогенности, связанный с обратной причинностью и пропущенными переменными. Спецификации с лагированными регрессорами ($t - 1$) дают менее точные оценки квадратичного эффекта студентов, что согласуется с ограниченной within-вариацией на короткой панели. Полученные коэффициенты интерпретируются как устойчивые статистические связи при контроле ненаблюдаемой гетерогенности.

Наконец, представленные модели включают различные наборы объясняющих и контрольных переменных, что отражает исследовательскую логику проверки устойчивости ключевых эффектов (например, человеческого капитала) к разной спецификации. Хотя такой подход методологически корректен и позволяет оценить контекстную зависимость результатов, он ограничивает прямую сравнимость коэффициентов между всеми моделями.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, выявлена нелинейная зависимость между образовательным потенциалом территории и созданием организаций креативных индустрий (U-образная зависимость). Пороговый эффект состоит в том, что вблизи среднего уровня стандартизированной численности студентов на душу населения предельный вклад показателя минимален, а при дальнейшем росте численности студентов вероятность положительной динамики числа действующих организаций креативных индустрий возрастает.

Иными словами, положительная роль человеческого капитала проявляется после формирования локальной «критической массы», а не равномерно на всём диапазоне значений.

Во-вторых, устойчивость эффектов зависит от спецификации и территориального контекста. U-образная связь с численностью студентов сохраняется на полной выборке и на подвыборке периферийных муниципалитетов. Нелинейная связь с оплатой труда более заметна на полной выборке; положительная связь с предпринимательской активностью проявляется в спецификации с региональными и годовыми эффектами (модель 3). На периферии оба последних эффекта теряют статистическую значимость. Это указывает на контекстную зависимость механизмов и не позволяет трактовать оплату труда и предпринимательскую активность как универсальные драйверы для всех типов территорий.

В-третьих, относительно низкие значения коэффициента детерминации внутригрупповой вариации означают, что краткосрочная (внутримуниципальная) динамика креативных индустрий лишь в малой степени объясняется ежегодными изменениями включённых социально-экономических показателей. Существенную роль могут играть ненаблюдаемые локальные факторы (институты, сети, инициативы), поэтому оценки интерпретируются как устойчивые статистические связи при контроле фиксированных эффектов, а не как основа для точного прогноза или жёстких каузальных выводов.

Теоретическая значимость исследования заключается в смещении акцента с линейных представлений о человеческом капитале к пороговым эффектам и в учёте иерархии «центр — периферия» при анализе создания креативных индустрий на субрегиональном уровне периферийного макрорегиона. Работа также вносит вклад в методологию исследования креативных индустрий, демонстрируя возможности применения панельных моделей с фиксированными эффектами для выявления пороговых эффектов и контекстной зависимости на субрегиональном уровне периферийного макрорегиона.

Практическая значимость заключается в формулировке дифференцированных рекомендаций для региональной политики. Для региональных центров более релевантны меры, усиливающие связку образовательной и предпринимательской среды. Для периферии — меры, поддерживающие базовые условия и образовательную инфраструктуру, достаточные для приближения к пороговому уровню человеческого капитала, а также локальные формы кооперации. С учётом низкого внутригруппового R^2 и ограничений по эндогенности эти ориентиры носят индикативный характер и требуют проверки на более детальных данных и на периоде после 2020 года. Перспективы дальнейших исследований связаны с поиском пространственных точек роста креативных индустрий, углублённым анализом факторов на региональном, муниципальном и локальном уровнях и последующим переходом к изучению профилей отдельных креативных индустрий.

Литература

- Акимова О.Е., Волков С.К., Симонов А.Б. (2022). Креативные индустрии в России: тенденции развития и потенциал роста // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. С. 96–114. DOI: 10.38050/01300105202215
- Болденков А.В., Лисутин О.А., Трусевич Е.В., Романюк Е.В. (2025). Внутренняя миграция населения в России: ключевые факторы. Регионы-лидеры по миграционному приросту // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 2 (60). С. 9–17. DOI: 10.18324/2224-1833-2025-2-9-17
- Бравок П.С., Найден С.Н. (2025). Рынок труда дальневосточных регионов России: тенденции 2024–2025 гг. // Регионалистика. Т. 12. № 5. С. 148–165. DOI: 10.14530/reg.2025.5.148
- Буфетова А.Н. (2009). Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. № 4. С. 55–68.
- Бухвальд Е.М., Кизиль Е.В. (2026). Экономико-правовые проблемы развития межмуниципального сотрудничества // Ученые записки Международного банковского института. № 1 (55). С. 29–51.
- Верховцева М.А. (2024). Развитие креативных индустрий в регионах на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. № 2 (36). С. 41–50. DOI: 10.25587/2310-5453-2024-2-41-50

- Гушина Е.Г., Тарабанова Е.В. (2022). Креативные индустрии: новые возможности для развития российских городов и регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. № 24 (1). С. 91–104. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.9
- Доброва В.В. (2024). Образование и культура: кросс-культурный анализ // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. Т. 21. № 1. С. 5–14. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2024.1.1
- Домнин О.В., Домнина С.В. (2025). Креативные индустрии как фактор устойчивого развития региона (на примере Самарской области) // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 4. С. 17–29. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-4-222-17-29
- Дятлов С.А. (1994). Основы теории человеческого капитала. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. 234 с.
- Ефимова А.С., Брюханова Н.В. (2023). Тенденции развития креативных индустрий регионов Южного федерального округа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 45–52. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-45-52
- Земцов С., Чепуренко А., Михайлов А. (2021). Вызовы пандемии для технологических стартапов в регионах России // Форсайт. Т. 15. № 4. С. 61–77. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.4.61.77
- Ильин В.А., Морев М.В. (2024). «Вернуть государство в родную гавань». К вопросу об обеспечении преемственности суверенного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 9–38. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.1
- Ильченко С.В., Сираждинов Р.Ж. (2024). Особенности социально-экономического развития субъектов федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 7. С. 285–290.
- Клэйнер Г.Б. (2011). Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. Т. 9. № 3. С. 3–28.
- Кожевников С.А. (2019). Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2024). Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5
- Королева И.Б., Соколова И.Л. (2022). Креативные индустрии в России и мире: состояние, тенденции и проблемы управления развитием // Baikal Research Journal. Т. 13. № 3. Ст. 14. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).14
- Крюков И.А. (2024). Оценка вклада креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов СЗФО // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 83–101. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.6
- Леонидова Г.В. (2024). Оплата труда ученых как фактор готовности молодежи к научной деятельности // Human Progress. Т. 10. № 3. С. 3. DOI: 10.34709/IM.1103.3
- Музычук В.Ю. (2023). Творческие (креативные) индустрии: вызовы для некоммерческого сегмента сферы культуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 7–39. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_7_39
- Олейник Е.Б., Ивашина Н.В., Храмова М.Н. (2024). Оценка влияния мотивационных факторов на формирование миграционных настроений молодых специалистов в регионах Дальневосточного федерального округа // Народонаселение. Т. 27. № 3. С. 17–30. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-17-30
- Попов А.В. (2023). Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр – периферия» в модельном регионе России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 4. С. 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_515_528
- Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2025). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России: структурный подход к мониторингу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 6. С. 46–70. DOI: 10.15838/esc.2025.6.102.2
- Сазанова С.Л. (2015). Институциональная теория организаций // Вестник университета. № 8. С. 61–66.
- Свириденко А.И. (2014). Феномен креативности в научной деятельности // Наука и инновации. № 12. С. 6–8.

- Строева Г.Н. (2025). Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): региональные особенности // *Власть и управление на Востоке России*. № 2 (111). С. 26–40.
- Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р., Зарезнов Д.А. (2023). Российская экономика 2023: неизбежные изменения парадигм и прогнозы развития // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. Т. 12. № 2. С. 144–151. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-2-144-151
- Юданов А.Ю. (2018). «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // *Вопросы экономики*. № 3. С. 80–101. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-3-80-101
- Angrist J.D., Pischke J.-S. (2009). *Mostly Harmless Econometrics: An Empiricist's Companion*. Princeton: Princeton University Press.
- Anokhin S., Wincent J., Parida V., Chistyakova N., Oghazi P. (2018). Industrial clusters, flagship enterprises and regional innovation. *Entrepreneurship & Regional Development*, 31(1-2), 104–118. DOI: 10.1080/08985626.2018.1537150
- Audretsch D.B., Belitski M., Rejeb N., Caiazza R. (Eds). (2022). *Developments in Entrepreneurial Finance and Technology*. Edward Elgar Publishing. DOI: 10.4337/981800884342
- Bhansing P.V., Hitters E., Wijngaarden Y. (2018). Passion inspires: Motivations of creative entrepreneurs in creative business centres in the Netherlands. *Journal of Entrepreneurship*, 27(1), 1–24. DOI: 10.1177/0971355717738589
- Borre J.R., Romero G.C., Gutiérrez J.M., Ramírez J. (2023). Discussion of the aspects of the cultural and creative industries that impact on sustainable development: A systematic review. *Procedia Computer Science*, 224, 532–537. DOI: 10.1016/j.procs.2023.09.077
- Campi M., Dueñas M., Ciarli T. (2024). Do creative industries enhance employment growth? Regional evidence from Colombia. *Regional Studies*, 58(3), 425–441. DOI: 10.1080/00343404.2023.2210620
- Che Arshad N., Irijanto T.T. (2023). The creative industries effects on economic performance in the time of pandemic. *International Journal of Ethics and Systems*, 39(3), 557–575. DOI: 10.1108/IJOES-10-2021-0199
- De Bernard M., Comunian R., Gross J. (2022). Cultural and creative ecosystems: A review of theories and methods, towards a new research agenda. *Cultural Trends*, 31(4), 332–353. DOI: 10.1080/09548963.2021.2004073
- Dent T., England L., Comunian R. (2024). The challenges of developing sustainable cultural and creative ecosystems and the role of higher education institutions: Lessons from Dundee and Chatham, UK. *Industry and Higher Education*, 38(1), 40–50. DOI: 10.1177/09504222231186
- Glebova I.S., Berman S.S., Semenova N.A., Galiachmetov R.R. (2021). Creative industries in Russian regions: Challenges of establishment and conditions for development. *Revista Geintec*, 11(4), 4292–4305.
- Gouvea R., Vora G. (2018). Creative industries and economic growth: Stability of creative products exports earnings. *Creative Industries Journal*, 11(1), 22–53. DOI: 10.1080/17510694.2017.1416529
- Gustafsson C., Lazzaro E. (2021). The innovative response of cultural and creative industries to major European societal challenges: Toward a knowledge and competence base. *Sustainability*, 13(23), 13267. DOI: 10.3390/su132313267
- Kalfas D., Kalogiannidis S., Ambas V., Chatzitheodoridis F. (2024). Contribution of the cultural and creative industries to regional development and revitalization: A European perspective. *Urban Science*, 8(2). 39. DOI: 10.3390/urbansci8020039
- Kim S., Comunian R. (2024). Higher education and sustainable creative cities: The development of creative and cultural ecosystems in the capital city of Kazakhstan. *Industry and Higher Education*, 38(1), 51–63. DOI: 10.1177/095042222312222
- Lee N. (2014). The creative industries and urban economic growth in the UK. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46(2), 455–470. DOI: 10.1068/a4472
- Lin H.H., Chen I.Y., Lu S.Y., Tseng Y.H., Lin J.C. (2022). Can cultural tourism resources become a development feature helping rural areas to revitalize the local economy under the epidemic? An exploration of the perspective of attractiveness, satisfaction, and willingness by the revisit of Hakka cultural tourism. *Open Geosciences*, 14(1), 590–606. DOI: 10.1515/geo-2022-0358
- Loots E., van Witteloostuijn A. (2018). The growth puzzle in the creative industries. *Review of Entrepreneurship*, 17(1), 39–58. DOI: 10.3917/entre.171.0039
- Martinaityte E., Kregzdaite R. (2015). The factors of creative industries development in nowadays stage. *Economics & Sociology*, 8(1), 55. DOI: 10.14254/2071-789X.2015/8-1/5

- Montalto V., Panella F., Sacco P.L. (2021). What does Brexit mean for UK cultural and creative cities? *European Urban and Regional Studies*, 28(1), 47–57. DOI: 10.1177/096977642097063
- Nogare C.D., Murzyn-Kupisz M. (2022). Do museums foster innovation through engagement with the cultural and creative industries? In: *Arts, Entrepreneurship, and Innovation*. Cham: Springer Nature Switzerland.
- Pfeifer S., Scott-Kennel J., Gibbs D. (2016). *Creative Industries: The Basics*. Routledge.
- Piergiorgio R., Carree M., Santarelli E. (2012). Creative industries, new business formation, and regional economic growth. *Small Business Economics*, 39(3), 539–560. DOI: 10.1007/s11187-011-9329-4
- Protogerou A., Giotopoulos I., Dimitropoulou A., Tsakanikas A. (2024). Innovating in the creative industries: The role of founders' knowledge stocks and industry-university links, *SSRN*, 4905879. DOI: 10.2139/ssrn.4905879
- Rustiadi S. (2015). Creating better education system, building stronger human capital: A creative industries perspective. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 169, 378–386. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.323
- Sharp J.S., Agnitsch K., Ryan V., Flora J. (2002). Social infrastructure and community economic development strategies: The case of self-development and industrial recruitment in rural Iowa. *Journal of Rural Studies*, 18(4), 405–417. DOI: 10.1016/S0743-0167(02)00011-6
- Stumpf H. (1995). Scientific creativity: A short overview. *Educational Psychology Review*, 7(3), 225–241.
- Timoneda J.C. (2021). Estimating group fixed effects in panel data with a binary dependent variable: How the LPM outperforms logistic regression in rare events data. *Social Science Research*, 93, Art. 102486. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2020.102486
- Wooldridge J.M. (2010). *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. 2nd ed.* Cambridge: MIT Press.
- Zhang J., Kloudova J. (2011). Factors which influence the growth of creative industries: Cross-section analysis in China. *Creative and Knowledge Society*, 1(1), 5. DOI: 10.2478/v10212-011-0001-9

Сведения об авторах

Ирина Сергеевна Антонова — кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Академический, д. 51; e-mail: antonovais@tpu.ru)

Мария Анатольевна Лещинская — старший преподаватель, младший научный сотрудник, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: povzunyasha@gmail.com)

Мария Александровна Печенская-Полищук — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий центром финансовых исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 5164088@bk.ru)

Antonova I.S., Leshchinskaya M.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A.

Modeling the Impact of Key Regional Socio-Economic Factors on the Development of Creative Industries in the Russian Far East

Abstract. Amid the growing role of intangible factors of production and the shift toward a knowledge economy, the development of creative industries is becoming an important avenue for diversifying the national economy and stimulating economic growth. For Russia, marked by considerable territorial and socioeconomic heterogeneity, it is particularly important to identify the factors shaping the emergence and dynamics of the creative sector at the subregional and municipal levels. The study aims to assess how socioeconomic factors affect the likelihood of new creative industry organizations being established at the municipal level, taking into account the regional context and the center–periphery hierarchy. The empirical base consists of panel data for 220 municipalities of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation for 2012–2020, compiled from the SPARK system and official statistics. We apply

linear probability models with fixed effects, which account for unobserved territorial heterogeneity and capture the influence of key factors in creative sector development. The regression results reveal a statistically significant U-shaped relationship between the number of students and the likelihood of creative industry organizations being established, pointing to a threshold effect of human capital. The associations with wages and entrepreneurial activity are less robust and depend on the model specification and territorial context: in peripheral areas their statistical significance weakens, while the U-shaped effect of educational potential persists. These findings confirm the spatial heterogeneity of the factors behind creative sector formation and underscore the central role of local educational potential. The results contribute to understanding how the creative economy emerges in Russia and can inform further empirical research, as well as provide indicative benchmarks for designing differentiated regional policies to support the creative sector.

Key words: creative industries, creative economy, socio-economic development of territories, Far Eastern Federal District, regression analysis.

Information about the Authors

Irina S. Antonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Tomsk Polytechnic University (51, Akademicheskoy Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: antonovais@tpu.ru)

Maria A. Leshchinskaya – senior lecturer, Junior Researcher, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: povzunyasha@gmail.com)

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of the Center for Financial Research, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Статья поступила 26.05.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.5
УДК 338.45:620.9, ББК 65.305.14-56
© Будник А.С.

Потенциал повышения энергоэффективности российской экономики: отраслевая оценка и макроэкономические эффекты

**Александра Станиславовна
БУДНИК**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: as.terentyeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7366-8189; ResearcherID: PJT-3574-2026

Аннотация. В России существует значительный потенциал сокращения потребления энергии за счёт её более эффективного использования, что приобретает особую важность в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов и необходимости повышения конкурентоспособности отечественной продукции. Цель исследования — определение верхней границы технически достижимого сокращения потребления энергоресурсов в России за счёт внедрения перспективных энергоэффективных технологий и выявления макроэкономических эффектов их реализации. Существующие исследования, как правило, ограничены анализом отдельных секторов или регионов либо сосредоточены на технических аспектах или институциональных барьерах энергосбережения. Научная новизна заключается в разработке комплексного подхода, объединяющего оценку потенциала по четырём секторам экономики (энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, промышленность, транспорт) с ранжированием мероприятий по критериям экономической реализуемости и выделением быстроокупаемых мер. Методология базируется на комбинации отраслевого анализа и сценарного подхода с использованием данных Росстата, прогнозных разработок научных институтов и экспертных оценок. Результаты показывают, что совокупный потенциал сокращения энергопотребления может достигать до 50% текущего уровня, прямой экономический эффект — до 1,3 трлн руб. в год (около 0,6% ВВП), а сокращение выбросов CO₂ — до 65% совокупных выбросов страны. Приоритетными направлениями признаны оптимизация загрузки ТЭЦ, развитие распределённой энергетики, внедрение тепловых насосов и интеллектуальных систем учёта, модернизация промышленности, развитие электротранспорта и общественной мобильности. Ограничением выступает отсутствие детальной оценки

Для цитирования: Будник А.С. (2026). Потенциал повышения энергоэффективности российской экономики: отраслевая оценка и макроэкономические эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 84–97. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.5

For citation: Boudnik A.S. (2026). The potential for improving energy efficiency of the Russian economy: Sectoral assessment and macroeconomic effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 84–97. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.5

межотраслевых мультипликативных эффектов и экономической эффективности каждой технологии, что определяет направление будущих исследований, связанных с построением межотраслевой модели для учёта обратных связей между секторами экономики.

Ключевые слова: энергоэффективность, энергосбережение, потенциал сокращения энергопотребления, технологическая модернизация, топливно-энергетический баланс, макроэкономические эффекты.

Благодарность

При поддержке гранта в форме субсидий из федерального бюджета на осуществление государственной поддержки программ развития научных центров мирового уровня, выполняющих исследования и разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение между Минобрнауки России и ИНП РАН от 18 мая 2026 г. № 075-15-2026-344).

Введение

В России существует потенциал сокращения потребления энергии благодаря её более эффективному использованию. По оценке ЦЭНЭФ, возможное снижение потребления электроэнергии составляет 36%, основной драйвер сокращения — сбережение в промышленности и зданиях¹. Согласно расчетам МЭА, потенциал экономии энергии в сооружениях за счёт строительства более эффективных и реконструкции существующих зданий достигает 50% годового мирового потребления энергии до 2060 года (Dulas, 2017). Использование энергоэффективных технологий сокращает потребление энергоресурсов и связанные с ним затраты, а также выбросы парниковых газов, что соответствует целям «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года»², «Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года»³ и государственной программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Российской Федерации»⁴, предусматривающей снижение энергоёмкости ВВП на 35% к 2035 году.

Для российской экономики вопрос энергоэффективности в текущих условиях приобретает особое значение в силу ряда факторов. Во-первых, высокая энергоёмкость ВВП даже с учётом тренда на её уменьшение снижает конкурентоспособность отечественной продукции на внешних рынках. Во-вторых, в условиях ограниченности инвестиционных ресурсов и необходимости модернизации основных фондов повышение энергоэффективности выступает одним из наиболее доступных источников экономического роста, не требующих значимых капитальных затрат в сравнении с вводом новых генерирующих мощностей. В-третьих, из-за внешних барьеров импорта технологий и капитала энергоэффективность становится ресурсом роста, не нуждающимся в валютных издержках и внешнем финансировании: значительная часть рассматриваемых разработок может быть локализована на основе отечественных решений или с помощью дружественных стран. Так, энергоэффективность выступает ключевым элементом системной трансформации энергетики в ответ на санкционное давление.

¹ О состоянии энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Российской Федерации в 2022 году (2024) / Министерство экономического развития Российской Федерации. Москва. 154 с. URL: https://economy.gov.ru/material/file/b2ec92f00344707af95c8d44ababbde8/Energy_efficiency_2023.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

² Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 10.12.2024).

³ Энергетическая стратегия до 2050 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 года № 908-р. URL: <http://government.ru/news/54754/> (дата обращения: 18.06.2026).

⁴ Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2023 года № 1473. URL: http://government.ru/dep_news/49471/ (дата обращения: 18.06.2026).

Научная проблема заключается в отрывочном характере оценок совокупного потенциала энергосбережения, объединяющего все ключевые секторы экономики (энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) или сектор зданий, промышленность, транспорт) и учитывающего его неоднородность с точки зрения экономической реализуемости. Существующие исследования сосредоточены либо на технических аспектах, либо на институциональных барьерах, не предлагая интегрального подхода к ранжированию мер по масштабу влияния и экономической эффективности.

Цель исследования — определить верхнюю границу технически достижимого сокращения потребления энергоресурсов в России за счёт внедрения перспективных энергоэффективных технологий и выявить макроэкономические эффекты их реализации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) систематизировать наиболее перспективные технологии повышения энергоэффективности по четырём ключевым секторам экономики; 2) оценить технически достижимый потенциал сокращения потребления энергоресурсов по каждому сектору и в целом по экономике; 3) ранжировать рассмотренные мероприятия по критериям экономической реализуемости с выделением быстроокупаемых мер; 4) определить макроэкономические эффекты и барьеры реализации выявленного потенциала.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода, сочетающего оценку определения технически достижимого сокращения потребления энергоресурсов (в том числе по секторам) с дифференциацией мер по срокам окупаемости и экономической эффективности. Его теоретическая значимость состоит в разработке указанного выше подхода, а практическая — в возможности применения органами государственной власти и местного самоуправления полученных количественных оценок для корректировки государственной политики в области энергосбережения и концентрации ресурсов на наиболее результативных мероприятиях.

В исследовании оценивается потенциал сокращения потребления энергоресурсов вследствие использования таких технологий на 2024 год и анализируются макроэкономические последствия его реализации. Полученная оценка представляет собой не директивный план действий, а аналитическую верхнюю границу, позволяющую показать пределы возможного и сфокусироваться на наиболее достижимых и экономически оправданных мероприятиях.

Текущее потребление энергоресурсов

Потребление энергоресурсов в России в 2022 году составило 1028 млн т у. т. С 2000 года энергопотребление выросло на 20%, а с 2010 года — на 11%. Одновременно с увеличением спроса на источники энергии, вызванным ростом экономики и благосостояния населения, развиваются процессы энергосбережения, ведущие к снижению объёмов их использования. Так, в 2021 году энергоёмкость ВВП составила 7,3 т у. т. / млн руб. в постоянных ценах 2021 года, сократившись с 2015 года на 8%, а с 2005 года — на 19%⁵. По другим оценкам, энергоёмкость ВВП⁶ в 2000–2021 гг. снизилась в 2,7 раза (Соколов, 2023а).

Для сравнения, энергоёмкость экономик стран Европы ниже в 2,5 раза, США — в 1,8 раза, Японии — в 2,2 раза, Китая — в 1,2 раза (Соколов, 2023б). Показатель энергоёмкости ВВП в этих странах уменьшается: по данным Всемирного банка, в 2000–2022 гг. в странах Европы она снизилась в среднем на 32%, в США — на 38%, а в Китае — на 42%. Эти государства имеют отличные от России уровень развития экономики, организацию энергетики и энергоснабжения, климатические условия, принципы потребления энергии в быту.

Удельное потребление энергоресурсов на человека с 2015 года выросло на 9%, составив 1,2 т у. т. / чел. в год в 2022 году. При этом удельный отпуск тепла на жилую площадь населения с 2010 года сократился на 28%, составив 0,11 Гкал/м² в год в 2022 году⁷. Удельное потребление энергоресурсов на человека в России находится на уровне Финляндии, Швеции, Бельгии, Нидерландов, Южной Кореи. Оно в

⁵ По данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

⁶ Расчёт по ППС в долл. США.

⁷ Терентьева А.С. (2024). Анализ состояния и прогнозирование развития сектора централизованного теплоснабжения в России в условиях новых инвестиционных механизмов: дис. ... канд. экон. наук. Москва. 147 с. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/10/investitsionnoe-razvitie-sektora-tsentralizovannogo-teplosnabzheniya-v-rossii.pdf>

1,9 раза больше, чем в Европе, и в 1,3 раза, чем в США⁸. Это означает, что выявленный резерв энергоэффективности связан не с избыточным физическим потреблением энергии населением (по этому показателю Россия близка к группе развитых стран со схожими климатическими условиями), а с худшей эффективностью её преобразования.

Так, сопоставление динамики энергоёмкости ВВП и удельного теплоснабжения населения показывает, что в России существует тренд сокращения использования энергии. При этом в сравнении с развитыми и развивающимися странами в ней сохраняется значительный потенциал роста эффективности энергопотребления. В результате реализации программ в области энергоэффективности и энергосбережения в среднем ежегодно экономится 1–2 млн т у. т. Объём финансирования таких программ составляет порядка 170 млрд рублей⁹ в год.

Методология оценки потенциала

Оценка потенциала сокращения потребления энергоресурсов базируется на комбинации отраслевого анализа и сценарного подхода. В рамках исследования выделено четыре ключевых сектора экономики, формирующих совокупное энергопотребление: энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, промышленность и транспорт.

Для каждого сектора на основе анализа актуальных технологических решений, представленных в отечественной и зарубежной практике, были отобраны наиболее перспективные с точки зрения потенциала энергосбережения технологии. Критерием выступала не только техническая эффективность, но и возможность масштабирования при соответствующей государственной поддержке. Расчёт потенциала для каждой технологии производился путём сопоставления текущих показателей энергопотребления и структуры парка оборудования с целевыми параметрами, достижимыми при массовом внедрении рассматриваемых технологических решений. Целевые значения интеграции (гипотезы) определялись на основе анализа стратегических документов, прогно-

ных разработок научных институтов и экспертных оценок максимально возможного уровня проникновения технологий при благоприятной экономической конъюнктуре и последовательной политике стимулирования.

Методический инструментарий оценки потенциала опирается на балансовые расчёты и комбинацию двух механизмов прямого вычисления:

- метод нормативного эффекта и масштабирования (подход «снизу-вверх»), где результат достигается за счёт повышения продуктивности использования энергии в рамках существующей технологии или процесса (например, в ЖКХ, промышленности); расчёт строится на определении удельного веса от внедрения разработки (например, тепловой насос) с последующим умножением на её общее прогнозируемое количество в стране, исходя из оценок технически достижимого охвата;

- метод структурно-технологического замещения (подход «сверху-вниз») — эффект достигается за счёт изменения структуры производства или потребления, а не эффективности отдельной единицы (например, замещение угольной генерации возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ), изменение структуры парка в пользу электромобилей); в этом случае рассчитывается эффект от трансформации доли соответствующей технологии или вида топлива в общей структуре сектора (производства электроэнергии, состава автопарка) при заданном общем объёме производства или потребления сектора.

Прямой расчёт на основе удельных нормативов и целевых структурных долей позволяет получить физически обоснованную верхнюю границу сбережения первичной энергии по каждому сектору. Выбор способа вычислений для конкретной технологии определяется тем, к какому из двух типов эффектов она относится. Итоговый потенциал по сектору формируется как сумма факторов по всем рассмотренным решениям и мероприятиям. Аналогичное разделение эффектов на «эффективность единицы» и «структурный сдвиг» применяется и в зару-

⁸ По данным Statistical review of world energy data — Energy Institute.

⁹ О состоянии энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Российской Федерации в 2022 году (2024) / Министерство экономического развития Российской Федерации. Москва. 154 с. URL: https://economy.gov.ru/material/file/b2ec92f00344707af95c8d44a6abbde8/Energy_efficiency_2023.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

бежных межстрановых исследованиях энергоёмкости (Gonzalez-Torres et al., 2021).

Зарубежные работы, посвященные энергоэффективности, развиваются по нескольким направлениям. N. Apergis и H. Fahmy показали, что геополитические риски и волатильность цен на энергоносители существенно влияют на динамику энергоэффективности на макроуровне, однако их анализ ограничен ценовыми шоками и не затрагивает структурные технологические резервы (Apergis, Fahmy, 2024). Основы политики энергосбережения в зданиях, заложенные ещё в 1980-е гг. A. Rosenfeld и D. Hafemeister, получили развитие в работах J. Dulac и H.-S. Mun с соавторами, которые количественно оценивают потенциал энергосбережения в зданиях и агропромышленных комплексах, но делают это в отрыве от других секторов экономики (Rosenfeld, Hafemeister, 1985; Dulac, 2017; Mun et al., 2025). Промышленный сегмент рассмотрен в работах D. Ma с коллегами, M. Ali и S. Evans, а также N. Bolson с соавторами — в них детально анализируются технологии электрификации и декарбонизации производства, однако они ограничиваются отдельными отраслями или страновыми выборками без сопоставления с другими секторами экономики (Ma et al., 2025; Ali, Evans, 2025; Bolson et al., 2026). В других зарубежных исследованиях изучаются отдельные драйверы повышения энергоэффективности. Например, M. Sohail и коллеги показывают, что внедрение цифровых технологий снижает расход энергии без ущерба для роста производства (Sohail et al., 2024). M. Madaleno, M. Robaina и M. Diaz доказали эффективность субсидий и налоговых льгот для модернизации заводов, а L. Zhang и соавторы оценили резервы энергосбережения на транспорте (Madaleno et al., 2024; Zhang et al., 2024).

В российской науке системные исследования по энергоэффективности ведутся в ИНЭИ РАН, ИСЭМ РАН, ЦЭНЭФ-XXI, НИУ ВШЭ и других научных центрах. Методологический вклад в анализ данной темы на макроуровне внесли В.С. Арутюнов, А.В. Арутюнов и Г.В. Лисичкин, обосновавшие ограничение роли некоторых видов чистой энергии в раз-

витии экономики, что задает верхнюю границу применимости возобновляемой генерации как инструмента энергоэффективности (Арутюнов и др., 2026). Отраслевые оценки по когенерационным технологиям в энергетике представлены в работе М.Д. Дильмана и С.П. Филиппова (Дильман, Филиппов, 2025); по низкоуглеродным технологиям в зданиях — И. Башмакова и соавторов (Башмаков и др., 2023).

Таким образом, существующие исследования (как зарубежные, так и российские) содержательно проработаны в границах отдельных секторов (здания, промышленность, сельское хозяйство) или обособленных факторов (цены, геополитика), но не предлагают сопоставимой по охвату межсекторальной оценки. Кроме того, анализ современной литературы показывает, что отсутствуют работы, ранжирующие мероприятия по критериям экономической реализуемости и выделяющие быстроокупаемые меры.

Технологии повышения энергоэффективности

Значительная часть энергоэффективных технологий развивается инерционно и не требует принятия специальных мер для их использования. Так, сюда относится внедрение более энергоэффективных материалов и технологий в строительстве, бытовых приборов, методов освещения, автомобилей, работающих на более эффективных видах топлива, и пр. Другие решения являются относительно дорогими для широкого распространения. Однако они имеют высокую эффективность и с поддержкой государства (введением различных ограничений, квот и т. д.) могут активно использоваться.

Далее будут рассмотрены технологии, которые не получают инерционного развития. Они распределены по сегментам экономики в порядке значимости потребления энергии и потенциала снижения её использования: энергетика (производство электроэнергии и тепла, включая расход топлива на собственные нужды станций и потери при передаче и преобразовании энергии) — 28% потребления энергоресурсов, ЖКХ (население, услуги, прочее) — 26%, промышленность — 30%, транспорт — 16%¹⁰.

¹⁰ Здесь и далее, если не указано иное, доли секторов в потреблении энергоресурсов рассчитаны по данным топливно-энергетического баланса Росстата за 2022 год.

Энергоэффективные технологии в энергетике

В энергетике наиболее экологичными, современными и эффективными технологиями производства электроэнергии считаются генерация на возобновляемых источниках (ветре и солнце), биотопливе, атомные и гидроэлектростанции. В сравнении с тепловыми электростанциями, у которых 40–60% сжигаемого топлива выбрасывается в окружающую среду, возобновляемые источники не используют ископаемые ресурсы (Айнуллов и др., 2022). Однако затраты на строительство этих видов электростанций выше, чем затраты на строительство тепловых (ТЭС), хотя и стоимость электроэнергии с ветровых (ВЭС), солнечных (СЭС), атомных (АЭС) и гидроэлектростанций (ГЭС) ниже, чем с ТЭС. Кроме того, помимо положительных экологических эффектов все эти сооружения также оказывают отрицательное влияние на окружающую среду. Так, строительство ГЭС значительно меняет экосистему и режимы течения рек; АЭС — имеет риск радиационных аварий; при изготовлении солнечных батарей используют большое количество токсичных и взрывоопасных компонентов¹¹. Это лишь часть экологических угроз от строительства и использования технологий генерации на возобновляемых источниках.

Рассматривать возможности применения разработок возобновляемых источников генерации необходимо, учитывая ресурсные возможности страны, негативные экологические последствия, текущую структуру мощности в электроэнергетике и ее загрузки, а также сложившуюся организацию рынков электроэнергии и тепла.

В энергетике также целесообразно было бы рассмотреть варианты оптимизации загрузки существующих мощностей в электроэнергетике и теплоснабжении, поскольку сейчас значительная часть мощностей недозагружена (Семикашев, Терентьева, 2024). В этом случае одна часть котельных может быть закрыта, а другая — переоборудована в мини-ТЭЦ (теплоэлектроцентрали), что позволило бы сократить удельные расходы топлива на источниках теплоснабжения на 21 кг у. т.

Также могут быть рассмотрены варианты применения технологий распределённой энергетики. Системы хранения у потребителей и на объектах дифференцированной генерации позволяют накапливать и отдавать электроэнергию, тем самым влияя на рынок мощностей и оптимизируя процессы производства и передачи энергии. Умные сети и технологии управления спросом позволяют оптимизировать процессы потребления, что может сократить затраты системы и уменьшить пиковые нагрузки, а вместе с тем и необходимость в пиковых мощностях. Как отмечают специалисты из ИНЭИ РАН, малая распределенная энергетика на базе современных газотурбинных установок (ГТУ) обеспечивает системное снижение удельного расхода условного топлива за счёт более высокого технологического коэффициента полезного действия (КПД) оборудования по сравнению со старым паросиловым фондом крупных станций (Дильман, Филиппов, 2025).

Энергоэффективные технологии в ЖКХ

В сегменте ЖКХ в качестве технологий энергоэффективности могут применяться технологии строительства (пассивные и активные дома), отопления и производства энергии (тепловые насосы), а также регулирования потребления энергии (интеллектуальные системы и счетчики).

Интеллектуальные системы регулирования потребления энергии включают в себя счётчики, умные розетки и различные датчики, программируемые термостаты и пр. Их использование способствует сокращению затрат электроэнергии на освещение и электроприборы на 15–20%. Эксплуатация программируемых термостатов, датчиков радиаторов и движения, регулировка режимов отопления позволяет сократить затраты энергии на отопление помещений на 25–35%¹². Оценки технологического потенциала автоматизации и модернизации зданий согласуются с выводами специалистов из ЦЭНЭФ, где детально проанализированы ключевые низкоуглеродные решения для российского жилищного фонда (Башмаков и др., 2023).

¹¹ Дегтярев К.С. (2015). ВИЭ и побочные экологические эффекты // СОК. № 5. URL: <https://www.c-o-k.ru/articles/vie-i-pobochnye-ekologicheskie-effekty>

¹² Как сэкономить электричество с системой умный дом // Инженерные сети. URL: <https://eng-net.ru/blog/kak-ekonomit-s-sistemoi-umnii-dom/> (дата обращения: 06.12.2024).

Тепловые насосы предполагают отопление здания за счёт разницы температур в здании с грунтом или наружным воздухом. Экономия затрат при этом составляет до 80%¹³. Согласно оценкам МЭА, к 2050 году тепловые насосы будут обеспечивать до 45% потребности в энергии на отопление¹⁴.

Технологии пассивных и активных домов предполагают комплексную концепцию строительства (разработки и материалы), при которой здание не использует дополнительную энергию (пассивный дом)¹⁵, а вырабатывает её не только для собственных нужд (активный дом). Такое здание эффективно реализует солнечную энергию, внутренние источники и рекуперацию тепла. Потребление энергии дома минимально за счёт повышения теплозащиты, герметичности ограждающих конструкций и применения экономичного инженерного оборудования.

Энергоэффективные технологии в промышленности

Энергоэффективные технологии в промышленности предполагают наиболее эффективное и вторичное использование ресурсов (циркулярная экономика), например производство глинозема, целлюлозы, клинкера, переход к наиболее современным технологическим процессам и технологиям (производство чугуна, электростали, алюминия, удобрений, аммиака синтетического, каучука синтетического), исключение некоторых энергоизбыточных технологических процессов (замена мартеновского способа выплавки стали, эффективные электродвигатели), автоматизацию производства (добыча железной руды), улучшение системы учёта и энергетического менеджмента.

Энергоэффективные технологии в транспорте

В транспорте перспективными технологиями с точки зрения использования энергии являются железнодорожный и электрический способ перемещения. Далее будут рассмотре-

ны разработки электротранспорта, поскольку потенциал железнодорожного уже достаточно реализован.

Электромобили используют современные аккумуляторные батареи и могут рассматриваться как замена машин с двигателем внутреннего сгорания. На данном этапе технология активно внедряется в легковом транспорте, но в будущем может быть применена на общественном, грузовом и коммерческом¹⁶. Использование электромобилей ведёт к сокращению спроса на нефтепродукты и росту потребности в электроэнергии, но в целом происходит уменьшение применения топлива, если электроэнергетика в стране достаточно эффективна (большая доля ГЭС, АЭС и высокие КПД и коэффициент полезного использования топлива (КПИТ) у ТЭС).

Изменение структуры и концепции использования автомобильного транспорта может привести к более эффективному распределению энергоресурсов. Так, переход с личного средства передвижения на шеринговый, а также распространение общественного транспорта могут рассматриваться как меры повышения энергоэффективности.

Список продуктивных технологий обширен (механизмы реализации в добыче газа, нефти, угля; сельское хозяйство; водородные разработки и др.), и большая часть из них не затронута в статье. Однако здесь выделены технологии, наиболее перспективные и имеющие наибольший потенциал использования в России.

Оценка потенциала сокращения потребления энергоресурсов вследствие использования технологий

В таблице 1 представлены оценки потенциала описанных выше технологий, а также предлагаемые условия его реализации.

Рост доли возобновляемых источников энергии (в том числе АЭС и ГЭС) в выработке электроэнергии с 10 до 30% соответствует

¹³ Тепловой насос для отопления частного дома. Плюсы и минусы // МАСТ Дом. URL: <https://www.mact-dom.ru/advice/poleznaya-informaciya/kupit-teplovoy-nasos-ili-druguyu-sistemu-otopleniya-dlya-doma> (дата обращения: 06.12.2024).

¹⁴ World Energy Outlook 2025. Paris: IEA, 2025.

¹⁵ Здание считается пассивным, если его тепловая нагрузка не превышает 10–15 Вт/м² жилой площади.

¹⁶ Ростовский Й.К. (2024). Оценка влияния рынков электромобилей на перспективы развития отраслей российской промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва. 27 с. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/03/avtoreferat-rostovskij-j.-k.pdf>

Таблица 1. Потенциал сокращения потребления энергоресурсов вследствие использования энергоэффективных технологий по отраслям на 2024 год

Технология	Критерий	Потенциал сокращения потребления энергии, млн т у. т.
Энергетика		
ВИЭ (ВЭС, СЭС, АЭС, ГЭС, биотопливо)	Выработка ВИЭ 30%, выпадение использования ископаемого топлива	150
ТЭС на ископаемом топливе (оптимизация загрузки, закрытие части котельных)	Рост доли ТЭЦ в производстве тепла до 80%, преимущественно когенерация	30–40
Умные сети, распределённые энергосистемы (генерация), системы хранения и управления спросом	Оптимизация распределения на умных сетях и системах хранения энергии, управление спросом, распределённая генерация порядка, 36–68 ГВт	30-50
ЖКХ		
Интеллектуальные системы и счётчики	Все домохозяйства в разной степени используют счётчики и интеллектуальные системы регулирования потребления энергии	50
Тепловые насосы	18 млн тепловых насосов	44
Пассивные и активные дома	10% нулевых домов в структуре зданий	24
Промышленность		
Энергоэффективные производственные технологии в металлургии, цементной и химической промышленности		52
Транспорт		
Электромобили	Доля в ЭМ в парке 40%, 19 млн шт.	34
Общественный и шеринговый транспорт	Доля каршеринга в городах-миллионниках на уровне 2–3%, доля общественного транспорта – 50%	10
Всего		424–454 (44% потребления)
Рассчитано по: данные топливно-энергетического баланса Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5RIE0jgu/en_balans.htm ; (Милякин, 2022; Милякин, Скубачевская, 2024); Распределённая энергетика в России: потенциал развития. Москва: Энергетический центр Московской школы управления «Сколково». 87 с. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_DER-3.0_2018.02.01.pdf (дата обращения: 09.12.2025).		

реализации технологического сценария РЭА¹⁷. Сокращение количества объектов генерации на ископаемом топливе в выработке того же объёма электроэнергии и тепла ведёт к выпадению его использования до 150 млн т у. т.

Оптимизация загрузки существующих мощностей в электроэнергетике и теплоснабжении предполагает рост доли ТЭЦ с 45 до 80% в производстве тепла и преимущественное использование когенерации на объектах теплоснабжения, что потребует закрытия части неэффективных котельных и перевода их нагрузки на ТЭЦ. Это приведет к сокращению потребления топлива на 30–40 млн т у. т.

Потенциал использования технологий распределенной энергетики, по оценкам ИНЭИ РАН, совокупно составляет 36–68 ГВт¹⁸, что обеспечит экономию топлива за счёт ввода высокоэффективных газотурбинных комплексов с повышенным КПД. Это повлияет на сокращение потребления энергии на 30–50 млн т у. т. Таким образом, потенциал сокращения использования энергии вследствие применения энергоэффективных технологий в энергетике составляет 260–290 млн т у. т.

Потенциал использования интеллектуальных систем, счётчиков потребления электроэнергии и тепла рассчитан исходя из снижения

¹⁷ Сценарии развития мировой энергетики до 2050 года. Москва: Российское энергетическое агентство. 130 с. URL: <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/stsenarii-razvitiya-mirovoy-energetiki-do-2050-goda/> (дата обращения: 05.12.2025).

¹⁸ О состоянии энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Российской Федерации в 2022 году (2024) / Министерство экономического развития Российской Федерации. Москва. 154 с. URL: https://economy.gov.ru/material/file/b2ec92f00344707af95c8d44a6abbde8/Energy_efficiency_2023.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

электропотребления на 15–20% и теплотребления на 25–35%. Данный эффект экстраполирован на 52 млн домохозяйств страны с учётом их структуры (дифференциация удельного эффекта для индивидуальных жилых домов и многоквартирных домов). Проверяется следующая гипотеза: 30% домохозяйств снижают потребление на 50%, 70% домохозяйств — на 25%. Так, использование интеллектуальных систем и счётчиков со стороны домохозяйств может привести к сокращению потребления энергии на 50 млн т у. т.

Рост числа тепловых насосов с 16 до 18 млн шт. предполагает их использование в 60% зданий. Применение данного средства отопления снижает затраты на 80%. Экстраполирование этого эффекта на целевое число теплогенераторов позволит сократить потребление энергии до 44 млн т у. т.

Рост доли пассивных и активных домов в структуре зданий с 2 до 9% предполагает снижение использования энергии на 24 млн т у. т. за счёт замещения стандартных сооружений объектами с ультранизким удельным энергопотреблением. Таким образом, перспектива уменьшения расхода энергоэффективных технологий в ЖКХ составляет порядка 120 млн т у. т.

В промышленности за основу принята технологическая оценка ЦЭНЭФ для базовых энергоемких отраслей (металлургия, химия, производство стройматериалов — конкретные решения были описаны в предыдущем разделе), которая составляет 52 млн т у. т.¹⁹ потребления энергоресурсов и опирается на потенциал внедрения наилучших доступных разработок и систем энергоменеджмента.

Рост парка электромобилей с 0,1 до 40,5%, который прогнозируется ИНП РАН²⁰ в позитивном сценарии развития транспорта с электродвигателем предполагает замещение автомобилей с ДВС, что ведёт к выпадению использования нефтепродуктов до 34 млн т у. т.

Переход на общественный (увеличение до 50%) и шеринговый транспорт (с 1,3 до 2–3% — расчёты проводились в статьях коллег из ИНП РАН) в городах-миллионниках предполагает снижение удельных энергозатрат по сравнению с личным автотранспортом и приводит к выпадению использования нефтепродуктов до 10 млн т у. т. (Милякин, 2022; Милякин, Скубачевская, 2024).

Суммарно потенциал сокращения использования топлива в транспорте вследствие применения описанных выше технологий составляет 44 млн т у. т.

В результате, по оценкам автора, потенциал сокращения энергопотребления (вследствие использования всех вышеописанных технологий) может достигать 470–500 млн т у. т, что составляет до 50% текущего потребления энергоресурсов. Возможное снижение выбросов углекислого газа при этом равняется 1,1–1,4 млрд тонн в год и достигает до 65% совокупных выбросов CO₂ страны.

Полученная оценка представляет собой не прогноз и не целевой показатель, а расчётную верхнюю границу технически достижимого сокращения потребления. Экономическая эффективность рассматриваемых технологий в рамках данного исследования не рассчитывается. При этом предполагается, что далеко не весь потенциал имеет положительную экономическую эффективность при текущих условиях организации рынка. При развитии представленных решений необходимо учитывать межотраслевые, экологические, социальные и бюджетные эффекты реализации этого потенциала.

Имеет значение и степень локализации предлагаемых разработок. Так, значительная часть технологий распределённой энергетики, ВИЭ, реализуемых механизмов в промышленности, электромобилей (ЭМ), тепловых насосов и пассивных домов может быть реализована через отечественные изобретения или при помощи дружественных стран.

¹⁹ Низкоуглеродные технологии и потенциал сокращения выбросов парниковых газов в Российской Федерации // ЦЭНЭФ. URL: <https://cenef-xxi.ru/categories/11#> (дата обращения: 03.12.2024).

²⁰ Ростовский И.К. (2024). Оценка влияния рынков электромобилей на перспективы развития отраслей Российской промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва. 27 с. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/03/avtoreferat-rostovskij-j.-k.pdf>

Последствия и барьеры реализации потенциала

Реализация данного потенциала энергоэффективности способна оказать существенное влияние на ключевые макроэкономические и межотраслевые параметры.

Наиболее значимым последствием станет трансформация структуры топливно-энергетического баланса, выражающаяся в сокращении спроса на ископаемое топливо при одновременном росте потребления электроэнергии. Такая перестройка создает принципиально новые условия для развития электроэнергетики, требуя не только наращивания генерирующих мощностей для удовлетворения энергетических потребностей, но и изменения режимов их загрузки, прогресса сетевой инфраструктуры и внедрения интеллектуальных систем управления спросом.

Для топливных отраслей сокращение внутренних потребностей будет означать необходимость переориентации на экспортные рынки, что в условиях глобального энергетического перехода и санкций сопряжено со сложностями в реализации. Снижение энергоёмкости ВВП вследствие реализации потенциала выступит фактором повышения ценовой конкурентоспособности отечественных производителей и уменьшения их чувствительности к колебаниям цен на энергоносители. В ЖКХ сокращение потребления энергоресурсов будет способствовать сокращению нагрузки на бюджеты домохозяйств и росту уровня жизни населения.

Важным макроэкономическим последствием станет мультипликативный эффект от инвестиций в энергоэффективность, который, в отличие от вложений в добычу и транспортировку энергоресурсов, характеризуется более высоким коэффициентом создания рабочих мест на единицу внесённых средств и способствует локализации оборудования в обрабатывающих отраслях и строительстве.

Экологический эффект, сопровождающийся сокращением выбросов парниковых газов, создает потенциал для участия России в международных климатических проектах и снижает риски, связанные с введением углеродного регулирования. При этом перечисленные эффекты носят потенциальный характер и могут быть реализованы лишь в той мере, в какой будет преодолен комплекс ограничений, пре-

пятствующих внедрению энергоэффективных технологий в текущих экономических и институциональных условиях.

Экономические ограничения связаны со значительными первоначальными капитальными затратами при относительно длительных сроках окупаемости, несмотря на высокую эффективность в долгосрочной перспективе. В условиях высокой стоимости заемных средств и ограниченности собственных инвестиционных ресурсов предприятий даже проекты с положительной окупаемостью могут оставаться нереализованными. Институциональные барьеры проявляются в отсутствии экономических стимулов к повышению эффективности использования энергоресурсов, сложившейся системе ценообразования, структуре собственности и принципах государственного регулирования в электроэнергетике и теплоснабжении.

В промышленности значимым ограничением выступает унаследованная от советского периода структура производства, в рамках которой многие технологические процессы изначально проектировались без учёта требований энергоэффективности, и их глубокая модернизация требует не просто замены оборудования, а перестройки всей производственной цепочки. Технологические ограничения связаны с зависимостью от импорта ключевых компонентов энергоэффективного оборудования, которые в условиях санкционного давления могут создавать риски для реализации масштабных программ.

В ЖКХ барьером выступает низкая платежеспособность населения, при которой даже потенциально выгодные инвестиции остаются недоступными для большинства домохозяйств без программ субсидирования и льготного кредитования.

В *таблице 2* представлены направления, которые обладают наибольшим потенциалом с точки зрения сочетания факторов экономического эффекта и реализуемости. Отбор проведён исходя из трёх критериев: вклад в уменьшение энергопотребления; наличие понятного экономического агента, реализующего потенциал; возможность применения конкретных мер поддержки в среднесрочной перспективе. Также дана укрупнённая стоимостная оценка потенциала сокращения потребления энергии, позволяющая перевести технические показа-

тели в плоскость бюджетного планирования и инвестиционных решений. Технологии, требующие стратегического планирования и длительных инвестиций, такие как масштабное строительство генерации, должны рассматриваться отдельно.

Среди перечисленных ограничений наиболее системным представляется институциональный барьер: даже при решении проблемы доступности заемного финансирования сложившаяся модель тарифного регулирования и структура собственности в электро- и теплоэнергетике не создает для большинства участников рынка прямой экономической заинтересо-

ванности в повышении энергоэффективности, тогда как экономические и технологические препятствия в большей степени поддаются решению посредством точечных мер поддержки.

Выводы

Рассчитанный в статье потенциал для применения технологий эффективного использования энергии показывает возможности значительного сокращения потребления энергии в стране — до 50% текущего потребления энергоресурсов. Это число представляет собой расчётную верхнюю границу, позволяющую показать пределы возможного и сформировать реалистичное представление о масштабах задачи.

Таблица 2. Ключевые секторы, реализующие потенциал сокращения потребления энергии: ожидаемые эффекты и предлагаемые меры

Сектор	Основные технологии	Экономический эффект*	Кто реализует	За счёт чего	Предлагаемые меры
Энергетика	Оптимизация загрузки ТЭЦ, распределённая генерация, закрытие неэффективных котельных	150–250 млрд руб.	Генерирующие компании, муниципалитет, Системный оператор	Снижение удельного расхода топлива, сокращение потерь в сетях, отказ от неэффективных мощностей	Тарифные решения (стимулирование когенерации); льготное кредитование проектов модернизации; развитие технического регулирования
ЖКХ	Тепловые насосы, интеллектуальные системы учёта	470 млрд руб.	Домохозяйства, УК, застройщики	Снижение платежей за ЖКУ, экономия бюджетных средств на субсидии	Субсидирование приобретения для населения; обязательная установка систем учёта в рамках капремонта. Льготное кредитование и субсидирование процентной ставки для застройщиков; включение тепловых насосов в программы социальной газификации
Промышленность	Модернизация производств, энергоменеджмент	260 млрд руб.	Крупные промышленные предприятия	Снижение себестоимости продукции, рост конкурентоспособности на внешних рынках	Налоговое стимулирование (льготы по налогу на прибыль); льготные кредиты на модернизацию; поддержка энергоменеджмента
Транспорт	Электромобили, развитие общественного и шерингового транспорта	220 млрд руб.	Автопроизводители, таксопарки, население, власти регионов	Снижение импорта нефтепродуктов, экономия на топливе	Развитие зарядной инфраструктуры; субсидирование производства электротранспорта; поддержка программ каршеринга и общественного транспорта

* Экономический эффект рассчитан за год как стоимость сэкономленного топлива при средней цене природного газа в пересчёте на условное топливо для промышленности в 2024 году и не включает дополнительные эффекты (снижение инвестиций в новую генерацию, экологический эффект и пр.).

Источник: составлено автором.

Принципиально важно понимать неоднородность этого потенциала. На одном полюсе находятся простые и быстроокупаемые мероприятия: налаживание учёта, устранение потерь, оптимизация режимов работы, базовые системы автоматизации. Эти меры способны дать ощутимый эффект без масштабных капитальных вложений, и именно на них должна быть сконцентрирована экономическая политика в ближайшей перспективе. На другом полюсе находятся технологии, требующие глубокой модернизации производственных комплексов и энергоснабжения, реализация которых оправдана лишь в долгосрочной перспективе при создании эффективных механизмов финансирования.

Воплощение даже части потенциала приведёт к существенным макроэкономическим последствиям: трансформации топливно-энергетического баланса со снижением спроса на ископаемое топливо и роста потребления электроэнергии, повышению ценовой конкурентоспособности производителей, уменьшению нагрузки на бюджеты домохозяйств, мультипликативному эффекту для занятости в обрабатывающих отраслях и строительстве, а также значительному экологическому эффекту.

Реализация потенциала сдерживается комплексом барьеров. Среди них экономические ограничения, выраженные в значительных первоначальных капитальных затратах при длительных сроках окупаемости и высокой стоимости заёмных средств, из-за чего даже окупаемые проекты часто не осуществляются. Институциональный барьер, выраженный в сложившейся системе тарифного регулирования и структуре собственности в электро- и теплоэнергетике, не создающей прямой экономической заинтересованности в повышении эффективности, — наиболее системное из ограничений, поскольку сохраняется даже при решении проблемы доступности финансирования. Также существует технологический барьер — зависимость от импорта ключевых компонентов оборудования в условиях санкционного давления. Отраслевой барьер в промышленности — это структура производства, модернизация которого требует перестройки всей технологической цепочки, а не точечной замены оборудования. В ЖКХ барьером выступает низкая платежеспособность на-

селения, ограничивающая доступность даже окупаемых мероприятий без программ субсидирования.

Экономические и технологические барьеры могут быть преодолены через точечные меры поддержки, тогда как институциональный требует системного реформирования организации рынков электро- и теплоэнергетики. При разработке мер поддержки необходимо учитывать специфику барьеров в разных секторах. В электроэнергетике приоритетом должно стать реформирование организации ее рынка, а также создание экономических стимулов для оптимизации загрузки мощностей. В жилищно-коммунальном хозяйстве наряду с адресными программами субсидирования для малообеспеченных домохозяйств требуется развитие системы технического регулирования и формирование доступных кредитных механизмов для проведения капитальных ремонтов с элементами энергосбережения. В промышленности наиболее действенными инструментами представляются налоговое стимулирование и развитие добровольных механизмов энергетического менеджмента. В транспортном секторе приоритетным является создание зарядной инфраструктуры для электротранспорта и развитие общественного транспорта как наиболее энергоэффективного в крупных городах.

Ключевым принципом политики должно стать понимание того, что значительная часть технически возможного энергосбережения не будет реализована по экономическим причинам, поскольку стоимость сэкономленной энергии может превышать стоимость её производства. Задача заключается не в достижении расчётной верхней границы любой ценой, а в создании условий для реализации экономически эффективных мероприятий, в том числе влияющих на развитие российской экономики, как за счёт увеличения выпуска энергоэффективного оборудования отечественного производства, так и снижения затрат на энергию и, в итоге, повышения эффективности и конкурентоспособности энергопотребляющих отраслей.

Прямой экономический эффект от реализации описанных мер (стоимость сэкономленного топлива) может составить до 1,3 трлн руб. в год, или около 0,6% ВВП. Эта оценка не учитывает сложные межотраслевые взаимодействия,

а демонстрирует лишь порядок величины прямого эффекта. С учётом мультипликативных эффектов совокупный вклад в ВВП может быть сопоставим с несколькими процентами, однако такая оценка требует отдельного межотраслевого исследования.

Тогда оставшийся потенциал послужит резервом на случай изменения относительных

цен или появления более эффективных технологий. Такой подход позволит избежать нерационального расходования бюджетных средств и сохранить фокус на действительно достижимых результатах, способных обеспечить реальное повышение конкурентоспособности российской экономики и улучшение качества жизни населения.

Литература

- Айнуллоев Т., Зайченко В., Маганов Р. [и др.]. (2022). Развитие углероднейтральной энергетики в России // *Энергетическая политика*. № 5 (171). С. 92–103. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_5171_92
- Арутюнов В.С., Арутюнов А.В., Лисичкин Г.В. (2026). Энергетическая эффективность (EROI) как ключ к анализу тенденций глобальной энергетики // *Вестник Российской академии наук*. Т. 96. № 2. С. 134–144. DOI: 10.7868/S3034520026020037
- Башмаков И., Башмаков В., Борисов К. [и др.]. (2023). Ключевые низкоуглеродные технологии для российских зданий // *Энергосбережение*. № 7. С. 4–9.
- Дильман М.Д., Филиппов С.П. (2025). Сопоставление перспективных когенерационных технологий по критерию топливной эффективности // *Известия Российской академии наук. Энергетика*. № 2. С. 16–34. DOI: 10.31857/S0002331025020025
- Милякин С.Р., Скубачевская Н.Д. (2024). Перспективы развития каршеринга в Москве: анализ и прогноз с применением теории социальных практик // *Проблемы прогнозирования*. № 4 (205). С. 166–178. DOI: 10.47711/0868-6351-205-166-178
- Милякин С. (2022). Снижение выбросов CO₂ в городах: электромобили или общественный транспорт // *ЕСО*. Т. 52. № 12. С. 32–51. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-12-32-51
- Семикашев В.В., Терентьева А.С. (2024). Прогноз развития сектора централизованного теплоснабжения до 2030 г. // *Проблемы прогнозирования*. № 3 (204). С. 43–55. DOI: 10.47711/0868-6351-204-43-55
- Соколов М.М. (2023а). Энергоемкость экономики России и основные факторы, воздействующие на ее уровень и динамику // *Экономика промышленности*. Т. 16. № 1. С. 34–50. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-1-34-50
- Соколов М.М. (2023б). Энергоемкость экономики России и основные направления по ее сокращению // *Энергетическая политика*. № 7 (185). С. 46–67.
- Ali M., Evans S. (2025). The impact of best practice on energy efficiency in industrial decarbonization policy. *Energy Policy*, 204, 114632. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2025.114632>
- Apergis N., Fahmy H. (2024). Geopolitical risks and energy prices crash risk: Evidence from a smooth transition autoregressive model. *Energy Economics*, 140, 108010. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.108010>
- Bolson N., Watari T., Boock R., Cullen J. (2026). Industrial energy efficiency and decarbonisation via electrification and hydrogen. *Applied Energy*, 413, 127760. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2026.127760>
- Dulac J. (2017). Unlocking energy savings from buildings. *International Energy Agency*. Available at: <https://www.iea.org/commentaries/unlocking-energy-savings-from-buildings> (accessed: 10.10.2025)
- Gonzalez-Torres M. et al. (2021). Inequality across countries in energy intensities: An analysis of the role of energy transformation and final energy consumption. *Applied Energy*, 289, 116681. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2021.116681>
- Ma D., Yan Y., Zhang F. et al. (2025). Synergistic evolution of global energy efficiency and industrial structure and influencing factors: A study perspective based on 114 countries. *Energy*, 338, 138948. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2025.138948>
- Madaleno M., Robaina M., Dias M. (2024). Public incentives and energy efficiency investments in industry: Evidence from European economies. *Energy Policy*, 185, 113945. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113945>
- Mun H.-S., Laguna E.B., Hong S.-K. et al. (2025). Energy-efficient technologies and strategies for feasible and sustainable plant factory systems. *Sustainability*, 17, 3259. DOI: <https://doi.org/10.3390/su17073259>

- Rosenfeld A., Hafemeister D. (1985). Energy conservation in large buildings. *AIP Conference Proceedings*, 135, 148–168. DOI: <https://doi.org/10.1063/1.35568>
- Sohail M.T., Ullah S., Majeed M.T. (2024). Digital economy, technological innovation, and energy efficiency: Pathways to sustainable economic growth. *Journal of Cleaner Production*, 434, 139910. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139910>
- Zhang L., Chen Y., Wang X. (2024). Evaluating energy efficiency and carbon reduction potential in the transport sector: A sectoral decomposition analysis. *Transport Policy*, 146, 88–99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2023.12.005>

Сведения об авторе

Александра Станиславовна Будник — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: as.terentyeva@yandex.ru)

A.S. Boudnik

The Potential for Improving Energy Efficiency of the Russian Economy: Sectoral Assessment and Macroeconomic Effects

Abstract. Russia has substantial room for reducing energy consumption by using energy more efficiently, a task made especially pressing by limited investment resources and the need to strengthen the competitiveness of domestic output. This study aims to establish the upper bound of the technically feasible reduction in energy use in Russia through the deployment of advanced energy-efficient technologies and to identify the macroeconomic effects of their implementation. Existing research tends to be confined to individual sectors or regions, or focuses primarily on technical aspects or institutional barriers to energy saving. The study's novelty lies in developing an integrated framework that combines an assessment of the potential across four sectors (energy, housing and utilities, industry, and transport) with a ranking of measures by economic feasibility and the identification of options offering short payback periods. The methodology draws on a combination of sectoral analysis and a scenario approach, using data from Rosstat, projections by research institutes, and expert estimates. The results indicate that the overall energy saving potential could reach as high as 50% of current consumption, generating a direct economic effect of up to 1.3 trillion rubles annually (roughly 0.6% of GDP) and cutting CO₂ emissions by as much as 65% of the country's total emissions. The priority areas identified include optimizing the load of combined heat and power plants, developing distributed generation, introducing heat pumps and smart metering systems, modernizing industry, and promoting electric transport together with public mobility. A limitation of the study is the absence of a detailed assessment of cross-sectoral multiplier effects and the economic efficiency of each technology. This points to future research aimed at building an input-output model that would capture feedback loops between sectors of the economy.

Key words: energy efficiency, energy saving, potential for energy consumption reduction, technological modernization, fuel and energy balance, macroeconomic effects.

Information about the Author

Aleksandra S. Boudnik — Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: as.terentyeva@yandex.ru)

Статья поступила 30.03.2026.

Кластерная типология малых и средних городов Северо-Запада России: от формальных статусов к структурным профилям

Ирина Анатольевна

СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от универсальных мер поддержки малых и средних городов России к дифференцированной региональной политике, учитывающей реальное многообразие социально-экономических профилей населенных пунктов. Цель работы – построение эмпирически обоснованной типологии малых и средних городов Северо-Западного федерального округа на основе многомерного кластерного анализа показателей, отражающих пространственное положение, состояние экономики и социальной сферы. Эмпирическую базу составили данные по 137 городам (после очистки – 130) по девяти показателям, характеризующим экономическую активность, социально-бытовую инфраструктуру, качество городской среды и транспортную доступность. Ввиду сильной асимметрии распределений большинства показателей была применена логарифмическая трансформация с последующей стандартизацией. Посредством метода иерархической кластеризации, выполненной в IBM SPSS Statistics, выделено четыре устойчивых типа: 1) «удаленные промышленные центры» (41% городов), 2) «туристическо-сервисные центры» (16%), 3) «комфортная периферия» (38%), 4) «ближние спальные территории» (5%). Впервые для макрорегиона эмпирически верифицированы два ранее не выделявшихся типа: «комфортная периферия», объединяющая как ближние пригороды, так и удаленные туристические центры с высоким качеством среды и слабым развитием ядра экономики, а также «ближние спальные территории» – города-спутники круп-

---

Для цитирования: Секушина И.А. (2026). Кластерная типология малых и средних городов Северо-Запада России: от формальных статусов к структурным профилям // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 98–114. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.6

For citation: Sekushina I.A. (2026). Cluster typology of small and medium-sized towns in the Russian North-West: From formal statuses to structural profiles. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 98–114. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.6

ных центров с низкой локальной занятостью и отсутствием социальной инфраструктуры при формально высоких показателях зарплаты и качества городской среды. Научная новизна работы определяется применением многомерного кластерного анализа, который позволил идентифицировать типы городов, не совпадающие с традиционными классификациями, и выявить скрытые дисбалансы их социально-экономического развития. На основе полученной типологии сформулированы дифференцированные направления региональной политики для каждого из выделенных типов городов.

Ключевые слова: малые и средние города, Северо-Западный федеральный округ, типология городов, иерархический кластерный анализ, социально-экономическое развитие.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Малые и средние города играют ключевую связующую роль между крупнейшими агломерациями и сельской периферией, выступая важными узлами опорного каркаса территории и обеспечивая устойчивость локальных систем расселения (Секушина, Ускова, 2020; Алексеев и др., 2025). Несмотря на столь высокую функциональную значимость, в академическом дискурсе сохраняется выраженный дисбаланс: вектор исследований городского развития смещен в сторону крупных городов и агломераций, тогда как малые и средние города остаются «невидимыми», оказываясь на периферии научного интереса (Servillo et al., 2017). Между тем именно эти поселения нередко оказываются в наиболее уязвимом положении в условиях геополитических и экономических вызовов (Лебедева, 2026).

По оценкам исследователей, публикационная активность в области изучения проблематики развития малых и средних городов примерно в 7,2 раза ниже, чем по крупнейшим городам («global cities», «world cities»), являющимся центрами мировой экономической системы (Wagner, Growe, 2021). Вместе с тем во многих странах именно в таких городах проживает большинство городского населения. В частности, в Европейском союзе почти 40% населения проживает в малых и средних городах (Hamdouch et al., 2017). В Российской Федерации данная проблема стоит не менее остро. Малые и средние города составляют основу системы расселения страны:

85% российских городов относятся к данной категории поселений, при этом в них проживает более 26 млн человек, или почти 18% населения страны (Ускова, Секушина, 2021).

Сложившаяся исследовательская практика, ориентированная преимущественно на крупные города, не только не отражает реальной структуры расселения, но и ведет к разработке решений, слабо применимых в условиях ограниченных ресурсов, менее плотной застройки и более тесных социальных связей, характерных для небольших поселений (Nowaczyk et al., 2022).

С точки зрения теорий пространственного развития (теория центральных мест В. Кристаллера, теория организации экономического пространства А. Леша, концепция «полюсов роста» Ф. Перру и Ж. Бурдые и др.) малые и средние города рассматриваются прежде всего как элементы экономического пространства, которые выполняют определенные функции: производственные, транспортные, административные и др. В условиях постиндустриальной трансформации и нарастания дифференциации социально-экономического развития территорий значительная часть малых и средних городов столкнулась с проблемой устойчивого «сжатия» (urban shrinkage), что особенно остро проявилось в постсоветской России (Кириллов и др., 2023). При этом данные процессы отличаются выраженной неоднородностью: депопуляция не всегда сопровождается спадом хозяйственной активности, равно как и сохранение послед-

ней не гарантирует устойчивости социальной сферы. Во многом это можно объяснить многообразием самих городов. Одни из них представляют собой бывшие промышленные центры с сохранившимся, но технологически устаревшим производством, другие — административные центры сельских районов, третьи — пригородные «спальные» зоны крупных городов, четвертые — исторические поселения с туристическим потенциалом. Эти различия определяются не только сложившейся специализацией, но и положением в пространственной структуре: близостью к крупным агломерациям, доступностью транспортных коридоров, включенностью в межрегиональные связи. При этом формальная принадлежность к одной категории (например, «промышленные центры») не исключает существенных расхождений в социально-экономическом положении городов.

В данном контексте приоритетным направлением государственной политики становится переход от универсальных мер поддержки к дифференцированным подходам, учитывающим реальное многообразие социально-экономических профилей малых и средних городов, что соответствует положениям Стратегии пространственного развития Российской Федерации¹.

Однако, несмотря на остроту проблемы и наличие многообразия подходов к типологизации малых и средних городов, существующие классификации, как правило, ограничиваются либо чисто демографическим критерием (численность населения), либо отраслевой специализацией. В свою очередь это не позволяет выявить скрытые дисбалансы (например, сочетание высокой занятости и низкого качества городской среды или развитой социально-бытовой инфраструктуры и отсутствия рабочих мест), которые не фиксируются стандартными классификациями, но имеют принципиальное значение для разработки адресных мер региональной политики.

Особую актуальность вопрос многомерной типологии приобретает для Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Данный регион

характеризуется высокой степенью пространственной неоднородности: на его территории расположены одна из крупнейших городских агломераций страны — Санкт-Петербургская, обширные удаленные и слабоосвоенные территории Крайнего Севера (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области), а также приграничные и приморские районы с особыми геоэкономическими условиями. При этом СЗФО относится к регионам с высокой долей «сжимающихся» городов: от трети до половины населенных пунктов демонстрируют устойчивую депопуляцию, при этом большинство из них — малые города (Кириллов и др., 2023).

Таким образом, научная проблема исследования обусловлена наличием противоречия между декларируемой необходимостью дифференцированной региональной политики для малых и средних городов и отсутствием эмпирически обоснованных типологий, учитывающих многомерные структурные дисбалансы. Это затрудняет разработку адресных мер государственной поддержки и приводит к «усредненному» подходу, который не учитывает реального разнообразия социально-экономических профилей малых и средних городов.

С учетом вышеизложенного целью настоящей работы является построение эмпирически обоснованной типологии малых и средних городов Северо-Западного федерального округа на основе многомерного кластерного анализа показателей, отражающих пространственное положение, состояние экономики и социальной сферы населенных пунктов.

Для достижения заявленной цели были поставлены следующие задачи: 1) сформировать систему показателей, комплексно характеризующих экономическую активность, социально-бытовую инфраструктуру, качество городской среды и транспортную доступность городов СЗФО; 2) провести предварительную обработку данных (лог-трансформация сильно скошенных распределений, стандартизация) для обеспечения корректности кластерного анализа; 3) методом иерархической кластери-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года».

зации выделить устойчивые типы городов, дать их содержательную интерпретацию; 4) провести проверку устойчивости полученных кластеров с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и апостериорных тестов; 5) сформулировать дифференцированные направления региональной политики для каждого типа города.

В качестве объекта исследования выступают малые и средние города Северо-Западного федерального округа (все города округа, за исключением города федерального значения Санкт-Петербурга, а также крупных и больших городов)². Предмет исследования — типологические различия между городами по совокупности экономических, социально-инфраструктурных, средовых и пространственных характеристик, а также устойчивые типы (кластеры), образуемые на основе этих различий.

Гипотеза исследования состоит в том, что традиционные представления о типологии малых и средних городов и их формальные статусы, основанные на одном или двух критериях (численность населения, удаленность от крупного города, экономическая специализация и т. д.), являются упрощенными и не отражают реального многообразия их социально-экономических профилей.

Новизна исследования заключается в том, что впервые для всей совокупности малых и средних городов СЗФО применен многомерный кластерный анализ на основе девяти показателей. Впервые использована комбинация логарифмической трансформации и стандартизации для коррекции экстремальной асимметрии социально-экономических показателей в задачах городской типологии. Эмпирически доказано, что формальные статусы малых и средних городов («промышленные», «туристические», «административные центры» и т. д.) не отражают их реального социально-экономического профиля и имеющихся дисбалансов развития. Обнаружены и содержательно интерпретированы два ранее не выделявшихся для региона типа: «комфортная периферия»

(города с высоким качеством среды и слабой экономикой, расположенные как в ближней, так и в дальней периферии) и «ближние спальные территории» (города-спутники с парадоксально низкой локальной занятостью при формально высокой зарплате и хорошей среде).

Обзор литературы

Ретроспективный анализ типологизации территорий свидетельствует о ее эволюции от простых классификаций по демографическому признаку до современных многомерных моделей, включающих функциональный, историко-генетический, динамический и поликритериальный подходы (Блонский, 2024).

В работе (Бабкин, 2022) предложена комплексная типология муниципальных образований Российской Федерации, основанная на девяти параметрах, отражающих три основные сферы: экономику (специализация, социально-экономические риски и геоэкономическое положение), социально-демографические характеристики (агломерационное положение, численность населения и урбанизированность) и географическое положение (статусно-расселенческая роль, климатические условия и площадь территории). Апробация на примере Курской, Калининградской и Иркутской областей показала, что предложенный подход хорошо отражает территориальную контрастность и центр-периферийную поляризацию социально-экономического развития муниципалитетов (Бабкин, 2022).

В научных работах, посвященных вопросам развития крупных и крупнейших городов накоплен значительный опыт проведения их типологизации. В исследовании Л.Е. Лимонова и М.В. Несена (Лимонов, Несена, 2015) предложена структурно-экономическая типология российских городов с населением более 100 тыс. человек. Используя метод главных компонент при проведении кластерного анализа, авторы выделили 20 типов населенных пунктов на основе структуры занятости по секторам экономики.

² Согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016) от Минстроя России, к категории «малых и средних городов» отнесены города с численностью населения до 100 тыс. чел.

В современной научной литературе также все чаще встречаются труды, посвященные вопросам типологизации малых и средних городов. В России исследования охватывают как федеральный уровень (Алексеев и др., 2025; Познанская и др., 2026), так и отдельные макрорегионы (Секушина, Ускова, 2020; Гуменюк, 2021) и регионы (Долинская и др., 2025; Melnikova, 2023). За рубежом наиболее

масштабные типологические исследования проведены в рамках проекта ESPON TOWN на материалах стран Евросоюза (Russo et al., 2017; Servillo et al., 2017; Hamdouch et al., 2017), а также на уровне отдельных государств (Fertner et al., 2023). Обзор исследований, посвященных вопросам типологизации малых и средних городов представлен в *таблице 1*.

Таблица 1. Обзор научных исследований по типологии малых и средних городов

Автор, год	Страна/регион	Объект	Критерии / метод	Результаты типологизации
Алексеев А.И. и соавторы (2025)	РФ	1838 малых городов и ПГТ	Техническая группировка по динамике населения и строительства, положению относительно крупных городов; алгоритмическая кластеризация методом k-средних	4 макротипа и 10 типов поселений, имеющих разные траектории социально-экономического развития
Секушина И.А., Ускова Т.В. (2020)	Европейский Север России	61 малый и средний город	Группировка по двум критериям: экономической специализации и положению в системе расселения	14 типов малых и средних городов
Долинская И.М. и соавторы (2025)	Калужская область	20 малых городов	Внутрикатегориальная типология по численности населения	6 подкатегорий малых городов
Гуменюк Л.Г. (2021)	17 регионов Западного побережья РФ	182 малых города	Динамика численности населения и индекс качества городской среды	4 типа малых городов
Селезнев П.С. и соавторы (2025)	ЦФО РФ	165 малых городов, отнесенных к ОНП	Матрица отраслевой инновационно-технологической специализации	5 типов городов по уровню инновационно-технологического развития
Melnikova (2023)	Свердловская обл., Орловская обл., Республика Крым	53 малых и средних города	k-средних в SPSS; 5 барьеров распространения знаний	5 кластеров с разными сочетаниями барьеров
Познанская С.А. и соавторы (2026)	РФ	793 малых города	k-средних в SPSS; численность, динамика численности населения, структура занятости (ОКВЭД), доля занятых в туризме, число ОКН на 1000 чел.	7 типов: растущие; центры обслуживания (крупные и малые); монофункциональные промышленные (крупные и малые); туристические (курорты); исторические
Russo A.P. и соавторы (2017)	Евросоюз	78307 городских поселений	GEOSTAT-сетка 1 км ² ; классификация по плотности населения, численность населения	3 категории: HDUC (городские кластеры с высокой плотностью населения), SMST (малые и средние города), VST (очень маленькие города)
Hamdouch A. и соавторы (2017)	10 стран Евросоюза	31 малый и средний город	Профили экономической деятельности (по доле занятых) и динамика социально-экономических показателей	3 типа: резидентный, производственный, смешанный
Fertner C. и соавторы (2023)	Дания	111 малых и средних городов	Динамика численности населения и занятости	4 типа: жилые центры; растущие пригородные центры; туристические/индустриальные центры; изолированные малые города
Составлено по: (Алексеев и др., 2025; Секушина, Ускова 2020; Долинская и др., 2025; Гуменюк, 2021; Селезнев и др., 2025; Melnikova, 2023; Познанская и др., 2026; Russo et al., 2017; Hamdouch et al., 2017; Fertner et al., 2023).				

В целом в работах многих авторов выделяются сходные критерии типологизации: численность и плотность населения (Russo et al., 2017; Долинская и др., 2025), экономический профиль (Hamdouch et al., 2017; Секушина, Ускова, 2020), положение в системе расселения (Алексеев и др., 2025), показатели динамики развития города (Fertner et al., 2023; Гуменюк, 2021).

В современных исследованиях в области типологизации территорий авторы все чаще обращаются к методам многомерного статистического анализа, в частности кластерному анализу, который позволяет объективно группировать объекты по комплексу признаков и выявлять скрытые закономерности территориального развития. Следует отметить, что ввиду дефицита данных муниципальной статистики наиболее широко этот подход используется на макроуровне (Прохоренков и др., 2022; Леденева и др., 2022; Локосов и др., 2019).

В зарубежной практике также широко используется кластерный анализ в комплексе с методом главных компонент. Такой подход применялся для классификации центров и субцентров на основе социально-экономических показателей, данных о доступности и застройке территорий (Krehl, Siedentop, 2019), для построения индекса «умной устойчивости» столиц стран Евросоюза (Akande et al., 2019), а также для масштабной типологии 331 города из 124 стран по 64 показателям (Oke et al., 2019).

В отечественной научной литературе в последние годы также все чаще стали появляться работы, где используется кластерный анализ в целях проведения типологизации городов. В частности Т.Б. Мельникова (Melnikova, 2023) применила метод *k*-средних в SPSS для кластеризации малых и средних городов Свердловской, Орловской областей и Республики Крым на основе пяти показателей: качество городской среды, доступность финансов, социальный капитал, транзакционные издержки и географическое расстояние (Melnikova, 2023).

С.А. Познанская и соавторы из НИУ ВШЭ (Познанская и др., 2026) провели кластеризацию малых городов России методом *k*-средних в SPSS, используя показатели численности населения, его динамики, отраслевой структуры

занятости (по ОКВЭД) и концентрации объектов культурного наследия.

Таким образом, можно заключить, что в международной практике сложилась устойчивая методологическая традиция использования кластерного анализа в сочетании с факторными методами для типологизации городов. Применение кластерного анализа для типологизации территорий имеет ряд существенных преимуществ по сравнению с другими методами классификации. Во-первых, кластерный анализ позволяет сжать большой объем информации, выделив ограниченное число типичных групп объектов. Вместо анализа данных по каждому объекту в отдельности исследователь получает возможность работать с небольшим числом кластеров, каждый из которых имеет четко выраженные характеристики. Это особенно важно при работе с большим количеством городов и показателей. Во-вторых, кластерный анализ объективен и воспроизводим. В отличие от экспертных классификаций, которые могут зависеть от субъективных оценок, кластерный анализ опирается на формальные математические критерии и может быть воспроизведен другими исследователями. В-третьих, кластерный анализ позволяет выявлять скрытые закономерности территориального развития, которые не очевидны при поверхностном рассмотрении.

Кластерный анализ в SPSS для типологии малых и средних городов Северо-Западного федерального округа с комплексным набором показателей ранее не проводился. Предлагаемая типология позволяет идентифицировать группы городов со сходными структурными профилями, что создает эмпирическую основу для дифференцированной региональной политики. При этом кластерный анализ рассматривается как диагностический: он позволяет выявить устойчивые сочетания показателей, которые интерпретируются как структурные дисбалансы (например, «высокая занятость — низкое качество городской среды»), однако не заменяет углубленного изучения проблем и потенциала отдельных территорий. Выделенные типы служат инструментом приоритизации: они указывают, в каких городах дисбалансы наиболее выражены и требуют дальнейших, в том числе полевых, исследований для выработки адресных мер поддержки.

Методы и данные

Исследование проводилось в несколько этапов.

1) Формирование исходной базы данных. Исходную совокупность составили 137 малых и средних городов СЗФО, для каждого из которых были собраны данные за 2024 год по 9 показателям, характеризующим состояние экономики (заработная плата, количество организаций и численность работников), социально-бытовую (количество объектов бытового обслуживания, спортивных сооружений, лечебно-профилактических организаций) и туристическую инфраструктуру (количество коллективных мест размещения (далее — КСР)), а также качество городской среды (индекс качества городской среды (далее — ИКГС)) и транспортную доступность (расстояние до ближайшего крупного или большого города). Все относительные показатели (за исключением зарплаты, расстояния и ИКГС) пересчитаны в расчете на 10 тыс. человек.

Следует отметить, что каждый из используемых показателей имеет определенные ограничения, связанные с особенностями статистического учета (например, неполный охват теневого сектора в бытовых услугах, учет специализированных медицинских учреждений, ограниченное отражение объектов туристской инфраструктуры и т. д.). Однако для задач типологии, а не точной отраслевой диагностики, эти ограничения не являются критическими, поскольку ключевым требованием является не абсолютная точность каждого показателя, а его сопоставимость по всем городам и способность в сочетании с другими выявлять их устойчивые профили.

В качестве информационной базы использовались данные Федеральной службы государственной статистики и ее региональных подразделений, Минстроя³, ресурса СПАРК⁴, официальных сайтов органов местного самоуправления муниципальных образований. Источником информации о расстояниях между городами по

автомобильным дорогам являлся сервис «Яндекс.Карты»⁵.

Из анализа были исключены семь городов, имеющих пропуски по большинству показателей, поскольку они относятся к категории закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), по которым официальная статистика по большинству переменных не публикуется. Итоговая выборка составила 130 городов.

2) Предобработка данных. Перед проведением кластерного анализа в программе IBM SPSS Statistics была проведена проверка нормальности распределения исходных переменных. Проверка выполнялась с использованием визуальных методов (гистограммы, Q — Q графики), коэффициентов асимметрии и эксцесса, а также критерия Шапиро — Уилка, который является наиболее информативным для выборок объемом менее 2000 наблюдений (Razali, Wah, 2011; Field, 2018). В качестве дополнительного критерия применялся тест Колмогорова — Смирнова. Результаты показали, что большинство исходных переменных имеют значительную положительную асимметрию ($> 1,5$).

Для приведения распределений к нормальному виду была применена логарифмическая трансформация вида $X' = \ln(X + 0,1)$ к переменным с асимметрией $> 1,0$ (расстояние, количество организаций, объектов бытового обслуживания, спортивных сооружений, КСР, численность работников), а также к лечебно-профилактическим организациям (асимметрия — 0,9) для единообразия с другими показателями социальной инфраструктуры.

Несмотря на то что тесты Шапиро — Уилка и Колмогорова — Смирнова выявили статистически значимые отклонения от нормальности ($p < 0,05$), после логарифмической трансформации асимметрия всех переменных не превышает $[0,86]$, а эксцесс — $[1,79]$, что соответствует критериям приемлемой нормальности для использования параметрических методов (George, Mallery, 2010; Hair et al., 2010). Показатель сред-

³ Индекс качества городской среды в разрезе городов и субъектов Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/422497> (дата обращения: 15.05.2026).

⁴ Сервис проверки контрагентов СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения: 15.05.2026 г.).

⁵ Яндекс.Карты. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 15.05.2026).

немесячной заработной платы (асимметрия – 1,089) был оставлен в исходном виде, поскольку незначительное превышение порога при $N = 130$ не снижает устойчивости параметрических методов, а сохранение интерпретации в рублях признано приоритетным. Индекс качества городской среды (асимметрия – -0,142) изначально имеет распределение, близкое к нормальному, и не требует трансформации.

Все переменные (как трансформированные, так и исходные) перед проведением кластерного анализа были стандартизованы (Z -оценки) для устранения влияния разного масштаба.

3) Выбор метода кластеризации и его обоснование. Для проверки возможности автоматического выделения групп городов был применен двухэтапный кластерный анализ с автоматическим определением числа кластеров на основе байесовского информационного критерия (BIC). В случае получения однокластерного решения предусмотрен переход к иерархическому методу, который позволяет задать число кластеров на основе анализа скачка коэффициентов агломерации и содержательной интерпретируемости получаемых групп.

4) Статистическая валидация кластеров и интерпретация. Для проверки статистической значимости различий между выделенными кластерами по каждому из девяти показателей был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Предварительно выполнена проверка гомогенности дисперсий с использованием теста Ливена, результаты которого определили выбор апостериорных критериев для попарных сравнений. Для переменных, по которым гипотеза о равенстве дисперсий не отвергалась ($p > 0,05$), применялся тест Тьюки, в противном случае использовался робастный

тест Геймас – Хоуэлла, не требующий предположения о равенстве дисперсий. Уровень значимости принят $\alpha = 0,05$.

Для каждого из получившихся кластеров представлена содержательная интерпретация на основе средних значений исходных показателей, а также предположены направления социально-экономической политики для каждого типа городов.

Результаты исследования

Для проверки возможности автоматического выделения групп был выполнен двухэтапный кластерный анализ. Байесовский информационный критерий (BIC) монотонно возрастал при увеличении числа кластеров от одного до шести (от 894,8 до 1195,3, табл. 2). Наибольшее отношение мер расстояния (1,193) зафиксировано при переходе от трех к четырем кластерам, что указывает на потенциальную значимость четырехгрупповой структуры. Однако BIC-критерий, штрафующий за усложнение модели, не считал это улучшение достаточным и алгоритм предложил однокластерное решение, распределив все 130 городов в одну группу.

Поскольку двухэтапный кластерный анализ с автоматическим выбором числа кластеров не выявил устойчивого разбиения, для проведения типологизации был использован иерархический кластерный анализ методом Уорда с мерой близости «квадрат евклидова расстояния».

Оптимальное число кластеров на основе «правила локтя» (резкий прирост на 14,7% на 129-м шаге; табл. 3) составляет два кластера. Однако, на наш взгляд, двухкластерное решение объединяет качественно разные типы городов, что снижает его практическую полезность. Руководствуясь принципом содержательной интерпретируемости и задачами дифференци-

Таблица 2. Критерии качества двухэтапной кластеризации

Число кластеров	Байесовский информационный критерий (BIC)	Изменение BIC	Отношение изменений BIC	Отношение мер расстояния
1	894,815	–	–	–
2	968,004	73,188	1,000	1,055
3	1 029,771	61,768	0,844	1,073
4	1 104,323	74,551	1,019	1,193
5	1 185,227	80,905	1,105	1,164
6	1 195,274	10,047	0,137	1,015

Рассчитано по: данные SPSS.

Таблица 3. Фрагмент таблицы агломерации (кластеров)

Этап	Объединенные кластеры	Коэффициент	Прирост к предыдущему этапу, %
126	1–3	860,432	–
127	15–69	930,592	8,2
128	1–10	1013,180	8,9
129	1–15	1161,726	14,7 (резкий скачок)
Рассчитано по: данные SPSS.			

рованной региональной политики, мы остановились на четырехкластерном решении, которое позволяет выделить более однородные и практически значимые группы городов.

Для проверки устойчивости полученного четырехкластерного решения в ходе исследования также было выполнено пятикластерное разбиение. Однако проверка данного решения показала, что дополнительный кластер не формирует нового типа, а лишь дробит третий кластер на два подтипа, различающихся по расстоянию до крупного города, но сохраняющих общую характеристику – высокое качество среды при слабой экономической активности.

Таким образом, в качестве основной принята более простая и интерпретируемая четырехкластерная типология 130 малых и средних го-

родов СЗФО. Средние значения показателей в разрезе кластеров представлены в *таблице 4*, распределение городов – в *таблице 5*.

На основе полученных результатов можно дать следующие характеристики получившимся кластерам.

Тип 1. Удаленные промышленные центры (53 города, 41%).

Первый кластер объединяет города, расположенные преимущественно на удаленных периферийных территориях (среднее расстояние до ближайшего крупного или большого города – 325 км), с высокими показателями среднемесячной заработной платы (83,5 тыс. руб.) и среднесписочной численностью работников (3187 на 10 тыс. чел.). Уязвимым местом населенных пунктов данного типа является моно-

Таблица 4. Средние значения показателей по кластерам

Показатель	Кластер 1 (n = 53)	Кластер 2 (n = 21)	Кластер 3 (n = 50)	Кластер 4 (n = 6)	Все города (n = 130)
Расстояние до крупного/большого города, км	324,6	165,0	105,1	44,2	201,5
Количество объектов бытового обслуживания на 10 тыс. чел.	42,4	84,3	42,3	19,5	48,0
Количество спортивных сооружений на 10 тыс. чел.	32,1	41,9	27,2	14,7	31,0
Количество лечебно-профилактических организаций на 10 тыс. чел.	3,21	4,10	4,59	2,52	3,85
Индекс качества городской среды (ИКГС), баллов	208,6	223,0	237,0	241,8	223,3
Количество организаций на 10 тыс. чел.	130,2	230,0	173,9	160,5	164,5
Среднемесячная зарплата, руб.	83539	68922	65795	83240	74340
Среднесписочная численность работников (кроме субъектов МП) на 10 тыс. чел.	3187	3384	2266	838	2756
Количество КСР на 10 тыс. чел.	3,91	9,35	3,46	0,18	4,44
Рассчитано по: данные SPSS.					

Таблица 5. Распределение городов СЗФО по кластерам

Кластер	Название	Город
1	Удаленные промышленные центры	Республика Коми: Усинск, Ухта, Инта, Емва, Сосногорск, Воркута, Печора, Вуктыл, Микунь; Республика Карелия: Беломорск, Суоярви, Кемь. Псковская область: Великие Луки, Порхов, Себеж, Печоры, Пыталово, Невель, Дно; Ненецкий АО: Нарьян-Мар; Мурманская область: Кировск, Апатиты, Кандакш, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори, Ковдор, Заполярный; Ленинградская область: Приморск, Кириши, Сосновый Бор, Подпорожье, Волхов, Светогорск, Тихвин, Бокситогорск, Пикалево, Каменногорск; Вологодская область: Устюжна, Вытегра, Кириллов, Никольск, Бабаево, Красавино; Архангельская область: Коржма, Котлас, Вельск, Мезень, Каргополь, Нянда, Шенкурск, Онега, Сольвычегодск
2	Туристическо-сервисные центры	Республика Карелия: Лахденпохья, Сортавала, Питкяранта, Костомукша, Олонец, Сегежа, Медвежьегорск; Псковская область: Гдов, Пустошка, Опочка, Новоржев; Новгородская область: Окуловка; Мурманская область: Кола; Ленинградская область: Луга, Приозерск, Высоцк; Калининградская область: Светлогорск, Багратионовск, Нестеров, Краснознаменск; Вологодская область: Белозерск
3	Комфортная периферия	Республика Карелия: Кондопога, Пудож; Псковская область: Новосокольники, Остров; Новгородская область: Пестово, Малая Вишера, Чудово, Боровичи, Валдай, Холм, Старая Русса, Сольцы; Ленинградская область: Всеволожск, Выборг, Гатчина, Волосово, Кировск (Лен. обл.), Тосно, Кингисепп, Ивангород, Лодейное Поле, Отрадное, Сланцы, Шлиссельбург, Новая Ладога, Сясьстрой; Калининградская область: Светлый, Зеленоградск, Гурьевск, Славск, Пионерский, Полесск, Гвардейск, Черняховск, Правдинск, Озерск, Советск, Балтийск, Неман, Гусев, Ладунский, Мамоново, Приморск (Кал.); Вологодская область: Великий Устюг, Тотма, Сокол, Грязовец, Кадников, Харовск; Архангельская область: Новодвинск
4	Ближние спальные территории	Ленинградская область: Кудрово, Сертолово, Коммунар, Никольское, Колтуши, Любань

Составлено по: результаты проведенных расчетов.

профильность (низкие показатели количества организаций), низкое качество городской среды (средний ИКГС — 208,6) и дефицит социально-бытовой инфраструктуры.

Тип 2. Туристическо-сервисные центры (21 город, 16%).

Данный кластер характеризуется максимальными значениями обеспеченности объектами бытового обслуживания (84,3 ед. / 10 тыс. чел.), спортивными сооружениями (41,9 ед. / 10 тыс. чел.) и гостиницами (9,35 ед. / 10 тыс. чел.), а также высокой плотностью организаций (230 ед. / 10 тыс. чел.). Заработная плата здесь ниже средней (68,9 тыс. руб.), что типично для экономики, ориентированной на туризм и/или сферу услуг. Удаленность от крупных или боль-

ших городов макрорегиона можно охарактеризовать как среднюю (165 км).

Тип 3. Комфортная периферия (50 городов, 38%).

Третий кластер объединяет города с высоким качеством городской среды (средний ИКГС = 237 баллов) и хорошей обеспеченностью лечебно-профилактическими учреждениями (4,59 ед. / 10 тыс. чел.), но низкой экономической активностью (зарплата 65,8 тыс. руб., численность работников 2266 на 10 тыс. чел.). Важно отметить, что данная группа неоднородна по расстоянию: наряду с ближними пригородами (Выборг, Гатчина, Новодвинск) в него входят удаленные города (Великий Устюг, Пудож). Это свидетельствует о том, что высо-

кое качество среды может сочетаться со слабой экономикой как в населенных пунктах, расположенных рядом с крупными городами, так и в дальней периферии.

Тип 4. Ближние спальные территории (6 городов, 5%).

Последний кластер – наиболее проблемный и скрытый тип. В него попали города-спутники (Кудрово, Сертолово, Коммунар, Никольское, Колтуши, Любань), расположенные в 20–50 км от Санкт-Петербурга. Данные населенные пункты характеризуются высокими показателями заработной платы (83,2 тыс. руб.) и ИКГС (241,8 балла). Вместе с тем практически по всем остальным показателям их можно отнести к категории аутсайдеров. Локальная занятость здесь катастрофически низка (838 на 10 тыс. чел.), а объекты бытового обслуживания (19,5 ед. / 10 тыс. чел.), спортивные сооружения (14,7 ед. / 10 тыс. чел.) и гостиницы (0,18 ед. / 10 тыс. чел.) практически отсутствуют. Группа данных городов характеризуется функциональным дисбалансом: обладая значительным демографическим потенциалом, они сохраняют низкую степень экономической автономии, выполняя преимущественно роль «спальных» пригородных зон в структуре Санкт-Петербургской городской агломерации.

На следующем этапе исследования для проверки статистической значимости различий между кластерами был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Выбор апостериорного теста определялся результатами предварительно проведенного теста Ливена (табл. 6). Для шести показателей с гомогенными дисперсиями ($p > 0,05$) использовался тест Тьюки, а для остальных трех переменных, по которым гомогенность не подтвердилась ($p \leq 0,05$), – робастный тест Геймса – Хоуэлла.

Результаты ANOVA подтверждают, что все четыре кластера статистически значимо различаются по каждому из девяти показателей ($p < 0,01$). Наиболее сильные различия ($F > 20$) зафиксированы по количеству объектов бытового обслуживания ($F = 28,8$), расстоянию до крупного/большого города ($F = 27,5$) и среднесписочной численности работников ($F = 26,8$). Итоги апостериорного анализа позволяют заключить, что наиболее контрастны первый и четвертый кластеры – «удаленные промышленные центры» и «ближние спальные территории». Они статистически значимо отличаются друг от друга по расстоянию до крупного/большого города ($p < 0,001$), численности работников ($p < 0,001$), обеспеченности спортивными соо-

Таблица 6. Результаты проверки гомогенности дисперсий, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и апостериорного тестирования

Показатель	Ливен (p)	F	p (ANOVA)	Апостериорный тест	Значимые различия между кластерами ($p < 0,05$)
Расстояние до крупного/большого города, км	0,377	27,5	$< 0,001$	Тьюки	1–2, 1–3, 1–4, 2–3, 2–4
Среднесписочная численность работников (кроме субъектов МП) на 10 тыс. чел.	0,976	26,8	$< 0,001$	Тьюки	1–3, 1–4, 2–3, 2–4, 3–4
Количество объектов бытового обслуживания на 10 тыс. чел.	0,006	28,8	$< 0,001$	Геймс – Хоуэлл	1–2, 2–3, 2–4
Количество КСР на 10 тыс. чел.	0,069	18,2	$< 0,001$	Тьюки	1–2, 1–4, 2–3, 2–4, 3–4
Количество организаций на 10 тыс. чел.	0,476	13,6	$< 0,001$	Тьюки	1–2, 1–3, 2–3
Индекс качества городской среды (ИКГС), баллов	0,694	11,1	$< 0,001$	Тьюки	1–3, 1–4
Количество спортивных сооружений на 10 тыс. чел.	0,383	8,7	$< 0,001$	Тьюки	1–4, 2–3, 2–4, 3–4
Среднемесячная зарплата, руб.	0,028	5,9	0,001	Геймс – Хоуэлл	1–3
Количество лечебно-профилактических организаций на 10 тыс. чел.	0,005	4,2	0,007	Геймс – Хоуэлл	1–3
Рассчитано по: данные SPSS.					

ружениями ($p = 0,001$), гостиницами ($p < 0,001$) и ИКГС ($p = 0,020$). Данные два типа представляют собой противоположные полюса по большинству характеристик.

Второй и третий кластеры («туристическо-сервисные центры и «комфортная периферия») также различаются по количеству объектов бытового обслуживания ($p < 0,001$), организаций ($p = 0,018$), спортивных сооружений ($p = 0,008$) и КСР ($p < 0,001$). Однако они не имеют значимых отличий по ИКГС ($p > 0,05$) и расстоянию до крупного города ($p > 0,05$). Это означает, что высокое качество среды и средняя удаленность являются общими чертами для обоих типов, а ключевое различие заключается в уровне развития сервисной инфраструктуры и экономической активности.

Третий и четвертый кластеры («комфортная периферия» и «ближние спальные территории») различаются по удаленности от крупных городов ($p = 0,094$ на границе значимости), численности занятых ($p < 0,001$), спортивных сооружений ($p = 0,011$) и КСР ($p < 0,001$). При этом они похожи по количеству организаций, объектов бытового обслуживания, лечебно-профилактических учреждений и ИКГС.

Первый и второй кластеры имеют мало сходств по показателям расстояния до крупных городов ($p = 0,007$), количества объектов бытового обслуживания ($p < 0,001$), организаций ($p < 0,001$) и КСР ($p = 0,014$). Первый и третий кластер отличаются друг от друга по всем ключевым показателям, кроме количества спортивных сооружений, объектов бытового обслуживания и КСР.

Важно отметить, что, несмотря на статистическую значимость различий между выделенными типами (ANOVA, $p < 0,001$), в рамках каждого кластера можно обнаружить города, характеристики которых не полностью соответствуют «типичному» профилю группы. Например, г. Великий Устюг, традиционно позиционируемый как туристический центр, по совокупности экономических показателей попал в третий кластер («комфортная периферия»), а промышленные города Костомукша или Сегежа были отнесены ко второму кластеру («туристическо-сервисные центры») благодаря высокой плотности организаций и развитой социально-бытовой инфраструктуре.

Города Каргополь, Сольвычегодск или Кириллов, которые традиционно относят к туристическим центрам, попали в первый кластер, несмотря на относительно высокое число гостиниц. Причина этому – низкое качество городской среды и дефицит социально-бытовой инфраструктуры, которые перевешивают их туристический потенциал.

Близость к региональному центру сама по себе не определяет тип города. Так, г. Кола (менее 15 км от Мурманска) отнесен к туристическо-сервисным центрам благодаря высоким показателям плотности организаций (420 ед. на 10 тыс. чел.), обеспеченности объектами бытовых услуг (105 ед. на 10 тыс. чел.) и ИКГС (255 баллов). Город скорее функционирует как самостоятельный локальный центр деловой активности и сервиса, а не как «спальный» пригород.

Другим показательным примером является г. Новодвинск. Несмотря на близость к Архангельску (около 25 км), город был отнесен к кластеру «комфортная периферия», а не к «ближним спальным территориям» в силу того, что занятость в городе (2810 на 10 тыс. чел.) значительно выше, чем в типичных «городах-спальных» (838 на 10 тыс. чел.), а наличие градообразующего предприятия АО «Архангельский ЦБК» обеспечивает локальную экономическую базу. Вместе с тем уровень развития объектов бытового обслуживания (30,9 ед. на 10 тыс. чел.) и плотность организаций (103 на 10 тыс. чел.) не позволяют отнести его ко второму кластеру.

На наш взгляд, данные отклонения не являются ошибками кластеризации, а отражают многомерный характер социально-экономического развития: города могут сочетать признаки разных типов, а их кластерная принадлежность определяется комбинацией всех девяти показателей. Пограничные случаи не опровергают типологию, а лишь указывают на необходимость индивидуального подхода при разработке мер социально-экономической политики для таких населенных пунктов.

Результаты кластерного анализа подтверждают гипотезу о несостоятельности традиционных категорий. К примеру, Каргополь или Сольвычегодск, традиционно воспринимаемые как туристические центры, попали в первый кластер, тогда как Костомукша, будучи моно-

городом, — во второй. Это говорит о том, что формальный статус города не предопределяет его реального профиля, а управленческие решения, основанные на стереотипах (туристический город — значит, нужно вкладываться в туризм), могут быть ошибочными.

На основе выявленных типов малых и средних городов можно предложить дифференцированные направления региональной социально-экономической политики.

Для удаленных промышленных центров (кластер 1) важно не просто наращивать производственные мощности градообразующих предприятий, но и развивать социальную сферу. При высоком уровне заработных плат и численности занятых низкое качество городской среды и дефицит объектов социально-бытовой инфраструктуры создают риски оттока населения. Приоритетным направлением социально-экономической политики для таких городов должно стать адресное финансирование проектов благоустройства, строительство учреждений здравоохранения, спортивных и культурно-досуговых центров. В целях снижения зависимости от градообразующих предприятий (в данном кластере больше всего моногородов; Секушина, 2024) необходима диверсификация экономики с одновременным решением проблемы транспортной доступности — субсидированием перевозок и развитием логистической инфраструктуры, что критично для удаленных населенных пунктов (среднее расстояние — 325 км).

Ключевая проблема городов, относящихся к категории «туристическо-сервисные центры», — это несоответствие между развитой социально-бытовой инфраструктурой и относительно низким качеством городской среды. Серьезным ограничением для развития городов данного типа выступает низкий уровень заработных плат, который не обеспечивает достаточного уровня жизни и снижает их привлекательность для квалифицированных кадров. На наш взгляд, в данном случае для населенных пунктов с развитой сферой туризма критически важно сфокусировать внимание не просто на развитии туристической инфраструктуры (гостиницы, общепит), но и на повышении качества общественных пространств и благоустройстве городских территорий. Еще одним важным направлением является поддержка предпринимательских

инициатив, направленных на повышение локальной занятости и доходов населения.

Для третьего кластера «комфортная периферия» при высоком качестве городской среды и высоком уровне обеспечения лечебно-профилактическими организациями остро стоит проблема стимулирования локальной экономической активности. Ключевыми направлениями государственной политики в данном случае являются поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, создание промышленных и агропромышленных парков. Высокое качество городской среды в данном случае может использоваться как конкурентное преимущество для привлечения жителей, работающих удаленно, а также для развития экологического и событийного туризма. Важным направлением является обеспечение транспортной доступности для удаленных городов и улучшение агломерационной связанности для населенных пунктов ближней периферии.

Для типа «ближние спальные территории» ключевой проблемой, на наш взгляд, является дисбаланс между стремительным ростом численности населения и отстающим развитием локальной экономики и социальной инфраструктуры. С одной стороны, близость к Санкт-Петербургу обеспечивает жителям этих городов доступ к рынку труда и высокий уровень зарплат, с другой стороны, в самих населенных пунктах объективно не хватает объектов бытового обслуживания, спортивных сооружений и культурно-досуговых учреждений, а также рабочих мест. Как раз это и делает их «городами-спальнями» в чистом виде, где жители вынуждены удовлетворять большинство своих повседневных потребностей за пределами города.

Разрешение данной ситуации требует реализации комплекса мер, направленных на создание локальной экономической базы и повышение качества жизни внутри города. Первоочередной мерой должно стать стимулирование малого бизнеса в сфере обслуживания, что создаст и новые рабочие места, и позволит жителям получать востребованные сервисы, не покидая пределов города. Вторым важным направлением является улучшение транспортной связанности с Санкт-Петербургом (развитие пригородного железнодорожного сообщения, увеличение пропускной способности дорог) для повышения мо-

бильности населения и снижения транспортной нагрузки. Наконец, третье направление — адресное субсидирование строительства объектов социально-бытовой инфраструктуры (поликлиник, культурно-развлекательных центров, спортивных комплексов) с учетом продолжающегося роста численности населения.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, многомерный кластерный анализ 130 малых и средних городов СЗФО по девяти социально-экономическим показателям позволил выделить четыре устойчивых типа: «удаленные промышленные центры» (41% городов), «туристическо-сервисные центры» (16%), «комфортная периферия» (38%) и «ближние спальные территории» (5%). Статистическая значимость различий между типами подтверждена результатами однофакторного дисперсионного анализа и апостериорными тестами.

Во-вторых, среди получившихся кластеров особого внимания заслуживают две категории, которые редко фиксируются в существующих классификациях малых и средних городов. Первый тип — «комфортная периферия», который объединяет как ближние пригороды, так и удаленные города с высоким качеством городской среды и слабой экономикой. Второй тип — это «ближние спальные территории», к которому относятся города-спутники крупнейших городов с катастрофически низкой локальной занятостью и отсутствием социальной инфраструктуры при формально высоких показателях зарплат и качества городской среды.

В-третьих, предложенная типология позволяет перейти от универсальных мер поддержки к адресным инструментам региональной политики. Для удаленных промышленных центров приоритетом является повышение каче-

ства среды и диверсификация экономики. Для туристическо-сервисных центров — улучшение городской среды и повышение доходов населения. Для комфортной периферии — стимулирование предпринимательства и создание новых рабочих мест. Для ближних спальных территорий — разработка специальных механизмов поддержки локальной занятости, а также повышение обеспеченности населения объектами социально-бытовой инфраструктуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии типологизации малых и средних городов за счет применения многомерного кластерного анализа, позволяющего учитывать совокупность экономических, социальных, средовых и пространственных характеристик.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов органами государственной власти и местного самоуправления при разработке адресных мер поддержки для каждого из выделенных типов городов. Безусловно, предложенная типология не претендует на исчерпывающую классификацию всех городов. Это аналитическая рамка, позволяющая выявить наиболее часто встречающиеся сочетания проблем. Типология может послужить своего рода «навигатором» для региональной политики: она показывает, где вероятны те или иные дисбалансы и куда следует направить ресурсы при проведении более детальных исследований.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение системы индикаторов для более детальной типологизации городов, масштабирование предложенного подхода на другие регионы России и проведение аналогичного кластерного анализа по всей совокупности малых и средних городов страны.

Литература

- Алексеев А.И., Бучинцев З.С., Локтионов К.С. (2025). Типология малых городов и поселков городского типа России по динамике их социально-экономического развития в 2010–2021 гг. // Региональные исследования. № 3. С. 85–100. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-6
- Бабкин Р.А. (2022). Подходы к созданию комплексной типологии мониторинга социально-экономического развития муниципалитетов Российской Федерации // Федерализм. Т. 27. № 3. С. 23–42. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-3-23-42
- Блонский Л.В. (2024). Научное осмысление типологизации советских городов в 1950-е — 1970-е годы // Современная научная мысль. № 2. С. 209–215. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-2-209-215

- Гуменюк Л.Г. (2021). Типология малых городов регионов Западного порубежья России // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. № 2. С. 35–47.
- Долинская И.М., Насибуллина Э.Р., Свинцова Д.А., Тавалинская П.Д. (2025). Новые подходы к типологии малых городов на примере малых городов Калужской области // Universum: технические науки. № 9 (138). DOI: 10.32743/UniTech.2025.138.9.20788
- Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Балабан М.О., Гао Л. (2023). Сжимающиеся города в России в постсоветский период // Региональные исследования. № 1. С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-1
- Лебедева М.А. (2026). Проблемы и перспективы трансформации добывающих малых и средних городов в полюса роста регионального уровня (на примере СЗФО) // Проблемы развития территории. Т. 30. № 2. С. 10–24. DOI: 10.15838/ptd.2026.2.142.2
- Леденева М.В., Шамрай-Курбатова Л.В., Столярова А.Н., Чумакова Е.А. (2022). Кластерный анализ регионов России по демографическим показателям // Креативная экономика. Т. 16. № 4. С. 1621–1636. DOI: 10.18334/ce.16.4.114526
- Лимонов Л.Э., Несена М.В. (2015). Структурно-экономическая типология крупных российских городов // Известия Русского географического общества. Т. 147. № 6. С. 59–77.
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. (2019). Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. Т. 22. № 4. С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035
- Познанская С.А., Молодцова В.А., Мокренский Д.Н., Арцыбашева К.В., Ашуркова МО. (2026). Подходы к разработке типологии малых городов в контексте актуальных для России практик стран БРИКС // Городские исследования и практики. № 11 (1). С. 30–44. DOI: 10.17323/usp111202630-44
- Прохоренков П.А., Регер Т.В., Гудкова Н.В. (2022). Методы кластерного анализа в региональных исследованиях // Фундаментальные исследования. № 3. С. 100–106. DOI: 10.17513/fr.43221
- Секушина И.А. (2024). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4
- Секушина И.А., Ускова Т.В. (2020). Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1. С. 4–18. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.001
- Селезнев П.С., Вуйменков С.А., Худокормов Г.А., Белик В.Н. (2025). Методический инструментарий выявления приоритетов развития малых городов на основе матриц отраслевой инновационно-технологической специализации // Экономика. Информатика. № 52 (3). С. 513–527. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-3-513-527.
- Ускова Т.В., Секушина И.А. (2021). Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5
- Akande A., Cabral P., Casteleyn S. (2019). Assessing the gap between technology and the environmental sustainability of European cities. *Information Systems Frontiers* 44, 475–487. DOI: 10.1016/j.scs.2018.10.009
- Fertner C., Hansen H.K., Winther L. (2023). Urban development beyond a centre-periphery dichotomy: An analysis of small and medium-sized towns in Denmark. *European Journal of Spatial Development*, 21(2), 63–81. DOI: 10.5281/zenodo.11387018
- Field A. (2018). *Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics (5th ed.)*. SAGE Publications.
- George D., Mallery P. (2003). *SPSS for Windows Step-by-Step: A Simple Guide and Reference, 14.0 update (7th Edition)*. Available at: [http://lst-iiiep.iiiep-unesco.org/cgi-bin/wwwi32.exe/\[in=epidoc1.in\]/?t2000=026564/\(100\)](http://lst-iiiep.iiiep-unesco.org/cgi-bin/wwwi32.exe/[in=epidoc1.in]/?t2000=026564/(100)).
- Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R. E. (2010). *Multivariate Data Analysis. 7th ed.* Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Hamdouch A., Demaziere C., Banovac K. (2017). The socio-economic profiles of small and medium-sized towns: Insights from European case studies. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 108(4). DOI:10.1111/tesg.12252
- Krehl A., Siedentop S. (2019). Towards a typology of urban centers and subcenters-evidence from German city regions. *Urban Geography* 40(1), 58–82. DOI: 10.1080/02723638.2018.1500245

- Melnikova T. (2023). Clustering of small and medium-sized cities in Russia based on the assessment of knowledge spillovers localization. In: Martinat S., Kumar V., Torre A., Lavrikova Y., Kuzmin E. (Eds). *Landmarks for Spatial Development*. Springer. DOI 10.1007/978-3-031-37349-7_3
- Nowaczyk S., Resmini A., Long V. et al. (2022). Smaller is smarter: A case for small to medium-sized smart cities. *Journal of Smart Cities and Society*, 1, 95–117. DOI 10.3233/SCS-210116
- Oke J.B., Aboutaleb Y.M., Akkinepally A. et al. (2019). A novel global urban typology framework for sustainable mobility futures. *Environmental Research Letters*, 14, 095006. DOI 10.1088/1748-9326/ab22c7
- Razali N.M., Wah Y.B. (2011). Power comparisons of Shapiro-Wilk, Kolmogorov-Smirnov, Lilliefors and Anderson-Darling tests. *Journal of Statistical Modeling and Analytics*, 2(1), 21–33.
- Russo A.P., Gine D.S., Albert M.Y.P., Brandajs F. (2017). Identifying and classifying small and medium sized towns in Europe. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 108(4). DOI:10.1111/tesg.12252
- Servillo L., Atkinson R., Hamdouch A. (2017). Small and medium-sized towns in Europe: Conceptual, methodological and policy issues. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 108(4). DOI:10.1111/tesg.12252
- Wagner M., Growe A. (2021). Research on small and medium-sized towns: Framing a new field of inquiry. *World*, 2, 105–126. DOI 10.3390/world2010008

Использование средств ИИ

При подготовке настоящей статьи автор использовал инструмент DeepSeek исключительно как вспомогательное средство для выполнения следующих формализованных операций: извлечение и фильтрация статистических данных из файлов Excel по заданным критериям, структурирование данных в таблицы, а также для стилистической редакции текста. Автором осуществлена ручная верификация результатов, полученных после обработки данных нейросетью. Все содержательные решения, включая отбор переменных, интерпретацию результатов и формулирование выводов, приняты исключительно автором, на нем же лежит ответственность за достоверность исходных данных и корректность результатов.

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Секушина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего, Научно-образовательный центр, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Sekushina I.A.

Cluster Typology of Small and Medium-Sized Towns in the Russian North-West: From Formal Statutes to Structural Profiles

Abstract. The relevance of the study stems from the need to move from universal support measures for small and medium-sized towns in Russia to a differentiated regional policy that takes into account the real diversity of socioeconomic profiles of settlements. The aim of the work is to construct an empirically grounded typology of small and medium-sized towns of the Northwestern Federal District based on a multidimensional cluster analysis of indicators reflecting spatial position, the state of the economy, and the social sphere. The empirical base includes data on 137 towns (130 after cleaning) across nine indicators characterizing economic activity, social and household infrastructure, the quality of the urban environment, and transport accessibility. Due to the strong asymmetry of the distributions of most indicators, logarithmic transformation followed by standardization was applied. Using hierarchical clustering performed in IBM SPSS Statistics, four stable types were identified: 1) “remote industrial centers” (41% of towns), 2) “tourism and service centers” (16%), 3) “comfortable periphery” (38%), and

4) “nearby commuter towns” (5%). For the first time for the macro region, two previously unidentified types were empirically verified: the “comfortable periphery”, uniting both nearby suburbs and remote tourism centers with a high quality of environment and weak development of the economic core, and “nearby commuter towns” – satellite towns of large centers with low local employment and a lack of social infrastructure despite formally high wage and urban environment quality indicators. The scientific novelty of the work lies in the use of multidimensional cluster analysis, which made it possible to identify types of towns that do not coincide with traditional classifications and to reveal hidden imbalances in their socioeconomic development. Based on the resulting typology, differentiated directions of regional policy are formulated for each of the identified town types.

Key words: small and medium-sized towns, Northwestern Federal District, town typology, hierarchical cluster analysis, socio-economic development.

Information about the Author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, deputy head, Research and Education Center, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Статья поступила 13.07.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.7

УДК 338.23, ББК 65.050

© Васильева Е.В., Тырсин А.Н.

Современные проблемы развития системы мониторинга экономической безопасности регионов

Елена Витальевна

ВАСИЛЬЕВА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vasilyeva.ev@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Александр Николаевич

ТЫРСИН

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tyrsin.an@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-2660-1221; ResearcherID: T-5975-2017

Аннотация. Статья посвящена вопросам экономической безопасности российских регионов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью трансформации существующей системы обеспечения экономической безопасности страны с учетом значительной дифференциации субъектов РФ. Цель исследования – разработать подход к мониторингу обеспечения экономической безопасности регионов на основе векторной энтропийной модели. В рамках исследования сформированы базовые характеристики социально-экономической системы: стабильность, устойчивость и поступательность развития – для комплексного мониторинга обеспечения экономической безопасности территории. Представлена векторная энтропийная модель, позволяющая декомпозировать общую энтропию системы на компоненты: меры

Для цитирования: Васильева Е.В., Тырсин А.Н. (2026). Современные проблемы развития системы мониторинга экономической безопасности регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 115–135. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.7

For citation: Vasilyeva E.V., Tyrsin A.N. (2026). Current issues in the development of a regional economic security monitoring system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 115–135. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.7

хаотичности, самоорганизации, развития и стабильности, а также результаты ее апробации на данных Росстата по России в целом и пяти субъектам РФ (Москва, Московская, Свердловская, Владимирская и Амурская области) за период 1992–2024 гг. Результаты мониторинга выявили дифференциацию регионов по уровню устойчивости и адаптивности социально-экономических систем. Анализ результатов энтропийного мониторинга демонстрирует, что в текущем периоде (с начала 2020-х гг.) экономическая безопасность российских регионов частично обеспечена. Возрастающее число новых вызовов и угроз выявляет ограниченность имеющихся механизмов адаптации. Наблюдаемый рост хаотичности системы при отсутствии пропорционального ответного роста самоорганизации свидетельствует об исчерпании ее краткосрочного адаптационного потенциала. Динамичность системы достигается за счет увеличения ее уязвимости, на что указывает снижение стабильности при росте развития. Выводы подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к обеспечению экономической безопасности с учетом региональной специфики. Разработанная модель может служить инструментом для корректировки стратегических направлений, определения приоритетных мер господдержки и создания адаптивных механизмов реагирования на вызовы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, векторная энтропийная модель, стабильность, устойчивость, поступательность развития.

Благодарность

Статья выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения РАН.

Введение

В условиях нарастающих социально-экономических вызовов и высокой динамики внешней среды особую актуальность приобретают научное обоснование и разработка механизмов обеспечения экономической безопасности российских регионов. Усиление роли регионов в реализации общенациональных экономических интересов обуславливает необходимость трансформации существующей системы обеспечения экономической безопасности страны. Значительная дифференциация субъектов РФ по уровню и темпам инфраструктурного, производственного, социального и инновационного развития требует формирования дифференцированных подходов, которые должны учитывать региональные особенности и предусматривать адаптивные механизмы реагирования на изменения для каждого региона. Центральная научная и практическая задача заключается в формировании региональной системы обеспечения экономической безопасности, базирующейся на эффективной поддержке процессов принятия и реализации управленческих решений. Решение этой задачи предполагает предварительное выявление траектории движения каждого региона, что создаст основу для свое-

временной корректировки стратегических направлений и разработки действенных защитных механизмов.

Подход к исследованию

В современных исследованиях экономической безопасности доминирует индикативный метод, предполагающий количественную оценку ее уровня посредством сопоставления фактических значений индикаторов с установленными пороговыми значениями. Данный подход получил официальное признание (системы показателей С.Ю. Глазьева и В.К. Сенчагова) и был внедрен на государственном уровне в рамках Государственной стратегии экономической безопасности 1996 года (Цейковец, 2016). Однако, несмотря на широкую распространенность в научных исследованиях, индикативный подход сталкивается с рядом методологических проблем. Исследователи Финансового университета справедливо указывают, что одной из наиболее проблемных частей методологии является определение и использование пороговых (предельно критических) значений показателей, выбранных для оценки и анализа состояния безопасности (Побываев и др., 2018). Во многих случаях пороговые значения определя-

ются на основе экспертных оценок, что вносит элемент субъективности. Кроме того, как отмечает Г.Б. Клейнер, теория предельно допустимых показателей рассматривает каждый показатель вместе с его предельным для безопасности страны значением, но не учитывает их взаимозависимости, замещаемости и дополняемости (Клейнер, 2016). Но экономика представляет собой сложную динамическую систему, в которой изменение одного параметра может оказывать разнонаправленное воздействие на другие показатели. Для преодоления обозначенных ограничений и повышения достоверности оценки С.Ю. Глазьев и В.В. Локосов предлагают экспертную апробацию метода предельно критических показателей расширить за счет имитационного конструирования и моделирования общественных процессов на основе анализа статистики, эмпирических данных, вероятностного анализа, построения графов угроз, а также учитывать при построении и использовании системы важные особенности функционирования общества: компенсаторный механизм взаимодействия структур и элементов системы, синергетический эффект и «принцип домино» (Глазьев, Локосов, 2012). Однако усложнение аналитического инструментария сопряжено с определенными трудностями практического применения. Возрастающая сложность методик ограничивает их использование в процессе принятия управленческих решений. Более того, быстро меняющиеся внешние и внутренние условия требуют гибкого подхода к выбору и корректировке индикаторов и их порогов, что затруднительно при использовании громоздких моделей. Как отмечается в докладе Института экономики РАН, в системе государственного управления экономической безопасностью остро недостает современного звена мониторинга, которое отражает сложившиеся методологические традиции современной науки, стремительные глобальные и внутренние изменения, а также развитие стратегического планирования и реформы управления¹. Л.А. Беляевская-Плотник подчеркивает, что

существующая практика индикативного мониторинга ограничивает управленческий потенциал в сфере экономической безопасности, поскольку она направлена на отслеживание показателей, но не на анализ эффективности государственных мер и согласованности между собой стратегических документов в этой сфере (Беляевская-Плотник, 2025). Сложившаяся ситуация приводит к тому, что диагностика экономической безопасности осуществляется достаточно эффективно, тогда как оценка результативности принимаемых мер остается недостаточной. Образно выражаясь, мы хорошо диагностируем «болезнь», но плохо понимаем, насколько «выписанное лечение» соответствует диагнозу и приведет ли оно к выздоровлению.

Ряд авторов выделяет важность устойчивости социально-экономической системы для обеспечения ее экономической безопасности. О.В. Михалев отмечает, что устойчивость во взаимосвязи с другими первичными качествами системы, а именно с надежностью, управляемостью, самоорганизацией, обеспечивает ее живучесть, т. е. относительно продолжительный период существования системы, в течение которого она выполняет основные присущие ей функции, стремясь к достижению поставленных целей, а также способствует ее эффективности, что в конечном счете формирует безопасность системы (Михалев, 2010). С.А. Афонцев характеризует экономическую безопасность исключительно через «устойчивость». В его трактовке национальная экономическая безопасность — это устойчивость национальной экономической системы к эндогенным и экзогенным шокам экономического или политического происхождения, проявляющаяся в ее способности нейтрализовать потенциальные источники шоков и минимизировать ущерб, связанный с реально произошедшими шоками (Афонцев, 2002). По его мнению, стабильность выступает как состояние экономической системы, которое может быть нарушено эндогенными и экзогенными шоками, а устойчивость — это способность системы, позволяющая сохранять или восстанавливать стабильность в условиях этих шоков. Т.Ю. Феофилова и Е.В. Радыгин рассматривают экономическую устойчивость как высшую форму экономиче-

¹ О развитии методологических подходов к определению, измерению и управлению экономической безопасностью (2025) / под ред. А.Е. Городецкого, Л.А. Беляевской-Плотник. Москва: ИЭ РАН. 68 с.

ской безопасности, когда система остается в границах заданных параметров. Согласно их позиции, даже при нарушении устойчивости система находится в состоянии, определяемом как «экономическая безопасность», поскольку расходует ресурсы для недопущения нанесения ей ущерба. Они считают, что устойчивость является динамичной категорией, поэтому заданные параметры в течение времени меняются, но вместе с тем она не тождественна развитию (Феофилова, Радыгин, 2024). Для экономического развития возможна временная потеря экономической устойчивости.

Для построения гибких и достоверных систем оценки экономической безопасности необходимо четкое понимание содержания самого понятия и его ключевых характеристик, поскольку это позволяет адекватно интерпретировать состояние экономики. Согласно определению Л.И. Абалкина, экономическая безопасность представляет собой совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию (Абалкин, 2002). Развивая этот подход, ученые Уральской школы исследования экономической безопасности адаптировали его к региональному уровню. В их трактовке под экономической безопасностью региона понимается совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее независимости и интеграции с экономикой Федерации (Татаркин и др., 1996). Такой подход к содержанию понятия показывает, что акценты обеспечения экономической безопасности на разных уровнях управления смещаются. На уровне государства ключевыми приоритетами обеспечения экономической безопасности выступают независимость, суверенитет и способность к самообеспечению, на региональном уровне — сохранение единого экономического пространства и территориальной связанности. Но при этом вне зависимости от уровня управления базовыми характеристиками, определяющими обеспечение экономической безопасности, являются стабильность, устойчивость и поступательность развития социально-экономической системы.

Таким образом, для мониторинга обеспечения экономической безопасности необходима комбинация этих трех характеристик социально-экономической системы:

- стабильность системы — ситуация, при которой не происходит значительных случайных изменений показателей;
- устойчивость системы — способность воспринимать изменяющиеся условия и адаптироваться к ним, а также противостоять сбоям и быстро восстанавливаться после них;
- поступательность развития системы — характеристика направленного изменения, выражающаяся в сохранении общей траектории развития при наличии локальных флуктуаций² (Аууб, 2014).

Структурные сдвиги в экономике могут создавать дисбалансы, увеличивать риски и временно дестабилизировать систему, и наоборот, чрезмерная ориентация на стабилизацию экономики может тормозить развитие, поэтому в исследованиях обеспечения экономической безопасности целесообразно использовать системный подход, в рамках которого территория рассматривается как сложная система с множеством взаимодействующих компонентов. В исследованиях А.И. Татаркина и Д.А. Татаркина подчеркивается, что устойчивость любой сложной системы при минимизации рисков требует согласованности всех ее частей в расчлененном целом и определяется соотношением порядка и беспорядка, а его нарушение ведет к сбоям в функционировании, утрате ориентиров развития и краху системы. По их мнению, уровень устойчивости экономической системы, обеспечивающий саморазвитие, складывается из двух слагаемых: большая часть процессов в системе, обеспечивающих поддержание «порядка» и стабильности в ней, и меньшая часть факторов, дестабилизирующих саморазвитие системы и нарушающих ее устойчивость, суммарная величина которых равна единице (Татаркин, Татаркин, 2010а; Татаркин, Татаркин, 2010б).

Одним из распространенных подходов для анализа надежности сложных систем является использование многомерных копула-функций. Они позволяют отделить структуру зависимо-

² Составлено по: Экономическая стабильность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ekonomicheskaja-stabil-nost-8890fd> (дата обращения: 08.04.2026).

сти от маргинальных распределений, что делает их гибким инструментом для построения многомерных стохастических моделей (Behrens et al., 2019; Li et al., 2021; Dewick, Shuangzhe, 2022). Однако поиск подходящей структуры копулы не является тривиальной задачей, сильно страдает от «проклятия размерности» и требует больших выборок данных, что нереализуемо в макроэкономике (Li et al., 2021).

Кроме того, сами по себе конкретные виды распределений не влияют на риск, поэтому их уточнение представляется избыточным в задачах анализа риска.

Фундаментальной характеристикой любых систем с неоднозначным, или вероятностным, поведением является энтропия (Климонтович, 2002; Haken, 2006; Prigogine, 1967).

Понятие энтропии часто используется в современной науке для описания поведения, структурной организации и дезорганизации, степени разрушения связей между элементами различных систем (Purvis et al., 2019; Jakimowicz, 2020; Ishii et al., 2022). Однако, как правило, используется информационная энтропия Шеннона, которая не позволяет в явном виде учитывать поведение и взаимосвязи между элементами и подсистемами (Shannon, 1948).

Известна универсальная характеристика — функционал от плотности вероятности $p_Y(x)$ m -мерной непрерывной случайной величины Y :

$$H(Y) = - \int_{-\infty}^{+\infty} \dots \int_{-\infty}^{+\infty} p_Y(x) \ln p_Y(x) dx, \quad (1)$$

в частности, для одномерной случайной величины: $H(Y) = - \int_{-\infty}^{+\infty} p_Y(x) \ln p_Y(x) dx$.

Формула (1) была предложена Клодом Шенноном как формальный аналог информационной энтропии для непрерывных сообщений (Shannon, 1948). Позднее И.М. Гельфанд, А.Н. Колмогоров и А.М. Яглом исследовали эту величину и назвали ее дифференциальной энтропией (Гельфанд и др., 1958).

В рамках данного исследования для мониторинга базовых характеристик обеспечения экономической безопасности региона предлагается применить векторную энтропийную модель, основанную на разложении $H(Y)$ на две компоненты — «меру хаотичности» и «меру самоорганизации» (Dewick, Shuangzhe, 2022).

Такой подход позволяет получить более точную картину состояния системы, оценить ее стабильность, устойчивость и поступательность развития, что напрямую характеризует обеспечение экономической безопасности региона (Аууб, 2014).

Векторная энтропийная модель

Поскольку системы могут быть разными и у них отличаются критерии эффективности, то воспользуемся системным подходом. Обеспечение экономической безопасности региона можно количественно оценивать и качественно интерпретировать в рамках векторной энтропийной модели. Рассмотрим изменение энтропии в динамике на примере гауссова представления данных: 1) использование нормального закона распределения опирается на центральную предельную теорему; 2) анализируемые выборки являются малыми, что не позволяет идентифицировать закон распределения случайного вектора.

В векторной энтропийной модели под системой непрерывных случайных величин понимается множество анализируемых социально-экономических показателей $Y = (Y_1, \dots, Y_m)$ (Musso, 2019; Vizjak, Pavic, 2025). Согласно векторной энтропийной модели, дифференциальная энтропия (далее будем называть энтропией) выражается через энтропийные меры хаотичности $H_V(Y)$ и самоорганизации (зависимости) $G_R(Y)$ как:

$$H(Y) = H_V(Y) - G_R(Y), \quad (2)$$

где $H_V(Y) = \sum_{j=1}^m \ln \sigma_{Y_j} + m \ln \sqrt{2\pi e}$, $G_R(Y) = -0,5 \ln |R_Y|$,

$|R_Y|$ — определитель корреляционной матрицы R_Y (Тырсин, 2022).

При анализе показателей во времени каждая из компонент Y_j представляет собой временной ряд, состоящий из суммы тренда $\tilde{Y}_j$ и случайной составляющей (шум) ξ_j :

$$Y_j = \tilde{Y}_j + \xi_j.$$

Поскольку тренд и случайная составляющая являются взаимно независимыми, то дисперсию компоненты Y_j можно представить в виде суммы дисперсий тренда и шума:

$$\sigma_{Y_j}^2 = \sigma_{\tilde{Y}_j}^2 + \sigma_{\xi_j}^2.$$

Разложим на два слагаемых: $\ln \sigma_{Y_j} = \ln \sigma_{\tilde{Y}_j} + \ln \frac{\sigma_{Y_j}}{\sigma_{\tilde{Y}_j}}$. Тогда формулу (2) преобразуем к виду:

$$H(Y) = H_D(Y) + H_S(Y) - G_R(Y), \quad (3)$$

где $H_D(Y) = \sum_{j=1}^m \ln \sigma_{\tilde{Y}_j} + m \ln \sqrt{2\pi e}$ – энтропийная мера развития,

$H_S(Y) = \sum_{j=1}^m \ln \frac{\sigma_{Y_j}}{\sigma_{\tilde{Y}_j}}$ – энтропийная мера стабильности,

$G_R(Y) = -0,5 \ln |R_Y|$ – энтропийная мера самоорганизации.

Отметим, что минимум $H_S(Y)$ ограничен нулем, при этом все $\sigma_{Y_j} = \sigma_{\tilde{Y}_j}$, или $\sigma_{\xi_j} = 0$. Ситуации незначительных отрицательных значений $H_S(Y)$ на практике иногда могут возникнуть из-за малой анализируемой выборки и одновременного наличия резких изменений у нескольких показателей. В этом случае для выделения трендов $\tilde{Y}_j$ необходимо использовать робастные методы сглаживания (Голованов, Тырсин, 2025; Clarke, 2018). Отметим, что тренд $\tilde{Y}_j$ может быть как детерминированным (из-за изменения среднего уровня компоненты Y_j) (Zhechev, 2024), так и стохастическим (из-за неучтенных факторов, например, случайное блуждание) (Ji et al., 2023).

В формуле (3) энтропийная мера хаотичности представлена в виде суммы энтропийных мер развития и стабильности $H_V(Y) = H_D(Y) + H_S(Y)$. Это позволяет выделить в энтропийной мере хаотичности принципиально разные источники хаотичности, вызванные динамикой поведения показателей состояния системы ($H_D(Y)$) и влиянием на систему случайных и неучтенных факторов ($H_S(Y)$). Данное уточнение расширяет возможности векторного энтропийного моделирования для анализа сложных систем.

Выразим в рамках векторной энтропийной модели (3) все три характеристики социально-экономической системы.

Поступательность развития системы будем характеризовать тенденцией совместного изменения энтропийных мер хаотичности и самоорганизации. Эти меры характеризуют разные стороны функционирования системы (целостность и аддитивность) и должны учитываться при оценке развития системы совместно. Поступательность развития системы можно описать как поведение вектора ($H_V(Y), G_R(Y)$). Эта

величина позволяет учесть как общую траекторию развития, так и локальные флуктуации (влияние случайной составляющей присутствует и в $H_V(Y)$, и в $G_R(Y)$).

Устойчивость системы можно трактовать как динамику относительных флуктуаций энтропийной меры развития. Ее можно количественно оценить в виде вектора ($H_D(Y), H_S(Y)$). В каждой точке величина $H_S(Y)$ будет количественно характеризовать относительное отклонение (флуктуации) показателей от текущего уровня развития.

Случайные изменения показателей численно равны разности между фактическими значениями Y_j и их условным математическим ожиданием, оценкой которого являются сглаженные данные $\tilde{Y}_j$, поэтому стабильность системы опишем как энтропийную меру стабильности $H_S(Y)$. Особенность этой меры состоит в том, что она численно характеризует относительные случайные отклонения показателей Y_j , т. е. $H_S(Y)$ является безразмерной величиной, и это позволяет стандартизировать оценку стабильности поведения для разных систем.

Преобразуем энтропийную меру стабильности:

$$\begin{aligned} H_S(Y) &= \sum_{j=1}^m \ln \frac{\sigma_{Y_j}}{\sigma_{\tilde{Y}_j}} = -\frac{1}{2} \sum_{j=1}^m \ln \frac{\sigma_{\tilde{Y}_j}^2}{\sigma_{Y_j}^2} = \\ &= -\frac{1}{2} \ln \prod_{j=1}^m \frac{\sigma_{\tilde{Y}_j}^2}{\sigma_{Y_j}^2} = -\frac{m}{2} \ln \bar{R}_Y^2, \end{aligned}$$

$$\text{где } \bar{R}_Y^2 = \sqrt{\prod_{j=1}^m \frac{\sigma_{\tilde{Y}_j}^2}{\sigma_{Y_j}^2}} = \sqrt{\prod_{j=1}^m R_{Y_j}^2} \in [0; 1] -$$

средний коэффициент детерминации по всем показателям $Y = (Y_1, \dots, Y_m)$, равный среднему геометрическому коэффициентов детерминации $R_{Y_j}^2$ всем показателям Y_j .

Отсюда после простых преобразований получим:

$$\bar{R}_Y^2 = \exp(-2H_S(Y)/m).$$

Введем относительную величину – долю дисперсии шума относительно общей дисперсии данных $w_Y = 1 - \bar{R}_Y^2$. Для нее $w_Y = 1 - \exp(-2H_S(Y)/m)$.

Простота, безразмерность и интерпретируемость $\bar{R}_Y^2$ и w_Y позволяет ввести пороговый уровень энтропийной меры стабильности относительно конкретных значений этих показателей:

$$H_{S,\text{пор}} = -\frac{m}{2} \ln \bar{R}_Y^2 = -\frac{m}{2} \ln(1 - w_Y).$$

Отметим, что пороговый уровень должен формироваться на основе априорной информации и знаний об анализируемой системе. В качестве иллюстрации в *таблице 1* приведены некоторые значения пороговых уровней для 9 показателей ($m = 9$).

Логарифмическая шкала энтропийных мер позволяет унифицировать анализ ее динамики. Действительно, разность любой из мер в текущем и предыдущем периодах является безразмерной величиной.

Каждый регион как многомерная стохастическая система представлен в виде случайного вектора показателей, описанных в *таблице 2*. В рамках Стратегии экономической безопасности РФ³ предусматривается осуществление мониторинга по обширному перечню, включающему порядка 40 показателей. Вместе с тем в академической среде данный подход подвергается существенной критике. Так, исследователи указывают на доминирование в перечне

Таблица 1. Примеры пороговых уровней $H_{S,\text{пор}}$ энтропийной меры стабильности в зависимости от величин $\bar{R}_Y^2$ и w_Y для $m = 9$

$\bar{R}_Y^2$	0,10	0,20	0,30	0,40	0,50	0,60	0,70	0,80	0,90	0,95	1,00
w_Y	0,90	0,80	0,70	0,60	0,50	0,40	0,30	0,20	0,10	0,05	0,00
$H_{S,\text{пор}}$	10,36	7,24	5,42	4,12	3,12	2,30	1,61	1,00	0,47	0,23	0,00

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Показатели, используемые для построения векторной энтропийной модели

Население	
Y_1	Общий коэффициент естественного прироста, промилле
Y_2	Доля населения, занятого в экономике, % от общей численности населения*
Y_3	Заболееваемость населения, зарегистрированные заболевания на 1000 человек населения**
Экономика	
Y_4	Объем строительных работ на душу населения, в ценах 2024 года, млн руб.***
Y_5	Оборот розничной торговли на душу населения, в ценах 2024 года, тыс. руб.
Y_6	Инвестиции в основной капитал на душу населения, в ценах 2024 года, тыс. руб.
Уровень жизни	
Y_7	Среднедушевые доходы населения в месяц, в ценах 2024 года, тыс. руб.
Y_8	Консолидированный бюджет на душу населения, в ценах 2024 года, тыс. руб.
Y_9	Обеспеченность населения жильем, м ² на одного чел.****

Примечание: поскольку официальная статистическая методология за рассматриваемый период изменялась, то при формировании данных исследования за более ранний период использовались альтернативные показатели:
 * численность занятых в возрасте 15 лет и старше (до 2017 года – в возрасте 15–72 лет);
 ** зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, до 2000 года – зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни;
 *** объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», до 2000 года – объем работ, выполненных по договорам строительного подряда;
 **** общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, до 2000 года – площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя.
 Источник: составлено авторами.

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.

макроэкономических и внешне ориентированных индикаторов, дефицит ключевых метрик, отражающих социальное благополучие и пространственное развитие, а также на наличие разрывов между обозначенными угрозами, поставленными задачами и закреплёнными целевыми параметрами (Серебренников и др., 2018).

Для целей данного исследования сформирован сокращённый, но репрезентативный перечень из 9 показателей, распределённых по трём группам: «население», «экономика» и «уровень жизни». Обоснование выбора индикаторов базируется на их высокой информативной ценности, подтвержденной практикой применимости в отечественных исследованиях по вопросам экономической безопасности, в частности в трудах В.К. Сенчагова и А.И. Татаркина (Сенчагов, 2008; Татаркин, Куклин, 2012). Показатели группы «население» отражают тренды воспроизводства трудовых ресурсов, эффективность использования рабочей силы и нагрузку на социальную инфраструктуру, группы «экономика» — деловую и потребительскую активность, модернизацию хозяйства и потенциал роста, группы «уровень жизни» — благосостояние населения и риски социальной напряжённости. Таким образом, предложенная система из девяти показателей обеспечивает сбалансированное отражение важнейших аспектов экономической безопасности. Она сочетает научную обоснованность, практическую применимость и преемственность по отношению к устоявшимся в отечественной научной традиции методологическим подходам.

Информационной базой исследования выступили статистические сборники Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели». При построении векторной энтропийной модели для мониторинга обеспечения экономической безопасности региона использованы данные за 1992–2024 гг.

Мониторинг будем осуществлять по выборкам за 12 лет: 2000–2012 гг., 2001–2013 гг., ..., 2012–2024 гг. Этот период оказался оптимальным в качестве статистического сглаживания (объём выборки должен быть больше количества анализируемых показателей), с одной стороны, и учёта динамики изменения энтропии (чем больше объём анализируемой неста-

ционарной выборки, тем менее чувствителен мониторинг к изменениям в анализируемой системе), с другой. Сглаживание данных выполнялось по скользящему окну из семи соседних наблюдений. В качестве фильтра использовались многочлены второго порядка.

Мониторинг энтропийных показателей обеспечения экономической безопасности России и нескольких ее регионов

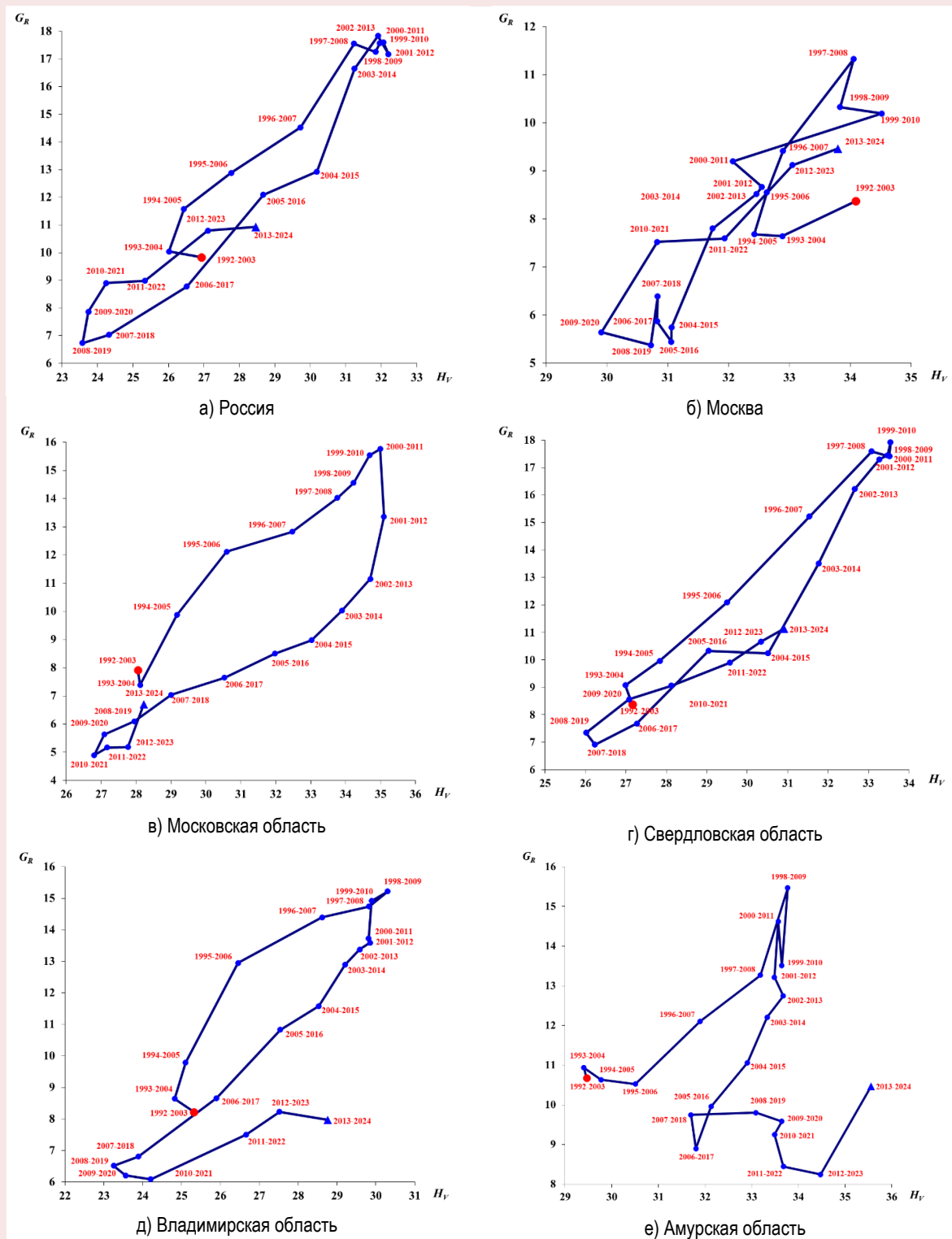
Апробация предложенной векторной энтропийной модели проведена на данных по России в целом и пяти субъектам РФ, отобранных таким образом, чтобы представить различные типы регионов, выделенные в соответствии с синтетической классификацией (Григорьев и др., 2011):

- высокоразвитые регионы: Москва и Московская область;
- развитые регионы: Свердловская область;
- среднеразвитые регионы: Владимирская область;
- менее развитые регионы: Амурская область.

На *рисунке 1* представлена динамика энтропийных мер хаотичности (H_v) и самоорганизации (G_R) значений показателей по субъектам РФ и по России в целом за 1992–2024 гг. в виде годографов векторной энтропии. Результаты демонстрируют четкую цикличность в динамике энтропийных мер. Поступательность развития социально-экономической системы носит адаптивный характер. Рост хаотичности системы провоцирует активизацию механизмов самоорганизации, что служит драйвером адаптации и направленного изменения системы.

По результатам мониторинга энтропийных показателей данных по России выявляются пять отчетливых периодов. Первый период (до середины 1990-х гг.) характеризовался снижением энтропийной меры хаотичности и одновременным незначительным ростом энтропийной меры самоорганизации. Он соответствовал начальному этапу рыночных реформ после распада СССР. На фоне масштабного кризиса, включавшего спад объемов производства, инфляционный всплеск и значительную убыль населения (Смирнов, 2016), происходило стихийное выстраивание новых экономических отношений, упорядочивание хозяйственных

Рис. 1. Годографы энтропийных мер хаотичности (H_V) и самоорганизации (G_R) значений показателей по субъектам РФ и России в целом за 1992–2024 гг.

Примечание: начальная точка рассматриваемого периода обозначена красным кружком, конечная точка – синим треугольником.

Источник: составлено авторами.

связей на новых принципах, формировались первичные рыночные институты и механизмы (бартер, взаимозачеты).

Во втором периоде (до середины 2000-х гг.) отмечался рост энтропийной меры хаотичности и энтропийной меры самоорганизации, что стало следствием посткризисного развития рыночных отношений после трансформационного шока 1990-х гг. (Татаркин, Берсенов, 2016). Хаотичность социально-экономической системы проявлялась в институциональной нестабильности, волатильности цен и валютного курса, неопределенности прав собственности и значительной доле неформальной экономики. Параллельно активизировались процессы самоорганизации социально-экономической системы, формировались бизнес-ассоциации, развивались торговые и логистические сети, создавались финансовые рынки и бизнес-группы как механизмы координации экономических субъектов (Мантуров, 2016).

Третий период (до середины 2010-х гг.) характеризовался сокращением энтропийной меры хаотичности и энтропийной меры самоорганизации, что обусловлено макроэкономической стабилизацией, включавшей снижение инфляции до 6–7% к 2013 году (с двузначных значений), накопление резервов (создание Стабилизационного фонда в 2004 году и Резервного фонда в 2008 году), а также укрепление государственного регулирования и банковского надзора. Сокращение хаотичности социально-экономической системы обеспечивалось формализацией правил и стандартизацией бизнес-процессов. В то же время снижение самоорганизации социально-экономической системы было связано с централизацией управления, бюрократизацией и сокращением конкуренции в ряде секторов экономики (Лексин, 2013).

Четвертый период (до конца 2010-х гг.) связан с новым ростом энтропийной меры хаотичности и энтропийной меры самоорганизации. Такая динамика явилась реакцией на комплекс внешних шоков. Усиление хаотичности системы было обусловлено действием таких факторов, как санкционное давление на российскую экономику, волатильность цен на нефть, геополитическая напряженность и пандемия COVID-19. В ответ активизирова-

лись механизмы самоорганизации социально-экономической системы, в частности развивался параллельный импорт, ускорились процессы цифровизации, формировались кооперации для целей импортозамещения.

В пятом периоде (с начала 2020-х гг.) фиксируется дальнейший рост энтропийной меры хаотичности при сохранении энтропийной меры самоорганизации. Усиление хаотичности социально-экономической системы связано с сохранением геополитической напряженности, ужесточением санкционного давления и необходимостью структурной перестройки экономики в условиях новых ограничений. В результате достижения определенного предела адаптационного потенциала рост самоорганизации системы практически остановился. Это вызвано исчерпанием краткосрочных резервов цифровизации и перестройки логистических цепочек, ограничениями доступа к технологиям и капиталу, ростом бюрократии в рамках антикризисного реагирования, а также снижением предпринимательской инициативы на фоне высокой неопределенности.

Региональная динамика различается и отражает разный уровень развития субъектов РФ и их способность адаптироваться к изменениям. Особенности динамики энтропийных мер в Московской и Свердловской областях по сравнению с общероссийским трендом проявляются в первом и последнем периодах. В первый период значительный потенциал Московской области (высокоразвитый регион) позволил сглаживать наиболее острые проявления кризиса, а более высокая адаптивность локальных институтов к изменениям предотвращала всплеск неопределенности. В результате хаотичность системы не изменилась. Хотя механизмы ее самоорганизации развивались умеренно, они не обрушились под влиянием кризиса, но и не получили мощного импульса к росту из-за общей нестабильности в стране. Отличительной особенностью четвертого периода в Московской области является его более позднее начало по сравнению с общероссийским трендом, сопровождавшееся исключительно ростом энтропийной меры хаотичности без каких-либо значимых изменений энтропийной меры самоорганизации. В пятом периоде продолжился рост энтропийной меры хаотичности

и зафиксирован рост меры самоорганизации. Это объясняется рядом конкурентных преимуществ Московской области, которые обеспечивают повышенную устойчивость и сглаживают внешние шоки: высокая диверсификация экономики, близость к федеральным ресурсам, развитая инфраструктура, значительный объем инвестиций и кадровый потенциал.

В Свердловской области (развитый регион) в первом периоде наблюдался незначительный рост энтропийной меры самоорганизации при практически неизменном значении энтропийной меры хаотичности. В первые годы рыночных реформ вокруг местных промышленных гигантов делались попытки выстроить новые хозяйственные связи взамен разрушенных планово-экономических цепочек. Пятый период в области не выделяется, сохраняется динамика четвертого периода.

Траектории динамики энтропийных мер во Владимирской области (среднеразвитый регион) и Москве практически повторяют общероссийский тренд. Но в последнем периоде во Владимирской области энтропийная мера хаотичности растет более быстрыми темпами, чем энтропийная мера самоорганизации. Такая динамика может быть связана со структурной зависимостью от отдельных отраслей области, ограниченным доступом к инвестициям и оттоком квалифицированной рабочей силы в столичный регион. Хотя динамика энтропийных мер в Москве в целом соответствует общероссийскому тренду, она отличается более выраженными колебаниями. В кризисные периоды рост хаотичности оперативно компенсируется ускоренной самоорганизацией социально-экономической системы. Благодаря высокой концентрации финансовых и управленческих ресурсов, а также доминированию сектора услуг и цифровых технологий Москва демонстрирует быструю реакцию на изменения.

Динамика энтропийных мер для Амурской области (менее развитого региона) демонстрирует существенные различия в последних двух периодах. В четвертый период (2010-е гг.) наблюдается рост энтропийной меры хаотичности при неизменном значении или даже снижении энтропийной меры самоорганизации. Это оз-

начает, что социально-экономическая система региона становится менее упорядоченной, усиливаются дисбалансы в развитии отраслей и нарастает неопределенность в протекающих процессах. При этом механизмы самоорганизации (адаптация институтов, перераспределение ресурсов, развитие инфраструктуры), которые могли бы компенсировать хаотичность, не активизируются в ответ на кризисные явления либо работают менее эффективно. Такая ситуация может быть обусловлена слабостью локальных институтов, высокой зависимостью от внешних решений (федеральных программ и инвестиций) и инерционностью экономики с преобладанием традиционных секторов. Такая ситуация отразилась в финансово-экономических показателях региона. В 2015 году Амурская область была включена в перечень субъектов РФ, в которых объем государственного долга превысил собственные доходы. Регион вошел в группу из 12 субъектов страны с наиболее высокой долговой нагрузкой, что служит индикатором усиления финансовых рисков и ограничений в реализации самостоятельной региональной политики (Иванов и др., 2018).

В пятом периоде (с начала 2020-х гг.) фиксируется резкий рост энтропийной меры самоорганизации в условиях сохраняющейся и даже усиливающейся ее хаотичности, что объясняется реализацией крупных проектов (Амурский газоперерабатывающий завод, космодром «Восточный»)⁴. Отмечается ежегодный рост ВРП Амурской области за анализируемый период 2017–2023 гг., причем в 2023 году по отношению к 2017 году показатель увеличился в 2,6 раза в связи с завершением в области крупных инвестиционных проектов (Захарова и др., 2025). Дополнительным фактором развития выступает приток иностранного капитала. По данным на начало 2022 года, накопленный объем китайских инвестиций в регион достиг 280 млн долларов (Гао, 2025). Такие проекты выступают «точками роста», вокруг которых концентрируются ресурсы и управленческие решения, однако в периферийных секторах (например, в сельском хозяйстве или малом бизнесе) дисбалансы могут нарастать, что отражается в росте хаотичности социально-экономической системы.

⁴ Амурская область // Министерство экономического развития РФ. URL: <https://invest.economy.gov.ru/regional-investments/amurskaya-oblast> (дата обращения: 08.04.2026).

На *рисунке 2* представлена динамика энтропийных мер развития (H_D) и стабильности (H_S) значений показателей по субъектам РФ и по России в целом за 1992–2024 гг. в виде годовых векторной энтропии. Динамика энтропийных мер носит определенный циклический характер. Как показывают результаты, устойчивость социально-экономической системы динамична, она складывается из циклов стабилизации и развития. В фазе стабилизации система консолидирует ресурсы, укрепляет институциональные механизмы, минимизирует уязвимости и снижает риски, что создает прочный фундамент для дальнейшего движения. Затем наступает этап развития, когда система адаптируется к новым внешним и внутренним вызовам, трансформирует структуру, внедряет инновации и ищет перспективные направления роста. Чередование этих фаз позволяет поддерживать баланс между сохранением достигнутых результатов и необходимостью изменений, что обеспечивает долгосрочную жизнеспособность социально-экономической системы в условиях неопределенности. Снижение стабильности социально-экономической системы в последние годы отражает естественный процесс адаптации системы к новым реалиям, что в долгосрочной перспективе может повысить ее устойчивость.

Результаты расчетов по России позволяют идентифицировать четыре качественно различающихся периода в динамике исследуемых процессов. Первый период (до конца 1990-х гг.) характеризуется ростом энтропийной меры стабильности, что может свидетельствовать о формировании базовых институтов и механизмов, обеспечивающих относительную устойчивость социально-экономической системы в условиях трансформационного кризиса 1990-х гг., и одновременным снижением энтропийной меры развития, отражающим замедление позитивных структурных изменений, снижение адаптационного потенциала и ограниченность возможностей для инновационного роста в период становления новой экономической модели.

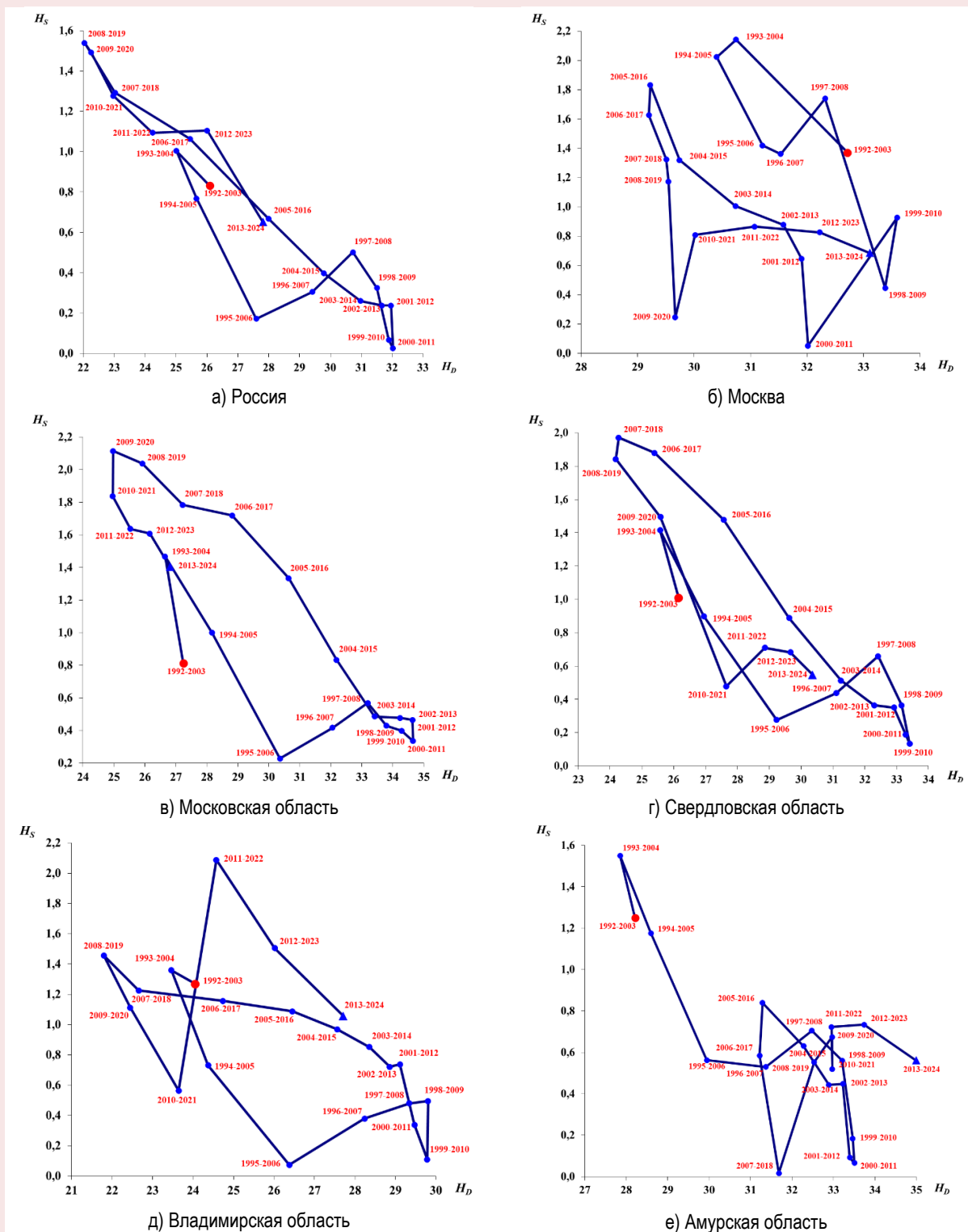
Во второй период (до середины 2000-х гг.) наблюдается обратная картина. Снижение энтропийной меры стабильности, вероятно, связанное с активизацией структурных изменений, ростом экономической динамики и повышением неопределенности в условиях быстрого ро-

ста и интеграции в мировую экономику, сочетается с ростом энтропийной меры развития, что указывает на усиление процессов развития, диверсификацию экономической активности, повышение адаптивности системы и реализацию потенциала роста на фоне благоприятных внешних условий, в т. ч. высоких цен на энергоносители. Примечательно, что в начале 2000-х гг. отмечался кратковременный рост стабильности, возможно, обусловленный консолидацией власти.

Третий период (до середины 2010-х гг.) сопровождался снижением энтропийной меры развития и увеличением энтропийной меры стабильности. Такая динамика может отражать нарастание системных ограничений роста (институциональных, технологических), снижение адаптационных возможностей системы, влияние глобальных факторов (мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., последующие санкции и волатильность сырьевых рынков), а также формирование «ловушки среднего дохода» и исчерпание модели роста, основанной на экспорте сырья (Лякин, 2013).

Четвертый период (с середины 2010-х гг.) отличается обратными тенденциями: наблюдается рост энтропийной меры развития на фоне снижения энтропийной меры стабильности. Такая динамика обусловлена комплексом внешних и внутренних факторов, среди которых ключевую роль играют глобальная цифровая трансформация, санкционное давление, необходимость ускоренного импортозамещения, изменение геополитической ситуации и потребность в обеспечении технологического суверенитета. В результате социально-экономическая система демонстрирует повышенную гибкость и способность к адаптации. Данный период носит ярко выраженный трансформационный характер. Рост энтропийных мер развития свидетельствует о повышении динамичности системы, запуске механизмов качественных изменений и поиске новых точек роста (развитие цифровых технологий и трансформация экономических отношений). В то же время снижение энтропийной меры стабильности отражает естественный процесс адаптации социально-экономической системы к новым реалиям (трансформация финансовых потоков, изменение логистических цепочек и пр.).

Рис. 2. Годографы энтропийных мер развития (H_D) и стабильности (H_S) значений показателей по субъектам РФ и по России в целом за 1992–2024 гг.

Примечание: начальная точка рассматриваемого периода обозначена красным кружком, конечная точка – синим треугольником.

Источник: составлено авторами.

Результаты энтропийного моделирования в четвертом периоде демонстрируют заметные различия в динамике энтропийных мер по регионам России, отражающие их структурные особенности, ресурсный потенциал и адаптационные возможности. В Москве четвертый период наступил с начала 2010-х гг., а с середины десятилетия отмечается более резкий рост энтропийной меры развития, что свидетельствует об активизации инновационных процессов, развитии высокотехнологичных отраслей, усилении финансовой и деловой активности, а также расширении цифровых сервисов и услуг. Одновременно фиксируется плавное снижение энтропийной меры стабильности, связанное с перестройкой социально-экономической системы под влиянием новых условий.

Свердловская область в целом следует общероссийской динамике, в четвертом периоде в ней также наблюдается рост энтропийной меры развития на фоне снижения энтропийной меры стабильности. Однако с конца 2010-х гг. энтропийная мера стабильности практически перестает изменяться и стабилизируется на одном уровне. Это может указывать на достижение нового равновесия в социально-экономической системе, формирование устойчивой модели развития с опорой на промышленный потенциал и инфраструктурные проекты.

Во Владимирской области тенденции в основном повторяют общероссийскую картину, но с характерной особенностью в последнем периоде. В 2022 году в области зафиксирован резкий рост энтропийной меры стабильности с последующим восстановлением прежнего тренда. Вероятно, это связано с реализацией антикризисных мер поддержки региональной экономики, активизацией процессов импортозамещения в ключевых отраслях, ростом бюджетной обеспеченности и запуском инфраструктурных проектов.

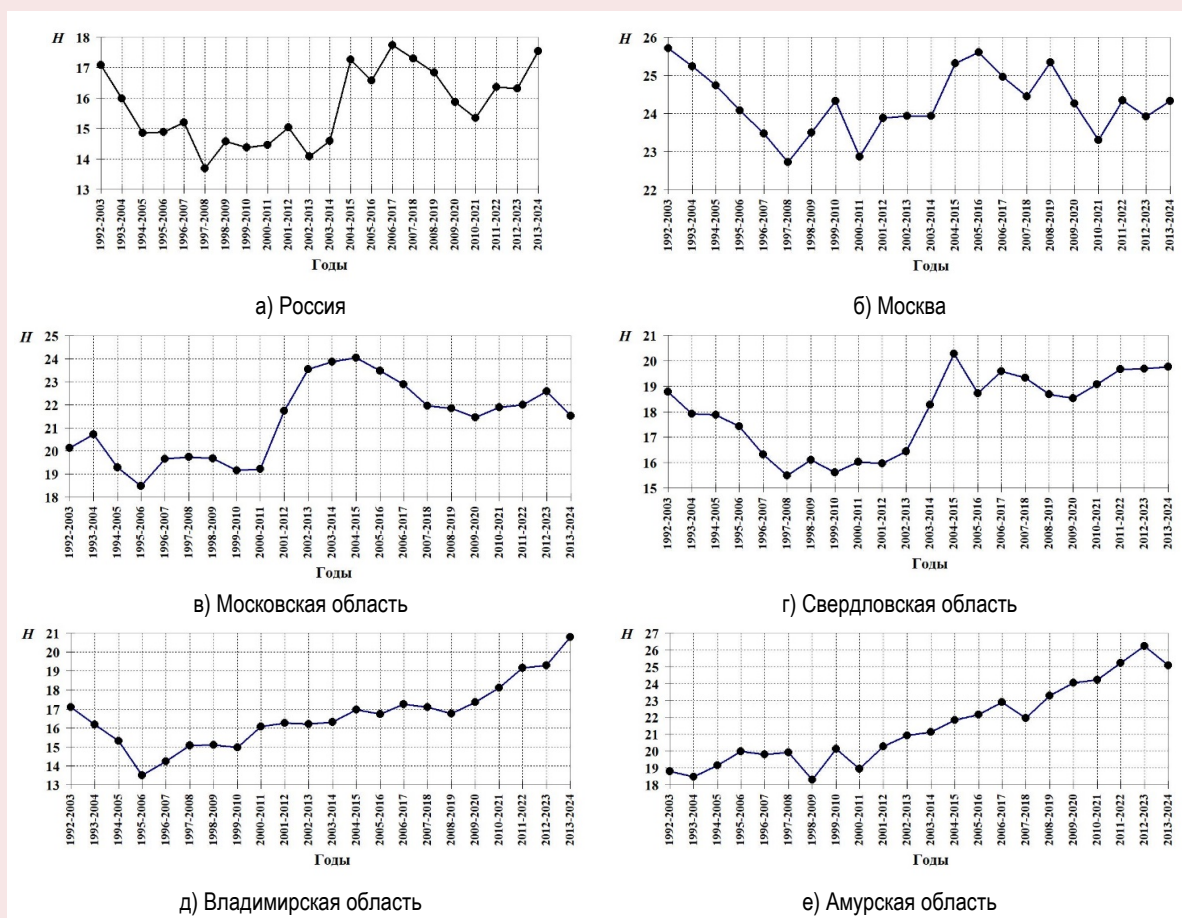
Амурская область также демонстрирует общероссийскую динамику, но с заметным отклонением в 2017–2018 гг., когда был отмечен резкий спад энтропийной меры стабильности, после которого значение показателя восстановилось и стабилизировалось на одном уровне на фоне медленного роста энтропийной меры развития. На такую динамику могли повлиять реализация крупных инфраструктурных проектов (строительство мостов и развитие транс-

портных коридоров), переориентация на азиатские рынки и связанные с этим изменения в структуре экспорта и логистики, колебания инвестиционной активности из-за запуска мегапроектов.

Динамика энтропии H значений показателей демонстрирует существенные различия на уровне отдельных субъектов РФ и в масштабах всей страны (рис. 3). В целом по России в 1990-е гг. наблюдалось снижение энтропии, что отражало процессы стабилизации экономической системы после периода турбулентности, сопровождавшиеся формированием крупных экономических структур, в т. ч. монополий. В 2000-е гг. энтропия сохранялась на одном уровне, что свидетельствовало об устойчивом равновесии в социально-экономической системе. В этот период сформировалась стабильная структура экономических отношений и отсутствовали резкие структурные изменения. Период до середины 2010-х гг. характеризовался ростом энтропии, что указывает на активизацию инновационных процессов и диверсификацию экономической деятельности. В период до конца 2010-х гг. отмечалось снижение энтропии, обусловленное усилением регуляторных мер, консолидацией рынка и оптимизацией бизнес-процессов. Государство и крупные корпорации усиливали контроль, что способствовало упорядочиванию экономических отношений и уменьшению разнообразия сценариев развития отдельных сегментов экономики. С начала 2020-х гг. зафиксирован рост энтропии, свидетельствующий о возрастающей неопределенности в социально-экономической системе. Этот этап связан с появлением новых экономических вызовов, трансформацией традиционных моделей ведения бизнеса и увеличением разнообразия экономических сценариев. На фоне глобальных кризисов, технологических изменений и геополитических факторов система стала менее предсказуемой.

Результаты мониторинга динамики энтропии показывают, что в регионах России траектории изменения данного индикатора в той или иной степени согласуются с общероссийским трендом. Это свидетельствует о наличии общих макроэкономических факторов, влияющих на уровень неопределенности и разнообразия экономических показателей по стране. Однако Амурская область демонстрирует значитель-

Рис. 3. Динамика энтропии H значений показателей по субъектам РФ и по России в целом за 1992–2024 гг.

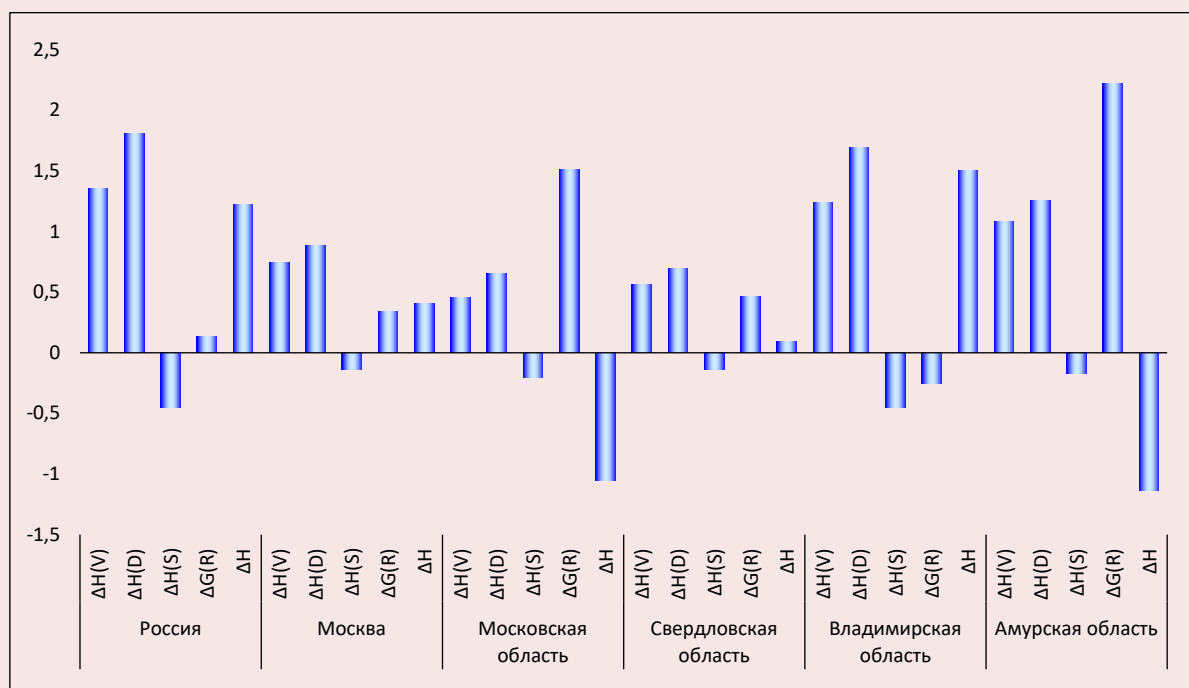
Источник: составлено авторами.

ное отклонение от общей закономерности: за рассматриваемый период здесь зафиксирован устойчивый рост энтропии, что может указывать на усиление неоднородности развития внутрирегиональных процессов.

На рисунке 4 представлено приращение энтропийных показателей России и ее отдельных регионов с 2012 по 2024 год. Результаты мониторинга динамики энтропийных мер в контексте обеспечения экономической безопасности страны за тридцатилетний период демонстрируют ряд существенных тенденций. Анализ изменений энтропийных показателей выявил повышение энтропии при росте энтропийных мер хаотичности, развития и самоорганизации при снижении энтропийных мер меры стабильности. Такое сочетание динамики энтропийных

мер отражает неравновесное, но продуктивное состояние социально-экономической системы и указывает на ее активную трансформацию. С одной стороны, система обретает большую гибкость, что отражается в росте энтропии и снижении энтропийной меры стабильности. С другой — рост энтропийных мер развития и самоорганизации компенсирует потенциальное снижение стабильности, а рост энтропийной меры хаотичности сочетается с усилением механизмов адаптации. Данная комбинация указывает на формирование у социально-экономической системы способности эффективно функционировать в условиях повышенной изменчивости, когда неопределенность перестает быть барьером и становится ресурсом для поиска новых решений.

Рис. 4. Приращение энтропийных мер показателей России и ее регионов за период с 2012 по 2024 год

Источник: составлено авторами.

С точки зрения обеспечения экономической безопасности такое сочетание динамики энтропийных мер отражает не кризис, а целенаправленную трансформацию социально-экономической системы в более устойчивую и адаптивную модель. Рост энтропийной меры хаотичности при одновременном усилении механизмов адаптации свидетельствует о повышении адаптивного потенциала. Система учится функционировать в условиях неопределенности, что снижает ее уязвимость к неожиданным внешним шокам (санкциям, колебаниям цен на сырьевых рынках, глобальным кризисам), формирует «иммунитет» к типовым угрозам за счет диверсификации стратегий реагирования и обеспечивает способность быстро перестраиваться под новые условия без потери ключевых функций. Повышение энтропии и снижение энтропийной меры стабильности указывают на уход от модели «замороженной стабильности» в пользу динамического равновесия. Это позитивно для обеспечения экономической безопасности в долгосрочной перспективе, поскольку жесткая стабилизация

часто маскирует структурные проблемы, тогда как гибкая устойчивость позволяет их выявлять и устранять. Увеличение энтропийных мер развития и самоорганизации отражает формирование внутренних механизмов обеспечения экономической безопасности. Выявленная динамика также показывает, что система не просто реагирует на угрозы, а учится извлекать выгоду из изменчивости. В контексте обеспечения экономической безопасности это проявляется в переходе от реактивного управления рисками к проактивному использованию возможностей.

Траектория изменения энтропийных мер социально-экономических показателей по регионам России воспроизводит общероссийскую динамику, однако амплитуда изменений (разность значений энтропийной меры между конечной и начальной точками рассматриваемого периода) существенно варьируется. Москва и Свердловская область демонстрируют схожую с общероссийской динамику, но с более умеренной амплитудой изменений. Отмечаются идентичные тенденции изменения энтропийных мер в Московской и Амурской

областях, где социально-экономическая система становится менее предсказуемой, но при этом наращивает способность к саморегуляции и адаптации. Это может быть признаком движения к более сложному и устойчивому состоянию, хотя и сопряженному с краткосрочными рисками нестабильности. Сходство тенденций в двух регионах с разной географией и экономикой может указывать на действие общих факторов, в частности на усиление централизованного управления. Владимирская область характеризуется заметным ростом энтропии и энтропийных мер хаотичности и развития, при этом наблюдается незначительное сокращение энтропийных мер стабильности и самоорганизации. Это может свидетельствовать о высокой чувствительности данных регионов к внешним шокам, недостаточной развитости адаптационных институтов и инерционности экономики, где развитие идет преимущественно за счет экстенсивных факторов, а не внутренней перестройки системы.

Заключение

Проведенное исследование посвящено разработке подхода к мониторингу обеспечения экономической безопасности регионов России, построенного на основе векторной энтропийной модели. Подход дает возможность оценить стабильность, устойчивость и поступательность развития исследуемой социально-экономической системы, что напрямую характеризует обеспечение экономической безопасности региона. Применение предложенной модели позволяет декомпозировать общую энтропию социально-экономической системы на компоненты (энтропийные меры хаотичности, самоорганизации, развития и стабильности), комбинация которых описывает три ключевые характеристики социально-экономической системы. Использование логарифмической шкалы энтропийных мер обеспечивает унификацию оценки динамики системы. Каждый регион как многомерная стохастическая система представлен в виде случайного вектора девяти показателей.

Апробация подхода проведена на данных по России в целом и пяти субъектам РФ (Москва, Московская, Свердловская, Владимирская и Амурская области) за период 1992–2024 гг. Результаты мониторинга выявили циклический характер динамики энтропийных показателей,

периоды стабилизации сменяются этапами роста разнообразия и волатильности. При этом прослеживается значительная дифференциация регионов по уровню устойчивости и адаптивности социально-экономических систем, а также влияние макроэкономических факторов на общероссийскую динамику при возможных отклонениях траекторий отдельных регионов от общего тренда. Анализ региональной специфики показал, что Москва и Московская область демонстрируют высокую устойчивость и способность к адаптации за счет диверсификации экономики, близости к федеральным ресурсам и развитого кадрового потенциала. Свердловская область следует общероссийской динамике с умеренной амплитудой изменений, опираясь на промышленный потенциал и инфраструктурные проекты. Владимирская область характеризуется высокой чувствительностью к внешним шокам, инерционностью экономики и ограниченной способностью к эндогенной трансформации. В Амурской области наблюдается устойчивый рост энтропии, что указывает на усиление неоднородности развития и зависимость от внешних решений (федеральных программ и инвестиций). Результаты исследования позволяют сделать вывод, что рост энтропии не всегда негативен, он может свидетельствовать о потенциале развития и появлении новых возможностей, тогда как чрезмерное снижение энтропии грозит застоем, а резкий ее рост — нестабильностью и рисками.

Анализ результатов энтропийного мониторинга демонстрирует, что в текущем периоде (с начала 2020-х гг.) экономическая безопасность российских регионов частично обеспечена, но находится под давлением внешних и внутренних дестабилизирующих факторов. Несмотря на сохранение адаптационного потенциала социально-экономической системы, прослеживается отчетливая тенденция к снижению ее устойчивости. Возрастающее число новых вызовов и угроз выявляет ограниченность имеющихся механизмов адаптации. Наблюдаемый рост хаотичности системы при отсутствии пропорционального ответного роста самоорганизации свидетельствует об исчерпании ее краткосрочного адаптационного потенциала. Динамичность системы достигается за счет увеличения ее уязвимости, на что указывает снижение стабильности при росте развития.

Разработанный подход к мониторингу обеспечения экономической безопасности регионов России на основе векторной энтропийной модели дает возможность выявлять структурные сдвиги, оценивать риски и корректировать политику. Различия в динамике энтропийных мер социально-экономических показателей подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к обеспечению экономической безопасности с учетом региональной специфики, в частности оценки ресурсного потенциала региона, анализа зрелости институциональной среды, учета качества управленческого воздействия и выявления ключевых факторов устойчивости и адаптивности системы. Полученные результаты могут служить основой для корректировки стратегических направлений обеспечения экономической безопасности, определения приоритетных мер государственной поддержки и разработки адаптивных механизмов реагирования на внешние и внутренние вызовы. В зависимости от комбинации значений и векторов характеристик, определяющих обеспечение экономической безопасности (энтропийные меры хаотичности, самоорганизации, развития и стабильности), управленческие решения следует выстраивать дифференцированно. Так, при превышении энтропийной меры стабильности над пороговым значением ($H_s > H_{s,пор}$) приоритетными становятся стабилизационные меры (формирование резервов, предоставление субсидий и системный мониторинг рисков). В случае роста энтропийной меры развития (H_d) целесообразно поддерживать трансформационные процессы за счет стимулирования инноваций, диверсификации экономики и запуска новых проектов, одновременно внедряя механизмы контроля рисков для минимизации негативных последствий. При низком уровне либо снижении меры самоорганизации (G_R) требуется усиление межведомственной координации, развитие институциональной среды, масштабирование цифровых платформ и поддержка отраслевых ассоциаций. Анализ вектора (H_v, G_R) позволяет дифференцировать управленческие реакции: при одновременном росте H_v и G_R , свидетельствующем об «адаптивном росте», меры должны быть направлены на поддержку и масштабирование сложившихся позитивных тенденций; при росте H_v на

фоне стагнации G_R , что соответствует сценарию «дестабилизации», ключевыми становятся укрепление институтов и повышение координации действий; в ситуации низких и снижающихся значений H_v и G_R , отражающей состояние «застоя», необходимо стимулировать диверсификацию экономической деятельности и развитие конкурентной среды.

Разработанный подход к мониторингу обеспечения экономической безопасности на основе векторной энтропийной модели представляет собой значимый аналитический инструмент, органично дополняющий подход на основе индикативного анализа. Эти подходы не вступают в противоречие, а образуют взаимодополняющую систему оценки. Их совместное применение позволяет сформировать более полную и сбалансированную картину состояния экономической безопасности региона. Индикативный метод ориентирован на оперативную диагностику, он фиксирует отклонения фактических значений показателей от установленных пороговых уровней и тем самым дает четкое представление о текущем состоянии системы «здесь и сейчас», но не учитывает взаимозависимость показателей и их динамику. Векторная энтропийная модель, напротив, отражает структурные сдвиги, адаптационный потенциал и накопленную неопределенность, поэтому может сигнализировать о рисках раньше, чем индикативный индекс выйдет за критические пороговые значения. Наглядным примером взаимодополнения подходов служит сопоставление результатов расчетов по методике Института экономики УрО РАН (Татаркин и др., 2003) для Московской области. В отдельные годы индикативный индекс оставался в пределах «нормальной зоны», не фиксируя критических отклонений. При этом векторная энтропийная модель демонстрировала рост энтропийной меры хаотичности (H_v) при сохранении уровня меры самоорганизации (G_R). Такая динамика интерпретируется как «адаптивный рост», т. е. состояние, которое не является критическим, поскольку находится в пределах пороговых значений, но требует пристального внимания к поддержанию баланса между трансформационными процессами и стабильностью социально-экономической системы. Таким образом, векторная энтропийная модель пред-

ставляет собой перспективный инструмент для мониторинга обеспечения экономической безопасности регионов, позволяющий перейти от реактивного управления рисками к проактивному использованию возможностей в условиях повышенной неопределенности.

Литература

- Абалкин Л.И. (2002). Россия: поиск самоопределения. Очерки. Москва: Наука. 424 с.
- Афонцев С.А. (2002). Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 30–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2002-10-30-39
- Беляевская-Плотник Л.А. (2025). Цифровой «радар» экономической безопасности государства: теория, методика, апробация // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 15. № 6А. С. 119–131. DOI: 10.34670/AR.2025.96.47.012
- Гао Ц. (2025). Китайско-российское сотрудничество на Дальнем Востоке в контексте взаимодействия «открытости на Север» и «поворота на Восток» // Экономика региона. № 21 (3). С. 802–816. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-16
- Гельфанд И.М., Колмогоров А.Н., Яглом А.М. (1958). Количество информации и энтропия для непрерывных распределений: труды III Всесоюзного математического съезда. Т. 3. Москва: АН СССР. С. 300–320.
- Глазьев С.Ю., Локозов В.В. (2012). Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (22) С. 22–41.
- Голованов О.А., Тырсин А.Н. (2025). Итерационное выпуклое оценивание линейных регрессионных моделей в условиях стохастической неоднородности данных // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Физико-математические науки. Т. 29. № 2. С. 294–318. DOI: 10.14498/vsgtu2138
- Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. (2011). Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. Москва: ТЕИС. С. 337.
- Захарова А.П., Соловьёва А.А., Зелинская Д.В. (2025). Структурно-динамический анализ инвестиций в экономику Амурской области // Экономические науки. № 4 (245). С. 498–503. DOI: 10.14451/1.245.498
- Иванов В.В., Какаулина М.О., Цепелев О.А. (2018). Модель расчета предельной налоговой нагрузки региона с учетом реализации крупнейших инвестиционных проектов // Экономика региона. № 14 (1). С. 292–302.
- Клейнер Г.Б. (2016). Системная экономическая политика и системная безопасность России // Научные труды ВЭО России. Т. 199. С. 95–101.
- Климонтович Ю.Л. (2002). Введение в физику открытых систем. Москва: Янус-К. 284 с.
- Лексин В.Н. (2013). «Центр» и «периферия» в государственном управлении: каналы взаимовлияния // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 59–74.
- Лякин А.Н. (2013). Российская экономика после восстановления: временное замедление или новая траектория роста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 4. С. 5–69.
- Мантуров Д.В. (2016). Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000–2009 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 99–116.
- Михалев О.В. (2010). Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 200 с.
- Побываев С.А., Селиванов А.И., Трошин Д.В. (2018). Проблемы применения методологии пороговых значений для определения состояния социально-экономических систем // Мир новой экономики. № 2. С. 90–97. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-2-90-97
- Сенчагов В.К. (2008) Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. № 3. С. 28–39.
- Серебренников С.С., Моргунов Е.В., Мамаев С.М., Шерварли И.А. (2018). О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 41. С. 20–28.

- Смирнов С.Н. (2016). Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. Социология. Этнология. № 3. С. 6–36.
- Татаркин А.И., Берсенев В.Л. (2016). Крутой разворот к рынку. Экономическая реформа в России (1992–1998 гг.) и ее последствия // Экономика региона. № 2. С. 325–341. DOI: 10.17059/2016-2-1
- Татаркин А.И., Куклин А.А. (2012). Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. № 2. С. 25–39.
- Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А. (2003). Экономическая безопасность Свердловской области. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 450 с.
- Татаркин А.И., Романова О.А., Куклин А.А., Яковлев В.И. (1996) Экономическая безопасность как объект регионального исследования // Вопросы экономики. № 6. С. 78–89.
- Татаркин А.И., Татаркин Д.А. (2010а). Теория экономических кризисов в программах антикризисных мер: уроки обучения рыночному поведению // Финансы и кредит. № 39. С. 2–15.
- Татаркин А.И., Татаркин Д.А. (2010б). Финансовый кризис как индикатор накопившихся проблем в реальном секторе экономики // Вестник Челябинского государственного университета. № 2. С. 5–14.
- Тырсин А.Н. (2022). Энтропийное моделирование сетевых структур // Автоматика и телемеханика. № 10. С. 144–155. DOI: 10.31857/S0005231022100130
- Феофилова Т.Ю., Радугин Е.В. (2024). Экономическая устойчивость и экономическая безопасность: теория и практика обеспечения: Семнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Ч. 1. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет. С. 202–207. DOI: 10.24412/cl-37233-2024-202-207.
- Цейковец Н.В. (2016). Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (29). С. 129–157.
- Ayyub B.M. (2014). Systems resilience for multihazard environments: Definition, metrics, and valuation for decision making. *Risk Analysis*, 34(2), 340–355. DOI: 10.1111/risa.12093
- Behrendorf J., Broggi M., Beer M. (2019). Reliability analysis of networks interconnected with copulas. *ASCE-ASME. Journal of Risk and Uncertainty in Engineering Systems, Part B Mechanical Engineering*, 5, 041006-9. DOI: 10.1115/1.4044043
- Clarke B. (2018). *Robustness Theory and Application*. Hoboken: Wiley. DOI: 10.1002/9781118669471
- Dewick P.R., Shuangzhe L. (2022). Copula modelling to analyse financial data. *Journal of Risk and Financial Management*, 15(3), 104. DOI: 10.3390/jrfm15030104
- Haken H. (2006). *Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems*. 3rd ed. Berlin: Springer. DOI: 10.1007/3-540-33023-2
- Ishii Y., Hayakawa K., Koide S., Chikaraishi M. (2022). Entropy Tucker Model: Mining latent mobility patterns with simultaneous estimation of travel impedance parameters. *Transportation Research. Part C: Emerging Technologies*, 137, 103559. DOI: 10.1016/j.trc.2022.103559
- Jakimowicz A. (2020). The role of entropy in the development of economics. *Entropy*, 22, 452. DOI: 10.3390/e22040452
- Ji H., Solheid J., Gu J. (2023). A comparison between stochastic and deterministic models of a biological oscillator. *The PUMP Journal of Undergraduate Research*, 6, 280–300. DOI: 10.46787/pump.v6i0.3566
- Li H., Wang P., Huang X. et al. (2021). Vine copula-based parametric sensitivity analysis of failure probability-based importance measure in the presence of multidimensional dependencies. *Reliability Engineering & System Safety*, 215(3), 107898. DOI: 10.1016/j.ress.2021.107898
- Musso F. (2019). Multidimensional and interdisciplinary approach for behavioral economics. *International Journal of Economic Behavior*, 9(1), 1–2. DOI: 10.14276/2285-0430.2284
- Prigogine I. (1967). *Introduction to Thermodynamics of Irreversible Processes*. 3rd ed. New York: Interscience Publishers.
- Purvis B., Mao Y., Robinson D. (2019). Entropy and its application to urban systems. *Entropy*, 21(1), 56. DOI: 10.3390/e21010056
- Shannon C.E. (1948). A mathematical theory of communication. *The Bell System Technical Journal*, 27, 379–423, 623–656.

- Vizjak K., Pavić L. (2025). The multidimensionality of the collaborative economy in the light of the constitutional relations between the EU and the member states. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 9(1), 10088. DOI: 10.24294/jipd10088
- Zhechev V. (2024). A dive into the marketing trends of 2024: Insights to unlocking potential. *Business & Management Compass. University of Economics – Varna*, 68(1), 54–65. DOI:10.56065/p9rsad98

Сведения об авторах

Елена Витальевна Васильева — доктор экономических наук, руководитель центра, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Александр Николаевич Тырсин — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: tyrsin.an@uiec.ru)

Vasilyeva E.V., Tyrsin A.N.

Current Issues in the Development of a Regional Economic Security Monitoring System

Abstract. The article addresses issues of economic security in Russia's regions. The relevance of the study stems from the need to transform the country's existing economic security framework in light of the considerable disparities among the constituent entities of the Russian Federation. The aim of the work is to develop an approach to monitoring regional economic security based on a vector entropy model. The research identifies three fundamental properties of a socio-economic system — stability, resilience, and progressive development — to be used in the comprehensive monitoring of a territory's economic security. The paper presents a vector entropy model that decomposes the total entropy of the system into components: measures of disorder, self-organization, development, and stability, along with the results of testing the model on Rosstat data for Russia as a whole and for five constituent entities (Moscow, Moscow Region, Sverdlovsk Region, Vladimir Region, and Amur Region) covering the period 1992–2024. The monitoring results reveal regional differentiation in the resilience and adaptability of socio-economic systems. An analysis of the entropy-monitoring findings shows that, in the current period (since the early 2020s), the economic security of Russia's regions is only partially assured. The mounting number of new challenges and threats exposes the limitations of the existing adaptation mechanisms. The observed rise in the system's disorder, without a commensurate rise in self-organization, indicates that its short-term adaptive capacity is exhausted. The system's dynamism comes at the price of greater vulnerability, as reflected by declining stability amid growing development. The conclusions underscore the need for a differentiated approach to ensuring economic security that takes regional specificities into account. The proposed model can serve as a tool for adjusting strategic directions, prioritizing government support measures, and building adaptive mechanisms to respond to emerging challenges.

Key words: economic security, vector entropy model, stability, resilience, progressive development.

Information about the Authors

Elena V. Vasilyeva — Doctor of Sciences (Economics), head of center, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Alexander N. Tyrsin — Doctor of Sciences (Engineering), Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tyrsin.an@uiec.ru)

Статья поступила 09.04.2026

Межбюджетное выравнивание в России: оценка эффективности и проблемы снижения межрегиональной дифференциации

**Татьяна Владимировна
СУМСКАЯ**

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: t.v.sumskaya-2004@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9758-8223; ResearcherID: AАН-5025-2021

Аннотация. Усиление межрегиональной дифференциации и рост зависимости значительной части субъектов Российской Федерации от федеральной финансовой помощи актуализируют проблему оценки эффективности действующей системы межбюджетного выравнивания. Цель исследования состоит в выявлении влияния межбюджетных трансфертов на уровень бюджетной обеспеченности российских регионов и степень межрегиональной асимметрии. В работе проведена комплексная оценка эффективности трансфертного механизма за 2012–2024 гг. Выделение трех качественно различных этапов: докризисного, пандемийного и последующего – позволило проследить эволюцию выравнивающего эффекта в условиях меняющейся макроэкономической конъюнктуры. Информационную базу составили данные Федерального казначейства Российской Федерации об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ. Использованы методы статистической группировки, коэффициенты вариации и асимметрии, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и регрессионный анализ. Установлено, что межбюджетные трансферты обеспечивают сглаживание межрегиональной дифференциации бюджетных доходов (коэффициент вариации снижается в 1,5–1,7 раза), но не приводят к устойчивому сокращению разрыва между наиболее и наименее обеспеченными регионами (коэффициент фондов по совокупным доходам сохраняется на уровне 2,4–3,0 раза). Выявлено, что в 2020 году произошло временное ослабление зависимости между собственными доходами субъектов РФ и объемами федеральной финансовой помощи (коэффициент Спирмена снизился до 0,58), обусловленное

Для цитирования: Сумская Т.В. (2026). Межбюджетное выравнивание в России: оценка эффективности и проблемы снижения межрегиональной дифференциации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 136–155. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.8

For citation: Sumskaya T.V. (2026). Intergovernmental equalization in Russia: Assessing efficiency and the issues of reducing interregional disparities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 136–155. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.8

расширением антикризисной поддержки в период пандемии. Доказано сохранение устойчивой межрегиональной иерархии бюджетной обеспеченности после перераспределения трансфертов (коэффициент Спирмена $> 0,7$ в большинстве лет изучаемого периода), что свидетельствует о консервации сложившихся диспропорций. Полученные результаты говорят о высокой чувствительности действующей модели межбюджетного регулирования к внешним шокам при ограниченности ее долгосрочного выравнивающего эффекта: система эффективна в тактическом аспекте — сглаживании последствий кризисов, но остается ограниченно эффективной в стратегическом — обеспечении долгосрочной конвергенции регионов. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов при совершенствовании механизмов межбюджетного регулирования и разработке мер по снижению межрегиональной дифференциации.

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, бюджетная обеспеченность, региональные бюджеты, межрегиональная дифференциация, эффективность межбюджетного регулирования, коэффициент Спирмена, пандемия COVID-19.

Благодарность

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Модели и методы исследования социально-экономического развития многоуровневой пространственной системы Российской Федерации в современных условиях», № 126021116963-8.

Введение

Высокая степень межрегиональной социально-экономической дифференциации остается одной из ключевых характеристик пространственного развития Российской Федерации. Существенные различия субъектов РФ по уровню экономической активности, обеспеченности природными ресурсами, инвестиционному потенциалу и демографическим параметрам предопределяют значительную асимметрию их налоговой базы и бюджетной обеспеченности. Как отмечается в исследованиях А.Г. Аганбегяна и Е.В. Баклаевой, пространственная неоднородность российской экономики проявляется не только в различиях экономических показателей, но и в неравномерности доступа населения к общественным благам и инфраструктурным возможностям (Аганбегян, 2019; Баклаева, 2017). В этих условиях система межбюджетного регулирования приобретает стратегическое значение как механизм поддержания финансовой устойчивости субъектов Федерации и сглаживания межтерриториальных диспропорций.

Принципиально важным для оценки эффективности межбюджетного регулирования является разграничение понятий «выравнивание» и «сглаживание» межрегиональных различий. В законодательстве Российской Федерации, как и во многих зарубежных странах, межбюджетные трансферты нацелены не на полное

устранение различий между регионами, что объективно невозможно в условиях столь значительной пространственной неоднородности, а на сокращение чрезмерной дифференциации бюджетной обеспеченности. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, несмотря на свое название, фактически выполняют функцию сглаживания межрегиональных диспропорций, а не их полной ликвидации. В настоящем исследовании под эффективностью межбюджетного выравнивания понимается способность системы межбюджетных трансфертов обеспечивать устойчивое сокращение межрегиональных различий в уровне бюджетной обеспеченности при сохранении стимулов регионов к развитию собственной доходной базы.

Проблематика межбюджетного выравнивания является одной из наиболее дискуссионных в современной теории фискального федерализма. Большинство стран сталкивается с необходимостью поиска баланса между справедливостью распределения бюджетных ресурсов и сохранением стимулов территорий к развитию собственной доходной базы (Levaggi, 2002; Dougherty, Mota, 2024). Теоретические основы подобных подходов восходят к концепциям фискальной конкуренции и финансовой автономии субнациональных образований, разрабо-

танном Ч. Тибу (Tiebout, 1956) и получившим дальнейшее развитие в исследованиях публичных финансов¹ (Kollman et al., 1997; Hueglin, Fenna, 2006). В рамках данных подходов способность региона самостоятельно формировать доходную базу рассматривается как важнейшее условие устойчивого территориального развития. Исследование Е. Журавской показывает, что институциональная организация межбюджетных отношений влияет на поведение региональных властей, в том числе на их заинтересованность в расширении собственной налоговой базы (Zhuravskaya, 2010).

Зарубежная практика свидетельствует о разнообразии подходов к межбюджетному регулированию. В Германии система финансового выравнивания направлена прежде всего на сокращение различий между землями в уровне предоставления публичных услуг. После реформы 2020 года роль федерального центра в перераспределении ресурсов усилилась, при этом сохраняются требования к эффективности расходов и финансовой ответственности регионов² (Leonardy, 1999).

Американская модель отличается большей автономией штатов в налоговой сфере. Выравнивание осуществляется преимущественно через целевые программы федеральной поддержки, что способствует развитию региональной конкуренции, но одновременно усиливает различия в финансовых возможностях территорий. Опыт пандемии показал уязвимость менее обеспеченных штатов, которым потребовалась дополнительная помощь федерального бюджета (Gamkhar, 2002; Frieden, 2024; Dougherty et al., 2024).

Канадская система сочетает высокую самостоятельность провинций с развитым механизмом выравнивающих трансфертов, основанных на оценке налогового потенциала. Вместе с тем такой подход критикуется за возможное ослабление стимулов к развитию собственной доходной базы территорий (Béland et al., 2017).

Индийский опыт показывает необходимость учета не только финансовых, но и демографических, инфраструктурных различий между регионами. Распределение трансфертов осуществляется через Финансовую комиссию, при этом используются как выравнивающие инструменты, так и механизмы поддержки регионов, ориентированные на повышение результативности управления (Chakraborty, 2026; Malik et al., 2025).

Сопоставление опыта различных федеративных государств показывает, что результативность межбюджетного регулирования определяется не только объемами перераспределяемых ресурсов, но и тем, насколько система формирует стимулы для развития территорий. Практика Германии, США, Канады и Индии демонстрирует различные варианты сочетания этих задач: механизмы выравнивания позволяют снижать различия в бюджетных возможностях регионов, однако их долгосрочный эффект зависит от учета факторов, влияющих на расширение собственной доходной базы территорий. При этом международный опыт свидетельствует о том, что в периоды кризисов большинство федеративных государств усиливает роль центра в перераспределении финансовых ресурсов, после чего происходит адаптация механизмов регулирования к новым условиям. Важным элементом современных систем становится также учет результатов деятельности региональных властей при предоставлении отдельных видов поддержки, что позволяет сочетать компенсационную и стимулирующую функции трансфертов. Для российской практики особое значение имеет необходимость поиска баланса между задачами бюджетного выравнивания и формированием условий для экономического развития регионов. Опыт зарубежных стран показывает, что устойчивость межбюджетной системы требует регулярной корректировки ее параметров с учетом структурных изменений экономики и различий в потенциале территорий.

¹ Nemec J., Wright G. (Eds). (1997). Public Finance: Theory and Practice in Central European Transition. NKP Acee. Bratislava. 458 p. Available at: <https://www.nispa.org/files/publications/ebooks/Public-Finance-Theory-and-Practice.pdf>; Wallack J.S., Spinivasan T.N. (Eds). (2006). Federalism and Economic Reform: International Perspectives. Cambridge University Press. 528 p. Available at: http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/FEDERALISM%20Federalism%20and%20Economic%20Reform,%20International%20Perspectives.pdf

² Financial relations between the Federation and Länder on the basis of constitutional financial provisions. Federal Ministry of Finance. 2025. Available at https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Press_Room/Publications/Brochures/financial-realations-federation-2025.pdf?__blob=publicationFile&v=2

В отечественной научной литературе проблематика межбюджетных отношений рассматривается преимущественно в контексте оценки финансовой самостоятельности субъектов Федерации, анализа последствий бюджетной централизации и исследования эффективности механизмов распределения межбюджетных трансфертов (Акиндинова и др., 2018; Балаев, 2018; Печенская-Полищук, 2023). В работе А.Г. Бухвальда подчеркивается, что современная модель российского бюджетного федерализма характеризуется высоким уровнем централизации финансовых ресурсов и усилением зависимости значительной части регионов от федеральной помощи (Бухвальд, 2022). Схожие выводы представлены в исследовании Н.В. Головановой и Е.А. Домбровского (Голованова, Домбровский, 2016). Ряд исследователей акцентирует внимание на неоднозначности влияния межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики (Михайлова и др., 2018; Чернышова, 2016).

Отдельное направление исследований связано с анализом бюджетной дифференциации российских регионов. Так, М.Ю. Малкина рассматривает процессы конвергенции и дивергенции субъектов РФ по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла-Бернулли и приходит к выводу о сохранении устойчивой межрегиональной неоднородности (Малкина, 2016). Многие исследователи подчеркивают, что налогово-бюджетная дифференциация регионов России остается значительной даже в условиях активного межбюджетного перераспределения (Богачева, Смородинов, 2019; Зубаревич, Сафронов, 2023). В работе А.М. Калинина особое внимание уделяется структуре доходов региональных бюджетов и проблеме стимулов к наращиванию собственной доходной базы (Калинин, 2021).

В исследованиях последних лет все более заметное место занимает анализ влияния кризисных шоков на трансформацию межбюджетной политики. Пандемия коронавирусной инфекции потребовала масштабного расширения федеральной поддержки субъектов Федерации и привела к существенному изменению параметров межбюджетного регулирования. Как отмечают И.В. Караваева и соавторы, усиление

роли федерального бюджета в период кризиса стало одним из ключевых факторов поддержания экономической устойчивости страны (Караваева и др., 2021). Вместе с тем увеличение объемов федеральной поддержки само по себе не обеспечило устойчивого сокращения различий между регионами (Башенков и др., 2022). Исследования постпандемийного периода показывают, что трансферты выполняют двойственную функцию: они позволяют снижать бюджетные риски и поддерживать устойчивость регионов, однако одновременно усиливают зависимость отдельных территорий от решений федерального уровня (Букина, 2022; Тимушев, Михайлова, 2023; Мохнаткина, 2023). В связи с этим сохраняется дискуссия о том, насколько действующая модель межбюджетного регулирования способствует не только выравниванию бюджетной обеспеченности, но и развитию собственной доходной базы субъектов РФ.

Значительный интерес представляют исследования, посвященные совершенствованию федеральной политики выравнивания доходов региональных бюджетов. В.Н. Тимушев анализирует основные направления совершенствования механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, обосновывая необходимость повышения эффективности межбюджетного регулирования с учетом особенностей социально-экономического развития регионов. Автор акцентирует внимание на проблеме сохранения стимулов регионов к наращиванию собственной доходной базы в условиях перераспределения финансовых ресурсов через систему межбюджетных трансфертов (Тимушев, 2025). Роль дотаций на выравнивание в изменении регионального бюджетного неравенства анализируется Д.Ю. Землянским и соавторами, которые отмечают устойчивость состава регионов-получателей наибольших объемов дотаций (Землянский и др., 2024). Актуальные подходы к межбюджетному регулированию и оказанию финансовой поддержки субъектам РФ в плановом периоде рассматриваются в работах С.И. Шабельниковой, позволяя оценить современные тенденции в трансфертной политике (Шабельникова, 2024; Шабельникова, 2025). Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития

представлена И.А. Антипиным с соавторами, подтверждающими сохранение значительных различий между субъектами РФ (Антипин и др., 2025).

Несмотря на значительное число исследований в области межбюджетных отношений, ряд вопросов остается дискуссионным. В частности, недостаточно изучена долгосрочная эффективность российской системы выравнивания и ее влияние на устойчивость различий между регионами. Большинство работ посвящено отдельным инструментам трансфертной политики или отдельным периодам, что ограничивает возможности оценки ее долгосрочных последствий. Кроме того, требует дополнительного анализа не только изменение уровня бюджетной обеспеченности регионов, но и сохранение различий в их финансовом положении после перераспределения ресурсов. Недостаточно исследован вопрос о том, в какой степени действующая система межбюджетного регулирования обеспечивает долгосрочную конвергенцию субъектов РФ, а не только временное сглаживание последствий внешних шоков.

В связи с этим целью настоящего исследования является оценка результативности межбюджетных трансфертов как инструмента сокращения межрегиональной дифференциации бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в 2012–2024 гг. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- 1) проведен анализ динамики и структуры бюджетных доходов регионов России за исследуемый период с выделением трех этапов: докризисного (2012–2019 гг.), пандемийного (2020–2021 гг.) и постпандемийного (2022–2024 гг.);
- 2) дана количественная оценка степени межрегиональной дифференциации налоговых и неналоговых доходов, а также совокупных доходов с учетом трансфертов с использованием коэффициентов вариации, асимметрии и фондов;
- 3) выполнена оценка устойчивости межрегиональной иерархии бюджетной обеспеченности с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена;
- 4) выявлена направленность федеральной трансфертной политики с помощью регрессионного анализа;

- 5) сформулированы рекомендации по совершенствованию механизмов межбюджетного регулирования.

Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей изменения выравнивающей роли межбюджетных трансфертов в России в период 2012–2024 гг., включающий докризисный, пандемийный и постпандемийный этапы. В отличие от подходов, ориентированных преимущественно на оценку масштабов перераспределения средств, в работе рассматривается, как трансферты влияют на сохранение межрегиональной иерархии бюджетной обеспеченности. На основе анализа динамики доходов регионов и применения показателей вариации, коэффициента фондов и ранговой корреляции Спирмена показано, что федеральная финансовая поддержка снижает различия между территориями, однако не приводит к существенному изменению относительного положения регионов в системе бюджетных возможностей. Это позволило обосновать необходимость сочетания выравнивающих механизмов с инструментами, направленными на развитие собственной доходной базы субъектов РФ.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Информационную основу исследования составили данные официального сайта Федерального казначейства Российской Федерации об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2012–2024 гг. В работе анализируются три вида бюджетных доходов в расчете на душу населения: налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные поступления из федерального бюджета и совокупные доходы региональных бюджетов. Для обеспечения сопоставимости все стоимостные показатели приведены к фиксированным ценам 2012 года и скорректированы на индекс бюджетных расходов. Методика исследования включает четыре последовательных этапа.

На первом этапе проведен анализ динамики и структуры бюджетных доходов регионов с использованием метода статистической группировки по интервальным категориям душевых доходов (шаг 20 тыс. руб.). Это позволяет выявить структурные сдвиги в распределении регионов под воздействием макроэкономических шоков и трансформации межбюджетной политики.

На втором этапе дана количественная оценка межрегиональной неоднородности. Рассчитаны средние значения, размах асимметрии, коэффициенты вариации и фондов. Анализ проведен как для налоговых и неналоговых, так и для совокупных доходов, что позволило оценить сглаживающий эффект трансфертов.

На третьем этапе проведена оценка устойчивости межрегиональной иерархии бюджетной обеспеченности с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена:

$$\rho = 1 - \frac{6 \cdot \sum d^2}{n \cdot (n^2 - 1)},$$

где d — разность рангов региона по собственным и совокупным доходам,
 n — число субъектов РФ.

Выбор непараметрического метода обусловлен асимметрией распределения региональных доходов и необходимостью оценки не абсолютных изменений, а изменения относительного положения регионов. Значения коэффициента, близкие к 1, свидетельствуют о сохранении иерархии после распределения трансфертов.

На четвертом этапе дана оценка направленности федеральной трансфертной политики с помощью регрессионной модели зависимости логарифма душевых безвозмездных поступлений ($\ln T$) от логарифма душевых налоговых и неналоговых доходов ($\ln R$):

$$\ln T_i = \alpha + \beta \cdot \ln R_i + \varepsilon_i.$$

Применение логарифмов дает возможность трактовать коэффициент β как показатель эластичности, то есть меру реакции объема межбюджетных трансфертов на изменение собственных доходов субъектов РФ. Если коэффициент принимает отрицательное значение, это говорит о выравнивающем характере бюджетной политики: больше помощи направляется в регионы с меньшими налоговыми и неналоговыми доходами. Положительная величина β , напротив, указывает на то, что средства концентрируются в более обеспеченных субъектах. Оценка модели проводилась для каждого года в отдельности с помощью метода наименьших квадратов, что позволило отследить динамику межбюджетных отношений во времени.

Таким образом, последовательное применение методов группировки, оценки вариации, ранговой корреляции и регрессионного анализа дает возможность рассмотреть различные стороны функционирования системы бюджетного выравнивания: изменение структуры доходов, степень межрегиональной неоднородности, устойчивость финансовой иерархии и направленность перераспределительных процессов. При интерпретации результатов необходимо учитывать ограничения исследования. Используемые методы позволяют выявлять статистические зависимости, но не подтверждают причинно-следственные связи. Кроме того, анализ проводится без разделения трансфертов по отдельным видам, хотя дотации, субсидии и субвенции имеют различное назначение. Дотации направлены на выравнивание текущей бюджетной обеспеченности, субсидии — на софинансирование расходов, субвенции — на финансирование делегированных полномочий. Каждый из этих инструментов по-разному влияет на финансовое положение регионов, и их агрегированный анализ может сглаживать специфику воздействия. В частности, субвенции, жестко привязанные к переданным полномочиям, в меньшей степени зависят от уровня собственных доходов региона, что может искажать общую картину выравнивающего эффекта.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика бюджетных доходов регионов России: анализ тенденций

Распределение региональных бюджетов по уровню совокупных бюджетных доходов на душу населения представлено в *таблице 1*. Графическая интерпретация распределения субъектов Российской Федерации по величине суммарных бюджетных доходов на душу населения по итогам 2024 года представлена на *рисунке 1* (регионы для наглядности расположены по убыванию доходов).

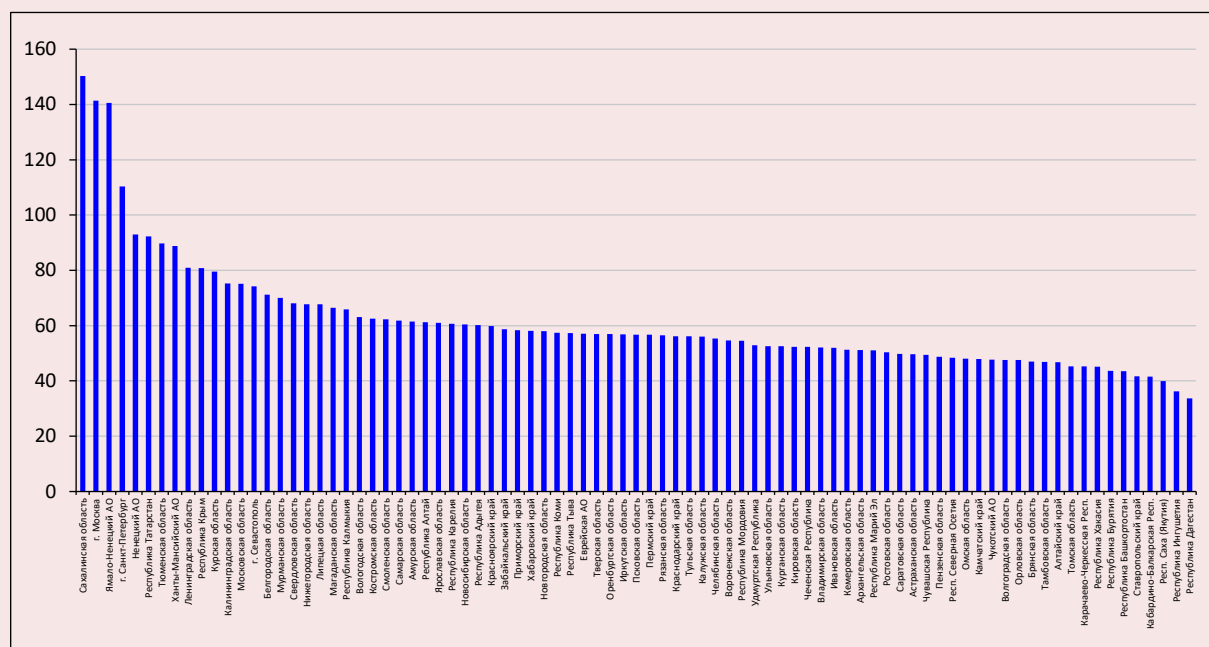
Проведенный анализ выявил ряд устойчивых тенденций в динамике бюджетной обеспеченности субъектов РФ. В докризисный период (2012–2019 гг.) наблюдалось постепенное сокращение числа регионов, относящихся к группе со среднедушевыми совокупными доходами 50–70 тыс. руб.: с 12 в 2012 году до 8 в 2016–2018 гг., с последующим увеличением до 15 в

Таблица 1. Группировка субъектов Российской Федерации в зависимости от объема суммарных бюджетных поступлений в расчете на одного жителя, количество регионов

Доход, тыс. руб.	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
от 10 до 30	1	0	2	6	6	4	0	0	0	0	0	0	0
от 30 до 50	61	63	64	67	65	66	67	60	39	24	27	24	23
от 50 до 70	12	14	10	5	8	8	8	15	36	47	45	47	46
от 70 до 90	5	2	5	5	4	5	5	4	5	8	8	7	10
от 90 до 110	2	3	2	1	1	1	4	3	3	3	1	4	2
от 110 до 130	0	1	2	0	1	1	0	1	1	2	1	0	1
более 130	2	0	0	1	0	0	1	2	1	1	3	3	3

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Рис. 1. Распределение регионов по величине совокупных доходов бюджета в 2024 году

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

2019 году. В группе с доходами 30–50 тыс. руб. в этот период находилось абсолютное большинство субъектов РФ (от 60 до 67). Таким образом, докризисный период характеризовался концентрацией основной массы регионов в низшей доходной группе.

В пандемийный период (2020–2021 гг.) произошли наиболее заметные структурные сдвиги. Число регионов в группе с доходами 50–70 тыс. руб. резко возросло — с 15 в 2019 году до 36 в 2020 году и 47 в 2021 году. Одновременно суще-

ственно сократилась численность регионов с доходами 30–50 тыс. руб. на душу населения — с 60 в 2019 году до 39 в 2020 году и 24 в 2021 году. Данные изменения совпадают с резким увеличением объемов федеральной финансовой помощи в указанные годы (см. табл. 5), что позволяет связать структурные сдвиги с расширением антикризисной поддержки регионов.

В постпандемийный период (2022–2024 гг.) сложившаяся структура в целом сохранилась: число регионов в группе со среднедушевыми

доходами 50–70 тыс. руб. стабилизировалось на уровне 45–47, а в группе 30–50 тыс. руб. – на уровне 23–27 субъектов. К 2024 году число регионов в группе 50–70 тыс. руб. достигло 46, что более чем в три раза превышает показатель 2019 года (15 регионов). Это свидетельствует о смещении основной массы субъектов РФ в группы с более высоким уровнем бюджетной обеспеченности, однако данный сдвиг произошел преимущественно в пандемийный период и в дальнейшем не усиливался.

Минимальные значения душевых доходов консолидированных бюджетов на протяжении большей части исследуемого периода были характерны преимущественно для субъектов РФ с ограниченной собственной доходной базой, высокой зависимостью от федеральной финансовой помощи и относительно низким уровнем экономической активности. В данную группу входили отдельные республики Северо-Кавказского федерального округа, часть аграрно-ориентированных регионов, а также территории с ограниченным промышленным и инвестиционным потенциалом.

В то же время число регионов с наиболее высоким уровнем совокупных доходов (свыше 70 тыс. руб. на человека) на протяжении рассматриваемого периода оставалось сравнительно ограниченным, несмотря на постепенное увеличение их численности к концу исследуемого периода. Данная группа формировалась преимущественно за счет финансово устойчивых субъектов РФ с высокой концентрацией сырьевого сектора, развитой промышленной базой и значительным налоговым потенциалом.

В отличие от совокупных доходов, включающих межбюджетные трансферты, налоговые и неналоговые доходы отражают возможности регионов самостоятельно формировать финансовые ресурсы, поэтому данный показатель в большей степени связан с особенностями экономики территории, ее отраслевой структурой и масштабом налоговой базы.

Распределение регионов по величине собственных доходов постепенно смещалось в сторону более высоких значений (табл. 2). Если в 2012–2017 гг. большинство субъектов РФ находилось в интервале 10–30 тыс. руб. на человека, то в последующие годы основной диапазон переместился в группу 30–50 тыс. руб. В 2022–2024 гг. эта тенденция сохранилась: число регионов с уровнем среднечеловеческих доходов 30–50 тыс. руб. выросло с 38 до 43, а в диапазоне 50–70 тыс. руб. – с 11 до 20.

Несмотря на общий рост показателя, различия между субъектами РФ оставались значительными. Высокий уровень собственных доходов сохранялся преимущественно в регионах с развитым промышленным производством, добывающим сектором и высокой концентрацией экономической активности. Одновременно состав регионов с минимальными значениями показателя изменялся незначительно, что указывает на устойчивость различий в налоговом потенциале территорий.

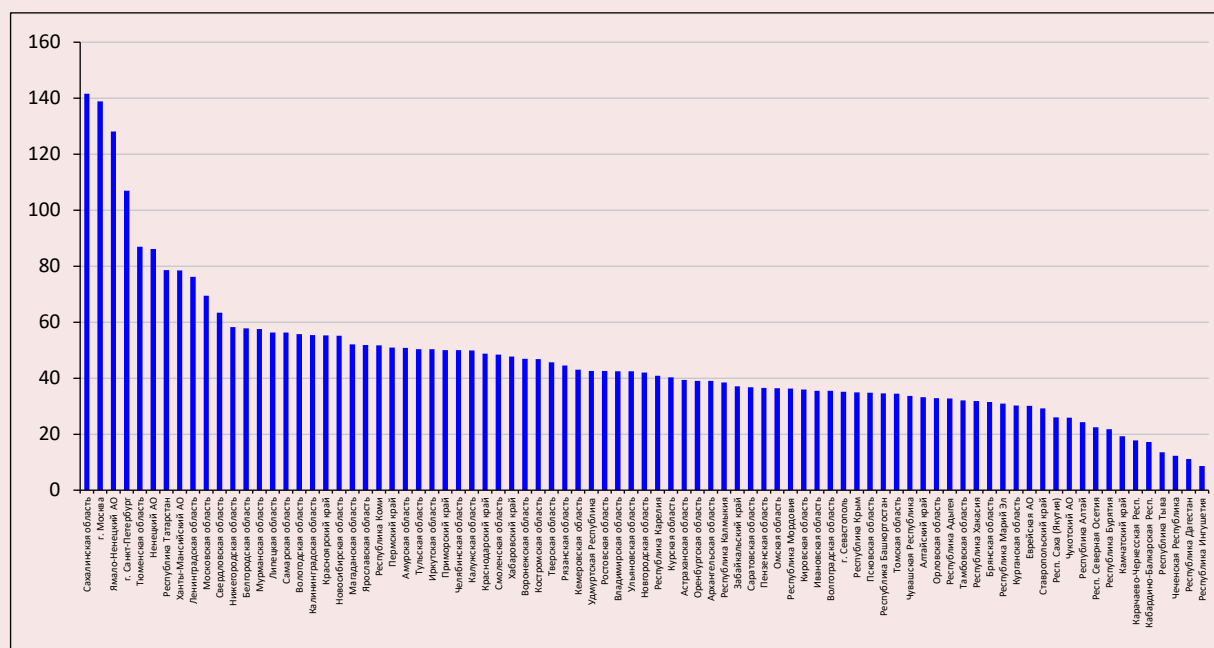
Сохраняющаяся неоднородность собственных доходов определяет необходимость использования межбюджетных трансфертов как инструмента компенсации различий в финансовых возможностях регионов (рис. 2).

Таблица 2. Группировка субъектов Российской Федерации в зависимости от объема налоговых и неналоговых бюджетных поступлений в расчете на одного жителя, количество регионов

Доход, тыс. руб.	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
менее 10	3	3	5	5	5	5	3	3	3	2	1	1	1
от 10 до 30	37	36	42	50	46	41	35	36	37	30	29	15	12
от 30 до 50	33	35	29	21	26	29	37	36	35	35	38	45	43
от 50 до 70	5	4	3	3	4	5	3	3	6	12	11	16	20
от 70 до 90	3	4	3	4	2	4	4	3	1	1	2	3	5
от 90 до 110	0	0	2	1	1	0	2	2	2	3	0	2	1
от 110 до 130	2	1	1	0	1	1	1	1	0	1	2	1	1
более 130		0	0	1	0	0	0	1	1	1	2	2	2

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Рис. 2. Распределение регионов по величине налоговых и неналоговых доходов бюджетов в 2024 году

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Изменение объемов безвозмездных поступлений (табл. 3) отражает влияние кризисных периодов на масштабы перераспределения ресурсов. До 2019 года для большинства субъектов РФ были характерны трансферты менее 10 тыс. руб. на душу населения. В 2020 году ситуация существенно изменилась: число регионов с объемом помощи менее 10 тыс. руб. сократилось с 30 до 7, тогда как число субъектов с трансфертами свыше 30 тыс. руб. увеличилось с 8 до 15. В дальнейшем объемы поддержки постепенно снижались, и к 2024 году число регионов с трансфертами менее 10 тыс. руб. на человека достигло 27.

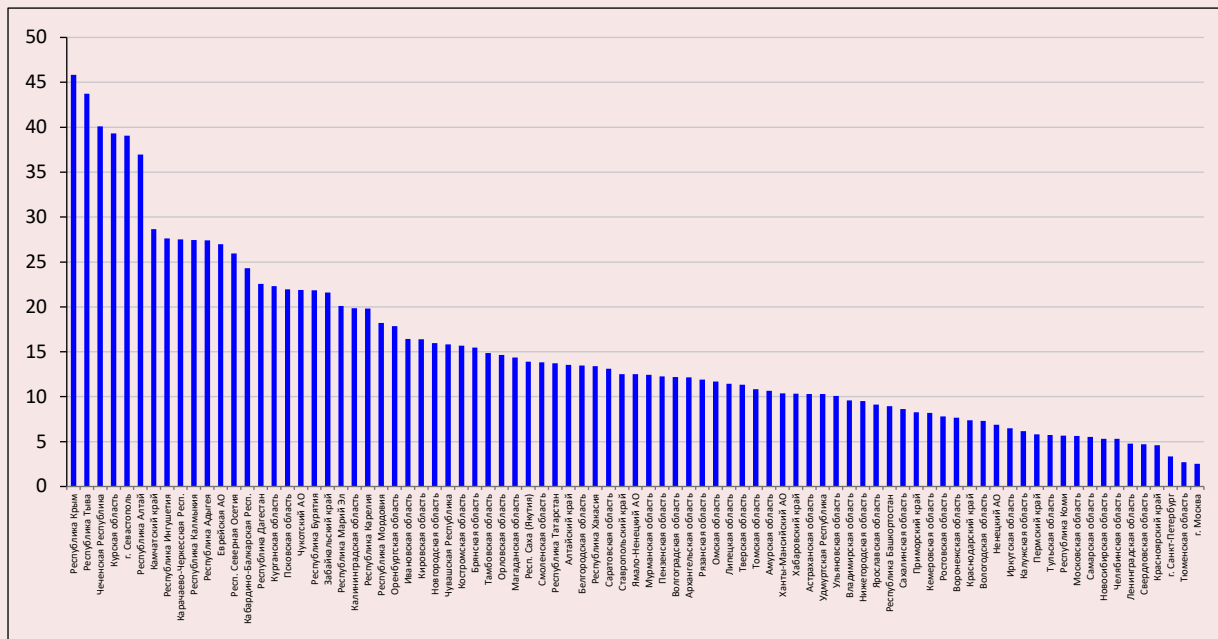
Максимальные объемы федеральной помощи получали регионы с ограниченными возможностями формирования собственных доходов, повышенной социальной нагрузкой и значительными расходными обязательствами. К этой группе относились преимущественно отдельные республики Северного Кавказа, национальные республики и территории со сложными природно-климатическими условиями. При этом состав регионов — основных получателей трансфертов — на протяжении периода существенно не менялся. Минимальные объемы поддержки были характерны для субъектов с более развитой экономической базой и высоким налоговым потенциалом (рис. 3).

Таблица 3. Группировка субъектов Российской Федерации в зависимости от объема безвозмездных поступлений в расчете на одного жителя, количество регионов

Доходы, тыс. руб.	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
менее 10	30	41	46	52	55	51	42	30	7	11	11	19	27
от 10 до 30	49	37	34	29	26	29	38	47	63	64	62	58	52
от 30 до 50	2	5	3	4	4	4	2	6	11	8	10	6	6
от 50 до 70	2	0	2	0	0	1	3	2	4	2	2	2	0

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Рис. 3. Распределение регионов по величине безвозмездных поступлений в 2024 году

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Полученные результаты показывают, что система межбюджетного перераспределения в значительной степени ориентирована на поддержку регионов с ограниченным налоговым потенциалом и высокой потребностью в бюджетном выравнивании. Вместе с тем устойчивое сохранение значительных различий в объемах федеральной финансовой помощи и стабильность состава регионов-получателей наибольших объемов трансфертов свидетельствуют о высокой степени неоднородности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и консервации сложившихся диспропорций.

При анализе межбюджетного регулирования необходимо учитывать, что выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ осуществляется не только через прямые межбюджетные трансферты, но и посредством перераспределения отдельных федеральных налоговых доходов. Так, часть поступлений от акцизов на алкогольную продукцию и нефтепродукты распределяется между регионами по установленным нормативам и фактически выполняет функции межбюджетных трансфертов.

Дополнительное влияние на межрегиональное перераспределение оказало изменение пропорций зачисления налога на прибыль организаций с 2017 года, сопровождавшееся сокращением региональной части ставки на 1 п. п. и последующим направлением соответствующих средств на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. Данная мера способствовала сокращению межрегиональных различий по уровню бюджетных доходов, однако одновременно усилила зависимость части регионов от федерального перераспределения и сократила объем собственных доходных источников отдельных субъектов РФ.

Таким образом, трансформация механизмов распределения доходных источников между уровнями бюджетной системы свидетельствует об усилении роли федерального центра в регулировании межрегиональных финансовых потоков и формировании параметров бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. При этом, как показывают приведенные данные, изменения в нормативной базе не привели к существенной трансформации межрегиональной структуры бюджетной обеспе-

ченности: состав регионов с наиболее низкими и наиболее высокими доходами оставался стабильным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Межбюджетные трансферты как инструмент уменьшения асимметрии в бюджетной обеспеченности российских регионов

Для оценки результативности межбюджетного выравнивания необходимо сопоставить степень межрегиональной дифференциации бюджетных доходов до и после распределения межбюджетных трансфертов. С этой целью в *таблице 4* представлены статистические показатели налоговых и неналоговых, а также совокупных доходов бюджетов субъектов РФ в расчете на душу населения.

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что межрегиональная дифференциация бюджетных доходов сохранялась на протяжении всего периода наблюдений, однако ее масштаб существенно различается для показателей до и после перечисления трансфертов.

В докризисный период (2012–2019 гг.) коэффициент вариации по налоговым и неналоговым доходам колебался от 54,0 до 70,1%, достигнув

максимума в 2015 году (70,1%). По совокупным доходам этот показатель был заметно ниже — в диапазоне 33,2–45,7%. Размах асимметрии по собственным доходам достигал 23,9 раза (в 2015 году), тогда как по совокупным доходам не превышал 6,1 раза. Коэффициент фондов по собственным доходам в этот период варьировался от 7,14 до 7,99 раза, по совокупным — от 2,58 до 2,97 раза. Таким образом, уже в докризисный период межбюджетные трансферты обеспечивали более чем двукратное сокращение разрыва между популярными группами регионов.

В пандемийный период (2020–2021 гг.) показатели дифференциации достигли минимальных значений за весь рассматриваемый интервал. Коэффициент вариации по совокупным доходам снизился до 31,1–31,2%, размах асимметрии — до 3,8–3,9 раза, а коэффициент фондов — до 2,35–2,41 раза. Увеличение объемов федеральной поддержки в 2020–2021 гг. сопровождалось снижением различий между регионами по совокупным доходам (*табл. 5*). В последующие годы показатели дифференциации несколько возросли: коэффициент вариации по совокупным доходам составил 33,9–36,2%,

Таблица 4. Изменение отдельных количественных индикаторов бюджетных поступлений в расчете на одного жителя по бюджетам субъектов РФ, тыс. руб.

Показатель	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Налоговые и неналоговые доходы													
Среднее	34,8	33,8	32,8	30,9	31,1	32,4	35,5	36,9	34,7	40,8	41,3	44,7	46,2
Максимум	125,0	118,6	120,4	158,7	110,5	124,8	129,4	139,1	130,8	148,3	146,7	143,9	141,6
Минимум	7,4	7,7	6,9	6,6	6,9	7,3	8,0	7,2	8,2	8,2	8,8	7,8	8,7
Размах асимметрии, раз	17,0	15,5	17,4	23,9	15,9	17,0	16,1	19,4	16,0	18,0	16,6	18,4	16,4
Коэффициент вариации, %	58,8	54,0	62,6	70,1	57,2	57,8	59,6	62,3	57,4	56,5	61,8	55,6	52,9
Коэффициент фондов, раз	7,99	7,14	7,91	7,92	6,59	7,20	7,52	7,66	6,40	6,62	7,20	6,78	6,40
Совокупные доходы													
Среднее	49,3	47,2	46,1	41,8	41,5	43,5	48,5	52,0	56,0	60,5	60,5	61,9	61,4
Максимум	137,0	122,3	127,3	162,5	115,3	127,7	133,6	143,0	145,4	154,7	152,8	155,0	150,3
Минимум	29,6	31,8	26,1	26,6	27,7	28,4	31,1	33,7	38,5	39,8	39,4	35,2	33,6
Размах асимметрии, раз	4,6	3,8	4,9	6,1	4,2	4,5	4,3	4,2	3,8	3,9	3,9	4,4	4,5
Коэффициент вариации, %	38,5	33,2	40,4	45,7	37,4	38,9	39,8	39,1	31,1	31,2	36,2	33,9	33,9
Коэффициент фондов, раз	2,84	2,58	2,96	2,97	2,68	2,84	2,85	2,79	2,35	2,41	2,65	2,58	2,66
Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: https://roskazna.gov.ru													

Таблица 5. Динамика некоторых статистических показателей безвозмездных поступлений, тыс. руб.

Показатель	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Среднее	14,5	13,4	13,2	10,8	10,4	11,0	13,0	15,1	21,3	19,7	19,3	17,2	15,2
Максимум	63,6	46,6	59,1	41,7	43,9	53,5	56,9	54,8	62,3	56,4	60,1	63,7	45,8
Минимум	4,0	2,7	2,5	2,1	1,6	1,8	3,8	3,9	7,1	5,0	3,8	2,4	2,5
Размах асимметрии, раз	16,1	17,6	24,1	19,9	28,3	30,0	15,1	14,0	8,8	11,4	15,8	26,4	18,2
Коэффициент вариации, %	64,6	63,3	77,3	68,8	77,6	84,8	78,0	67,9	54,5	55,3	57,1	64,9	64,4
Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: https://roskazna.gov.ru													

а коэффициент фондов увеличился до 2,58–2,66 раза. Это указывает на сохранение устойчивых различий в уровне бюджетной обеспеченности даже после периода масштабного перераспределения ресурсов.

За 2012–2024 гг. среднедушевые налоговые и неналоговые доходы регионов выросли с 34,8 до 46,2 тыс. руб. Однако рост собственных доходов не сопровождался сокращением межрегиональных различий: значения коэффициентов вариации и показатели асимметрии оставались высокими. Таким образом, возможности регионов по формированию собственной доходной базы по-прежнему существенно различались.

В отличие от собственных доходов, совокупные доходы региональных бюджетов характеризовались меньшей степенью неоднородности. В период наибольшего увеличения трансфертов, прежде всего в 2020–2021 гг., различия между регионами заметно сократились: размах асимметрии по совокупным доходам не превышал 6,1 раза, а коэффициент вариации находился в пределах 31,1–45,7%. Это подтверждает, что межбюджетные трансферты выполняют функцию сглаживания различий в бюджетных возможностях территорий.

Сравнение коэффициентов фондов также показывает различие между уровнем собственной доходной базы и итоговыми бюджетными возможностями регионов. В 2024 году разрыв между 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных регионов составлял 6,4 раза по налоговым и неналоговым доходам и 2,66 раза по совокупным доходам. В целом за весь период исследования коэффициент фондов по собственным доходам изменялся в диапазоне 6,40–7,99 раза, тогда как по совокупным дохо-

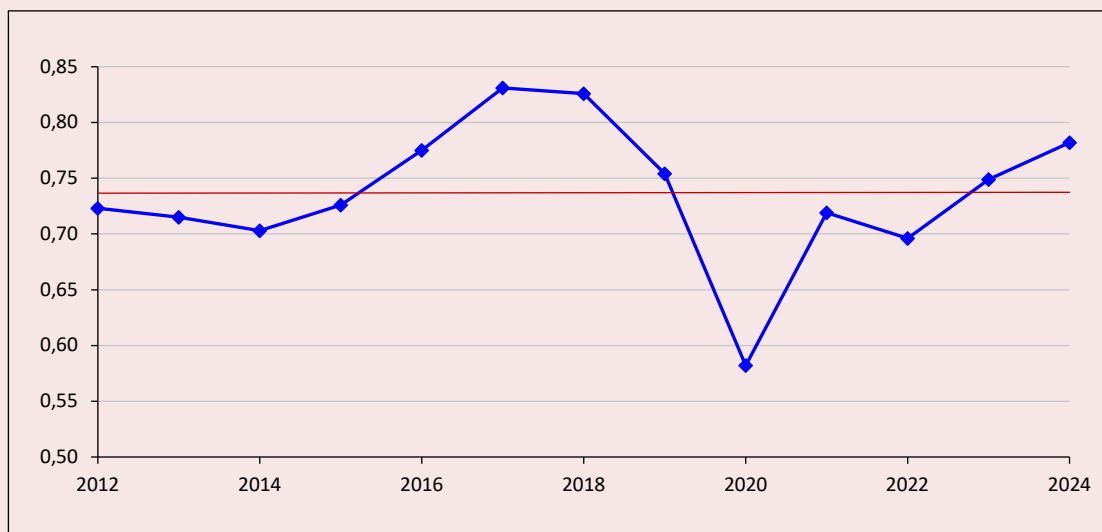
дам – 2,35–2,97 раза. Следовательно, перераспределение через систему трансфертов существенно сокращает различия между регионами, но не меняет их принципиального положения в межрегиональной структуре доходов.

Динамика безвозмездных поступлений также отражает изменение роли федеральной поддержки. После снижения среднедушевого объема трансфертов с 14,5 тыс. руб. в 2012 году до 10,4 тыс. руб. в 2016 году их объем начал увеличиваться и достиг максимума в 2020 году – 21,3 тыс. руб. на человека.

Увеличение федеральной финансовой помощи в 2020 году было связано с реализацией антикризисных мер в период пандемии. В последующие годы наблюдалось постепенное сокращение объемов трансфертов, что свидетельствует о возвращении к более стандартным параметрам межбюджетного регулирования. Это позволяет сделать вывод о том, что система межбюджетных трансфертов демонстрирует высокую адаптивность к внешним шокам, но не обеспечивает устойчивого сокращения межрегиональных различий в долгосрочной перспективе.

Одной из ключевых задач межбюджетного регулирования является сокращение межрегиональных различий в уровне бюджетной обеспеченности при сохранении стимулов субъектов РФ к развитию собственной доходной базы (Малкина, 2016; Тимушев, Михайлова, 2023). Для оценки результативности действующей системы межбюджетных трансфертов было проведено сопоставление рангов субъектов РФ по величине налоговых и неналоговых, а также совокупных доходов региональных бюджетов с последующим расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмена (рис. 4).

Рис. 4. Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

На протяжении большей части рассматриваемого периода коэффициент ранговой корреляции Спирмена сохранялся на уровне сильной положительной связи, превышая 0,7 и достигая в отдельные годы 0,83. Полученные значения коэффициента Спирмена свидетельствуют о высокой устойчивости межрегиональной структуры бюджетной обеспеченности. Иными словами, распределение субъектов РФ по величине совокупных доходов после учета межбюджетных трансфертов в значительной степени сохраняло порядок, сформировавшийся на основе налоговых и неналоговых доходов. Следовательно, действующая система межбюджетного регулирования оказывает ограниченное влияние на изменение относительного положения регионов.

Наиболее заметное отклонение от данной закономерности наблюдалось в 2020 году, когда значение коэффициента снизилось до 0,58 — минимального уровня за весь период исследования. Это указывает на изменение характера межбюджетного перераспределения в условиях пандемийного кризиса: объемы федеральной поддержки в меньшей степени зависели от исходного уровня бюджетной обеспеченно-

сти субъектов РФ и в большей степени определялись необходимостью реализации антикризисных мер. Уже в 2021 году коэффициент вновь увеличился до значений, соответствующих сильной положительной связи (0,70–0,78), что свидетельствует о возвращении к сложившимся принципам распределения межбюджетных трансфертов.

Таким образом, межбюджетные трансферты способствуют снижению межрегиональной дифференциации бюджетной обеспеченности, однако существенно не трансформируют сложившуюся иерархию субъектов РФ по уровню доходов. Несмотря на сглаживающий эффект федерального перераспределения, различия между регионами сохраняются на достаточно высоком уровне. Устойчивость межрегиональной иерархии (коэффициент Спирмена $> 0,7$ за многие годы в изучаемый период) означает, что система фактически консервирует сложившуюся структуру межрегиональных различий, не создавая условий для изменения относительного положения регионов. Это свидетельствует об ограниченной способности действующей системы межбюджетного регулирования обеспечивать долгосрочную конвергенцию регионов.

Выявление направленности политики федеральных властей в области предоставления межбюджетной финансовой помощи

Характер межбюджетного перераспределения оценивался на основе регрессионной зависимости между логарифмом душевых безвозмездных поступлений ($\ln T$) и логарифмом душевых налоговых и неналоговых доходов регионов ($\ln R$). Результаты оценивания модели представлены в *таблице 6*. Графическая интерпретация выявленной зависимости для отдельных лет исследуемого периода приведена на *рисунке 5*: синим цветом отражено фактическое распределение регионов, красным — расчетная линия регрессии, характеризующая направленность федеральной трансфертной политики.

Значения коэффициента детерминации R^2 варьировались в интервале от 0,39 до 0,68, достигая максимума в 2015 году. Это означает, что различия в уровне собственных доходов регионов объясняли от 39 до 68% вариации объемов межбюджетных трансфертов. Следовательно, между налогово-бюджетной обеспеченностью субъектов РФ и масштабами федеральной финансовой помощи сохранялась устойчивая статистическая взаимосвязь.

Принципиально важным результатом является устойчиво отрицательное значение коэффициента β на всем рассматриваемом интервале. Его величина изменялась от -0,61 до -0,98, что свидетельствует об обратной зависимости между уровнем собственных доходов регионов и объемом предоставляемых трансфертов: менее обеспеченные субъекты РФ систематически получали больший объем федеральной финансовой помощи. Статистическая значимость коэффициента во всех моделях подтверждает надежность выявленной закономерности.

Анализ динамики коэффициента β в разрезе трех периодов позволяет проследить эволюцию федеральной трансфертной политики.

В докризисный период (2012–2019 гг.) коэффициент β колебался от -0,61 до -0,98, достигая наиболее высоких абсолютных значений в 2016–2017 гг. (-0,98 и -0,97 соответственно). Это свидетельствует о том, что в указанные годы федеральная политика была в наибольшей степени ориентирована на поддержку регионов с низким уровнем собственных доходов. В 2015 году наблюдался максимальный уровень объясняющей способности модели ($R^2 = 0,68$), что указывает на наиболее тесную связь между собственными доходами регионов и объемами предоставляемых трансфертов.

В пандемийный период (2020–2021 гг.) произошло заметное ослабление выявленной зависимости: коэффициент β снизился с -0,81 в 2019 году до -0,70 в 2020 году, а R^2 сократился с 0,55 до 0,53. В 2021 году значение β повысилось до -0,78, а R^2 — до 0,62, что свидетельствует о частичном восстановлении связи между собственными доходами регионов и объемами трансфертов, однако полного возврата к докризисным параметрам еще не произошло. Снижение абсолютного значения коэффициента β в 2020 году отражает изменение характера федеральной поддержки в условиях кризиса: распределение трансфертов в меньшей степени определялось различиями в налоговом потенциале регионов и в большей — необходимостью реализации антикризисных мер. Это согласуется с динамикой коэффициента Спирмена (см. табл. 6), который в 2020 году также достиг минимального значения (0,58) и указывает на временное ослабление сложившейся межрегиональной бюджетной иерархии.

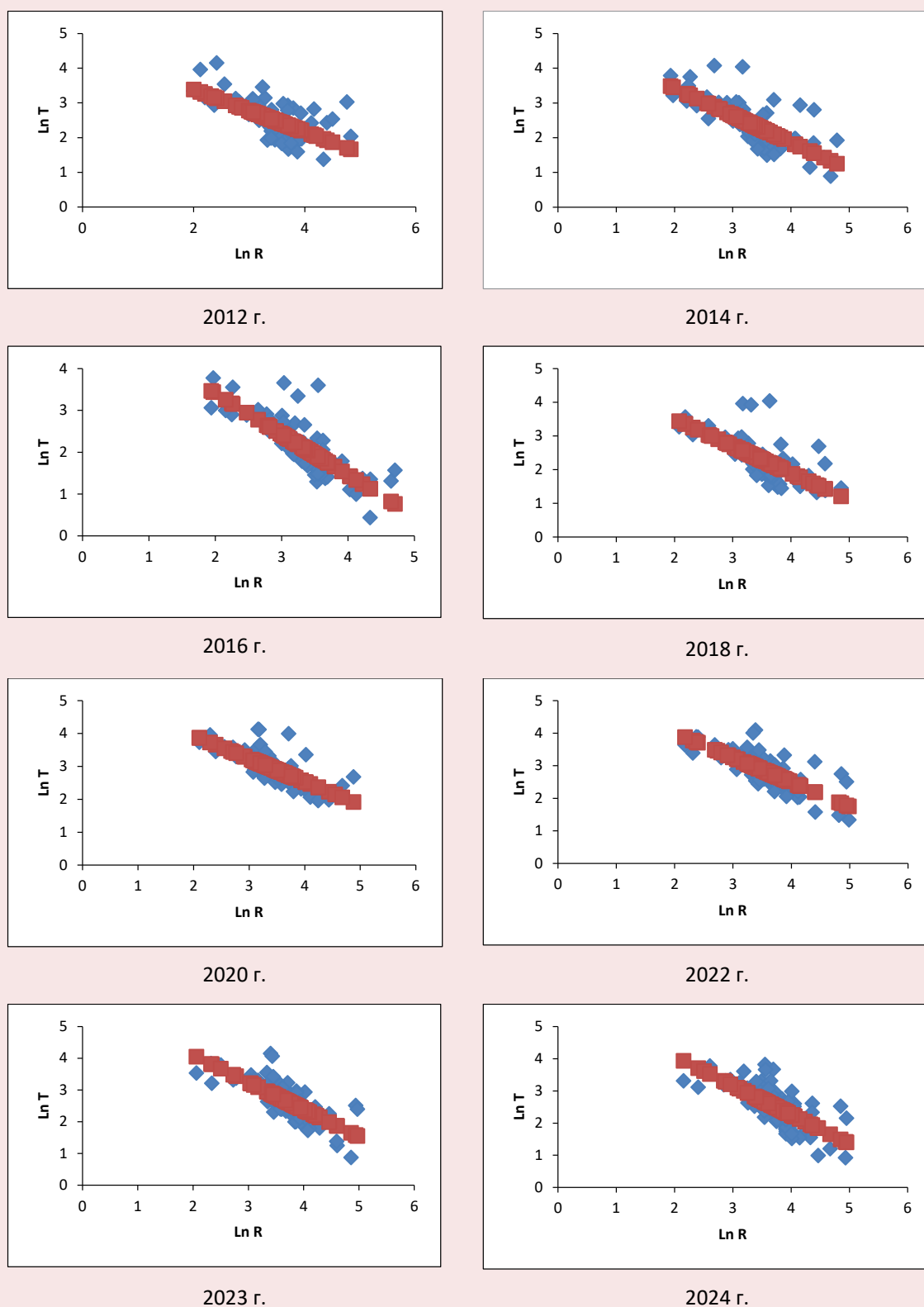
В постпандемийный период (2022–2024 гг.) значения коэффициента β вновь приблизились к докризисному уровню: -0,76 в 2022 году, -0,86 в 2023 году, -0,91 в 2024 году. Это свидетельствует о возвращении к сложившимся принципам распределения межбюджетных трансфертов,

Таблица 6. Результаты оценки уравнения $\ln T_i = \alpha + \beta \cdot \ln R_i + \varepsilon_i$

Показатель	Период исследования												
	Докризисный								Пандемийный		Последующий		
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
R^2	0,39	0,49	0,52	0,68	0,62	0,59	0,50	0,55	0,53	0,62	0,56	0,57	0,50
α	4,60	5,09	5,00	5,03	5,37	5,40	5,12	5,32	5,34	5,62	5,53	5,82	5,89
β	-0,61	-0,78	-0,78	-0,86	-0,98	-0,97	-0,80	-0,81	-0,70	-0,78	-0,76	-0,86	-0,91
Значимость β	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

Рис. 5. Взаимосвязь логарифмов душевых налоговых и неналоговых доходов регионов и получаемых ими межбюджетных трансфертов

Рассчитано по: материалы официального сайта Федерального казначейства РФ. URL: <https://roskazna.gov.ru>

при которых объем финансовой помощи в большей степени определяется уровнем собственных доходов регионов. Вместе с тем значения R^2 в этот период (0,50–0,57) оставались ниже максимума 2015 года (0,68), что может указывать на некоторое усложнение факторов, определяющих объемы федеральной поддержки, включая рост значимости целевых трансфертов и программных инструментов.

Таким образом, регрессионный анализ подтверждает, что федеральная трансфертная политика на протяжении всего исследуемого периода носила выравнивающий характер: средства направлялись преимущественно в регионы с более низким уровнем собственных доходов. Однако степень этой выравнивающей направленности не была постоянной: в пандемийный период она временно ослабла, уступив место антикризисным приоритетам, а в последующие годы восстановилась. Вместе с тем выявленная закономерность не противоречит выводу об ограниченности долгосрочного сглаживающего эффекта, поскольку даже при сохранении выравнивающей направленности политики межрегиональная иерархия бюджетной обеспеченности остается устойчивой.

Заключение

Проведенное исследование показало, что действующая система межбюджетного регулирования в Российской Федерации в целом выполняет выравнивающую функцию, однако не обеспечивает устранения устойчивой межрегиональной дифференциации бюджетной обеспеченности. На основе полученных результатов можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Межбюджетные трансферты обеспечивают сокращение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными регионами, однако не приводят к полному устранению межрегиональных различий. Коэффициент вариации совокупных доходов был в 1,5–1,7 раза ниже соответствующего показателя по собственным доходам на протяжении всего исследуемого периода, но остается на уровне 31–46%, что свидетельствует о сохранении значительной неоднородности бюджетной обеспеченности. Аналогичную закономерность демонстрирует коэффициент фондов: по совокупным доходам его значения оставались в

пределах 2,35–2,97 раза, тогда как по собственным доходам составляли 6,40–7,99 раза. Это свидетельствует о существенном сокращении разрыва между наиболее и наименее обеспеченными регионами вследствие межбюджетного перераспределения, однако не позволяет говорить о преодолении межрегиональной дифференциации.

2. Несмотря на масштабное перераспределение финансовых ресурсов через систему межбюджетных трансфертов, межрегиональная иерархия бюджетной обеспеченности остается устойчивой. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена на протяжении большей части исследуемого периода превышал 0,7, что свидетельствует о сохранении относительных позиций регионов после получения трансфертов. Это означает, что система межбюджетного регулирования «добавляет» средства к уже имеющимся доходам, не меняя принципиально сложившейся структуры межрегиональных различий, что фактически консервирует существующую асимметрию.

3. Пандемия коронавируса в 2020 году привела к временной трансформации механизмов межбюджетного регулирования: объемы федеральной поддержки в меньшей степени определялись исходным уровнем бюджетной обеспеченности регионов. Это проявилось в снижении коэффициента Спирмена и ослаблении отрицательной эластичности трансфертов по собственным доходам. Однако уже в 2021–2022 гг. параметры межбюджетного регулирования вернулись к докризисным значениям, что свидетельствует об адаптивности, но не устойчивости сглаживающего эффекта.

4. Полученные результаты свидетельствуют, что действующий механизм межбюджетного регулирования в значительной степени выполняет задачу сглаживания различий в бюджетной обеспеченности регионов, однако не приводит к существенному изменению сложившихся различий в уровне собственной доходной базы. Устойчивость состава групп регионов с высоким и низким уровнем доходов указывает на необходимость совершенствования механизмов, способных не только компенсировать недостаток ресурсов, но и создавать условия для расширения налогового потенциала территорий.

Одним из направлений развития межбюджетного регулирования может стать более широкое использование стимулирующих элементов при распределении финансовой поддержки. При оценке потребности регионов в трансфертах целесообразно учитывать не только текущий уровень бюджетной обеспеченности, но и изменения показателей, характеризующих развитие собственной доходной базы.

Другим важным направлением является разграничение задач различных видов трансфертов. Механизмы выравнивания должны обеспечивать снижение объективных различий в бюджетных возможностях регионов, тогда как инструменты стимулирующей поддержки могут быть ориентированы на повышение эффективности использования имеющегося экономического потенциала.

С учетом динамического характера межрегиональных различий параметры трансфертной политики требуют периодической корректировки. При этом необходимо учитывать изменения в структуре экономики регионов, демографические процессы и трансформацию расходных обязательств субъектов РФ.

Полученные в исследовании показатели: коэффициент вариации и коэффициент ранговой корреляции Спирмена — могут использоваться в качестве дополнительных инстру-

ментов анализа результатов межбюджетного регулирования. Они позволяют оценивать не только степень различий между регионами, но и изменение их относительного положения после перераспределения бюджетных ресурсов.

Совершенствование межбюджетных отношений связано не только с повышением точности выравнивания бюджетной обеспеченности, но и с поиском баланса между компенсационной и стимулирующей функциями трансфертов. Такой подход может способствовать постепенному снижению зависимости регионов от федеральной поддержки и укреплению их собственной финансовой базы.

На вопрос о результативности действующей системы межбюджетного выравнивания можно дать двойственный ответ. С одной стороны, система выполняет функцию сглаживания межрегиональных различий: коэффициенты вариации и фондов по совокупным доходам существенно ниже, чем по собственным. С другой стороны, в долгосрочном плане система не обеспечивает конвергенции регионов и не меняет их относительного положения, что позволяет охарактеризовать её результативность как ограниченную — эффективную в тактическом (сглаживание шоков), но не в стратегическом (устойчивое сокращение дифференциации) аспекте.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. № 1 (172). С. 3–15.
- Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. (2018). Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. № 12. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-5-27
- Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. (2025). Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ // ЭКО. № 2. С. 197–213. DOI: 10.306680/ESCO0131-7652-2025-2-197-213
- Баклаева Н.М. (2017). Проблемы реализации экономических интересов регионов как субъектов межбюджетных отношений в кризисных условиях // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 1. С. 35–49. DOI: 10.24891/re.15.1.35
- Балаев А.И. (2018). Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. № 6 (13). С. 8–35. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-8-35
- Башенков А.П., Мясников А.А., Семерикова Е.В., Серегина С.Ф. (2022). Влияние межбюджетных трансфертов на региональные доходы // Пространственная экономика. Т. 18. № 3. С. 36–92. DOI: 10.14530/se.2022.3.063-092
- Богачева О., Смородинов О. (2019). Обзоры бюджетных расходов: опыт стран ОЭСР и перспективы для России // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 3. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-59-67

- Букина И. С. (2022). Состояние и перспективы устойчивости федерального бюджета в новых условиях // *Федерализм*. Т. 27. № 4 (108). С. 142–154. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-4-142-154
- Бухвальд Е.М. (2022). Стратегии безопасности и развитие федеративных отношений в России // *Федерализм*. Т. 27. № 1 (105). С. 96–112. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-1-96-112
- Голованова Н.В., Домбровский Е.А. (2016). Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005–2015 годах // *Финансовый журнал*. № 2. С. 41–51.
- Землянский Д.Ю., Медведникова Д.М., Калиновский Л.В., Прусихин О.Е. (2024). Распределение дотаций на выравнивание по субъектам Российской Федерации и их роль в изменении регионального бюджетного неравенства // *Региональные исследования*. № 2. С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-1
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2023). Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // *Региональные исследования*. № 1. С. 31–41. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-3
- Калинин А.М. (2021). Доходы региональных бюджетов: структура и стимулы к увеличению. Регион: экономика и социология. № 1 (109). С. 47–71. DOI: 10.15372/REG20210102
- Караваева И.В., Коломиец А.Г., Казанцев С.В. (2021). Сможет ли федеральный бюджет 2021–2023 гг. реализовать стратегические цели и обеспечить экономическую безопасность Российской Федерации? // *Федерализм*. Т. 26. № 1 (101). С. 115–131. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-115-131
- Малкина М.Ю. (2016). Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла – Бернулли // *Пространственная экономика*. № 3. С. 16–37. DOI: 10.14530/se.2016.3.016-037
- Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И. (2018). Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // *Вопросы экономики*. № 1. С. 91–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103
- Мохнаткина Л.Б. (2023). Региональное неравенство исполнения федерального бюджета в субъектах Российской Федерации // *Экономика региона*. Т. 19. № 1. С. 274–288. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-21
- Печенская-Полищук М.А. (2023). Налоговая централизация в регионах России. *Финансы*. № 10. С. 28–36.
- Тимушев В.Н. (2025). Федеральная политика выравнивания доходов региональных бюджетов: направления совершенствования // *Вопросы экономики*. № 12. С. 134–153. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-134-153
- Тимушев Е.Н., Михайлова А.А. (2023). Федеральные трансферты: фактор роста или долга регионов? // *Вопросы экономики*. № 5. С. 23–49. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-23-49
- Чернышова Н.А. (2016). Тенденции и региональные приоритеты в предоставлении межбюджетных трансфертов в последнее десятилетие // *Общественные финансы*. № 33. С. 48–72.
- Шабельникова С.И. (2024). Основные подходы к межбюджетному регулированию и оказанию финансовой поддержки субъектов Российской Федерации из федерального бюджета в 2025–2027 гг. // *Федерализм*. Т. 29. № 4 (116). С. 123–141. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-4-123-141
- Шабельникова С.И. (2025). Проблемы сбалансированности региональных бюджетов в условиях планового охлаждения экономики // *Федерализм*. Т. 30. № 4 (120). С. 25–55. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-25-55
- Béland D., Lecours A., Marchildon G.P., Mou H., Olfert M.R. (2017). *Fiscal Federalism and Equalization Policy in Canada: Political and Economic Dimensions*. University of Toronto Press. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322990795_Fiscal_Federalism_and_Equalization_Policy_in_Canada_Daniel_Beland_Andre_Lecours_Gregory_P_Marchildon_Haizhen_Mou_and_M_Rose_Olfert_Toronto_University_of_Toronto_Press_2017_pp_114
- Chakraborty L. (2026). Fiscal consolidation and the 16th Finance Commission: The federal aspects of India's Union Budget 2026. *National Institute of Public Finance and Policy*, 447. Available at: https://www.nipfp.org.in/media/documents/WP_447_2026.pdf
- Dougherty S., Montes Nebreda A., Mota T. (2024). Adapting intergovernmental fiscal transfers for the future: Emerging trends and innovative approaches. *OECD Publishing*, 49. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/07/adapting-intergovernmental-fiscal-transfers-for-the-future_ad8ee08d/6389ca23-en.pdf
- Dougherty S., Mota T. (2024). Navigating conflict and fostering co-operation in fiscal federalism. *OECD Publishing*, July, 48. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/navigating-conflict-and-fostering-co-operation-in-fiscal-federalism_3d5c8c20-en.html

- Frieden J. (2024). *The Political Economy of Policies for Structural Change*. Harvard University. Available at: <https://www.piie.com/sites/default/files/2024-04/2024-04-16-03-01-frieden-ppt.pdf>
- Gamkhar S. (2002). *Federal Intergovernmental Grants and the States: Managing Devolution*. Edward Elgar Publishing.
- Hueglin T., Fenna A. (2006). *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. Peterborough, Ont.: Broadview Press. Available at: <https://www.catalogue.nla.gov.au/catalog/3771209>
- Kollman K., Miller J.H., Page S.E. (1997). Political institutions and sorting in a Tiebout model. *The American Economic Review*, 87(5), 977–992. DOI: 10.7551/mitpress/2021.003.0009
- Leonardy U. (1999). *The Institutional Structures of German Federalism. Working Papers*. Friedrich-Ebert-Stiftung, London Office. Available at: <https://library.fes.de/fulltext/bueros/london/00538toc.htm>
- Levaggi R. (2002). Decentralized budgeting procedures for public expenditure. *Public Finance Review*, 30(4), 273–295. DOI: 10.1177/109421030004002
- Malik A., Sihag N., Singh A., Sharma R., Mogha M.S. (2025). A critical analysis of the constitutional provisions governing fiscal federalism in India with reference to local governments. *Lex Localis – Journal of Local Self-Government*, 23(10), 1144–1161.
- Tiebout C.M. (1956). A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 64(5), 416–424. DOI: 10.1086/257839
- Zhuravskaya E. (2010). Federalism in Russia. In: *Russia After the Global Economic Crisis*. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics. Available at: <http://lib.uib.kz/wp-content/uploads/2019/04/Russia-after-the-Global-Economic-Crisis-Aslund-A-2010.pdf>

Сведения об авторе

Татьяна Владимировна Сумская — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: t.v.sumskaya-2004@yandex.ru)

Sumskaya T.V.

Intergovernmental Equalization in Russia: Assessing Efficiency and the Issues of Reducing Interregional Disparities

Abstract. Growing interregional disparities and the increasing dependence of many Russian regions on federal financial assistance underscore the need to assess the efficiency of the current system of intergovernmental equalization. The aim of the study is to reveal the impact of intergovernmental transfers on regional fiscal capacity and the degree of interregional asymmetry. Drawing on Federal Treasury data on the execution of consolidated regional budgets, we conduct a comprehensive assessment of the effectiveness of the transfer mechanism for 2012–2024. By distinguishing three qualitatively different stages — pre-crisis, pandemic, and post-pandemic — we trace the evolution of the equalizing effect under changing macroeconomic conditions. The methods include statistical grouping, coefficients of variation and asymmetry, Spearman’s rank correlation, and regression analysis. The findings show that intergovernmental transfers smooth interregional disparities in budget revenues (the coefficient of variation falls by a factor of 1.5–1.7), but do not lead to a lasting reduction in the gap between the most and least fiscally secure regions (the decile ratio for total revenues remains between 2.4 and 3.0). The results also reveal a temporary weakening in 2020 of the relationship between regions’ own revenues and federal financial assistance (Spearman’s coefficient dropped to 0.58) due to the expansion of anti-crisis support during the pandemic. Moreover, the interregional hierarchy of fiscal capacity remains highly stable after transfer redistribution (Spearman’s coefficient > 0.7 in most years), pointing to the persistence of existing disparities. Overall, the current model of intergovernmental regulation is highly sensitive to external shocks while offering only a limited long-term equalizing effect: it is effective tactically in

smoothing the consequences of crises but remains only partially effective strategically in ensuring long-term regional convergence. The study's practical significance lies in the possibility of using its findings to refine intergovernmental fiscal mechanisms and design policies for narrowing regional disparities.

Key words: intergovernmental transfers, fiscal capacity, regional budgets, interregional disparities, intergovernmental regulation efficiency, Spearman's coefficient, COVID-19 pandemic.

Information about the Author

Tatiana V. Sumskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, deputy director for research, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: t.v.sumskaya-2004@yandex.ru)

Статья поступила 28.05.2026.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.9

УДК 338.2:001.895, ББК 65.050

© Горлачева Е.Н., Кушнарева Д.Л.

Анализ систем мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС: проблемы и возможные решения

**Евгения Николаевна
ГОРЛАЧЕВА**

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: egorlacheva@bmstu.ru
ORCID: 0000-0001-6290-8557

**Дарья Леонидовна
КУШНАРЕВА**

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: kushnarevadl@bmstu.ru
ORCID: 0009-0006-9785-5022

Аннотация. В условиях усиления глобальной технологической конкуренции научно-технологическое развитие становится одним из ключевых факторов национальной конкурентоспособности, устойчивости и стратегической самостоятельности государств. Для стран БРИКС данная сфера имеет особое значение, поскольку объединяет задачи модернизации экономики, укрепления внутреннего научного потенциала и формирования собственных механизмов технологического продвижения. Цель исследования состоит в выявлении общих тенденций и национальных особенностей систем оценки и мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС на основе сравнительного анализа национальных стратегий и архитектуры индикаторов. Эмпирическую базу составили официальные документы Бразилии, России, Индии, Китая и

Для цитирования: Горлачева Е.Н., Кушнарева Д.Л. (2026). Анализ систем мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС: проблемы и возможные решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 156–171. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.9

For citation: Gorlacheva E.N., Kushnareva D.L. (2026). Analysis of the systems for monitoring the scientific and technological development of the BRICS countries: Problems and possible solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 156–171. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.9

Южно-Африканской Республики. В ходе работы применены сравнительный анализ, качественный контент-анализ документов, системный подход. Для межстранового сопоставления предложен подход, разграничивающий ресурсные, результативные, прикладные и стратегические индикаторы. Выявлено, что страны БРИКС различаются по функции мониторинга в системе государственного управления научно-технологическим развитием. Россия и Китай демонстрируют преимущественно централизованные модели, в которых мониторинг встроен в контур стратегического планирования. Индия характеризуется миссионно-оценочной моделью, сочетающей программную гибкость, цифровые контуры мониторинга и выраженные механизмы обратной связи. Бразилия и Южно-Африканская Республика в большей степени тяготеют к координационно-трансформационным моделям, ориентированным на согласование стратегических и программных уровней. Научная новизна статьи заключается в сравнении стран БРИКС не по агрегированным статистическим показателям, а по архитектуре мониторинга как особому элементу государственной научно-технологической политики. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании национальных систем мониторинга, развитии процедур промежуточной оценки и корректировки государственной политики в научно-технологической сфере, а также в выявлении необходимости стратегической системы научно-технологического сотрудничества в рамках всего объединения БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, научно-технологическое развитие, научно-технологическая политика, система мониторинга, дорожные карты, индикаторы, государственное управление, сравнительный анализ, оценка результативности.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-18-00075 «Использование потенциала сетевого взаимодействия стран БРИКС для обеспечения технологического суверенитета РФ».

Введение

В современных геоэкономических условиях технологии становятся одним из важнейших ресурсов социально-экономического развития общества. Исследования в данной сфере имеют критическое значение для разработки и реализации государственных стратегий научно-технологического развития. Геополитическая нестабильность и фрагментарность привели к тому, что технологии стали основой межгосударственной конкуренции (Киреева, Поздняев, 2026). Ряд стран идет по пути наращивания технологического лидерства: Китай (Cha, 2023), государства Европейского союза (Roch, Oleart, 2024), США (Reynolds, 2024); другие — по пути формирования технологического суверенитета (Россия, Индия, Бразилия) и преодоления разрыва в сфере технологических инноваций (Дежина, Пономарев, 2022).

В научной литературе накоплен большой массив исследований, посвященных этим вопросам. В работах Н.В. Смородинской и Д.Д. Катукова рассматриваются вопросы технологической самодостаточности прежде всего

России (Катуков, Смородинская, 2025; Смородинская, Катуков, 2024). М.А. Гершман и соавторы анализируют научно-технологическую политику разных стран, делая акцент на стратегиях достижения технологического лидерства (Гершман и др., 2025).

Однако вопросы эффективности национальных систем оценки и мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС затрагиваются сравнительно редко. В рамках существующих исследований, например, проводимых Российским институтом экономики, политики и права в научно-технической сфере (Ильина и др., 2023), проблема эффективности научно-технологического развития рассматривается скорее с позиции необходимости разработки универсального инструмента для последующей гармонизации систем мониторинга в рамках объединения. Работы зарубежных авторов больше сфокусированы на эффективности национальных инновационных систем и их роли в обеспечении устойчивости экономического роста (Alnafrh, 2021). Индексы и

агрегированные показатели, собираемые ОЭСР и ЮНЕСКО, являются удобными метриками для сравнительных исследований в международном контексте, но нередко скрывают дисбалансы¹, тогда как наборы показателей, хотя и более прозрачны, но фрагментарны. В связи с этим вопросы, как именно методологически выстроены системы показателей эффективности, какие уровни результативности в них доминируют и каким образом в них отражаются приоритеты научно-технической политики, часто остаются неисследованными. Методологии, разработанные в рамках ОЭСР² и статистического института ЮНЕСКО³, закрывают этот исследовательский вопрос лишь частично. Так, в руководстве Фраскатти предложен институционально-секторальный подход⁴. Однако авторы руководства предупреждают, что они не дают официальных рекомендаций, поскольку статистическая инфраструктура различается в странах: собираются разные наборы данных и используются разные методологии.

В рамках БРИКС наблюдается неоднородность как на уровне целей национальных стратегий в научно-технологической сфере, так и на уровне результативности проводимой научно-технологической политики. В сравнительных исследованиях по странам БРИКС основной акцент чаще делается на стратегических целях, институциональной архитектуре, публикационной и патентной активности или общих показателях инновационного развития. В результате вопросы, как именно эти страны формируют собственные системы индикаторов, какие уровни результативности в них доминируют и каким образом через эти системы выражаются фактические приоритеты научно-технологической политики, практически не исследуются (Bshivanna et al., 2026).

В настоящее время в БРИКС действует ряд документов, подписанных Российской Федерацией на международном уровне и утвержденных в рамках национального законодательства, которые указывают на необходимость формирования стратегической системы для сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между государствами — участниками БРИКС, равно как и целесообразность мониторинга эффективности ее функционирования⁵. В первую очередь это Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.03.2015 № 434-р «О подписании меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительством Федеративной Республики Бразилии, правительством Российской Федерации, правительством Республики Индии, правительством Китайской Народной Республики и правительством Южно-Африканской Республики»⁶, где отмечается приверженность стран — участниц БРИКС укреплению сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций для ускоренного и устойчивого социально-экономического развития. В стратегическом документе «Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации», которая была одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8-952⁷, к одному из основных направлений международного научно-технического сотрудничества относится в приоритетном порядке взаимодействие со странами — участницами международных объединений, включая БРИКС.

Научная проблема исследования состоит в том, что различия в национальных системах мониторинга научно-технологического развития затрудняют возможность формирования стратегической системы научно-технологи-

¹ О долгосрочном научно-технологическом развитии России (2022): монография / под ред. Д.Р. Белоусова, И.Э. Фролова. Москва: Динамик принт. 168 с.

² Available at: www.oecd.org (accessed: 05.08.2026).

³ Available at: uis.unesco.org (accessed: 05.08.2026).

⁴ OECD (2018), Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264304604-en. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oslo-manual-2018_9789264304604-en.html

⁵ Объединенный веб-сайт министерств иностранных дел государств — членов БРИКС. URL: <https://infobrics.org/en/documents/2016> (дата обращения: 05.08.2026).

⁶ Действующее законодательство Российской Федерации. URL: <https://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-14.03.2015-N-434-r> (дата обращения: 05.08.2026).

⁷ Концепция международного научно-технического сотрудничества. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontsepsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 05.08.2026).

ческого сотрудничества в рамках всего объединения БРИКС. Модели реализации государственной научно-технологической политики, разный по структуре набор индикаторов и различия в логике оценки результатов и эффектов формируют исследовательский пробел, который закрывает настоящая работа.

Цель работы — выявление общих и специфических характеристик систем оценки и мониторинга стран, входящих в ядро БРИКС. Предметом исследования является архитектура систем оценки и мониторинга научно-технологических политик. Гипотеза исследования заключается в том, что различия между странами БРИКС проявляются не только и не столько в составе используемых индикаторов, сколько в логике оценки результатов проводимой научно-технологической политики.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: систематизируются теоретические подходы к анализу научно-технологической политики и систем мониторинга; формируется аналитическая схема сопоставления программных документов и архитектуры системы индикаторов; проводится сравнительный анализ систем мониторинга пяти стран БРИКС; выявляются общие тенденции, национальные особенности и ограничения сопоставимости анализируемых систем. Научная новизна заключается в разработке аналитического подхода к сравнению программных документов и архитектуры систем индикаторов мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов при формировании

стратегической системы сотрудничества в рамках объединения БРИКС, совершенствовании национальных систем мониторинга, повышении качества оценки научно-технологической политики.

Современное состояние научных комплексов стран ядра БРИКС

Страны БРИКС располагают разными по масштабам, структуре и результативности научными комплексами. Для формирования стратегической системы научно-технологического сотрудничества необходимо проанализировать их современное состояние. Ключевые параметры основных членов БРИКС (затраты на НИОКР, кадровые ресурсы, патентная активность и т. д.) представлены в *таблице 1*.

Анализ затрат на НИОКР показывает, что страны БРИКС крайне неоднородны. Если среднее значение доли затрат в Китае составляет 2,23%, то в Индии и ЮАР — по 0,67%. По числу исследователей на миллион человек за анализируемый период в тройку лидеров входит Россия. Однако если сопоставить эти значения с числом поданных патентных заявок, то лидером является Китай, за ним следуют Россия и Индия. По числу публикаций также лидером является Китай, затем Россия и Бразилия. По доле высокотехнологичного экспорта — Китай, Бразилия, Россия и Индия. Представленные данные по научным комплексам стран БРИКС позволяют сделать следующие выводы: неоднородность фиксируется как между государствами, так и при сопоставлении соотношения показателей. Так, в Китае число исследователей на 1 миллион человек составляет 1405,1, а доля высокотехнологичного экспорта 30%;

Таблица 1. Основные характеристики научных комплексов стран БРИКС, средние значения за 2014–2024 гг.

Страна	Затраты на НИОКР, % от ВВП	Число исследователей на 1 млн чел.	Число патентных заявок, поданных резидентами страны, шт.	Число публикаций, шт.	Доля высокотехнологичного экспорта в ВВП, %	Доля добавленной стоимости высокотехнологичной продукции, % от ВВП
Бразилия	1,22	903,2	5046,25	62401	12,4	33
Россия	1,05	2832,4	24313	74996	12,3	31,6
Индия	0,67	241,2	17241,25	13421	10	42
Китай	2,23	1405,1	1203615	576093	30	41
ЮАР	0,67	475,8	836,6	13756	6	24
Рассчитано по: data.worldbank.org.						

в Индии – 241,2 исследователя и 10% высокотехнологичного экспорта соответственно. Такая неравномерность свидетельствует о том, что страны БРИКС находятся на разных траекториях технологического развития. И если Китай способен конкурировать с США, то задача остальных государств БРИКС – наращивать технологический суверенитет.

Несоответствие числа ученых и доли высокотехнологичного экспорта в России говорит о том, что коммерциализация технологий является насущной проблемой. Патентная активность в стране в 50 раз ниже, чем в Китае, что также подтверждает тезис об отрыве теоретических разработок и их практического применения. Стоит отметить, что высокие затраты на НИОКР не гарантируют результат: при 0,67% у Индии доля высокотехнологичной продукции выше (42%), чем у Бразилии. Следовательно, ключевым фактором является институциональная инфраструктура научного сектора.

Именно этот показатель выступает основой для расчета индекса готовности к передовым технологиям, который рассчитывается по наличию институциональных условий для развития искусственного интеллекта (ИИ) и инноваций. В настоящее время в рейтинге по индексу готовности к передовым технологиям страны БРИКС занимают места с 21 по 52 (табл. 2).

Краткий анализ современного состояния научных комплексов в странах БРИКС показал, что их научно-технологическое развитие неоднородно и научные комплексы функционируют с разной эффективностью.

Обзор литературы

Для настоящего исследования значимы следующие направления работ: изучение национальных инновационных систем, работы о сочетании инструментов государственной политики научно-технологической сфере, труды по

измерению научно-технологического развития и сравнительные исследования по странам БРИКС (Niembro, Levin, 2026).

Первый блок образуют работы по национальным инновационным системам, представляющим собой результат взаимодействия государства, исследовательского сектора, бизнеса, системы образования и инфраструктурных институтов (Alnafrh, Bogdanova, 2018). Эти исследования показывают, что эффективность научно-технологической политики определяется не только объемом ресурсов, но и качеством институциональной среды, плотностью кооперационных связей, способностью к трансферу знаний и устойчивостью механизмов координации (Isaksen et al., 2022; Belussi et al., 2024).

Второй блок связан с исследованиями инструментов государственной политики. В этих работах внимание сосредоточено на том, что результативность государственной политики зависит не только от качества отдельных мер, но и от логики их совмещения. Для стран БРИКС такой подход важен, поскольку их научно-технологическая политика, как правило, строится на комбинации стратегий (Howoldt, 2024; Lenihan et al., 2025).

Третий блок образуют исследования, в которых изучаются проблемы измеримости результатов научно-технологического развития. В современной литературе научно-технологическое развитие все меньше рассматривается как линейное накопление ресурсов, публикаций, патентов. Напротив, вектор исследований смещается к анализу конвертации накопленных знаний в конкретные продукты и услуги, обладающие экспортным потенциалом (Zhang et al., 2025).

В целом в литературе по измерению результатов научно-технологического развития можно выделить два основных вектора. Первый

Таблица 2. Индекс готовности к передовым технологиям в странах БРИКС

Страна	Место	ИКТ	Профессиональная квалификация	НИОКР	Промышленный потенциал	Возможность финансирования
Китай	21	101	64	1	6	3
Россия	33	41	29	17	72	63
Индия	36	9	113	3	10	70
Бразилия	38	38	59	18	50	41
ЮАР	52	76	71	41	55	27

Составлено по: UNCTAD Technology and Innovation Report 2025 (UNCTAD, 2025).

опирается на агрегирование традиционных статистических показателей, характеризующих затраты на исследования и разработки, численность исследовательского персонала, публикационную активность, патентование и инновационную продукцию. Такой подход реализуется в наднациональных институтах⁸. Однако стандартные наборы индикаторов, разработанные применительно к экономически однородным странам, не всегда адекватно отражают специфику государств с неодинаковой институциональной зрелостью, территориальной асимметрией, различной отраслевой структурой и разными сочетаниями задач роста, модернизации и социальной трансформации (Kruss et al., 2025; Olariaga-Santa-Cruz et al., 2024).

Второй вектор ориентирован на построение более сложных оценочных аналитических инструментов, в которых различаются уровни результативности, используются иерархии индикаторов и учитывается связь между вложенными ресурсами, непосредственными результатами, прикладным использованием и долгосрочными эффектами. Именно он особенно важен для сравнительного анализа, поскольку позволяет выйти за пределы простой фиксации масштабов научной деятельности и поставить вопрос о том, какие результаты государство считает наиболее значимыми для оценки и мониторинга (Corrente et al., 2023; Zhang et al., 2025).

Следующий блок составляют исследования, непосредственно посвященные странам БРИКС. Одна их часть сосредоточена на сравнении макроуровневых показателей научного и инновационного развития (Santana et al., 2024), другая изучает национальные модели научно-технологической политики, институциональные условия и стратегические приоритеты отдельных государств. Российские исследователи акцентируют внимание на институциональной логике инновационной системы, влиянии внешних ограничений и проблематике технологического суверенитета (Вольчик, Фурса, 2015; Ленчук, 2022;

Ленчук, 2024; Смородинская, Катуков, 2024). Китайские ученые концентрируются на государственной координации технологического развития, сочетании инструментов поддержки, экологически ориентированных инновациях и региональной сложности инновационной политики (Liang, 2024; Liefner, 2025).

Исследователи из Индии подчеркивают эволюцию национальной научно-технологической политики, ее связь с задачами развития и значение цифровой инфраструктуры как практического инструмента реализации научно-технологической политики (Krishna, 2022; Mammen, Nirupama, 2024; Desai, Manoharan, 2024). Бразильский кейс рассматривается через барьеры инноваций, региональные и технологические диспропорции, а также отраслевые и институциональные основания модернизации (Silva, 2025; Araújo et al., 2026; Nehring, 2021). Для Южно-Африканской Республики значимы работы о согласованности научно-технологической политики и связи инноваций с экономическим ростом (Kahn, 2023; Kasongo, Makamu, 2024).

Применительно к странам БРИКС выявленный разрыв проявляется в том, что в сравнительных исследованиях либо сопоставляются агрегированные показатели, либо анализируются отдельные аспекты научно-технологической политики. Значительно реже анализируется, каким образом оценивается реализация национальных стратегий, как соотносятся программные документы и архитектура индикаторов, какие функции мониторинга доминируют в различных моделях управления научно-технологическим развитием.

Таким образом, существующий корпус научной литературы создает необходимую теоретическую базу, но не предлагает методическую основу для совместного анализа программных документов, архитектуры индикаторов, механизмов промежуточной оценки и процедур обратной связи, направленных на корректировку научно-технологической политики в странах БРИКС. Именно этот пробел и восполняет настоящее исследование.

⁸ OECD (2018), Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264304604-en. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oslo-manual-2018_9789264304604-en.html

Материалы и методы

Объектом исследования выступают системы оценки и мониторинга научно-технологического развития в пяти странах БРИКС: Бразилии, России, Индии, Китае и Южно-Африканской Республике. В качестве основных документов использовались как национальные стратегии стран БРИКС, так и непосредственно официальные документы центров оценки науки и технологий.

Так, для Бразилии главным документом, регулирующим научно-технологическую деятельность, является национальная стратегия по науке, технологиям и инновациям (ENSTI)⁹. В 2020 году принята новая стратегия на 2020–2030 гг., где была пересмотрена научно-технологическая политика и выявлены системные проблемы, которые не позволили достичь результатов, определенных политикой 2016–2022 гг.¹⁰ Документом, регламентирующим оценку научно-технологической политики, является Закон об инновациях (Law 10.973/2004)¹¹. Национальный совет по научно-технологическому сотрудничеству (CNPq)¹² регулярно публикует критерии эффективности научной деятельности (научная продуктивность, подготовка научных кадров, вклад в инновации). Также в 2021 году была опубликована национальная инновационная стратегия¹³, направленная на расширение возможностей экосистемы инноваций в Бразилии. Для оценки эффективности научно-технологического развития в стране используются затраты на НИОКР, число научных публикаций,

патентная активность, доля высокотехнологичного экспорта, уровень цифровизации бизнеса, число исследователей на 1 млн жителей¹⁴.

В практике Китая, основные цели научно-технологического развития которого сосредоточены в пятилетних планах, оценка научно-технологической деятельности производится по стандартам, разработанным национальным центром оценки науки и технологий (NCSTE)¹⁵. В стандартах закреплены принципы оценки (объективность, этика), определена методология и правила работы экспертов. Ключевая задача стандартов – сместить фокус с сугубо количественных показателей на более комплексную оценку инновационного потенциала. Сбором показателей, отражающих эффективность научно-технологического развития, занимается Национальное статистическое бюро Китая¹⁶. Наряду с традиционными показателями в Китае собирают информацию о средней стоимости контрактов на технологическом рынке (индикатор коммерциализации разработок), доле выпускников естественно-научных и инженерных специальностей, индексе инновационного потенциала¹⁷.

В основе системы мониторинга эффективности научно-технологического развития Индии лежит шкала оценки зрелости технологий¹⁸, которые позволяют перейти от субъективных оценок к измеримым индикаторам¹⁹. В Индии также отслеживают затраты на НИОКР, число научных публикаций (особенно в инженерных и естественно-научных исследованиях), число

⁹ Available at: <https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/noticias/2021/07/publicada-a-estrategia-nacional-de-inovacao> (accessed: 05.08.2026).

¹⁰ РСМД: Модель научной дипломатии в Бразилии и перспективы развития двустороннего научного сотрудничества России и Бразилии. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/model-nauchnoy-diplomatii-v-brazilii-i-perspektivy-razvitiya-dvustoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva/?ysclid=mt76s18481672590473> (дата обращения: 05.08.2026).

¹¹ Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19033> (accessed: 05.08.2026).

¹² CNPq – Conselho Nacional de Desenvolvimento Científico e Tecnológico. Available at: <https://www.gov.br/cnpq/pt-br> (accessed: 05.08.2026).

¹³ Available at: <https://leemanncenter.stanford.edu/media/fostering-a-new-brazilian-national-innovation-policy> (accessed: 05.08.2026).

¹⁴ Available at: https://www.theglobaleconomy.com/Brazil/GII_Index/ (accessed: 05.08.2026).

¹⁵ NCSTI – International Center for Science & Technology Innovation. Available at: <https://en.ncsti.gov.cn/> (accessed: 05.08.2026).

¹⁶ China's Innovation Index in 2024. Available at: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202510/t20251030_1961735.html (accessed: 05.08.2026).

¹⁷ URL: <https://issek.hse.ru/news/688845347.html?ysclid=msixbtslq372001684> (дата обращения: 05.08.2026).

¹⁸ Available at: <https://psa.gov.in/national-technology-readiness> (accessed: 05.08.2026).

¹⁹ OPSA: Driving Science, Technology, and Innovation for India's Growth. Available at: <https://psa.gov.in/about-us> (accessed: 05.08.2026).

патентов, товарных знаков, развитие инновационных кластеров, эффективность программ поддержки стартапов²⁰.

В России все целевые индикаторы прописаны в Стратегии научно-технологического развития до 2035 года²¹. Перечень показателей, отражающих эффективность научно-технологического развития, регламентирован распоряжением²² № 880-р от 08.04.2025 и включает в себя внутренние затраты на НИОКР, долю внебюджетных затрат на НИОКР, место России в мире по объему научных исследований, долю молодых ученых и т. д. В ЮАР основным стратегическим документом, определяющим научно-технологическую политику страны, является *White Paper on Science, Technology and Innovation*²³. Для оценки ее результатов используется система мониторинга и оценки (*Monitoring and Evaluation Framework for the South African Science, Technology and Innovation System*²⁴), разработанная национальным консультационным советом по инновациям (NACI)²⁵. Южноафриканский подход наиболее близок к подходу, предложенному в руководстве Фраскати. Для оценки эффективности собираются данные по расходам на НИОКР, числу исследователей, а также оценивается влияние научно-технологического развития на экономику и общество²⁶.

Методологическую основу настоящего исследования составили сравнительный анализ, качественный контент-анализ документов, системный подход, а также классификация и типологизация индикаторов.

Исследовательская процедура состоит из пяти основных этапов. На первом этапе систематизировались нормативные документы по странам БРИКС. На втором этапе отобранные документы анализировались с целью выявления стратегических приоритетов, индикаторов и механизмов обратной связи. На третьем этапе индикаторы распределялись по аналитическим уровням результативности. На четвертом этапе проводилось межстрановое сопоставление. На пятом этапе на основе полученной информации была предложена типология национальных моделей оценки и мониторинга научно-технологического развития.

Стоит отметить, что анализировалась именно функция индикатора в модели оценки и мониторинга. Один и тот же показатель мог относиться к различным аналитическим уровням в зависимости от того, использовался ли он как индикатор ресурсного обеспечения, непосредственного результата, прикладного эффекта либо долгосрочного стратегического воздействия. Такой подход позволил избежать механического сопоставления внешне сходных показателей, скрывающего различия в логике и институциональной роли мониторинга.

К ресурсным индикаторам относились показатели, характеризующие финансовые, кадровые, инфраструктурные и организационные аспекты научно-технологической деятельности²⁷; к результативным — публикации, патенты, разработки и иные формализованные результаты научной и инновационной активности. Индикаторы прикладного эффекта фиксировали

²⁰ Available at: <https://dst.gov.in/dsts-key-achievements-during-2024-year-end-review-2024>; <https://clarivate.com/academia-government/blog/insights-from-the-g20-scorecard-indias-research-performance-in-focus/>; <https://dst.dashboard.nic.in/DashboardF.aspx> (accessed: 05.08.2026).

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (дата обращения: 05.08.2026).

²² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504110035?ysclid=msixdvtuyd458413966&index=3> (дата обращения: 05.08.2026).

²³ Available at: https://www.saasta.ac.za/wp-content/uploads/2019/03/FINAL-White-Paper-to-Cabinet_11-March-2019.pdf (accessed: 05.08.2026).

²⁴ Available at: <https://www.saasta.ac.za/wp-content/uploads/2025/01/framework-for-the-promotion-of-excellence-in-a-national-network-of-science.pdf> (accessed: 05.08.2026).

²⁵ NACI — Innovation for a better future. Available at: <https://www.naci.org.za> (accessed: 05.08.2026).

²⁶ Available at: <https://hsr.ac.za/about-cestii/measuring-rd-activity-in-south-africa/>; https://hsr.ac.za/wp-content/uploads/2025/10/RD_StatisticalReport2023-24_FINAL.pdf (accessed: 05.08.2026).

²⁷ OECD (2022). *Main Science and Technology Indicators*. Volume 2022 Issue 1. Paris: OECD Publishing; DOI: 10.1787/4db08ff0-en. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/10/main-science-and-technology-indicators-volume-2022-issue-1_4db08ff0-en/main-science-and-technology-indicators-volume-2022-issue-1_4db08ff0-en.pdf.

внедрение результатов, коммерциализацию, кооперацию науки и производства, распространение технологий и использование научных решений в экономике, государственном управлении или социальной сфере²⁸. Индикаторы стратегического воздействия отражали более долгосрочные изменения, связанные с конкурентоспособностью, технологической самостоятельностью, структурной модернизацией, устойчивостью и продвижением к национальным приоритетам развития²⁹.

Для межстранового сопоставления использовались следующие критерии систематизации: стратегическая цель политики, тип дорожной карты (как инструмент реализации научно-технологической политики), координирующий контур, преобладающая категория индикаторов, наличие промежуточной оценки, механизмы корректировки, итоговый тип модели оценки и мониторинга.

Ограничения исследования связаны с неодинаковой степенью открытости официальных данных, различной глубиной документальной фиксации процедур оценки и мониторинга. По этой причине статья сфокусирована на выявление различий в архитектуре мониторинга и в функциях индикаторов как элементов государственной научно-технологической политики.

Результаты исследования

Проведенный сравнительный анализ показал, что различия между странами БРИКС проявляются не только в провозглашаемых приоритетах научно-технологического развития, но и в способе институциональной организации их реализации, в конфигурации дорожных карт и в логике построения систем оценки и мониторинга.

Сопоставление стратегических документов, фиксирующих архитектуру индикаторов, показывает, что в странах БРИКС система мониторинга выполняет неодинаковые функции. В одних случаях она преимущественно служит инструментом мобилизации ресурсов и концентрации усилий на приоритетных направ-

лениях, в других — механизмом отслеживания прикладного эффекта и общественной отдачи, в-третьих — средством согласования долгосрочной стратегии, программной реализации и последующей корректировки политики.

Представленные в *таблице 3* параметры позволяют сделать два предварительных вывода. Во-первых, различия между странами касаются не столько формального наличия стратегий и программ, сколько степени их операционализации через измеряемые индикаторы и процедуры обратной связи. Во-вторых, архитектура оценки и мониторинга тесно связана с тем, какую функцию государство отводит научно-технологической политике, поэтому типология в настоящем исследовании основывается на сочетании четырех критериев: стратегическая цель политики, тип дорожной карты, преобладающая категория индикаторов и степень институционализации оценки.

Россия и Китай демонстрируют наиболее выраженные варианты централизованной архитектуры. В случае России основой служит Стратегия научно-технологического развития до 2035 года и последующая детализация через государственные программы и поддержку приоритетных направлений. В китайском случае ту же функцию выполняют пятилетние планы и сопряженные программные документы, в рамках которых научно-технологические цели включаются в единую систему социально-экономического планирования. В связи с этим при внешнем сходстве централизованной координации российская модель сильнее тяготеет к стратегической мобилизации по приоритетным направлениям, тогда как китайская — к интеграции науки и технологий в общую архитектуру социально-экономического развития.

Бразилия и Южно-Африканская Республика представляют иной тип архитектуры, в котором особенно заметна роль межуровневой координации. В бразильском случае стратегия задает долгосрочные ориентиры, но предполагает последующую конкретизацию через план действий. В Южно-Африканской Республике

²⁸ OECD (2015). Frascati Manual 2015: Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264239012-en

²⁹ OECD (2018). Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264304604-en. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oslo-manual-2018_9789264304604-en.html

уже базовые документы долгосрочного характера и план реализации прямо связывают стратегические приоритеты с контуром оценки и мониторинга. Это позволяет говорить о различии не просто в форме документа, а о степени институционализации оценочного механизма.

Индия занимает промежуточное положение, объединяя целевую государственную по-

становку задач с более распределенной системой реализации. Эмпирически это проявляется в том, что рамочные документы научно-технологической политики сочетаются с миссионерскими программами и цифровыми контурами наблюдения, а сама реализация сопровождается ключевыми показателями результативности и экспертной обратной связью.

Таблица 3. Сравнительные параметры систем мониторинга научно-технологического развития стран БРИКС

Страна	Стратегическая цель политики	Тип дорожной карты	Координирующий контур	Преобладающий уровень индикаторов	Промежуточная оценка и корректировка	Тип модели мониторинга
Россия	Технологический суверенитет, снижение технологической зависимости, обеспечение конкурентоспособности и безопасности	Стратегически централизованная, с последующей детализацией через государственные программы и приоритетные направления	Сильная государственная координация, встроенность в систему стратегического планирования	Ресурсные, результативные и индикаторы стратегического воздействия	Корректировка встроена в общий контур стратегического управления, но процедуры многоуровневой оценки эффектов выражены ограниченно	Стратегическая и мобилизационная
Китай	Инновационное развитие, промышленная модернизация, укрепление внутреннего потенциала, долгосрочное технологическое лидерство	Централизованная плановая, встроенная в общегосударственное социально-экономическое планирование	Единый центр координации в рамках пятилетнего планирования и долгосрочных ориентиров	Результативные и индикаторы стратегического воздействия при сохранении сильного ресурсного блока	Корректировка осуществляется через плановую систему и иерархию целевых ориентиров	Централизованно-целевая
Индия	Самообеспечение в критических сферах, миссионерское развитие, решение общественных задач через науку и технологии	Миссионерско-программная, с высокой ролью специализированных инициатив и цифровых контуров наблюдения	Сочетание государственного целеполагания и распределенной институциональной реализации	Результативные, индикаторы прикладного эффекта и частично стратегического воздействия	Выраженные процедуры мониторинга, базы данных, ключевые показатели результативности, механизмы экспертной обратной связи	Миссионерско-оценочная
Бразилия	Реиндустриализация, устойчивое развитие, биоэкономика, цифровая и социальная трансформация	Двухуровневая: рамочная стратегия и последующая операционализация через план действий	Межведомственная координация с переходом от стратегического уровня к программной детализации	Смешанная структура: ресурсные, результативные и индикаторы прикладного эффекта	Значительная часть механизмов оценки переносится на уровень операционализации стратегии	Координационно-трансформационная
Южно-Африканская Республика	Инклюзивное развитие, решение социальных и структурных проблем, повышение общественной отдачи науки и технологий	Проблемно-ориентированная и трансформационная, с явным выделением контура мониторинга, оценки и обучения политики	Координация через долгосрочную белую книгу и десятилетний план реализации	Индикаторы прикладного эффекта и стратегического воздействия при сохранении ресурсного и результативного уровней	Наиболее выраженная институционализация мониторинга, оценки, рефлексии и корректировки политики	Социально-трансформационная
Источник: составлено авторами.						

Сравнение показало, что национальные системы оценки и мониторинга различаются не просто по набору используемых индикаторов, а по тому, какие уровни результативности в них являются доминирующими.

Для России характерно сочетание сильного ресурсного блока с выраженной ориентацией на результативные показатели и индикаторы стратегического воздействия. На документальном уровне это проявляется в приоритетном внимании к показателям ресурсного обеспечения, кадрового потенциала, исследовательской инфраструктуры и прямым результатам научной деятельности, а также к ориентирам, связанным с технологической самостоятельностью, снижением критических зависимостей и укреплением конкурентных позиций.

Китайская модель демонстрирует сходный по структуре, но иной по логике перечень индикаторов. В документах пятилетнего планирования ресурсный блок сочетается с результативными показателями и целевыми ориентирами стратегического воздействия, связанными с инновационным развитием, промышленной модернизацией, цифровизацией и укреплением внутреннего инновационного потенциала. Тем самым индикаторы здесь функционируют не только как инструменты оценки, но и как элементы координации в рамках единой системы.

В индийской практике акцент смещается в большей степени к результативным показателям, индикаторам прикладного эффекта и частично к показателям стратегического воздействия. Основанием для такого вывода служит наличие в документах не только целевых ориентиров, но и ключевых показателей результативности и механизмов наблюдения за тем, как результаты научно-технологической деятельности применяются в рамках миссионных программ³⁰.

Для Южно-Африканской Республики принципиально важным оказывается не только достижение формальных результатов, но и измерение их социального, институционального и структурного эффектов. Это следует из того, что в анализируемых документах мониторинг и оценка с самого начала увязаны с общественной отдачей науки и технологий, решением со-

циальных проблем, поэтому южноафриканская модель оказывается наиболее чувствительной к индикаторам прикладного эффекта и стратегического воздействия.

Бразильская система занимает промежуточное положение и отличается смешанным перечнем индикаторов. Здесь сохраняется значение ресурсных и результативных параметров, Стратегия и последующий план действий ориентированы на более широкий набор преобразований — от технологической модернизации и биоэкономики до территориального, социального и экологического измерения развития.

Полученные результаты позволяют определить укрупненные типы моделей оценки и мониторинга в странах БРИКС.

Первый тип — стратегически мобилизационный — ориентирован на концентрацию ресурсов, поддержку приоритетных направлений и достижение целей суверенитета, безопасности и конкурентоспособности. К этому типу в наибольшей степени относится Россия и, с определенными оговорками, Китай. При этом их сходство определяется не только содержанием стратегических целей, но и общей логикой встроенности мониторинга в реализацию государственной научно-технологической политики.

Второй тип — миссионно-оценочный — наиболее отчетливо проявляется в Индии. Он выделяется на основании сочетания программно-миссионной дорожной карты, распределенной институциональной реализации, преобладания результативных и прикладных индикаторов.

Третий тип — координационно-трансформационный — объединяет Бразилию и Южно-Африканскую Республику, хотя в разных вариантах. Основанием для его выделения служит сочетание межуровневой координации, смешанной структуры индикаторов и более выраженной ориентации на прогнозируемый эффект научно-технологической политики. В обеих странах оценка и мониторинг в большей степени связаны с согласованием долгосрочных приоритетов и программной реализации, а также с более обширными структурными и общественными эффектами.

³⁰ Available at: <https://indiaai.gov.in/missions/atal-innovation-mission> (accessed: 05.08.2026).

Основной результат сравнительного анализа состоит в том, что страны БРИКС различаются не только по набору индикаторов, но и по самой функции мониторинга в системе государственного управления научно-технологическим развитием. Проведенная типологизация показывает, что эта функция эмпирически выражается через сочетание целей политики, конфигурации дорожных карт, структуры индикаторов и способов институционализации обратной связи.

Логика обобщения выявленных различий и формирования типологии моделей мониторинга представлена на *рисунке*.

Представленная схема показывает, что различия между странами БРИКС следует интерпретировать не как вариативность систем индикаторов, а как различия в логике организации оценки и мониторинга в системе государственного управления научно-технологическим развитием.

Обсуждение

Анализ показал, что оценку и мониторинг нельзя трактовать только как инструмент реализации стратегии научно-технологического развития. Он выступает встроенным элементом модели государственного управления и че-

рез структуру индикаторов и наличие процедур корректировки фиксирует, какие результаты государство считает значимыми и подлежащими постоянному наблюдению.

Это означает, что различия между странами БРИКС следует интерпретировать не как линейную шкалу «более развитых» и «менее развитых» систем, а как различия в типах управленческой рациональности (Калянова, 2014). В стратегически централизованных моделях, прежде всего в России и Китае, мониторинг подчинен задачам концентрации ресурсов, удержания приоритетов и достижения долгосрочных государственных целей. В системах с более выраженной программной и оценочной составляющей, как в Индии, он в большей степени связан с промежуточными этапами научно-технологической политики. В трансформационных моделях, представленных Бразилией и особенно Южно-Африканской Республикой, мониторинг сильнее увязывается с задачами общественной, структурной и институциональной отдачи.

В теоретическом плане проведенный анализ позволяет уточнить выводы работ по сочетанию инструментов политики и оценке результативности. Система мониторинга научно-техно-

Логика формирования моделей мониторинга научно-технологического развития в странах БРИКС

Источник: составлено авторами.

логического развития оказывается точкой пересечения этих аспектов. Она одновременно отражает институциональную конфигурацию инновационной системы, логику подбора и согласования инструментов государственной политики и представления о допустимых критериях успеха.

С этим связан и вопрос о межстрановой сопоставимости. Формально сходные показатели могут выполнять разные функции в различных системах управления. Один и тот же индикатор в одном случае может служить инструментом ресурсного блока, в другом — средством оценки прикладного эффекта, а в третьем — стратегическим параметром. Более корректным является функциональный подход, при котором сопоставляются место индикатора в архитектуре управления и его преобладающая роль.

С практической точки зрения полученные результаты свидетельствуют, что совершенствование систем мониторинга в странах БРИКС вряд ли может строиться по модели механического заимствования отдельных показателей. Более продуктивным является перенос принципов организации мониторинга: разграничения уровней результативности, взаимосвязи стратегических целей с измеряемыми параметрами, институционализации промежуточной оценки, включения механизмов обратной связи и учета получаемых эффектов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что системы оценки и мониторинга научно-технологической политики в странах БРИКС различаются не только по составу используемых индикаторов, но и по выполняемой функции мониторинга. Сопоставление дорожных карт, структуры индикаторов и механизмов обратной связи позволило выявить, что в одних странах мониторинг выполняет преимущественно мобилизационную функцию, в других — миссионно-оценочную, в третьих — координационно-трансформационную.

Предложенный подход, основанный на разграничении ресурсных, результативных, прикладных и стратегических индикаторов, позволяет выявлять различия в логике управления научно-технологической политикой. Тем самым статья вносит вклад в развитие сравнительных исследований научно-технологической политики, ориентированных на анализ не только целей и инструментов, но и механизмов управления.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные выводы как при совершенствовании национальных систем оценки и мониторинга, так и при анализе многостороннего научно-технологического сотрудничества в рамках объединения БРИКС.

Литература

- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2023). Российская инновационная система: нарративы и экономическая политика // *Journal of New Economy*. Т. 24. № 4. С. 22–40. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-2
- Гершман М.А., Брамбила Мартинес Ф.Х., Бредихин С.В., Гохберг Л.М. (2025). Научно-техническая политика: глобальные стратегии достижения технологического лидерства / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 248 с.
- Дежина И.Г., Пономарев А.К. (2022). Подходы к обеспечению технологической самодостаточности России // *Управление наукой: теория и практика*. № 3. С. 53–68. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.5
- Ильина И.Е., Васильева И.Н., Богатова Р.С. (2023). Разработка информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока и Средиземноморья // *Социология науки и технологий*. Т. 14. № 3. С. 180–207.
- Калянова Г.С. (2014). Рациональность как неотъемлемая составляющая процесса управления // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. № 4 (28). С. 52–62.
- Катуков Д.Д., Смородинская Н.В. (2025). Технологический суверенитет и технологическое лидерство России: замыслы и внутренние ограничения // *Общество и экономика*. № 12. С. 38–59. DOI: 10.31857/S0207367625120032
- Киреева Е.Ф., Поздняев А.С. (2026). Приоритеты технологического развития: глобальные тренды национальных стратегий // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 16. № 2. С. 249–270. DOI: 10.18334/vines.16.2.126107

- Ленчук ЕБ. (2022). Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления // Экономическое возрождение России. № 3. С. 52–60. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-52-60
- Ленчук Е. (2024). Технологический суверенитет — новый тренд российской научно-технологической политики // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 232–237. DOI: 10.31737/2221-2264-2024-64-3-232-237
- Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д. (2024). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 108–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6
- Alnafrh I. (2021). Efficiency evaluation of BRICS's national innovation systems based on bias-corrected network data envelopment analysis. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 10(1), 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00159-3>
- Alnafrh I., Bogdanova E. (2018). National innovation system and its role in increasing GDP per capita (Evidence from Russia). *Journal of Economic Regulation*, 9(1), 33–39.
- Araújo B.V.F., Azevedo A.C., de Almeida F.M., Rodrigues C.T. (2026). Innovation policy in an emerging economy: How regional and technological disparities moderate the effects of a national law. *Review of Policy Research*. 43(1), e70075. DOI: 10.1111/ropr.70075. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ropr.70075>
- Belussi F., De Noni I., Sabbadin E. (2024). Innovating for a better world: Examining regional policies in response to societal challenges. *European Planning Studies*, 32(9), 1861–1867. DOI: 10.1080/09654313.2024.2356268. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09654313.2024.2356268>
- Bshivanna P., Kumar M., Hoque A. et al. (2026). Emerging capacities for knowledge economy in BRICS countries. *Foresight and STI Governance*, 20(1). DOI: 10.17323/fstg.2026.29764. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/article/view/29764>
- Cha V.D. (2023). Collective resilience: deterring China's weaponization of economic interdependence. *International Security*, 1, 91–124. DOI: 10.1162/isec_a_00465
- Corrente S., García-Bernabéu A., Greco S., Makkonen T. (2023). Robust measurement of innovation performances in Europe with a hierarchy of interacting composite indicators. *Technology Analysis and Strategic Management*, 35(2), 305–322. DOI: 10.1080/10438599.2021.1910815. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10438599.2021.1910815>
- Desai A., Manoharan A.P. (2024). Digital transformation and public administration: The impacts of India's digital public infrastructure. *International Journal of Public Administration*, 47(9), 575–578. DOI: 10.1080/01900692.2024.2350762. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01900692.2024.2350762>
- Howoldt D. (2024). Characterizing innovation policy mixes in innovation systems. *Research Policy*, 53(2), 104902. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048733323001865>
- Isaksen A., Tripp M., Mayer H. (2022). Regional innovation systems in an era of grand societal challenges: Reorientation versus transformation. *European Planning Studies*, 30(11), 2125–2138. DOI: 10.1080/09654313.2022.2084226. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09654313.2022.2084226>
- Kahn M. (2023). The long walk to STI policy coherence. *South African Journal of Science*, 119(11/12), 1–3. DOI: 10.17159/sajs.2023/15423. Available at: <https://sajs.co.za/article/view/15423>
- Kasongo A., Makamu T. (2024). Innovation and economic growth: An empirical analysis for African countries. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*, 16(6), 751–760. DOI: 10.1080/20421338.2024.2382612. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20421338.2024.2382612>
- Krishna V.V. (2022). India @ 75: Science, technology and innovation policies for development. *Science, Technology and Society*, 27(1), 113–146. DOI: 10.1177/09717218211047029. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09717218211047029>
- Kruss G., Petersen I., Sanni M., Adeyeye D., Maziya A. (2025). Do we measure what should be measured? Towards a research and theoretical agenda for STI measurement in Africa. *Innovation and Development*. DOI: 10.1080/2157930X.2025.2481749. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2157930X.2025.2481749>
- Lenihan H., McGuirk H., Murphy K., Coad A. (2025). R&D policy instrument mix sequencing: Evaluating the impact of receiving R&D grants and R&D tax credits in sequence. *Industry and Innovation*, 32(5), 540–573. Available at: https://pureadmin.qub.ac.uk/ws/portalfiles/portal/613867097/2024_Lenihan_et_al_-_industry_and_Innovation.pdf

- Liang Y. (2024). Introduction to the Special Issue on Technological Development and Policy Making in China. *Chinese Economy*, 57(3), 167–169. DOI: 10.1080/10971475.2024.2319411. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10971475.2024.2319411>
- Liefner I., Brueck C., Losacker S., Zeng G. (2025). What can mission-oriented innovation policy learn from China? *Science and Public Policy*, 52(6), 826–841. DOI: 10.1093/scipol/scaf023. Available at: <https://academic.oup.com/spp/article/52/6/826/8129599>
- Mammen J.T., Nirupama A.K. (2024). Evolution of science, technology and innovation policies of India: Assessing the role of the domestic and international milieu. *Comparative Strategy*, 43(2), 118–136. DOI: 10.1080/01495933.2024.2317253. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01495933.2024.2317253>
- Nehring R. (2021). Embrapa and the construction of scientific heritage in Brazilian agriculture: Sowing memory. *Development Policy Review*, 39(5), 789–810. DOI: 10.1111/dpr.12531. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/dpr.12531>
- Niembro A., Levin LG. (2026). A comprehensive review of regional innovation policy research: Policy paradigms, evolution and underexplored topics. *European Planning Studies*, 34, 513–535. DOI: 10.1080/09654313.2025.2591713. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09654313.2025.2591713>
- Olariaga-Santa-Cruz M., Rodríguez-Castellanos A., Barrutia-Güenaga J., Rincón-Díez V. (2024). How to identify reference regions for comparison of innovation and competitiveness. *Regional Studies, Regional Science*, 11(1), 362–383. DOI: 10.1080/21681376.2024.2363842. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21681376.2024.2363842>
- Reynolds E.B. (2024). U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 8. DOI: 10.1007/s10842-024-00420-x
- Roch J., Oleart A. (2024). How ‘European sovereignty’ became mainstream: The geopoliticisation of the EU’s ‘sovereign turn’ by pro-EU executive actors. *Journal of European Integration*, 4, 545–565. DOI: 10.1080/07036337.2024.2326831
- Santana Mariano E.B., Guimarães J.C.F., da Cruz M.R.P., Jabbour C.J.C. (2024). Green innovation and economic growth: A comparative study of BRICS and G7 countries. *Cogent Economics and Finance*, 11(1), 2364836. DOI: 10.1080/23311975.2024.2364836. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/326330/1/10.1080_23311975.2024.2364836.pdf
- Silva P.F. (2025). Obstacles to innovation in Brazil: Measurement and policy implications. *Innovation and Development*, 15(1), 1–23. DOI: 10.1080/2157930X.2023.2226459. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2157930X.2023.2226459>
- Zhang Y., Lu X., Wang Y. (2025). Research on evaluation of implementation effect of science and technology innovation policy. *Sustainable Futures*, 101228. DOI: 10.1016/j.sfr.2025.101228. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666188825007907>

Сведения об авторах

Евгения Николаевна Горлачева — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1); ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 46; e-mail: egorlacheva@bmstu.ru)

Дарья Леонидовна Кушнарева — кандидат технических наук, доцент, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1); младший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 46; e-mail: kushnarevadl@bmstu.ru)

Gorlacheva E.N., Kushnareva D.L.

Analysis of the Systems for Monitoring the Scientific and Technological Development of the BRICS Countries: Problems and Possible Solutions

Abstract. In the context of intensifying global technological competition, science and technology development has become one of the key factors of national competitiveness, resilience, and strategic autonomy. For the BRICS countries, this sphere is especially important because it combines the tasks of economic modernization, strengthening domestic scientific capacity, and developing national mechanisms of technological advancement. The purpose of the article is to identify common trends and national specificities in the monitoring systems of science and technology development in the BRICS countries through a comparative analysis of roadmaps and indicator architecture. The empirical basis includes official strategic and program documents of Brazil, Russia, India, China, and South Africa. The methodological framework combines comparative analysis, qualitative content analysis of documents, a systems approach. An approach distinguishing resource, output, applied-effect, and strategic-impact indicators was used for cross-country comparison. The study shows that the BRICS countries differ in the function of monitoring within the system of public governance of science and technology development. Russia and China demonstrate predominantly centralized models in which monitoring is embedded in the strategic planning framework. India is characterized by a mission-oriented evaluative model that combines program flexibility, digital monitoring contours, and pronounced feedback mechanisms. Brazil and South Africa are closer to coordination-transformational models focused on linking strategic and program levels. The scientific novelty of the article lies in comparing the BRICS countries not by aggregate statistical indicators, but by the architecture of monitoring as a specific element of public science and technology policy. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions to improve national monitoring systems, develop interim assessment procedures and adjust government policy in the scientific and technological field, as well as identify the need for a strategic system of scientific and technological cooperation within the entire BRICS association.

Key words: BRICS, science and technology development, science and technology policy, monitoring system, roadmaps, indicators, public governance, comparative analysis, performance evaluation.

Information about the Authors

Evgeniya N. Gorlacheva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Bauman Moscow State Technical University (5, building 1, 2nd Baumanskaya Street, Moscow, 105005, Russian Federation); Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: egorlacheva@bmstu.ru)

Dariya L. Kushnareva – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University (5, building 1, 2nd Baumanskaya Street, Moscow, 105005, Russian Federation); Junior Researcher, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kushnarevadl@bmstu.ru)

Статья поступила 06.06.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

УДК 314.6; 314.372.43, ББК 60.7

© Камарова Т.А., Тонких Н.В., Маркова Т.Л.

Значимость финансовых стимулов в мотивации многодетности: опыт качественного исследования

**Татьяна Александровна
КАМАРОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

**Наталья Владимировна
ТОНКИХ**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tonkihvn@usue.ru

ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

**Татьяна Леонидовна
МАРКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: markova_tl@usue.ru

ORCID: 0000-0002-2520-6836; ResearcherID: ABC-7152-2021

Для цитирования: Камарова Т.А., Тонких Н.В., Маркова Т.Л. (2026). Значимость финансовых стимулов в мотивации многодетности: опыт качественного исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 172–190. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

For citation: Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Markova T.L. (2026). The significance of financial incentives in the motivation for having a large family: A qualitative study. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 172–190. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.10

Аннотация. Цель исследования — выявление значимости финансовых мотивов среди мотивационно-ценностных ориентиров, определяющих решение людей о создании многодетной семьи. Эмпирической базой выступили фокус-групповые дискуссии с многодетными родителями из Екатеринбурга, разделёнными на две группы: поколение 1 (ставшие многодетными до введения материнского капитала в 2007 году; N = 14 чел.; 8 женщин и 6 мужчин) и поколение 2 (ставшие многодетными после 2007 года; N = 15 чел.; 8 женщин и 7 мужчин). Гайд включал вопросы о мотивации, драйверах создания многодетной семьи и влиянии финансовых факторов на репродуктивный выбор. Рабочая гипотеза предполагала, что внедрение материнского капитала трансформировало иерархию мотивов: для поколения 1 определяющими должны выступать социокультурные и ценностные основания, а для поколения 2 возрастает роль финансовых факторов при сохранении значимости ценностно-нормативных установок. Результаты показали, что мотивация к многодетности обусловлена преимущественно ценностно-нормативными установками и социально-реляционными драйверами, а не ориентацией на финансовые выгоды от государственной поддержки. У обоих поколений выявлен схожий набор ключевых мотивов: интенциональная установка на многодетность; влияние позитивных образцов многодетности в старших поколениях; стремление к созданию семьи; ожидание взаимной опоры братьев и сестёр для детей. Межпоколенческие различия в структуре мотивации оказались незначимыми. Вместе с тем зафиксированы гендерные особенности: мужчины реже декларируют планирование многодетности, что связано со спецификой восприятия планирования и зависимостью от репродуктивной готовности женщины, и чаще акцентируют эффект «обновления родительской энергетики» при рождении ребёнка; для женщин значимы вступление в новый брак, реализация ресурса родительской любви и обогащение опыта материнства. Перспективным направлением дальнейших исследований является оценка институционального эффекта материнского капитала посредством сравнительного анализа однодетных и двухдетных семей (по критерию «до/после 2007 года»), что позволит проследить эволюцию мотивационной структуры и механизмы влияния мер поддержки на репродуктивные решения.

Ключевые слова: многодетная семья, материнский капитал, ценностно-мотивационная структура, метод фокус-группы.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

В условиях продолжающегося демографического спада, снижения суммарного коэффициента рождаемости и сокращения численности населения вопросы поддержки семьи, материнства и детства приобретают особую значимость в системе государственной социально-демографической политики. Несмотря на реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование рождаемости, включая программы материальной поддержки семей с детьми, демографическая ситуация в России продолжает характеризоваться снижением репродуктивной активности населения, особенно в отношении рождения второго и последующих детей.

Особое значение в современных условиях приобретает феномен многодетной семьи как социально-демографического ресурса воспроизводства населения. При этом многодетность представляет собой не только демографическое, но и социокультурное явление, связанное с ценностными ориентациями, семейными установками, жизненными стратегиями и личностными мотивами родителей. Решение о рождении третьего и последующих детей формируется под воздействием комплекса факторов.

С учетом сохраняющихся демографических вызовов поддержка многодетных семей рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной социально-демографиче-

ской политики. Важным этапом институционализации мер поддержки многодетности стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», в котором впервые на федеральном уровне было закреплено нормативное определение многодетной семьи. Принятие данного документа явилось результатом взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций, представляющих интересы многодетных семей. Особое значение имеет установление бессрочного статуса многодетной семьи независимо от возраста детей, что способствует укреплению социального статуса многодетности и расширению системы социальных гарантий (Ростовская и др., 2024).

Значимость многодетной семьи как ключевого ресурса демографического развития страны была также обозначена в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года, где подчеркивается необходимость формирования позитивного общественного восприятия многодетности и повышения качества жизни семей с детьми¹.

В целях преодоления негативных демографических тенденций в Российской Федерации с 1 января 2007 года вступил в силу федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предусматривающий финансовую помощь семьям, рассматривающим возможность рождения второго либо третьего ребенка. Комплекс государственных мер поддержки семей с детьми, в том числе предоставление права на получение материнского капитала, выступил одним из значимых факторов, оказавших влияние на динамику рождаемости и обусловивших ее рост. Так, в 2007 году число родившихся детей увеличилось почти на 123 тыс. по сравнению с предыдущим годом. Если в 2006 году число рождений на 1000 человек населения составляло 10,4, то в 2009 году оно возросло до 12,4, а в 2014 году составило 13,3. Среди всех рожденных в 2007 году доля вторых и третьих детей увеличилась с 33 до 44%. В период 2006–2011 гг. суммарный коэффициент рождаемости повысился с 1,3 до 1,6

рождения на одну женщину, а за 2007–2014 гг. общий коэффициент рождаемости вырос на 2,24‰ (Светличная, Меньшикова, 2017).

Несмотря на расширение мер государственной поддержки многодетных семей, в научном дискурсе сохраняется дискуссия относительно факторов, определяющих готовность семей к рождению третьего и последующих детей. Исследователи отмечают, что экономические стимулы сами по себе не выступают определяющим условием многодетности. Существенную роль играют семейные ценности, установки на родительство, особенности семейной социализации, межпоколенческая поддержка и субъективное восприятие родительства (Борисова, Павлюткин, 2019; Гудкова, 2019).

Вместе с тем в отечественной литературе недостаточно изученными остаются личностные мотивы принятия решения о переходе к многодетности, особенно в контексте изменения ценностных ориентаций современной семьи и трансформации репродуктивного поведения населения. Анализ субъективных оснований многодетности представляется особенно значимым в условиях необходимости разработки эффективных мер демографической политики, ориентированных не только на материальное стимулирование рождаемости, но и на формирование позитивного образа многодетной семьи. Исследование мотивов, лежащих в основе репродуктивных решений, позволяет глубже понять тенденции снижения рождаемости и откладывания решения о последующих детях в современном обществе.

В условиях стратегической значимости увеличения числа многодетных семей важно понимать, насколько существующая, преимущественно финансовая поддержка семей с детьми способствует распространению многодетности. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в выявлении степени значимости финансовых мотивов в принятии решения о создании многодетной семьи.

В соответствии с поставленной целью в качестве задач исследования определены:

- проведение фокус-групповых дискуссий для выявления существующих сходств и различий в структуре мотивационно-ценностных

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 29 февраля 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 10.03.2026).

ориентиров, обуславливающих принятие решения о создании многодетной семьи, среди представителей двух поколений многодетных семей: поколение 1 — семьи, ставшие многодетными до внедрения материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка), поколение 2 — семьи, ставшие многодетными после введения материнского капитала;

— оценка относительной значимости финансовой составляющей в мотивации многодетности, проведение сравнительного анализа ее роли среди представителей двух исследуемых поколений многодетных семей и выявление гендерной специфики мотивационных установок.

Теоретико-методологическая рамка исследования

В современных социально-демографических исследованиях репродуктивное поведение рассматривается как результат сложного взаимодействия экономических, институциональных, культурных и личностных факторов. В отечественной социологии рождаемости одним из базовых является подход В.А. Борисова, согласно которому репродуктивное поведение представляет собой систему действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности. В структуре репродуктивного поведения автор выделяет взаимосвязанные компоненты: репродуктивные потребности, установки, мотивы, интересы, планы, решения и действия (Борисов, 1970, с. 8). В рамках данного подхода репродуктивные установки выступают одним из внутренних регуляторов репродуктивного поведения. С точки зрения теории кризиса семьи, они представляют собой предрасположенность личности, определяющую согласованность действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей (Сивоплясова, 2022).

В отличие от репродуктивных установок, отражающих отношение личности к деторождению, понятие демографических установок носит более широкий характер и фиксирует готовность личности к определенным результатам жизненного поведения. Соответственно, репродуктивные установки могут рассматриваться как специфический вид демографических

установок, непосредственно связанный с отношением к деторождению, желаемым числом детей и готовностью реализовывать соответствующую репродуктивную стратегию. Репродуктивные мотивы, в свою очередь, представляют собой побуждения, лежащие в основе принятия решения о рождении ребенка (Корниенко и др., 2017).

В условиях снижения рождаемости особую значимость приобретает изучение не только фактического репродуктивного поведения, но и репродуктивных намерений, которые во многом определяют последующую реализацию рождений (Dommermuth et al., 2025). При этом в современной исследовательской повестке наблюдается переход от преимущественно экономического объяснения репродуктивного поведения к комплексному анализу ценностных установок, жизненных стратегий, семейных отношений и субъективной мотивации родительства.

В настоящее время отмечается дефицит эмпирических и теоретических разработок, раскрывающих механизмы формирования репродуктивных стратегий многодетности (Šmergajová, 2025). В научной литературе выделяют несколько основных групп факторов, определяющих выбор в пользу многодетности: экономические и жилищные условия, характеристики партнерских отношений, ценностные ориентации, опыт родительской семьи, особенности занятости и гендерных ролей, а также институциональный и социокультурный контекст. Значимость материальной составляющей в формировании и реализации репродуктивных намерений подтверждается современными исследованиями: финансовое положение и стабильность жизненных условий выступают существенными детерминантами репродуктивного поведения (Jurczak et al., 2026; Bakytzhanova et al., 2026). Вместе с тем реализация репродуктивных намерений детерминирована не только экономическими параметрами, но и комплексом социально-демографических характеристик семьи. В частности, с возрастом у женщин нарастает совокупность репродуктивных ограничений, которые обусловлены как биологическими факторами, так и особенностями партнерского статуса (Макаренцева, Бирюкова, 2023, с. 44).

Значимость институциональных условий подтверждается исследованиями репродуктивных установок молодых семей. По результатам углубленных интервью А.В. Короленко и О.Н. Калачиковой выявлены различные позиции молодых семей по отношению к государственной поддержке: от непризнания ее влияния на репродуктивные решения до ожидания государственной помощи и признания ее значимости для реализации рождений. Наиболее распространенной оказалась позиция, при которой семьи не рассматривают государственную поддержку как определяющий фактор рождения детей (Короленко, Калачикова, 2022). Таким образом, влияние внешних стимулов на репродуктивное поведение не является однозначным и опосредовано субъективным восприятием семей собственных ресурсов и доступных мер поддержки.

Устойчивость партнерских отношений и наличие эмоциональной поддержки выступают в качестве «организующих» факторов (Rahnu, Jalovaara, 2023, с. 11–12), определяющих как готовность к рождению ребенка, так и сроки принятия репродуктивных решений.

Социально-экономический анализ позволяет выделить ряд факторов, формирующих репродуктивные намерения и задающих дальнейшую траекторию репродуктивного поведения. К ним относятся возраст младшего ребенка (3–6 лет), позитивные ожидания относительно улучшения жилищных условий, а также желание супруга иметь больше детей в рамках согласованного репродуктивного плана пары. Особый исследовательский интерес представляют женщины, которые выражают желание иметь больше детей, но не имеют конкретных планов по его реализации, что может проявляться как в отсрочке, так и в полном отказе от реализации намерения. Для этой группы значимыми выступают экономические факторы: наличие собственного жилья, стабильная занятость, отсутствие долговой нагрузки (Makarentseva et al., 2025). Отдельной значимой подгруппой являются женщины старше 35 лет (Смулянская, 2017), что обуслов-

лено ростом доли этой категории в структуре женского населения в последние годы.

Среди постулируемых мотивов деторождения исследователи выделяют ценность родительства как источника жизненной удовлетворенности, возможность реализации родительской роли и удовлетворение от воспитания ребенка (Brini et al., 2026). При этом большинство женщин репродуктивного возраста выражают желание иметь двух-трех детей, причем среднее желаемое число детей превышает ожидаемое во всех возрастных группах². Данный факт подтверждает описанный в российских и международных публикациях «идеал» малой семьи (два ребенка) (Ковальчук и др., 2018) и свидетельствует о том, что у значительной части женщин, уже имеющих одного ребенка, остаётся намерение родить второго, а в отдельных случаях и третьего³.

Особое место среди факторов, определяющих репродуктивные решения, занимает экономическая составляющая. В отечественной и зарубежной литературе активно исследуется влияние финансовых стимулов на рождаемость, в том числе краткосрочные эффекты финансовой поддержки и воздействие социальных и экономических реформ на репродуктивное поведение (Rasmussen, 2010; Brewer et al., 2012; Carneiro et al., 2015; Tudor, 2020). При этом эффективность мер семейной политики обусловлена комплексом факторов, включающих институциональный контекст, социально-экономические характеристики семей и особенности национальной модели социальной политики (Gonzalez, 2013; Гурко, 2023; Ezdi et al., 2024). Согласно исследованиям, семейная политика в странах с низким уровнем рождаемости, экономическая поддержка демонстрирует большую результативность в сочетании с институциональными условиями, позволяющими совмещать профессиональную занятость и семейную жизнь (Gauthier, Gietel-Basten, 2025).

Программа материнского капитала, введенная в 2007 году, выступает одним из центральных элементов современной российской демографической политики и служит значимым

² Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

³ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume>

эмпирическим кейсом для анализа влияния прямых финансовых стимулов на репродуктивное поведение. С методологической точки зрения её запуск может рассматриваться как «естественный эксперимент», позволивший проследить, в какой мере институционально оформленные экономические меры способны модифицировать репродуктивные стратегии населения.

Эмпирические исследования фиксируют ограниченный вклад программы в динамику итоговой рождаемости: значительная часть наблюдавшегося после её введения роста показателей была связана не с увеличением планируемого числа детей, а с перераспределением рождений во времени, так называемыми «тайминговыми» сдвигами (Архангельский и др., 2024b). Данный факт позволяет интерпретировать эффект материнского капитала не как фактор формирования новой установки на многодетность, а как механизм реализации уже сложившихся репродуктивных намерений за счёт снижения экономических барьеров и изменения временных параметров принятия решения о рождении ребёнка.

Таким образом, несмотря на относительно невысокий прямой демографический эффект, программа сохраняет высокую исследовательскую ценность: она позволяет раскрыть место финансовых стимулов в структуре мотивации многодетности и уточнить характер их взаимодействия с ценностными и культурными детерминантами репродуктивного выбора. Это делает анализ восприятия мер поддержки со стороны многодетных семей релевантным направлением социологических и демографических исследований.

Таким образом, анализ литературы позволяет заключить, что мотивация к многодетности формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Экономическая обеспеченность и жилищные условия определяют ресурсные возможности семьи, однако сами по себе не объясняют принятие решения о рождении третьего и последующих детей. Существенное значение имеют устойчивость партнёрских отношений и эмоциональная поддержка (Ростовская и др., 2021), ценность родительства и семьи, а также институциональные условия, способствующие совмещению профессиональной и семейной жизни (Маркова, 2024).

Не меньшую роль в репродуктивном поведении играют гендерные, региональные и межпоколенческие особенности (Rostovskaya et al., 2023; Вакуленко и др., 2024).

Гендерная специфика проявляется в неодинаковом соотношении экономических, социальных и психологических оснований принятия решения о рождении детей. Для обоих полов базовое значение имеют конструктивные психологические мотивы, связанные с ценностью семьи и родительства, а также с любовью к детям, при этом набор и вес дополнительных мотивов различаются. Согласно ряду исследований, мужчины в большей степени ориентированы на экономические аспекты рождения ребенка, тогда как женщины чаще учитывают социальные ожидания со стороны семьи и общества (Синельников и др., 2023; Трусова, Ткач, 2022).

Для женщин решение о рождении последующих детей связано не только с материальными условиями, но и с потенциальными последствиями для профессиональной занятости, а также возможностями совмещения родительской роли с трудовой деятельностью. В частности, исследования многодетных семей со средним достатком показывают, что выбор в пользу многодетности нередко сопряжён с ограничением профессиональных и социальных возможностей матери, что может влиять на принятие дальнейших репродуктивных решений (Баннх и др., 2019, с. 125). В более широком контексте изменение гендерных ролей, карьерных ориентаций и распределения семейных обязанностей также рассматривается как фактор, определяющий сроки и реализацию репродуктивных намерений (Горлатых, Абрамов, 2025, с. 250; Абдулаева, 2024).

Социально-культурные особенности регионов также определяют различия в структуре мотивации на многодетность. Так, в Москве выбор стратегии многодетности чаще связан с ценностными ориентациями и наличием государственной поддержки; при этом материальная составляющая также сохраняет значимость. Многодетность в столице характеризуется как относительно более осознанный и редкий выбор (Русанова, Журавлева, 2019). В Уральском регионе зафиксирована значимость сочетания материальных и нематериальных факторов, при этом особую роль играют ценностно-биографи-

ческие детерминанты, включая опыт родительской семьи (Баннх и др., 2019). Напротив, в Северо-Кавказском регионе репродуктивное поведение в значительной степени определяется традициями, представлениями о семье и браке, религиозностью и социокультурными нормами. Среди регионально специфичных факторов выделяют ориентацию на многодетность, гендерные установки (в том числе предпочтении рождения сына), ожидания относительно раннего вступления дочерей в брак, а также ограничения, касающиеся жизненных траекторий женщин, например возможностей получения образования (Сиражутдинова, 2024, с. 269).

Наряду с действующими социально-экономическими условиями и социально-культурными особенностями регионов значимым детерминантом репродуктивного поведения выступает семейный опыт предыдущего поколения. Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения свидетельствуют о положительной связи между числом детей, рожденных матерью респондента, и средним желаемым и ожидаемым числом детей у самого респондента⁴. Эта взаимосвязь согласуется с результатами исследования, фиксирующими влияние репродуктивного опыта родительской семьи на вероятность выбора многодетной стратегии родительства (Синельников и др., 2023).

При этом межпоколенческая трансляция установок не предполагает механического воспроизводства репродуктивного поведения. Исследования внутрисемейной передачи установок многодетности показывают, что даже при принятии ценностных ориентаций родительской семьи фактическое число детей в следующем поколении может оставаться ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (Карпова, Ляликова, 2023: с. 77). Это позволяет сделать вывод о том, что межпоколенческая передача установок на многодетность реализуется во взаимодействии с изменяющимися социально-экономическими условиями. Соответственно, достижение положительной

демографической динамики с каждым поколением становится всё более затруднительным (Архангельский и др., 2024а, с. 57).

Таким образом, анализ научной литературы демонстрирует, что преобладающая часть существующих исследований сфокусирована либо на изучении общих репродуктивных намерений, либо на анализе отдельных детерминант их реализации. Комплексный подход, учитывающий динамику мотивационной структуры в связи с трансформацией институциональных условий государственной поддержки, остаётся недостаточно разработанным. В частности, сравнительно слабо освещён вопрос о том, как изменение параметров семейной политики соотносится со сдвигами в иерархии мотивов многодетности у разных социально-демографических групп. Именно этот пробел в научной литературе определяет исследовательскую нишу настоящей работы и обуславливает сравнительный анализ структуры мотивации к многодетности в контексте меняющихся институциональных условий.

Материалы, методы и гипотезы исследования

В рамках данного исследования осуществляется сравнительный анализ личностных мотиваций создания многодетных семей между представителями двух поколений:

- первое поколение — семьи, ставшие многодетными до внедрения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка);
- второе поколение — семьи, ставшими многодетными после введения данной финансовой меры.

Исследование личных мотивационно-ценностных ориентиров многодетных родителей проводилось методом фокус-групп в период с 22 по 30 ноября 2025 года. В качестве локации исследования был выбран город Екатеринбург, что обусловлено его репрезентативностью для анализа ситуации в Свердловской области. Согласно статистическим данным⁵, Екатеринбург — крупнейший по численности населения город

⁴ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

⁵ Основные итоги деятельности Министерства и приоритетные направления / Министерство социальной политики Свердловской области. URL: <https://msp.midural.ru/deyatelnost/otchety-o-deyatelnosti/osnovnye-itogi-deyatelnosti-ministerstva-i-prioritetnye-napravleniya.html> (дата обращения: 10.08.2026).

региона, на его долю в 2023 году приходилось 28,3% от общего числа многодетных семей области. При этом динамика численности многодетных семей в городе характеризуется устойчивым ростом: с 17304 семей в 2021 году до 18309 в 2022 году и 19494 в 2023 году. Такая концентрация и положительная динамика позволяют рассматривать Екатеринбург как релевантную площадку для изучения репродуктивных установок и мотиваций многодетных родителей, а также обеспечивают достаточную доступность целевой группы для организаций фокус-групп.

В рамках исследования было проведено четыре фокус-группы: по одной фокус-группе с женщинами и мужчинами, представляющими первое исследуемое поколение, и по одной — с женщинами и мужчинами, относящимися ко второму исследуемому поколению (табл. 1).

Выбор метода фокус-групп обусловлен его высокой информативностью в рамках качественного исследования, поскольку полуструктурированная групповая дискуссия позволяет выявить и содержательно раскрыть основные мотивы и драйверы принятия решения о многодетности. Респонденты были дифференцированы по двум критериям: гендерному (мужчины и женщины) и поколенческому (первое и второе исследуемое поколение). Для каждой комбинации этих критериев была организована отдельная фокус-группа. Выбор двух исследуемых поколений определен различием в институциональных условиях реализации репродуктивных стратегий. Представители второго поколения имели доступ к дополнительной финансовой государственной поддержке семей при рождении второго и последующих детей; представители первого поколения не располагали такими мерами поддержки. Фокус-группы проводились раздельно для мужчин и женщин, что связано с высокой сензитивностью темы репродуктивного и многодетного родительства, которая способна влиять на характер высказываний участников. В частности, при планировании исследования существовали опасения, что в смешанной группе мужчины будут склонны отрицать значимость финансовых мотивов при принятии решения о рождении детей. Обсуждение материальной стороны вопроса могло восприниматься как ущемление их роли в обеспечении семьи и ставить под сомнение их

финансовую состоятельность. Тем не менее эти предположения не подтвердились: в ходе дискуссий мужчины открыто рассматривали меры государственной поддержки как один из факторов, мотивирующих к многодетности.

Гайд фокус-группы был разработан как инструмент выявления глубинных мотивационных установок многодетных родителей и опирался на принципы полуструктурированного интервью. В основу структуры гайда легли подходы, близкие к методикам изучения ценностно-мотивационного поля, в том числе логике ценностных ранжирований по типу методики М. Рокича. Участникам предлагалось не просто отвечать на прямые вопросы, но и выстраивать приоритеты, соотносить значимость различных факторов (экономических, социальных, ценностных), а также приводить примеры из личного опыта, иллюстрирующих принятие репродуктивных решений. Дискуссии были сфокусированы на ключевых тематических блоках: «Мотивация создания многодетной семьи», «Финансовые факторы», «Ожидания многодетных родителей по совершенствованию семейной политики». Для когорты многодетных семей, получивших материнский капитал, был предусмотрен отдельный модуль вопросов, нацеленный на оценку реального влияния этой меры на репродуктивное поведение. Такая структура гайда позволяла не только фиксировать декларируемые мотивы, но и выявлять скрытые установки, противоречия и иерархию ценностей респондентов, а также отделять ситуативные высказывания от устойчивых позиций за счет сочетания прямых, ранжирующих и проективных вопросов.

Финансовые факторы, влияющие на репродуктивное поведение, отличаются значительным разнообразием и включают пособия, налоговые льготы, жилищные программы, региональные выплаты и др. В рамках настоящего исследования в качестве ключевого экономического мотива рассматривался материнский капитал, что обусловлено его институциональной значимостью и выраженной мотивационной функцией в контексте многодетности. Во-первых, материнский капитал представляет собой относительно крупную единовременную выплату, способную существенно влиять на долгосрочные семейные стратегии, в том чис-

ле на решение о рождении второго и последующих детей. Во-вторых, данная мера обладает высокой узнаваемостью и устойчиво ассоциируется в общественном сознании с поддержкой многодетности, что повышает ее релевантность для анализа декларируемых и скрытых мотивов. В-третьих, материнский капитал имеет длительный срок реализации и широкий спектр направлений использования, что позволяет рассматривать его как комплексный институциональный фактор, а не как узкую текущую выплату.

При этом дифференциация на федеральный и региональный уровни реализации данной меры поддержки не проводилась. Материнский капитал анализировался как единый институциональный фактор, способный выступать в качестве мотива к многодетности. Такой подход оправдан с точки зрения исследовательского фокуса на смысловых установках респондентов. В нарративах участников фокус-групп региональные меры зачастую не выделялись

как самостоятельный значимый стимул, а воспринимались в общем контексте государственной поддержки семьи.

Проведение фокус-группы предполагало аудиозапись устных ответов респондентов на вопросы гайда с последующим транскрибированием и оформлением стенограммы. Обработка результатов осуществлялась путем анализа дословных высказываний респондентов, которые на следующем этапе анализа объединялись в тематические категории, представляющие собой описание мотивов рождения ребенка. Также использовался метод постоянных сравнений, который позволил выделить сходства и различия в мотивации к многодетности между двумя группами респондентов, а также между мужчинами и женщинами.

Далее проводилась группировка респондентов по двум исследуемым целевым группам (табл. 1).

Характеристика участников фокус-групп приведена в таблице 2.

Таблица 1. Целевые группы исследования

Поколение	Характеристика	Состав
1	Семьи, ставшие многодетными до внедрения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка)	Женщины – 1 фокус-группа, Мужчины – 1 фокус-группа
2	Семьи, ставшие многодетными после введения финансовых мер государственной поддержки в виде материнского капитала (с 1 января 2007 года на второго и последующего ребенка)	Женщины – 1 фокус-группа, Мужчины – 1 фокус-группа

Таблица 2. Характеристика целевых групп исследования

Показатель	Поколение 1	Поколение 2
Женщины		
Количество участников фокус-группы, чел.	8	8
Возраст участниц, лет	45–59	34–45
Годы рождения детей	Первых двух детей: 1990–2004 Третьего ребенка: 1997–2006	Второго ребенка*: 2009–2018 Третьего ребенка: 2014–2024
Мужчины		
Количество участников фокус-группы, чел.	6	7
Возраст участников, лет	48–60	36–60
Годы рождения детей	Первых двух детей: 1987–2005 Третьего ребенка: 2000–2006	Второго ребенка**: 1987–2018 Третьего ребенка: 2008–2024
* В группе женщин шестеро участниц получили федеральный материнский капитал на второго ребенка, затем получили региональный материнский капитал на третьего; двое получили федеральный материнский капитал на третьего ребенка. ** В группе мужчин трое получили федеральный материнский капитал на второго ребенка, затем получили региональный материнский капитал на третьего; четверо получили федеральный материнский капитал на третьего ребенка.		

К методологическим ограничениям проведенного исследования следует отнести три ключевых фактора:

- во-первых, значительная временная дистанция между рождением ребенка у респондентов способна влиять на репрезентативность декларируемых мотивов: воспоминания о принятии репродуктивных решений подвержены когнитивной трансформации, а иерархия мотивов может перестраиваться под влиянием последующих жизненных обстоятельств;

- во-вторых, поколенческие различия сравниваемых групп обуславливают неоднородность социальных-экономических и культурно-нормативных контекстов: представители разных поколений социализировались в несхожих институциональных условиях, что осложняет прямое сопоставление мотивационных оснований многодетности и требует осторожной интерпретации межгрупповых различий;

- в-третьих, региональную специфику выборки (исследование охватило многодетных родителей — жителей Екатеринбурга) ограничивает возможность экстраполировать результаты на другие регионы Российской Федерации: выявленные паттерны мотивации и оценки мер поддержки могут быть обусловлены локальными социально-экономическими особенностями реализации семейной политики и региональными культурными установками. Для обобщения выводов необходима верификация результатов в иных территориальных контекстах.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что институциональное внедрение материнского капитала повлияло на трансформацию мотивационной структуры репродуктивного поведения:

- в нарративах представителей поколения 1 доминирующими окажутся преимущественно социокультурные и ценностные мотивы, а экономические соображения будут фигурировать в меньшей степени и преимущественно в контексте общих жизненных трудностей, а не как самостоятельный драйвер репродуктивного решения;

- в нарративах представителей поколения 2 финансовые аспекты будут занимать более заметное место в обосновании решения о многодетности. Предполагается, что меры мате-

риальной поддержки воспринимаются этой группой как значимый фактор, дополняющий ценностно-нормативные основания репродуктивного выбора.

Результаты и обсуждение

Мотивы многодетности

Положительное решение о появлении третьего ребенка в семье не всегда формулируется в понятиях ценностей или жизненных принципов, чаще оно озвучивается более приземленно и конкретно. Для кого-то оно является заранее запланированным, для кого-то ситуативным (некоторые мотивы продиктованы изменениями жизни, семья становится многодетной в силу каких-то событий, обстоятельств), но в любом случае оно вербализуется с помощью терминов и значений внутреннего психологического порядка, а не материально-практического. Ключевые драйверы многодетности в высказываниях респондентов двух исследуемых поколений систематизированы в *таблице 3*.

Как показывает анализ нарративов, представители двух поколений демонстрируют общность мотивов к многодетности. Но даже интенциональная установка на многодетность присутствует не у всех участников исследования, хотя все они являются многодетными.

Детский опыт жизни в многодетной семье может оцениваться и негативно: *«Вот у меня жена из многодетной семьи, она говорит, „да это капец, когда все делится на всех, вся вот эта толпа, эти вот все разборки“»* (М). Скептическое отношение может быть заложено у тех, кто был старшим ребенком в многодетной семье: *«У меня муж второй в семье, внимания ему не хватило, мама, получается, занимала его — старший помощник, у нее третий ребенок, еще четвертый родился. То есть она ему внимания-то особо толком не дала. Он из-за этого и не хотел третьего ребенка. Вот два, и хватит»* (Ж). Один из респондентов родом из Узбекистана (узбек по национальности) воспитывался в среде с культом многодетности, но сам в собственной семье не стремился к этим традиционным образцам: *«У нас всегда родители твои, или бабушки твои, они будут спрашивать, сколько у тебя детей, будут всегда подпирать — давай еще, давай еще. Я, когда переехал сюда, здесь, в России, по-другому все. У меня уже менталитет поменялся»* (М).

Таблица 3. Мотивация и драйверы многодетности

Поколение 1	Поколение 2
Интенциональная (целеполагающая) установка на многодетность: изначально хотела/хотели с мужем иметь минимум троих детей	
«У нас с мужем запланировано трое было» (Ж) «Я всегда мечтала, чтобы у меня было хотя бы трое детей» (Ж)	«Я запланировала себе лет в 18, что у меня будет трое детей» (Ж) «Перед первым [ребенком] мы обсуждали [с мужем], что у нас будет большая многодетная семья» (Ж) «Обсуждали на романтической основе вначале. Сколько будем иметь детей? – Давай троих, было бы неплохо. Это планированием, конечно, трудно назвать. А какая квартира будет? – Пятикомнатная» (М)
Положительные образцы многодетности старших поколений: многодетные семьи родителей, дядей/тетей, приобщенность к практикам больших дружных семей в детстве	
«У меня у родителей, что с папиной стороны, что с маминой стороны, по трое детей было. И мы всегда уже детьми – нас было много на всех праздниках. И двоюродных сейчас сестер, и братьев очень много. Поэтому, да, я как-то смотрела на них, мне хотелось так же» (Ж) «Чем больше детей, тем лучше. Я сама из многодетной семьи» (Ж)	«У меня супруг всегда хотел 10 детей, чтобы была большая дружная семья, чтобы были дети, веселье. Его линия по роду – все многодетные, там по 8 детей, по 10 детей» (Ж) «В детстве на дачу летом отправляли нас к бабушке, там двоюродные все жили, мы жили в доме все, и много детей. Мне вот это нравилось» (Ж) «Жена у меня из многодетной семьи, шестеро у нее в семье было. У нее было желание троих, но не получалось, а тут раз, и получилось» (М)
Создание новой семьи (второй/следующий брак); новый партнер	
«Другой муж. Хотелось подкрепить отношения рождением ребенка» (Ж) «Третий ребенок – от второго брака» (Ж)	«Муж второй, у него нет детей. И вот он очень хотел ребенка» (Ж)
Стремление создать для своих детей жизненную опору на братьев/сестер	
«Я единственный ребенок, и всегда, сколько я себя помню, особенно до подросткового возраста, мне хотелось, чтобы у меня были братья, которые бы меня защищали. Мне было одиноко. И я решила, что в моей семье у ребенка обязательно один или два должны быть братья или сестрички» (Ж) «Самая устойчивая плоскость на трех точках» (Ж) «На 200 % детям нужен либо братик, либо сестренка, как минимум. Это однозначно» (М)	«Мой муж один в семье. И вот он всегда говорил, я очень жалею, что у меня нет ни сестры, ни брата, что это все равно такая поддержка и опора по жизни. И поэтому он говорил, что я хочу, чтобы у моих детей были братья и сестры» (Ж) «Я в семье одна. Когда я выходила замуж, я себе думала, что у моих детей точно будут братья и сестры. Потому что мне всегда хотелось, чтобы у меня был брат или сестра, вот именно родные» (Ж) «Я же один [был в семье], я мечтал о том, чтобы у меня были братья, сестры. Семьи, где есть братья и сестры, они более сплоченные, они там друг на дружку опираются в какой-то момент» (М)
Стремление иметь разнополых детей	
«Было двое сыновей. Хотела девочку» (Ж) «Я вот тоже хотел дочь. Первые двое сыновья» (М) «У меня два парня старших, поэтому супруге и мне хотелось – вот бы еще девочку» (М)	«Мы хотели разнополых детей. И если бы первые дети однополые были, то третьего точно, вот уже прямо осознанно стали бы делать» (Ж) «У меня было две дочери, они уже большие, а я мечтал о сыне» (М). «Это основной мотив – я дочку хотел, потому что все сыновья» (М)
Расширение потенциалов родителей и семьи	
«Когда у тебя второй, третий ребенок, у тебя и возможности открываются больше. У тебя и мотивация другая» (Ж) «Дети стимул придают, потому что хочется достигать большего, двигаться как финансово, так и интеллектуально» (Ж)	«Обязательно что-нибудь приходит, с рождением любого ребенка в семье что-нибудь появляется хорошее. И не важно, материальное это или еще какое-то» (Ж) «Вторая молодость у нас с женой. Жена помолодела в связи с рождением третьего позднего ребенка. Я ощущаю импульс, конечно, помолодел я. Во-первых, это забота – надо растить, воспитывать, содержать, дать образование. Молодит забота такая» (М) «Сам факт, что у тебя есть маленький ребенок, о котором нужно заботиться, у мужчины по природе – это у него появилась цель, у него появились силы» (М)

С другой стороны, интенция многодетности встречается и у тех, чья родительская семья не была многодетной. Один из мотивов создания многодетной семьи в том, чтобы у детей были братья/сестры как опора в их жизни, «страховка» от одиночества. Характерно то, что такая установка звучала в основном от тех, кто сам был единственным ребенком в семье. Нереализовавшиеся детские мечты о брате/сестре были воплощены в собственных семьях.

Установка на то, что дети должны быть разнополыми, усиливается или появляется, если первые двое детей оказались однополыми. При этом многодетность может быть как изначально запланированной, так и нет — и тогда желание иметь ребенка другого пола становится главным драйвером многодетности. Желание, чтобы среди детей были и мальчики, и девочки, сродни идеалу полноты, завершенности модели полноценной семьи. Стремление иметь разнополых детей присутствует далеко не у всех многодетных родителей. Да и сама установка не гарантирует желаемый результат, и, став многодетной, семья остается с однополыми детьми.

Мотив расширения возможностей и потенциалов родителей с появлением следующего ребенка иногда формулируется вполне приземленно: «У нас даже лучше стало после рождения третьего. У супруга карьерный рост пошел. Потому что цель же была трое детей, их все равно кормить, одевать и так далее. У нас так и получалось, что с каждым рождением карьерный рост все увеличивался», иногда — почти магически: «Бог дал зайку, даст и лужайку» (Ж). Мужчины даже более активно и детализированно характеризуют этот фактор, когда увеличение объема забот и затрат в связи с появлением ребенка стимулирует их наращивать ресурсы семьи, раскрывать новые возможности, находить силы для решения возникающих вопросов.

Помимо мотивов многодетности, характерных для представителей обоих поколений, выявлены межпоколенческие различия в структуре мотивационных установок. В частности, ряд мотивов был зафиксирован исключительно в нарративах представителей второго поколения. Частичное отсутствие аналогичных мотивов в высказываниях респондентов первого поколения может быть обусловлено временной дистанцией от момента принятия репродуктивного решения: значительная удаленность события

во времени способна приводить к трансформации воспоминаний и к снижению субъективной значимости отдельных мотивов при их ретроспективной оценке:

— маленький ребенок оживляет, сплачивает семью: «Я уже давно созрел на еще маленького ребенка по причине того, что ребенок улучшает, сплачивает семью. Это было крайне важно. Я чувствовал, что, чтобы в какую-то бытовуху не вываливаться, нужен ребенок, который бы взбодрил» (М);

— снова ощутить обаяние младенчества, когда старшие дети уже подросли: «Хотелось лялечку маленькую. Возобновить детский смех. Как в песне „босичком по ковру”» (Ж); «Первые два ребенка выросли. Жена все смотрела на маленьких детей. Ей хотелось еще понянчиться» (М);

— отдать еще не растрченную любовь: «Хочется еще отдать любовь. Любовь есть, и ее хочется еще отдавать» (Ж);

— еще раз ощутить радость материнства: «Я смогла вновь прочувствовать это, прокормить грудью. Третье было совершенно другое, и вот это все, что я не смогла почувствовать в первом и втором, я восполнила в третьем. То есть мой третий ребенок закрыл все мои потребности материнства» (Ж).

Родителям, принимающим решение о рождении третьего ребенка, хорошо знакома атмосфера особой эмоциональности, создаваемой маленьким ребенком. Многим родителям — и женщинам, и мужчинам — хочется переживать эти ощущения тактильной любви и нежности вновь и вновь. Когда старшие дети уже подросли, у родителей появляется дополнительный драйвер — чтобы в семье снова появился малыш, зазвучал детский смех. Об этом одинаково часто упоминают как женщины, так и мужчины поколения 2. У представителей поколения 1 младший ребенок появился 20 лет назад и более, все дети уже стали взрослыми, и с ними совсем другие заботы и переживания, а появление еще одного собственного ребенка уже вряд ли возможно, видимо, поэтому они не вспоминают про этот драйвер.

Помимо межпоколенческих различий, в ходе исследования были выявлены гендерные различия в структуре мотивационных установок, обуславливающих ориентацию на многодетность. Анализ данных фокус-групп позволил

зафиксировать дифференциацию мотивационных приоритетов между мужчинами и женщинами в рамках обоих поколений.

В частности, мужчины практически не упоминают о планировании многодетности со своей стороны. Многие прошли путь к рождению третьего ребенка, изначально не имея таких планов. Возможно, для них само содержание понятия планирования подразумевает некое достаточно жесткое целеполагание по типу «сказал — сделал», а не просто разговоры, так как в вопросах деторождения они чувствуют свою зависимость от готовности женщины к материнству. Для мужчин характерно желание подчеркнуть, что они не планировали появление третьего ребенка (как и первых двух, когда речь о родных (не приемных) детях). Своего участия в положительном решении они не отрицают, но предпочитают пользоваться формулировками провиденциального плана: *«Раз уж суждено, мы не отказывались от того, что было дано»* (М, поколение 1); *«Просто как получилось, так получилось»* (М, поколение 1); *«Если Бог дает, то грешно отказываться. Надо рожать»* (М, поколение 1); *«Не думали о том, что [этот ребенок] должен быть или не должен быть. И не существовало варианта, что он не может быть»* (М, поколение 2); *«Обстоятельства сложились уже, и ты принимаешь все так, как есть, как данное»* (М, поколение 2).

Созвучным является мотив, прозвучавший в мужской аудитории поколения 2: с новым появлением маленького ребенка происходит обновление энергетики родителей, они чувствуют себя моложе, в частности в сравнении со своими сверстниками. *«Это больше заботы, я чувствую себя лучше, я чувствую себя моложе. У меня сейчас маленькой дочери 7 месяцев. Мои одноклассницы чувствуют себя бабушками. А я еще молодой, и меня это вообще так оживляет»* (М). Возможно, это не столько драйвер расширения семьи, сколько ощутимый «бонус» многодетности (возможно, еще на этапе ожидания рождения ребенка, но особенно после его появления).

Среди факторов многодетности у женщин довольно типичным является второй брак, новый партнер. Почти половина участниц каждой из групп родили третьего ребенка в новом браке либо в результате новых отношений и без мужа.

Еще два мотива решения о появлении третьего ребенка упоминали только женщины поколения 2 — возможность отдать еще одному ребенку нерастроченный запас любви и желание дополнить ощущения материнства с третьим ребенком.

Фактор материнского капитала в принятии решения о рождении третьего ребенка.

Не наблюдается контрастных различий в мотивации и драйверах появления третьего ребенка у семей, не получавших материнский капитал за третьего ребенка и получавших. Факт возможности получить материнский капитал не оказывал влияния на принятие решения о многодетности: *«Мы стали думать: так, у нас сейчас маленькая квартира. Нам надо сделать большую квартиру, нам нужно больше зарабатывать, нам нужно пятое-десятое. Но мы не думали о том, что „о, нам же еще маткапитал дадут!“»* (М, поколение 2).

Никто из участников исследования не согласен с тем, что наличие или отсутствие возможности получить материнский капитал может отразиться на их решении о рождении третьего ребенка. Возможно, в этом есть отражение сложившихся ментальных приоритетов и форм самопрезентации в российском обществе. Другими словами, публичное признание того, что решение о рождении ребенка могло быть внешне материально простимулировано, не является нормативно поощряемым.

Хотя расширение семьи рассматривается прежде всего как духовный акт, необходимость материальной основы для совершения такого шага не только признается, но и постулируется.

Поколение 1: *«Должна быть готовность, что этого ребенка надо будет содержать, его надо будет одевать, его надо будет устраивать в ясли, садик, в школу, еще надо поступить в институт. Готовность ко всем этим расходам»* (М).

«Я считаю, что нельзя не учитывать объективные материальные факторы. Потому что ты же ребенка должен поднять, не просто родить. Если у тебя там однокомнатная квартира, то ты очень сильно задумаешься, рожать ли даже одного» (Ж).

«Если люди стоят на ногах хорошо, если у них есть хорошая работа, то я бы сказала только за. А если они безработные и материальный уровень

у них совсем какой-то не очень, то может имеет смысл встать сначала на ноги, а потом уже думать о детях» (Ж).

Поколение 2: «Детей нужно содержать, нужно образование, нужна возможность водить на кружки, развивать их и давать жизненный опыт. Если ты готов, то да, вопросов нет. Вот если не готов, то начинаешь задумываться» (М).

«Мы видели, что нам позволяет возраст, финансовые возможности, жилищные условия. Ну, просто мы понимаем, что мы готовы еще через это пройти» (Ж).

«Может быть, мы, наверное, третьего ребенка и раньше бы запланировали. Но мы понимали, что создать индивидуальные условия для каждого ребенка наша квартира не позволяет. И вот, пока мы не накопили энную сумму денег, чтобы нам приобрести дом, мы приостановились в планах с третьим ребенком» (Ж).

Большинство участников исследования подтверждают, что материальное положение семьи на момент принятия решения позволяло родить еще одного ребенка и обеспечить его всем необходимым.

При этом мужчины поколения 2 подчеркивают, что появление третьего ребенка заставило семью по-новому решать жилищный вопрос: «Приходилось менять квартиру, приходилось менять работу. Приходилось больше зарабатывать» (М, поколение 2); «Когда ждали появления третьего, пришлось квартиру менять, ипотека была. Жили в двухкомнатной, пришлось делать трехкомнатную, чтобы у каждого ребенка была своя комната» (М, поколение 2); «Мы съехали из трехкомнатной в пятикомнатную. Самую большую ипотеку взяли» (М, поколение 2).

Существование нормативно одобряемого обществом представления о том, что создание многодетной семьи должно иметь под собой твердую материальную основу в виде жилья и источников доходов не исключает того, что какие-то семьи становятся многодетными, не имея материальной определенности.

Среди мужчин поколения 1 был участник, чье материальное положение на момент рождения детей не особенно позволяло иметь большую семью, так как сам он был тогда студентом, не имел своего жилья, дети появлялись один за другим (с интервалом в год-два), и все, что помогало держаться на плаву — это матери-

альная помощь родственников: «Было сложно. Мы жили как студенты, единственное, что нам помогало — это родители с ее стороны [родители жены]» (М, поколение 1, трое детей родились в 2003–2006 гг.).

Если рассмотреть случаи женщин, которые родили третьего ребенка, рискуя финансовой стабильностью, в том числе без мужа, то не вызывает сомнений наличие сильного характера и готовности преодолевать трудности и «сопротивление среды»: «У меня мама сказала, что у меня не все дома. Но если бы я всего боялась, у меня бы вообще, наверное, детей не было. Меня, конечно, особо ничем не сбить. У меня мужской характер просто видимо» (Ж, поколение 1, третий ребенок появился в семье без мужа); «Я работала на таких работах, чтобы можно было еще детьми заниматься. Приходилось работать даже с грудными детьми. И муж работал на двух работах» (Ж, поколение 1); «Я узнала, благодаря своим знакомым, что есть всякие разные пособия. Они не сильно большие, но они спасали. Год было очень тяжело. Мы завязали туго узелки, год не позволяли себе с детьми то, к чему мы привыкли. Ну ничего, потихонечку встали на ноги. Бог дал зайку, даст и лужайку. Зарабатывать есть возможность всегда. Я шила, я брала заказы на дом, я брала все» (Ж, поколение 2, третий ребенок появился в семье без мужа).

Поколение 1 придерживается мнения, что на момент появления у них в семье третьего ребенка государство не оказывало поддержку многодетным семьям (хотя некоторые меры поддержки существовали, и респонденты о них вспоминают). Те виды поддержки, которые тогда предлагались, были либо крайне незначительными, либо фактически не работали. Мужчины поколения 1 мало что могут вспомнить из мер господдержки, в том числе потому, что этими вопросами занимались их жены: «Какие-то льготы для нас были, жена этим занималась, не я. Поэтому просто не могу сейчас сказать» (М).

Отношение к наличию господдержки в группе поколения 2 более лояльное. В отличие от поколения 1, некоторые представительницы поколения 2 целенаправленно интересовались информацией о формах помощи и задумывались, как их использовать: «Мы знали, что должны нам выплатить, о региональных я зна-

ла сразу. Я сразу думала, что мы это внесем и купим еще одну квартиру» (Ж). В целом, по оценкам респондентов поколения 2, наиболее существенной мерой господомощи является федеральный материнский капитал, сумма которого вносит ощутимый вклад в приобретение жилья. Роль регионального материнского капитала значительно ниже и он практически не оказывает влияния на решение жилищного вопроса. В этом контексте представительницы поколения 2, получившие федеральный маткапитал за второго ребенка, считают, что рождение третьего (за которого уже можно получить только региональный маткапитал) государством никак не стимулируется: *«На третьего ребенка маткапитала там вообще крохи. То есть там нет полноценного маткапитала. Там доплата идет 170 тысяч, ну и куда ты ее? Посмотрите, у нас какая ипотека, этого даже на первый взнос не хватает. То есть [рождение] третьего ребенка государство не мотивирует»* (Ж).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. К числу базовых мотивов многодетности, выявленных среди респондентов — представителей обоих исследуемых поколений, относятся институциональная установка на многодетность (сформированная в детстве либо закрепленная договоренностью супругов при создании семьи); ориентация на позитивные образы многодетности в расширении семьи (многодетные семьи родителей, родственников) либо, напротив, стремление компенсировать опыт взросления в качестве единственного ребенка посредством создания многодетной семьи и обеспечения детям наличия братьев и сестер; желание иметь разнополых детей; мотив расширения жизненных и родительских возможностей. При этом установлено, что детский опыт жизни в многодетной семье может оцениваться респондентами неоднозначно — в том числе негативно, а интенция к многодетности фиксируется и у лиц, не имевших такого опыта.

Межпоколенческие различия в структуре мотивации оказались несущественными. Единственным специфическим мотивом, отмеченным представителями второго поколения, выступило стремление к воссозданию в семье атмосферы особой эмоциональности, тактильной любви и нежности, ассоциируемой с

появлением маленького ребенка. Данное обстоятельство интерпретируется в качестве методологического ограничения исследования: значительная временная дистанция между моментом рождения ребенка и проведением опроса способна обуславливать трансформацию воспоминаний и снижение субъективной значимости отдельных мотивов при их ретроспективной оценке — этим может объясняться отсутствие аналогичного мотива в нарративах представителей первого поколения.

В ходе исследования зафиксированы выраженные гендерные различия в структуре мотивационных установок. Мужчины реже артикулируют планирование многодетности, что может быть связано с особенностями восприятия самого понятия «планирование» как жесткого целеполагания, а также с ощущением зависимости от готовности женщины к материнству. Среди мужских мотивов отмечен эффект «обновления родительской энергетике» и связанного с ним субъективного ощущения молодости при появлении нового ребенка. Для женщин значимыми мотивами стали вступление в новый брак, возможность реализовать неистраченный ресурс родительской любви, а также желание дополнить ощущения материнства с третьим ребенком.

Результаты проведенного исследования не подтвердили выдвинутую рабочую гипотезу о том, что институциональное внедрение материнского капитала оказало определяющее влияние на трансформацию мотивационной структуры репродуктивного поведения. Анализ данных фокус-групповых дискуссий продемонстрировал, что ключевые мотивы принятия решения о рождении в семье третьего ребенка носят преимущественно ценностно-нормативный и социокультурный характер и в значительной степени являются общими для представителей обоих исследуемых поколений.

Несмотря на то, что финансовые стимулы не выступают в качестве самостоятельных драйверов репродуктивного выбора, материальный фактор сохраняет существенное значение в качестве нормативно одобряемого условия реализации репродуктивных намерений. Среди представителей обоих поколений зафиксировано стремление обеспечить необходимые жилищные и финансовые предпосылки для рождения третьего ребенка. Респонденты — представите-

ли второго поколения, имевшие возможность использовать материнский капитал, признают его значимость преимущественно в контексте решения жилищного вопроса, однако отрицают его влияние на само решение о рождении ребенка. Таким образом, материальный компонент зачастую имплицитно включен в структуру репродуктивных решений как необходимое условие, даже если не фигурирует в числе декларируемых ценностных мотивов.

С учетом выявленной приоритетности жилищного фактора для принятия репродуктивных решений целесообразно совершенствовать инструменты демографической политики. В качестве потенциально эффективных мер поддержки многодетности могут рассматриваться увеличение размера материнского капитала до уровня, позволяющего покрыть первоначальный взнос по ипотечному кредиту для многодетной семьи; субсидирование погашения ипотечного кредита в размере 50% от остат-

ка задолженности; предоставление льготных ипотечных кредитов на каждого ребенка в семье. При формировании соответствующих мер необходимо учитывать региональную специфику и дифференциацию стоимости жилья. Их реализация способна выступить значительным стимулом к формированию многодетной семьи и повысить результативность демографической политики.

Перспективным направлением будущих исследований является изучение влияния материнского капитала на репродуктивное поведение людей посредством сравнительного анализа групп однодетных и двухдетных семей. Сопоставление семей, в которых второй ребенок был рожден до и после 2007 года, позволит выявить специфику воздействия институциональной меры поддержки на принятие репродуктивных решений и оценить динамику мотивационных установок в зависимости от реализации программы.

Литература

- Абдулаева З.З. (2024). Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной семье // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6 (164). С. 135–144. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-6-135-144
- Антонов Г.В., Лактюхина Е.Г. (2012). Репродуктивные установки категорий населения, ответственных за демографическое воспроизводство: социологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11-2. С. 14–19.
- Архангельский В.Н., Безвербная Н.А., Безвербный В.А., Землянова Е.В. (2024а). Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений в семье // Народонаселение. Т. 27. № 3. С. 48–61. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61
- Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. (2024б). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4
- Баннх Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н. (2019). Мотивация рождения детей в многодетных семьях со средним достатком: результаты нарративного интервью // Петербургская социология сегодня. № 11. С. 120–127. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12
- Борисова О.Н., Павлюткин И.В. (2019). Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Т. 28. № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151
- Борисов В.А. (1970). Демография и социальная психология. М.: Мысль. 118 с.
- Вакуленко Е.С., Горский Д.И., Кондратьева В.П., Трофименко И.А. (2024). Репродуктивные намерения россиян в 2022–2023 гг.: роль субъективных факторов // Вопросы экономики. С. 138–157. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-9-138-157
- Гудкова Т.Б. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. Т. 6. №4. С. 83–103. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10428
- Горлатых А.Ю., Абрамов А.П. (2025). Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 15. № 1. С. 247–259. DOI: 10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259

- Гурко Т.А. (2023). Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. № 12. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250029338-4
- Карпова В.М., Ляликова С.В. (2023). Внутрисемейная трансляция установок многодетности // Казанский социально-гуманитарный вестник. № 6 (63). С. 71–79. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.6. 71-79
- Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпоринова Н.Н. (2018). Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. Т. 43. № 2. С. 349–360.
- Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Харламова Т.М. (2017). Психометрическая проверка опросника деструктивных и конструктивных репродуктивных мотивов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. № 1. С. 122–132.
- Короленко А.В., Калачикова О.Н. (2022). Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11
- Макаренцева А.О., Бирюкова С.С. (2023). Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 31–56. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2379
- Маркова Т.Л. [и др.] (2024). Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие // Женщина в российском обществе. № 4. С. 119–138. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.8
- Ростовская Т.К. [и др.] (2021). Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № 3. С. 430–436. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-29-3-430-436
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. (2024). Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. № 3 (88). С. 9–23. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23
- Русанова Н.Е., Журавлева Е.К. (2019). Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. № 77. С. 274–291. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10028
- Светличная Т.Г., Меньшикова Л.И. (2017). Материнский капитал как экономический фактор формирования социальных ожиданий женщин, имеющих двух и более детей // Journal of Economic Regulation. Т. 8. № 1. С. 85–95. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.1.085-095
- Сивоплясова С.Ю. (2022). Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 223–242. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12.
- Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. (2023). Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. № 4. С. 71–85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6
- Сиражудинова С.В. (2024). Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа (по материалам эмпирического исследования) // Этнография. № 2 (24). С. 257–273. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273
- Смулянская Н.С. (2017). Что влияет на принятие решения о рождении ребенка у женщин разных возрастных групп? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 5. № 141. С. 289–299. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.16
- Трусова Е.А., Ткач Е.Н. (2022). Репродуктивные мотивы в супружеской паре: гендерные различия // Миссия конфессий. Т. 11. № 62. С. 84–91.
- Bakytzhanova A.A., Alimbekova G.T., Toikko T. (2026). Socio-economic determinants of reproductive behavior: A comparative study of Almaty (Kazakhstan) and Kuopio (Finland). *Gumilyov Journal of Sociology*, 154(1), 27–56. DOI: <https://doi.org/10.32523/3080-1702-2026-154-1-27-56>
- Brewer M., Ratcliffe A., Smith S. (2012). Does welfare reform affect fertility? Evidence from the UK. *Journal of Population Economics*, 25(1), 245–266. DOI: 10.1007/s00148-010-0332-x
- Brini E., Dommermuth L., Lappegård T., Mynarska M., Raybould A. (2026). Childbearing motivations and fertility desires: An empirical analysis for Norway. *Comparative Population Studies*, 51, 39–72. DOI: 10.12765/CPoS-2026-03

- Carneiro P., Løken K.V., Salvanes K.G. (2015). A flying start? Maternity leave benefits and long-run outcomes of children. *Journal of Political Economy*, 123(2), 365–412. DOI: 10.1086/679627
- Dommermuth L., Lyngstad T.H., Wiik K.A. (2025). Fertility intentions across five decades in Norway. *Comparative Population Studies*, 50, 129–152. DOI: 10.12765/CPoS-2025-09
- Ezdi S. et al. (2024). Childbearing under different family policy schemes. *Journal of Family Research*, 36, 305–326. DOI: 10.20377/jfr-987
- Gauthier A.H., Gietel-Basten S. (2025). Family policies in low fertility countries: Evidence and reflections. *Population and Development Review*, 51(1), 125–161. DOI: 10.1111/padr.12691
- Gonzalez L. (2013). The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply. *American Economic Journal: Economic Policy*, 50(3), 160–188. DOI: 10.1257/pol.5.3.160
- Jurczak A., Nenko I., Marcinkowska U.M. (2026). Fertility desires and attitudes toward fertility and childbearing among women of reproductive age. *MedRxiv*. DOI: 10.64898/2026.01.07.26343593
- Makarentseva A.O., Burdyak A.Y., Sheipak I.I. (2025). Factors in intentions to have a third child: What machine learning analysis reveals. *Population and Economics*, 9(3), 198–224. DOI: 10.3897/popecon.9.e135768
- Rahnu L., Jalovaara M. (2023). Partnership dynamics and entry into parenthood: Comparison of Finnish birth cohorts 1969–2000. *Advances in Life Course Research*, 56, 100548. DOI: 10.1016/j.alcr.2023.100548
- Rasmussen A.W. (2010). Increasing the length of parents' birth-related leave: The effect on children's long-term educational outcomes. *Labour Economics*, 17(1), 91–100. DOI: 10.1016/j.labeco.2009.07.007
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Kholina V.N. (2023). Factors shaping the reproductive behavior of young families in Russia: data triangulation. *Changing Societies & Personalities*, 7(1), 72–87. DOI: 10.15826/csp.2023.7.1.219
- Šmeriangiová, M. (2025). Fertility factors from the perspective of mothers of large families. *Demografie*, 67(1), 24–37. DOI 10.54694/dem.0355
- Tudor S. (2020). Financial incentives, fertility and early life child outcomes. *Labour Economics*, 64, 101839. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101839

Использование средств ИИ

Авторы использовали ИИ (Алиса AI) для редактирования фрагментов текста.

Сведения об авторах

Татьяна Александровна Камарова — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Наталья Владимировна Тонких — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihnnv@usue.ru)

Татьяна Леонидовна Маркова — кандидат социологических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Markova T.L.

The Significance of Financial Incentives in the Motivation for Having a Large Family: A Qualitative Study

Abstract. This study aims to identify the role of financial motives among the motivational and value orientations that shape people's decisions to have a large family. It draws on focus group discussions with parents of large families in Yekaterinburg, divided into two groups: Generation 1 (those who became parents of large families before the introduction of maternity capital in 2007; N = 14; 8 women and

6 men) and Generation 2 (those who became parents of large families after 2007; N = 15; 8 women and 7 men). The interview guide covered motivation, drivers behind the decision to have a large family, and the influence of financial factors on reproductive choice. The working hypothesis was that the introduction of maternity capital had reshaped the hierarchy of motives: Generation 1 was expected to be driven primarily by sociocultural values, while for Generation 2 financial factors were expected to gain importance without displacing value-normative attitudes. The results show that the motivation for having a large family is driven primarily by value-normative attitudes and social-relational drivers rather than by an orientation toward financial benefits from state support. Both generations exhibited a similar set of key motives: an intentional orientation toward having a large family; the influence of positive examples of large families in older generations; the desire to create a family; and the expectation that siblings will support one another. Intergenerational differences in the structure of motivation proved insignificant. At the same time, gender-specific features were recorded: men less often report planning for a large family, which reflects different perceptions of planning and a reliance on the woman's reproductive readiness; they also more often emphasize the effect of "renewal of parental energy" at the birth of a child. Women, in turn, stress entering a new marriage, the fulfillment of parental love, and the enrichment of the motherhood experience. Future research could assess the institutional effect of maternity capital by comparing one-child and two-child families before and after 2007, shedding light on how motivational structures evolve and how support measures shape reproductive decisions.

Key words: large family, maternity capital, value-motivational structure, focus group method.

Information about the Authors

Tatyana A. Kamarova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Natalia V. Tonkikh – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkihvnv@usue.ru)

Tatiana L. Markova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Статья поступила 25.05.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.11

УДК 316.61, ББК 60.561.6

© Короленко А.В.

Личностные ресурсы здоровья населения российского региона: оценка влияния и типологизация

Александра Владимировна**КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

Аннотация. Проблема несформированности модели здорового образа жизни у большинства россиян и недостаточной личной ответственности за свое здоровье актуализирует поиск его внутренних (защитных) факторов. Цель работы заключалась в оценке влияния салютогенных факторов на показатели здоровья и выявлении типов населения по их выраженности. Информационная база — результаты социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного в 2026 году ($N = 1500$). Обзор зарубежных и российских исследований влияния на показатели здоровья салютогенных факторов позволил сделать вывод о недостаточной изученности их взаимосвязи с показателями физического здоровья и здоровья в целом. На данных социологического опроса с помощью процедуры факторного анализа выявлены три салютогенных фактора — «самодостаточность и коммуникативность», «стремление к познанию и развитию» и «пассивность и экстернальность», построены логистические регрессионные модели, в которых зависимыми переменными выступили хорошая самооценка здоровья, наличие хронических заболеваний и пропуск рабочих дней по болезни, а независимыми переменными — салютогенные факторы наряду с социально-демографическими, социально-экономическими и поведенческими показателями. С целью проверки предположения об опосредованном влиянии салютогенных факторов на здоровье через заботу о нём отдельно была построена логистическая модель, в которой независимой переменной выступила забота о здоровье. Нами не обнаружена статистически значимая связь салютогенных факторов с самооценкой

Для цитирования: Короленко А.В. (2026). Личностные ресурсы здоровья населения российского региона: оценка влияния и типологизация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 191–212. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.11

For citation: Korolenko A.V. (2026). Personal health resources of the population of a Russian region: Impact assessment and typology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 191–212. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.11

здоровья, но выявлена связь всех трёх факторов с наличием у респондентов хронических заболеваний, фактора самодостаточности и коммуникабельности — с пропуском рабочих дней по болезни, факторов стремления к познанию и развитию и пассивности и экстернальности — с заботой о здоровье. Выделены три типа населения по выраженности салютогенных факторов здоровья — «познавательный дефицитный», «салютогенно-ресурсный тип» и «социально-инертный тип», специфика «портрета» которых позволяет рассматривать их как новые целевые группы для политики здоровьесбережения.

Ключевые слова: салютогенные факторы здоровья, самооценка здоровья, наличие хронических заболеваний, пропуск рабочих дней по болезни, забота о здоровье, социологический опрос, Вологодская область.

Введение

Важной задачей государственной политики в сфере народосбережения выступает формирование у населения активной позиции в сохранении здоровья и осознанного отношения к нему. Она нашла отражение в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь», в частности в федеральном проекте «Здоровье для каждого», среди целевых ориентиров которого в том числе значится увеличение доли населения, ведущего здоровый образ жизни¹. Однако успешной реализации этой задачи препятствует недостаточная сформированность у россиян ответственного отношения к здоровью и низкая распространенность здорового образа жизни. Так, исследования показывают, что большинство граждан придерживаются «безответственной» модели поведения, предусматривающей отказ или снижение потребления алкоголя и табака, но не предполагающей рационального питания, достаточной продолжительности сна, физической и медицинской активности (Аксенова и др., 2023), причём подобные паттерны формируются уже в молодом возрасте. В работе А.А. Орехова и А.Б. Захарова на данных лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии» подтверждено, что модель здорового образа жизни сформирована лишь у 36% российской молодёжи, тогда как 27% молодых респондентов склонны к вредным привычкам, а 37% пассивны в отношении собственного здоровья (Орехов, Захаров, 2026). Кроме того, наблюдается разрыв между признанием большинством населения личной ответственности за здоровье (её декларированием) и невысокими показате-

лями распространенности применения здоровьесберегательных мер на практике (Шабунова и др., 2021). Обозначенные проблемы актуализируют вопросы осознанного отношения (или т. н. субъектной позиции) к здоровью, который определяется наличием сформированного представления о феноменологии здоровья, здоровом образе жизни, здоровьесберегающем поведении и личностными особенностями человека (Полуэктова, Смирнова, 2016). Субъектная позиция человека в отношении к здоровью проявляется в осознании его как высшей жизненной ценности, понимании его роли в обеспечении эффективности жизнедеятельности, осведомлённости о здоровье и здоровом образе жизни, знании факторов риска и мониторинге состояния своего здоровья, способов его восстановления, развития и выборе стратегии его поддержки и регуляции. (Полуэктова, Смирнова, 2016). Такая позиция соответствует принципам набирающей популярность в научной среде концепции салютогенеза и салютогенного дизайна, ориентированной на активную позицию людей в отношении жизни и здоровья, а также осознание ими важности собственных ресурсов для поддержания здоровья и умения ими распоряжаться. Это направление связано с изучением защитных факторов, которые обуславливают физическое и психическое здоровье в условиях недостаточно благоприятной внешней среды (Журавлева, 2025). Салютогенные факторы могут иметь как психологическую природу (например, оптимизм как личностная черта), так и быть связаны с социальной средой (социальная поддержка) или даже с физическим окружением (уровень освещённости, озеленение про-

¹ Продолжительная и активная жизнь: Национальный проект // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about>

странства и т. д.) (Твилле и др., 2025). В данной статье акцент сделан на внутренних (личностных) салютогенных факторах.

Цель исследования состояла в оценке влияния салютогенных факторов на показатели здоровья и выявлении типов населения по их выраженности. Для её реализации были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать зарубежные и отечественные исследования, посвящённые влиянию салютогенных факторов на здоровье населения; 2) на данных социологического опроса населения выявить ключевые салютогенные факторы здоровья; 3) определить влияние салютогенных факторов наряду с другими факторами на показатели здоровья населения; 4) выявить группы населения с разной выраженностью салютогенных факторов и их специфические черты.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Основоположником концепции салютогенеза и салютогенных (защитных) факторов является медицинский социолог А. Антоновский. Ведущим салютогенным фактором он считал чувство связанности (sense of coherence), подразумевающее устойчивость человека к психологическим кризисам, социальным конфликтам и возможным механизмам болезни (Журавлева, 2025). Сильное чувство связанности помогает мобилизовать ресурсы для преодоления стрессовых факторов и успешного снятия напряжения. Оно представляет собой ориентацию личности, выражающуюся в уверенности в том, что внутренняя и внешняя среда предсказуема и что с большой долей вероятности всё сложится так, как можно было бы ожидать (Mittelmark et al., 2022). При этом чувство связанности в концепции Антоновского базируется на трёх компонентах — постижимости (восприятие мира как упорядоченного и структурированного), управляемости (уверенность в том, что проблемы можно преодолеть с помощью как собственных, так и внешних ресурсов) и осмысленности (восприятие проблем как вызовов, которые необходимо не избегать, а преодолевать; эмоциональная вовлечённость в происходящее вокруг) (Осин, 2007; Журавлева, 2025). А. Антоновским была разработана оригинальная методика — шкала чувства связанности

(SOC), состоящая из 29 пунктов и измеряющая все три его компонента (Antonovsky, 1988). Данная шкала в различных модификациях активно используется в медико-социологических исследованиях. Так, например, были выявлены корреляционные связи шкалы (от умеренных до высоких) с различными показателями психического и соматического здоровья; высокие отрицательные корреляции — с показателями тревожности, умеренные — с показателями депрессии, воспринимаемого стресса, профессионального выгорания, нейротизма; высокие положительные — с показателями оптимизма, осмысленности жизни и удовлетворенности жизнью; умеренные положительные — с показателями позитивного аффекта, жизнестойкости, внутреннего локуса контроля, самоэффективности, самооценки (Осин, 2007).

В *таблице 1* представлены результаты современных эмпирических исследований, посвящённых оценке влияния салютогенных факторов на физическое, психическое и социальное здоровье населения. Большинство работ базируются на количественных поперечных (кросс-секционных) дизайнах, в меньшей степени применяются систематические обзоры, лонгитюдные и качественные исследования. При этом чаще всего рассматривается связь салютогенных факторов с психологическим благополучием и психическим здоровьем, реже — с объективными и субъективными показателями физического здоровья или здоровья в целом. В качестве измерителя салютогенных факторов выступают преимущественно опросники, выявляющие выраженность чувства связанности (SOC), его ключевых составляющих или смежных компонент (аутентичности, мотивов, доверия, сплочённости и пр.), реже применяются объективные статистические индикаторы. В качестве показателей здоровья используются характеристики психического (состояние в целом, уровень стресса и выгорания, признаки тревожности, депрессии и пр.), физического (физическое функционирование, симптомы болезни, наличие инвалидности, качество сна и пр.) и социального (качество жизни и удовлетворённость ею, социальное благополучие) здоровья, поведенческие индикаторы и самооценка здоровья.

Таблица 1. Исследования салютогенных факторов здоровья (психического, физического, социального)

Исследователи	Салютогенные факторы и показатели здоровья	Метод	Результаты (связь салютогенных факторов с показателями здоровья)
К.А. Бочавер, А.Б. Данилов, С.К. Нартова-Бочавер и др. (2019)	<u>Факторы:</u> – личностная аутентичность (подлинность/настоящность); – моральные мотивы (усердие, помощь, социальная справедливость, социальный порядок); <u>показатели здоровья:</u> – синдром профессионального/эмоционального выгорания (СЭВ), индекс выгорания	Опрос врачей (N=700) в 10 регионах России; опросники – шкала «Модель моральных мотиваций», шкала аутентичности личности, опросник выгорания Маслач, биографическая анкета	– Подтверждено взаимное влияние салютогенных факторов с показателями выгорания: с одной стороны, выгорание пагубно для личностной аутентичности (чем сильнее выгорает врач, тем сильнее он отчуждается от себя и ведет себя неестественно и дисгармонично, а аутентичность снижается), с другой стороны, низкая аутентичность, высокое самоотчуждение и подверженность внешним влияниям сопряжены с признаками выгорания; – выявлена связь моральных мотивов и выгорания: самоограничение отрицательно связано с деперсонализацией (отчуждением от пациентов) и положительно – с редукцией достижений (тревожными сомнениями в правильности профессионального пути); усердие и непричинение вреда отрицательно связаны с деперсонализацией и выгоранием и положительно – с редукцией достижений; помощь, честность положительно связаны с редукцией достижений, отрицательно – с выгоранием; социальная справедливость отрицательно связана с деперсонализацией и выгоранием
Mana A., Super S., Sardu C. et al. (2021)	<u>Факторы:</u> – индивидуальные ресурсы (чувство внутренней связанности); – социальный капитал (социальная поддержка); – национальные ресурсы (чувство национальной сплоченности и доверие к государственным институтам); <u>показатели здоровья:</u> – уровень психического здоровья и тревожности во время пандемии COVID-19	Опрос лиц 18–88 лет в Израиле (N=640), Нидерландах (N=622), Италии (N=924), Испании (N=489); опросники выявления тревожного расстройства, уровня психич. здоровья, чувства связанности, национ. сплоченности, доверия и соц. поддержки; дисперс. анализ, иерархич. регрессии	Выявлено, что индивидуальные и национальные ресурсы преодоления трудностей влияют на уровень тревожности и психическое здоровье; в четырех выборках ресурсы преодоления стресса, связанные с тревожностью и психическим здоровьем, проявлялись схоже: их основным фактором был социальный капитал (социальная поддержка); для двух разных реакций – тревожности и проблем с психическим здоровьем – были выявлены разные закономерности и разная степень прогностической ценности ресурсов преодоления стресса; в то время как социальный капитал и ситуативные факторы (например, угроза состоянию здоровья или финансовому благополучию) оказывали значительное влияние на уровень тревожности, социальный капитал и национальные ресурсы оказывали значительное влияние на уровень психического здоровья
Pijpker R., van der Kamp D., Vader S., den Broeder L., Wagemakers A. (2022)	<u>Факторы:</u> – чувство связанности; – чувство сплоченности общества; – чувство национальной сплоченности; – социальная поддержка; – демографические показатели (пол, возраст, вероисповедание и перенесенный COVID-19); <u>показатели здоровья:</u> – уровень психического здоровья	Онлайн-опрос (N=91); t-критерий для независимых выборок; множественный линейный регрессионный анализ	Показано, что и чувство связанности в целом (SOC), и чувство связанности с обществом (SOCC) повлияли на психическое здоровье во время пандемии; люди, которые воспринимали свое сообщество как постижимое, управляемое и осознанное демонстрировали более высокие показатели психического здоровья, чем те, кто не воспринимал свое сообщество таким образом; не выявлено различий в показателях психического здоровья, социальной изоляции, социальной поддержки и социальной сплоченности между группами респондентов с разным социально-экономическим статусом; социальная изоляция была предиктором психического здоровья в обеих группах, а социальная сплоченность – в группе с низким социально-экономическим статусом

Продолжение таблицы 1

Исследователи	Салютогенные факторы и показатели здоровья	Метод	Результаты (связь салютогенных факторов с показателями здоровья)
Tušl M., de Bloom J., Bauer G.F. (2022)	<u>Факторы:</u> – чувство связанности; – творчество вне работы (в свободное от работы время, крафтинг); <u>показатели здоровья:</u> – психологическое благополучие	Онлайн-опрос – трехволновая лонгитюдная панельная выборка (на 1-м этапе N=2217, на 2-м N=1727, на 3-м N=1196); панельная модель с перекрестными лагами	Подтверждено, что творчество вне работы частично опосредует связь между чувством связанности и психологическим благополучием; выявлена положительная взаимная связь между чувством связанности и психологическим благополучием, а также между творчеством вне работы и психологическим благополучием, т. е. осознанное отношение к здоровью является одним из механизмов, лежащих в основе недавно предложенного пути позитивного развития здоровья в рамках салютогенной модели; развитие осознанного отношения к здоровью и осознанной заботы о здоровье может способствовать повышению уровня благополучия человека и формированию положительной обратной связи, которая будет стимулировать личностный рост и процветание
Lv J., Qian M., Deng M., Yu M. (2023)	<u>Факторы:</u> чувство связанности; <u>показатели здоровья:</u> – физического (количество жалоб на симптомы, функциональное состояние, инвалидность, способность к повседневной активности, боль, качество сна и состояние полости рта); – психического (ощущение стресса, восприятие старения, депрессия и посттравматическая стрессовая реакция); – социального (субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, качество жизни, адаптация к старению и др.)	Систематический обзор исследований (29 статей – 1 лонгитюдное, 1 когортное, 27 кросс-секционных исследований)	– Более высокий уровень чувства связанности коррелирует с лучшим физическим здоровьем (меньшим количеством жалоб на симптомы, лучшим функциональным состоянием, меньшей инвалидностью, лучшей способностью к повседневной активности, меньшей болью, лучшим качеством сна и лучшим состоянием полости рта) и лучшим психологическим здоровьем (меньшим ощущением стресса, более позитивным восприятием старения, меньшей депрессией и меньшей посттравматической стрессовой реакцией) у пожилых людей; – более высокий уровень чувства связанности также коррелирует с более развитыми навыками превентивного поведения и самоконтроля, субъективным благополучием, адаптацией к старению в более позднем возрасте, совокупной выживаемостью, качеством жизни, удовлетворенностью жизнью и самооценкой здоровья
Lee H.-P., Hsu W.-Y., Liu Y.-H. et al. (2024)	<u>Факторы:</u> – чувство связанности как медиатор между функциональным статусом больных сердечной недостаточностью (CH) и качеством жизни, связанным с состоянием здоровья (КЖСЗ); <u>показатели здоровья:</u> – функциональное состояние больных CH (I-IV классы)	Перекрестное исследование пациентов с CH в апреле – сентябре 2020 г. (N=295); опросники, в т. ч. по шкале SOC, функциональная классификация CH	– Чувство связанности более значимо опосредует влияние функционального статуса CH на КЖСЗ у пациентов II класса, чем у пациентов III класса, но не более значимо у пациентов I класса, чем у пациентов III класса; – выявлен более слабый опосредующий эффект SOC на взаимосвязь между функциональным статусом и КЖСЗ у пациентов с CH II класса, чем у пациентов III класса

Окончание таблицы 1

Исследователи	Салютогенные факторы и показатели здоровья	Метод	Результаты (связь салютогенных факторов с показателями здоровья)
Alkharafi N. (2025)	<u>Факторы:</u> – показатели постижимости (доля населения, пользующегося интернетом); – показатели управляемости (добавленная стоимость в промышленности); – показатели осознанности (субъективное благополучие); – валовой внутренний продукт; – качество государственного регулирования; – уровень дохода; <u>показатели здоровья:</u> – ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами; выборка из 135 стран за период с 2017 по 2020 гг. с 501 наблюдением по всем регионам и уровням дохода	– Чувство связанности влияет на здоровье населения во всем мире, независимо от уровня дохода; – не подтверждено значимое влияние постижимости на ОПЖ; – управляемость и осмысленность важны, но их влияние различно и опосредуется уровнем дохода; для улучшения здоровья населения странам с уровнем дохода выше среднего необходимо сосредоточиться на управляемости и осмысленности, поскольку в этих условиях как индустриализация, так и субъективное благополучие положительно влияют на продолжительность жизни; в странах с низким уровнем дохода и ниже среднего особенно важно уделять внимание субъективному благополучию; – в странах с высоким уровнем дохода политика, направленная на повышение управляемости, связана с увеличением продолжительности жизни; – политика, направленная на осмысленность жизни, связана с продолжительностью жизни вне зависимости от уровня дохода
Matić I., Vuletić G. (2025)	<u>Факторы:</u> – чувство связанности; <u>показатели здоровья:</u> – общее состояние здоровья; – функциональное физическое состояние; – состояние психического здоровья; – жизнеспособность (жизнестойкость); – социальное функционирование; – эмоциональное функционирование	Лонгитюдное когортное исследование – опрос подростков в возрасте 15 лет (N=441) и 17 лет (N=354), иерархическая регрессия	– Выявлена сильная значимая положительная корреляция между уровнем чувства связанности и психическим здоровьем, а также значимая разница между подростками с низким и высоким уровнем чувства связанности в физическом функционировании, общем состоянии здоровья, жизнестойкости, социальном и эмоциональном функционировании и психическом здоровье; – у подростков-мальчиков более высокий уровень чувства связанности и лучше большая часть показателей здоровья; – более высокий уровень поддержки со стороны общества, мужской пол и проживание с обоими родителями являются факторами, способствующими лучшему психическому здоровью
Urzúa A., Henríquez D., Caqueo-Urizar A. et al. (2025)	<u>Факторы:</u> – чувство согласованности; <u>показатели здоровья:</u> – образ жизни (семья и друзья, физическая и социальная активность, истощение, курение, алкоголь и наркотики, алкоголь и стресс, уровень удовлетворенности личной жизнью и учебой / работой, анализ и самооценка, контроль здоровья и сексуальности, поведение и порядок)	Опрос мигрантов, проживающих в Чили (N=1844); опросники SOC и FANTASTICO	Уровень чувства согласованности положительно коррелирует с образом жизни мигрантов, при этом наиболее сильно с ним связан такой компонент, как осознанность; выявлены факторы, опосредующие связь чувства согласованности и здорового образа жизни, – пол, возраст, продолжительность проживания в стране, страна происхождения, доход, уровень образования и город проживания
Составлено по: (Бочавер и др., 2019; Mana et al., 2021; Pijpker et al., 2022; Tušl et al., 2023; Lee et al., 2024; Alkharafi, 2025; Matić, Vuletić, 2025; Urzúa et al., 2025).			

В основном результаты исследований демонстрируют прямо пропорциональную связь салютогенных факторов с состоянием здоровья, особенно психического: более высокий уровень чувства связанности ассоциирован с лучшей самооценкой здоровья, меньшей выраженностью симптомов нездоровья, более высоким психологическим благополучием и, как следствие, лучшим качеством жизни. Однако в части работ подтверждён более сложный характер этой взаимосвязи, в том числе с физическими исходами, ввиду опосредованного влияния иных факторов — социально-демографических (пол, возраст), социально-экономических (уровень дохода и неравенства), поведенческих и прочих.

Несмотря на повышенное внимание к данной проблематике, есть пробелы, связанные с неоднородностью используемых показателей и недостаточной изученностью опосредующих механизмов, что требует дальнейшего развития, особенно в контексте влияния на здоровье, в т. ч. на его субъективное восприятие населением.

И.В. Журавлева, обобщая опыт исследований в области салютогенеза, называет расширенный перечень салютогенных (защитных) личностных факторов, которые оказывают положительное влияние на здоровье человека: коммуникабельность и готовность к сотрудничеству; уверенность в собственных силах; активное отношение к своей жизни и чувство ответственности; высокий уровень интеллекта и креативность; чувство собственного достоинства; повышенный внутренний локус контроля (интернальность), который связан с чувством ответственности за здоровье у индивида (Журавлева, 2025). Все они соответствуют ключевым компонентам салютогенной модели — постижимости, управляемости и осмысленности — и могут применяться в рамках национальных и региональных исследований.

В данной работе проверяется ряд предположений о роли салютогенных факторов в здоровье населения: салютогенные факторы способствуют улучшению самооценок здоровья, снижению хронизации заболеваний и вероятности

пропуска рабочих дней по болезни; их воздействие на субъективные индикаторы здоровья опосредованно поведенческими факторами, в частности заботой о здоровье.

Материалы и методы

Информационной базой данного исследования послужили результаты социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области². В анкету мониторинга 2026 года был включён вопрос, посвящённый выраженности салютогенных факторов у населения. При его разработке за основу взята классификация И.В. Журавлёвой. Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале согласие с утверждениями, которые позволяют косвенно охарактеризовать выраженность салютогенных факторов. В *таблице 2* представлено распределение ответов населения на данный вопрос.

Первым этапом исследования выступил *факторный анализ*, направленный на определение основных салютогенных факторов путём сокращения числа исходных переменных. В качестве метода снижения размерности выбран метод главных компонент, а метода вращения факторов — Варимакс с нормализацией Кайзера. Выбор метода главных компонент прежде всего обусловлен необходимостью редукции набора переменных, а не оценкой латентных факторов (например, в случае метода максимального правдоподобия), поскольку исходные показатели теоретически базировались на концепции салютогенеза. На втором этапе с целью изучения влияния выявленных салютогенных факторов на показатели здоровья населения выбран метод логистической бинарной регрессии. Для характеристики состояния здоровья населения использованы такие зарекомендовавшие себя субъективные показатели здоровья как самооценки его состояния, оценки наличия хронических заболеваний и пропуска рабочих дней по болезни. Самооценка здоровья представляют собой обобщенный индикатор его состояния, характеризующий различные

² Метод опроса — раздаточное анкетирование. Объем выборки — 1500 респондентов. Опрос проводился на территории городов Вологды, Череповца и 8 районов/округов Вологодской области (Бабаевского, Великоустюжского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского). Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорций половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны с приведенными ниже утверждениями. Отметьте один вариант в каждой строке по пятибалльной шкале от 1 – совершенно не согласен до 5 – полностью согласен», %

Фактор	Утверждение для оценки в вопросе / Переменная	Распределение ответов*		
		1, 2 балла (не согласны)	3 балла	4, 5 баллов (согласны)
Коммуникабельность и готовность к сотрудничеству	1. Я легко нахожу общий язык с новыми людьми	11,6	19,8	68,6
	2. Я трудно схожусь с людьми	60,3	21,6	18,1
Уверенность в собственных силах	3. Я способен справиться с трудностями самостоятельно	14,6	25,8	59,6
	4. В сложных ситуациях я часто полагаюсь на помощь других	47,0	29,0	23,9
Активное отношение к жизни	5. Я всегда ставлю перед собой новые цели	20,2	26,6	53,2
	6. Я редко беру инициативу в свои руки	51,0	26,1	22,8
Уровень интеллекта и креативность	7. Я легко анализирую большие объёмы информации и делаю логические выводы	19,9	27,0	53,1
	8. Я предпочитаю не «загружать голову», действовать по привычке	36,6	33,3	30,1
	9. Мне сложно придумывать что-то новое, находить нестандартные решения проблем	40,1	31,1	28,7
	10. Я постоянно стремлюсь к новым знаниям, часто нахожу нестандартные решения проблем	26,4	29,2	44,3
Чувство собственного достоинства	11. Я уважаю себя независимо от обстоятельств	7,3	17,6	75,1
	12. Мне бывает сложно отстаивать свои границы	41,4	32,0	26,7
Локус контроля	13. Я сам отвечаю за свою жизнь и здоровье	5,4	18,5	76,2
	14. Моя жизнь во многом зависит от внешних обстоятельств	25,8	41,1	33,2
* Сумма ответов 100% по строке. Источник: составлено автором.				

физические и психологические составляющие благополучия человека и дающий общее представление о его текущем самочувствии (Козырева, Смирнов, 2020). Однако важно понимать, что самооценка здоровья подвержена проблеме неслучайной ошибки измерения и гетерогенности в результате действия комплекса косвенных условий и ситуативных факторов (Кузьмич, Рошин, 2008; Канева, Байдин, 2018). Более объективными в этом плане являются показатели наличия хронических заболеваний и пропуска рабочих дней по болезни. Поэтому в качестве *зависимых переменных* в данной работе выступили дихотомические переменные, характеризующие все три показателя: 1) *хорошая самооценка здоровья* (1 – очень хорошее, хорошее; 0 – удовлетворительное, плохое, очень плохое); 2) *наличие хронических заболеваний* (1 – есть хронические заболевания; 0 – нет хронических заболеваний); 3) *пропуск рабочих дней по болезни* (1 – в течение года пропускали рабочие дни по болезни (как с больничным, так и без больничного листа); 0 – не пропускали рабочие дни по болезни).

В качестве *независимых переменных* наряду с выявленными салютогенными факторами в модели были добавлены социально-демографические и социально-экономические показатели: возраст, пол, семейное положение (состоят в браке/не состоят в браке), уровень дохода (высокий/средний/низкий), уровень образования (неполное среднее и среднее/среднее техническое или специальное/высшее и послевузовское), уровень доступности медицинской помощи в государственных и частных учреждениях (высокий/средний/низкий/услуги недоступны), территория проживания (город/село), занятость (работают/не работают), – так и поведенческие факторы: забота о здоровье (заботятся о здоровье/мало заботятся или совсем не заботятся о здоровье), курение (курят/не курят), употребление алкоголя (употребляют/не употребляют), отказ от физической активности (занимаются/не занимаются физкультурой и спортом) и несоблюдение режима и рациона питания (соблюдают/не соблюдают режим и рацион питания). Кроме того, отдельно строилась логистическая модель, в которой

в качестве зависимой переменной выступила забота о здоровье при сохранении набора предикторов. Такое решение связано с предположением, что забота о здоровье может опосредовать связь между салютогенными факторами и показателями здоровья. Для моделей хорошей самооценки здоровья, пропуска рабочих дней по болезни и заботы о здоровье в качестве независимой переменной дополнительно вводилось наличие хронических заболеваний. Показатель отношения шансов (OR) с 95% доверительными интервалами (CI) использовался в качестве меры влияния различных факторов на показатели здоровья (Кислицына, 2023).

Для выделения групп респондентов по выраженности салютогенных факторов применялся кластерный анализ. В первую очередь с целью определения количества кластеров проводилась иерархическая кластеризация (метод Уорда на случайной выборке 50 наблюдений; мера связи — квадрат евклидова расстояния). В дальнейшем осуществлялся итеративный

кластерный анализ методом k-средних, по результатам которого (конечным центрам кластеров) производилась интерпретация выделенных групп населения и анализировались описательные статистики.

Анализ и обработка данных осуществлялись в программном пакете IBM SPSS Statistics 22.

Основные результаты

В ходе факторного анализа были выделены 3 компоненты, отражающие ключевые салютогенные факторы здоровья, которые совокупно объясняют 55% общей дисперсии. Полученные факторные нагрузки позволили интерпретировать их следующим образом: фактор 1 «самодостаточность и коммуникативность», фактор 2 «стремление к познанию и развитию» и фактор 3 «пассивность и экстернальность» (табл. 3). Выявленные факторы в целом согласуются с компонентами чувства связанности по А. Антоновскому: фактор 1 соответствует осмысленности, фактор 2 — постижимости, а фактор 3 является обратной версией управляемости.

Таблица 3. Ключевые салютогенные факторы, выявленные в ходе факторного анализа*

Утверждение	Наименование компоненты (фактора)		
	Фактор 1 Самодостаточность и коммуникативность (осмысленность)	Фактор 2 Стремление к познанию и развитию (постижимость)	Фактор 3 Пассивность и экстернальность (обратный управляемости)
Я сам отвечаю за свою жизнь и здоровье	0,718		
Я трудно схожусь с людьми	-0,671		
Я уважаю себя независимо от обстоятельств	0,659		
Я легко нахожу общий язык с новыми людьми	0,610		
Я способен справиться с трудностями самостоятельно	0,584		
Я постоянно стремлюсь к новым знаниям, часто нахожу нестандартные решения проблем		0,838	
Я всегда ставлю перед собой новые цели		0,799	
Я легко анализирую большие объёмы информации и делаю логические выводы		0,772	
Я предпочитаю не «загружать голову», действовать по привычке			0,662
Моя жизнь во многом зависит от внешних обстоятельств			0,633
Мне бывает сложно отстаивать свои границы			0,626
Я редко беру инициативу в свои руки			0,546
В сложных ситуациях я часто полагаюсь на помощь других	-0,523		0,526
Мне сложно придумывать что-то новое, находить нестандартные решения проблем			0,505
* Выведены значения факторных нагрузок > 0,5. Предварительная проверка показала пригодность данных к факторному анализу: мера адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина (КМО) составила 0,861, что свидетельствует о высокой степени пригодности выборки для факторизации. Тест сферичности Бартлетта подтвердил наличие существенных корреляций между переменными и обоснованность применения факторного анализа ($\chi^2 = 6984,462$; $df = 91$; $p < 0,001$). Источник: рассчитано автором.			

Предварительная проверка независимых переменных на мультиколлинеарность показала её отсутствие³, что позволило включить их в регрессионные модели. Набор переменных, использованных для моделирования, и их распространённость в выборке представлены в Приложении.

Модель логистической регрессии хороших самооценок здоровья показала, что с ними значимо связаны возраст, высокий уровень доходов, территория проживания, курение и отказ

от физической активности, а также наличие хронических заболеваний (табл. 4). Если вероятность хороших самооценок повышают высокий уровень дохода (в 3 раза) и проживание в городской местности (в 1,5 раза), то её снижению способствуют возраст (на 6% с каждым годом), наличие хронических заболеваний (на 82%) и поведенческие факторы риска – курение (на 47%), отказ от занятий физкультурой и спортом (на 30%).

Таблица 4. Модель логистической регрессии хороших самооценок здоровья с учётом влияния салютотенных факторов (зависимая переменная – хорошая самооценка:
1 – очень хорошее, хорошее; 0 – удовлетворительное, плохое, очень плохое)

Переменная	B	p-value	ОШ (OR)	95% ДИ (CI)
Возраст	-0,062	0,000	0,940	[0,929–0,950]
Пол (мужчины vs женщины)	-0,032	0,839	0,969	[0,717–1,314]
Семейное положение (состояние в браке vs одинокие)	0,243	0,127	1,275	[0,933–1,743]
Уровень дохода:				
высокий vs низкий	1,082	0,000	2,950	[1,780–4,888]
средний vs низкий	0,144	0,488	1,155	[0,768–1,737]
Уровень образования:				
среднее специальное, техническое vs неполное среднее, среднее	0,001	0,996	1,001	[0,558–1,797]
высшее и послевузовское vs неполное среднее, среднее	-0,005	0,988	0,995	[0,535–1,852]
Территория проживания (город vs село)	0,427	0,015	1,533	[1,088–2,161]
Занятость (работающие vs неработающие)	0,145	0,446	1,157	[0,796–1,681]
Уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	0,425	0,369	1,530	[0,605–3,867]
средний vs услуги недоступны	-0,309	0,491	0,734	[0,305–1,768]
низкий vs услуги недоступны	-0,543	0,237	0,581	[0,236–1,429]
Уровень доступности медицинской помощи в частных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	0,018	0,958	1,018	[0,529–1,959]
средний vs услуги недоступны	0,179	0,583	1,196	[0,632–2,263]
низкий vs услуги недоступны	0,644	0,072	1,905	[0,944–3,843]
Употребление алкоголя (да vs нет)	0,179	0,284	1,196	[0,862–1,658]
Курение в настоящее время (да vs нет)	-0,643	0,000	0,526	[0,368–0,752]
Отказ от занятий физкультурой и спортом (да vs нет)	-0,362	0,045	0,697	[0,489–0,992]
Несоблюдение режима и рациона питания (да vs нет)	0,152	0,421	1,164	[0,804–1,686]
Забота о здоровье (заботятся vs мало заботятся или не заботятся о здоровье)	0,313	0,053	1,368	[0,996–1,880]
Наличие хронических заболеваний (имеют хрон. болезни vs не имеют)	-1,688	0,000	0,185	[0,116–0,295]
Фактор 1 «Самодостаточность и коммуникативность»	0,072	0,340	1,075	[0,927–1,247]
Фактор 2 «Стремление к познанию и развитию»	-0,072	0,377	0,931	[0,793–1,092]
Фактор 3 «Пассивность и экстернальность»	0,059	0,409	1,061	[0,922–1,221]
Примечание: тест Хосмера – Лемешова показал, что модель хорошо описывает реальные данные ($\chi^2 = 4,838$; df = 8; p = 0,775). 77% наблюдений предсказаны верно. Источник: рассчитано автором.				

³ Корреляции между независимыми переменными < 0,5. Проверка на мультиколлинеарность в рамках тестовой линейной регрессии: показатели инфляции дисперсии VIF < 5.

Примечательно, что влияние всех трёх салютогенных факторов в данной модели оказалось статистически незначимым, что может объясняться как проблемами смещения и гетерогенности самооценок, так и более сложным характером их взаимосвязи (нелинейным и/или опосредованным другими факторами).

В рамках второй модели с наличием хронических заболеваний значимую связь продемонстрировали показатели возраста, уровня образования, занятости, заботы о здоровье и все три салютогенных фактора (табл. 5). Шансы хронизации болезней увеличивают возраст (на 6%

ежегодно), наличие среднего специального или технического и высшего образования (в 2,2 и 3,9 раза соответственно) и забота о здоровье (на 61%), тогда как занятость снижает их (на 33%).

Выявлено, что все три салютогенных фактора значимо связаны с наличием хронических заболеваний у респондентов: если факторы 1 «самодостаточность и коммуникативность» и 2 «стремление к познанию и развитию» снижают шансы их развития (на 18 и 30% соответственно), то фактор 3 «пассивность и экстернатность», наоборот, увеличивает такую вероятность (на 21%).

Таблица 5. Модель логистической регрессии наличия хронических заболеваний с учётом влияния салютогенных факторов (зависимая переменная – наличие хронических заболеваний: 1 – имеют заболевания, 0 – не имеют заболеваний)

Переменная	B	p-value	ОШ (OR)	95% ДИ (CI)
Возраст	0,056	0,000	1,058	[1,044–1,072]
Пол (мужчины vs женщины)	-0,140	0,420	0,870	[0,619–1,221]
Семейное положение (состояние в браке vs одинокие)	-0,087	0,599	0,916	[0,662–1,269]
Уровень дохода				
высокий vs низкий	0,090	0,735	1,094	[0,649–1,845]
средний vs низкий	0,052	0,796	1,053	[0,711–1,559]
Уровень образования				
среднее специальное, техническое vs неполное среднее, среднее	0,805	0,035	2,237	[1,059–4,724]
высшее и послевузовское vs неполное среднее, среднее	1,371	0,001	3,939	[1,797–8,637]
Территория проживания (город vs село)	0,145	0,415	1,156	[0,816–1,638]
Занятость (работающие vs неработающие)	-0,398	0,041	0,672	[0,459–0,983]
Уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях				
высокий vs услуги недоступны	-0,290	0,561	0,748	[0,281–1,990]
средний vs услуги недоступны	-0,463	0,325	0,630	[0,250–1,583]
низкий vs услуги недоступны	-0,094	0,845	0,911	[0,357–2,323]
Уровень доступности медицинской помощи в частных медучреждениях				
высокий vs услуги недоступны	-0,312	0,303	0,732	[0,404–1,326]
средний vs услуги недоступны	-0,048	0,870	0,953	[0,536–1,694]
низкий vs услуги недоступны	0,198	0,539	1,219	[0,648–2,296]
Употребление алкоголя (да vs нет)	-0,184	0,286	0,832	[0,593–1,167]
Курение в настоящее время (да vs нет)	0,152	0,471	1,164	[0,770–1,759]
Отказ от занятий физкультурой и спортом (да vs нет)	0,307	0,159	1,359	[0,886–2,084]
Несоблюдение режима и рациона питания (да vs нет)	0,364	0,086	1,440	[0,950–2,180]
Забота о здоровье (заботятся vs мало заботятся или не заботятся о здоровье)	0,478	0,007	1,613	[1,140–2,282]
Фактор 1 «Самодостаточность и коммуникативность»	-0,201	0,012	0,818	[0,699–0,957]
Фактор 2 «Стремление к познанию и развитию»	-0,363	0,000	0,696	[0,590–0,821]
Фактор 3 «Пассивность и экстернатность»	0,187	0,019	1,206	[1,031–1,411]
Примечание: тест Хосмера – Лемешова показал, что модель хорошо описывает реальные данные ($\chi^2 = 11,425$; $df = 8$; $p = 0,179$). 80% наблюдений предсказаны верно.				
Источник: рассчитано автором.				

Согласно результатам третьей модели с пропуском рабочих дней по болезни значимо связаны пол, территория проживания, занятость, уровень доступности частных медицинских услуг, забота о здоровье и один из трёх салютогенных факторов (табл. 6). Шансы пропуска рабочих дней по болезни выше (в 11 раз) у тех, кто работает, имеет длительно протекающие заболевания (в 5,5 раза), а также проживает в городе (в 2 раза). Кроме того, их значимо увеличивает средний уровень доступности частных медицинских услуг (в 2,4 раза) и забота о здо-

ровье (в 1,4 раза). Для мужчин вероятность пропуска рабочих дней по болезни на 33% ниже по сравнению с женщинами. Самодостаточность и коммуникативность также снижает её (на 19%), в то время как влияние двух других салютогенных факторов оказалось незначимым.

Дополнительная модель, в которой зависимой переменной выступила забота о здоровье, показала, что с ней статистически значимо связаны пол, уровень дохода, образования и доступности медицинской помощи, поведенческие факторы риска – употребление алко-

Таблица 6. Модель логистической регрессии пропуска рабочих дней по болезни с учётом влияния салютогенных факторов (зависимая переменная – пропуск рабочих дней по болезни: 1 – пропускали рабочие дни по болезни; 0 – не пропускали рабочие дни по болезни)

Переменная	B	p-value	ОШ (OR)	95% ДИ (CI)
Возраст	-0,004	0,599	0,996	[0,982 - 1,010]
Пол (мужчины vs женщины)	-0,415	0,016	0,661	[0,472 - 0,925]
Семейное положение (состояние в браке vs одинокие)	0,376	0,040	1,457	[1,018 - 2,085]
Уровень дохода:				
высокий vs низкий	-0,472	0,088	0,624	[0,362 - 1,073]
средний vs низкий	-0,379	0,098	0,685	[0,437 - 1,073]
Уровень образования:				
среднее специальное, техническое vs неполное среднее, среднее	0,094	0,801	1,098	[0,529 - 2,278]
высшее и послевузовское vs неполное среднее, среднее	-0,075	0,847	0,928	[0,434 - 1,983]
Территория проживания (город vs село)	0,681	0,001	1,975	[1,321 - 2,953]
Занятость (работающие vs неработающие)	2,426	0,000	11,310	[6,335 - 20,190]
Уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	-0,267	0,561	0,765	[0,310 - 1,877]
средний vs услуги недоступны	-0,382	0,377	0,682	[0,292 - 1,593]
низкий vs услуги недоступны	-0,549	0,217	0,577	[0,241 - 1,381]
Уровень доступности медицинской помощи в частных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	0,547	0,191	1,727	[0,761 - 3,920]
средний vs услуги недоступны	0,896	0,026	2,449	[1,113 - 5,387]
низкий vs услуги недоступны	0,413	0,346	1,511	[0,641 - 3,566]
Употребление алкоголя (да vs нет)	0,217	0,250	1,242	[0,859 - 1,795]
Курение в настоящее время (да vs нет)	0,265	0,186	1,304	[0,880 - 1,931]
Отказ от занятий физкультурой и спортом (да vs нет)	-0,041	0,836	0,960	[0,651 - 1,415]
Несоблюдение режима и рациона питания (да vs нет)	-0,198	0,332	0,821	[0,550 - 1,224]
Забота о здоровье (заботятся vs мало заботятся или не заботятся о здоровье)	0,363	0,047	1,438	[1,004 - 2,058]
Наличие хронических заболеваний (имеют хрон. болезни vs не имеют)	1,707	0,000	5,512	[3,597 - 8,446]
Фактор 1 «Самодостаточность и коммуникативность»	-0,209	0,016	0,812	[0,685 - 0,961]
Фактор 2 «Стремление к познанию и развитию»	-0,078	0,392	0,925	[0,775 - 1,105]
Фактор 3 «Пассивность и экстернальность»	0,130	0,102	1,139	[0,975 - 1,332]

Примечание: тест Хосмера – Лемешова показал, что модель хорошо описывает реальные данные ($\chi^2 = 5,490$; $df = 8$; $p = 0,704$). 80% наблюдений предсказаны верно.
Источник: рассчитано автором.

ля, курение, отказ от занятий физкультурой и спортом, несоблюдение режима и рациона питания, наличие хронических болезней, а также два салютогенных фактора (табл. 7). Повышают вероятность заботы о здоровье наличие хронических заболеваний (в 1,5 раза), высокий уровень дохода по сравнению с низким (в 1,6 раза), наличие среднего специального или технического и высшего образования по сравнению с неполным средним и средним (более чем в 2 раза), высокий и средний уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях по сравнению с полной недоступностью услуг (в 3 и более раза). Кроме того, ей способствует факт употребления

алкоголя (шансы в 1,4 раза выше), что могло бы быть связано с сопутствующими проблемами со здоровьем, однако это не подтвердилось в моделях его самооценок и наличия хронических заболеваний и требует более углубленного рассмотрения. Шансы заботиться о здоровье ниже у мужчин (на 42%), а также у тех, кто имеет поведенческие факторы риска – курят (на 57%), не соблюдают режим и рацион питания (на 63%), отказываются от занятий физкультурой и спортом (на 70%). Средний и низкий уровни доступности медицинской помощи в частных медучреждениях более чем в 2 раза снижают вероятность заботы о здоровье (более чем в 2 раза).

Таблица 7. Модель логистической регрессии заботы о здоровье с учётом влияния салютогенных факторов (зависимая переменная – забота о здоровье:

1 – заботятся о здоровье, 0 – мало заботятся или не заботятся о здоровье)

Переменная	B	p-value	ОШ (OR)	95% ДИ (CI)
Возраст	0,008	0,097	1,008	[0,998–1,018]
Пол (мужчины vs женщины)	-0,547	0,000	0,579	[0,437–0,767]
Семейное положение (состояние в браке vs одинокие)	0,284	0,051	1,328	[0,999–767]
Уровень дохода:				
высокий vs низкий	0,496	0,035	1,643	[1,035–2,608]
средний vs низкий	-0,210	0,241	0,810	[0,570–1,151]
Уровень образования:				
среднее специальное, техническое vs неполное среднее, среднее	0,813	0,005	2,255	[1,285–3,960]
высшее и послевузовское vs неполное среднее, среднее	0,782	0,009	2,186	[1,211–3,946]
Территория проживания (город vs село)	-0,171	0,273	0,843	[0,621–1,144]
Занятость (работающие vs неработающие)	-0,102	0,544	0,903	[0,648–1,257]
Уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	1,293	0,002	3,644	[1,589–8,357]
средний vs услуги недоступны	1,111	0,005	3,039	[1,394–6,625]
низкий vs услуги недоступны	0,630	0,120	1,877	[0,848–4,156]
Уровень доступности медицинской помощи в частных медучреждениях:				
высокий vs услуги недоступны	0,287	0,310	1,332	[0,766–2,318]
средний vs услуги недоступны	-0,703	0,010	0,495	[0,290–0,845]
низкий vs услуги недоступны	-0,762	0,010	0,467	[0,262–0,832]
Употребление алкоголя (да vs нет)	0,311	0,045	1,365	[1,007–1,849]
Курение в настоящее время (да vs нет)	-0,841	0,000	0,431	[0,310–0,599]
Отказ от занятий физкультурой и спортом (да vs нет)	-1,215	0,000	0,297	[0,207–0,425]
Несоблюдение режима и рациона питания (да vs нет)	-0,991	0,000	0,371	[0,257–0,536]
Наличие хронических заболеваний (имеют хрон. болезни vs не имеют)	0,393	0,021	1,481	[1,062–2,066]
Фактор 1 «Самодостаточность и коммуникативность»	-0,054	0,434	0,947	[0,827–1,085]
Фактор 2 «Стремление к познанию и развитию»	0,304	0,000	1,356	[1,171–1,570]
Фактор 3 «Пассивность и экстернальность»	0,159	0,021	1,172	[1,024–1,341]
Примечание: тест Хосмера – Лемешова показал, что модель хорошо описывает реальные данные ($\chi^2 = 4,597$; $df = 8$; $p = 0,800$). 73% наблюдений предсказаны верно. Источник: рассчитано автором.				

Что касается салютогенных факторов, то наиболее сильно с заботой о здоровье связано стремление к познанию и развитию (повышает шанс на 36%). Неожиданным оказался результат, демонстрирующий, что пассивность и экстернальность также имеет прямо пропорциональную связь с заботой о здоровье (повышает шанс на 17%), которая объясняется ранее подтверждённым характером зависимости данного салютогенного фактора и наличия хронических заболеваний, то есть связь пассивности и экстернальности с заботой о здоровье опосредована наличием длительно протекающих заболеваний: у людей с подобными недугами, с одной стороны, более выражен фактор пассивности и экстернальности (который, возможно, способствовал их развитию), с другой стороны, ввиду наличия хронических заболеваний они неизбежно больше заботятся о своём здоровье.

Кластерный анализ, проведённый на выявленных салютогенных факторах, позволил выделить 3 типа (кластера) населения по их выраженности⁴ (табл. 8). Первый тип встречается у 26% опрошенных и характеризуется

значительно сниженным стремлением к познанию и саморазвитию, умеренно высокой самодостаточностью и коммуникабельностью при невыраженной пассивности и экстернальности. У второго типа, встречающегося среди 35% респондентов, наблюдаются наиболее благоприятные характеристики салютогенности («салютогенно-ресурсный тип»): повышенные коммуникативность и самодостаточность, а также ориентированность на саморазвитие и познание, сниженная экстернальность и пассивность. Третий тип выявлен у 39% населения, его представители отличаются низкой самодостаточностью и коммуникативностью, умеренно выраженным стремлением к познанию и повышенной пассивностью и экстернальностью.

Для понимания различий выявленных типов населения по социально-демографическим, социально-экономическим, поведенческим характеристикам и оценкам состояния здоровья был проведён анализ описательной статистики, позволивший составить «портрет» представителей каждого кластера (табл. 9).

Таблица 8. Типы (кластеры) населения по выраженности салютогенных факторов

Кластер	Конечные центры кластеров			Характеристика кластера	Распространённость	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3		абс.	%
1	0,315	-1,304	0,084	Резко сниженная ориентация на познание и развитие, умеренно повышенная самодостаточность и коммуникативность, невыраженная пассивность и экстернальность (« познавательный-дефицитный тип »)	383	26,0
2	0,663	0,620	-0,627	Повышенные коммуникативность и самодостаточность, а также ориентированность на саморазвитие и познание, но сниженная экстернальность и пассивность (« салютогенно-ресурсный тип »)	520	35,4
3	-0,819	0,311	0,518	Пониженная коммуникативность и самодостаточность, умеренно повышенное стремление к саморазвитию и познанию, заметно повышенная пассивность и экстернальность (« социально-инертный тип »)	568	38,6

Источник: рассчитано автором.

⁴ Проверка качества кластерного анализа осуществлена посредством внутренней (силуэтный коэффициент) и внешней (критерий Краскала – Уоллиса) оценки. Силуэтный коэффициент для 3-х кластеров ($k = 3$) составил 0,30, что говорит об умеренном качестве разделения кластеров. Для $k = 2$ он составил 0,27, для $k = 4$ – 0,31, для $k = 5$ – 0,31, для $k = 6$ – 0,30, т. е. при увеличении числа кластеров качество разделения не меняется, что позволяет оставить трехкластерную модель. Критерий Краскала-Уоллиса показал, что выделенные кластеры значимо отличаются друг от друга по исходным переменным: для фактора 1 $\chi^2 = 685,673$; $df = 2$; $p < 0,001$, для фактора 2 $\chi^2 = 843,723$; $df = 2$; $p < 0,001$, для фактора 3 $\chi^2 = 401,262$; $df = 2$; $p < 0,001$. Параметрический тест ANOVA также подтвердил, что все исходные переменные значимо разделяют кластеры: фактор 1 ($F = 578,045$, $p < 0,001$), фактор 2 ($F = 1181,454$, $p < 0,001$) и фактор 3 ($F = 237,521$, $p < 0,001$).

Таблица 9. Характеристики типов (кластеров) населения по выраженности салютогенных факторов, %

Показатель		Тип 1 «Познавательно-дефицитный»	Тип 2 «Салютогенно-ресурсный»	Тип 3 «Социально-инертный»
Социально-демографические и социально-экономические характеристики				
Пол ^и	Мужчины	45,7	42,9	45,2
	Женщины	54,3	57,1	54,8
Возраст ^{***}	18–29 лет	10,4	16,7	14,4
	30–44 лет	25,6	38,5	27,5
	45–59 лет	22,5	22,9	28,0
	60 лет и старше	41,5	21,9	30,1
Средний возраст, лет		51,8	45,0	48,2
Семейное положение ^и	Не состоящие в браке	37,0	32,7	31,7
	Состоящие в браке	63,0	67,3	68,3
Уровень образования ^{***}	Неполное среднее, среднее	8,4	4,1	6,7
	Среднее специальное, техническое	70,2	54,4	59,7
	Высшее и послевузовское	21,5	41,5	33,6
Уровень дохода ^{***}	Низкий	26,7	9,4	26,9
	Средний	59,0	69,5	58,7
	Высокий	14,3	21,0	14,4
Территория проживания ^{***}	Городская местность	49,9	84,2	75,7
	Сельская местность	50,1	15,8	24,3
Занятость ^{***}	Занятые	59,3	74,4	62,3
	Незанятые	40,7	25,6	37,7
Поведенческие характеристики				
Признают здоровье главной жизненной ценностью ^{***}		85,1	85,2	73,1
Забота о здоровье ^{***}	Мало заботятся или совсем не заботятся	58,5	38,0	33,3
	Заботятся	41,5	62,0	66,7
Употребление алкоголя (употребляют) ^{***}		67,9	65,2	54,6
Часто употребляют пиво (ежедневно и по выходным) ^и		38,2	39,3	36,1
Часто употребляют некрепленое вино (ежедневно и по выходным) ^{***}		24,9	33,8	51,5
Часто употребляют крепленое вино (ежедневно и по выходным) ^{**}		33,2	34,8	43,2
Часто употребляют крепкие спиртные напитки (ежедневно и по выходным) ^{***}		9,8	6,9	10,5
Курение (курят в настоящее время) ^и		30,8	30,2	25,9
Отказ от занятий физкультурой и спортом ^{***}		90,9	66,3	74,5
Отказ от соблюдения режима и рациона питания ^{***}		53,8	42,5	35,6
Обращались за медицинской помощью в течение года	в государственные медорганизации ^{***}	59,0	52,9	69,0
	в частные медорганизации ^и	19,8	23,7	22,4
Обращались с профилактическим мотивом [*]		17,8	21,7	25,9
Обращались по факту болезни (для лечения) ^{**}		42,0	37,1	48,1
Обращались для прохождения профосмотра [*]		12,8	13,1	18,1
Обращались для прохождения диспансеризации ^{***}		22,7	15,6	29,4
Не обращались за медицинской помощью ^{***}		34,5	38,8	23,2
Характеристики здоровья				
Имеют хронические заболевания ^{***}		33,9	13,7	25,0
Пропускали рабочие дни по болезни [*]		20,2	21,0	28,2
Самооценка здоровья [*]	Очень хорошее, хорошее	35,5	44,6	38,6
	Удовлетворительные	53,8	50,8	53,6
	Плохое, очень плохое	10,7	4,6	7,8
Примечание: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001; ^и – различия статистически незначимы.				
Источник: рассчитано автором.				

«Портрет» кластера 1. Кластер представлен прежде всего людьми старшего возраста (42% в возрасте 60 лет и старше, средний возраст 52 года), жителями сельской местности (50%), неза- нятыми (41%), имеющими среднее профессио- нальное образование (70%). С одной стороны, его представители более склонны относить здо- ровье к главным жизненным ценностям (85%), но с другой — в меньшей степени проявляют за- боту о нём (59% мало заботятся или не заботятся о здоровье) и сильнее других подвержены пове- денческим факторам риска: 91% не занимаются физкультурой и спортом, 68% употребляют ал- коголь, 54% не соблюдают режим и рацион пи- тания. Треть имеют хронические заболевания (34%) и в целом хуже оценивают состояние здо- ровья (36% оценок «очень хорошее, хорошее» и 11% оценок «плохое, очень плохое»).

«Портрет» кластера 2. Более молодая груп- па по сравнению с другими: среди них выше доля лиц в возрасте до 30 лет (17%) и 30–44 лет (39%), средний возраст составляет 45 лет. Кро- ме того, среди них больше городских жителей (84%), занятых (74%), имеющих высокий уро- вень образования (42%), а также средний и вы- сокий уровень дохода (70 и 21% соответствен- но). Они демонстрируют наиболее позитивные оценки здоровья (45% «хорошее, очень хоро- шее», хронические заболевания имеют лишь 14%) и, как следствие, реже обращаются в мед- учреждения (39% не обращались в течение года). Как и представители первого кластера высоко ценят здоровье (85% относят его к глав- ным жизненным ценностям), но демонстриру- ют большую заботу о нём (62% заботятся о здо- ровье), чаще остальных вовлечены в занятия физкультурой и спортом (34%), однако более склонны к употреблению алкоголя по сравне- нию с кластером 3 (62%).

«Портрет» кластера 3. В его составе по срав- нению с другими группами больше доля насе- ления в возрасте 45–59 лет (28%). Как и среди представителей кластера 2, среди них выше доля городских жителей (76%), и, как в случае кла- стера 1, больше имеющих низкий уровень дохо- да (27%). Спецификой группы выступает более выраженная забота о здоровье (67%) и медицин- ская активность, а именно обращаемость в госу- дарственные медицинские учреждения (69%). Кроме того, более развиты основные мотивы

обращения за медицинской помощью — про- филактические (26% обращались с целью про- филактики, 29% проходили диспансеризацию) и лечебные (29%). Примечательно, что представи- тели кластера, несмотря на более низкую общую долю употребляющих алкоголь, оказались более подвержены частому потреблению креплёных и некреплёных вин (52 и 43% соответственно), крепких спиртных напитков (11%) и чаще про- пускали рабочие дни по болезни (28%).

Статистически незначимыми оказались раз- личия выделенных групп населения по полу, се- мейному положению, приверженности куре- нию и обращаемости в частные медицинские организации.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, в ходе проведённого на дан- ных массового социологического опроса ис- следованиях были определены три ключевых салютогенных фактора — «самодостаточность и коммуникативность», «стремление к позна- нию и развитию» и «пассивность и экстер- нальность», которые соответствуют основным компонентам чувства связанности по А. Анто- новскому — осмысленности, постижимости и управляемости. Логистические модели, постро- енные для оценки взаимосвязи салютогенных факторов с показателями здоровья населения (наряду с другими социально-демографически- ми, социально-экономическими, поведенче- скими факторами), позволили сделать ряд важ- ных выводов.

В исследовании не обнаружена статистиче- ски значимая связь салютогенных факторов с самооценкой здоровья, что может объясняться как проблемами смещения и гетерогенности самооценок, так и более сложным характером их взаимосвязи (нелинейным и/или опосредо- ванным другими факторами). Примечательно, что в ходе моделирования, как и в случае с са- лютогенными факторами, не выявлено влия- ние заботы о здоровье на его самооценку. Это может свидетельствовать о том, что самооценка здоровья в большей степени определяется теку- щим самочувствием и имеющимися функцио- нальными ограничениями (в работе выявлена наиболее сильная значимая связь самооценок с наличием хронических заболеваний), а также социально-экономическими условиями жизни (уровнем дохода). Очевидно, что забота о здо-

ровые носит скорее реакционный характер и усиливается при ухудшении самочувствия, что говорит об обратной причинности (проблемы со здоровьем способствуют заботе о здоровье). Эффект салютогенных ресурсов в данной ситуации «перекрывается» действием других факторов, что не отменяет их опосредованного влияния на здоровье — через стрессоустойчивость, физическую активность, приверженность лечению и другие поведенческие механизмы.

Все три салютогенных фактора оказались статистически значимо связаны с наличием у респондентов хронических заболеваний: самодостаточность и коммуникабельность, а также стремление к познанию и развитию заметно снижают шансы их развития, в то время как пассивность и экстернальность, напротив, повышают. С пропуском рабочих дней по болезни продемонстрировал значимую взаимосвязь только один салютогенный фактор — самодостаточность и коммуникабельность, который уменьшает их вероятность. Подобные выводы о роли салютогенных факторов в обеспечении здоровья согласуются с результатами качественного исследования факторов долголетия, которое показало, что ключевыми из них выступают «ответственное отношение к себе и своему здоровью, постановка целей и задач на краткосрочные и долгосрочные периоды, неиссякаемая мотивация на поддержание в тонусе психического и физического состояния, широкий круг общения, высокая познавательная активность, дающие долгожителям возможность эффективно планировать свою жизнь и чувствовать уверенность в завтрашнем дне» (Калачикова и др., 2016).

Помимо прочего обнаружена значимая прямая связь заботы о здоровье с хроническими заболеваниями и пропуском рабочих дней по болезни, которая может объясняться обратным характером их взаимосвязи (наличие хронических заболеваний стимулирует заботиться о здоровье), который подтверждается в других отечественных исследованиях (Покида, Зыбуновская, 2021). Данный результат также служит доказательством преобладания у населения инструментальной ценности здоровья, когда оно выступает инструментом достижения целей, а не самоцелью (Журавлева, 2006). При этом, как показало исследование, забота о здоровье кор-

релирует с доходами и образованием, в частности, её вероятность значимо выше у имеющих высокий уровень дохода по сравнению с теми, у кого он низкий, а также у лиц с высшим и средним специальным образованием по сравнению с имеющими неполное среднее и среднее образование. Это согласуется с выводами других учёных, продемонстрировавших тесную взаимосвязь стиля жизни в отношении здоровья с социальным статусом (Рошина, 2016).

Выявленные связи социально-демографических, социально-экономических и поведенческих факторов с самооценкой здоровья также находят подтверждение в российских исследованиях. Например, значимое влияние возраста, наличия хронических заболеваний, уровня дохода, курения и низкой физической активности доказано М.А. Каневой (Канева, 2016). Кроме того, аналогичными в данной работе оказались выводы об отсутствии связи самооценок здоровья с употреблением алкоголя и занятостью. В то же время в настоящем исследовании не обнаружено влияние на самооценку семейного положения, которое подтверждалось в ряде работ (Канева, 2016; Лебедева-Несевря и др., 2017). Такой результат может быть следствием их более сложной взаимосвязи. Исследование А.Б. Синельникова показало, что влияние брачного статуса на здоровье неоднородно: для мужчин до 30 лет и женщин до 45 лет их связь не прослеживается; для мужчин старше 30 лет и женщин старше 45 лет совместное проживание с супругами (или гражданскими партнерами) оказывает более сильное позитивное влияние на состояние здоровья, чем совместное проживание с детьми; для тех же мужчин старше 30 и женщин старше 45 лет наихудшим вариантом семейного положения с точки зрения влияния на здоровье является одинокая жизнь без супругов и детей (Синельников, 2012).

Отсутствие связи между уровнем образования и самооценками здоровья может быть обусловлено опосредующей ролью других факторов. Так, О.А. Кислицына в своём исследовании продемонстрировала, что включение в модель всех возможных объясняющих факторов снижает связь между образованием и самооценками здоровья на 52–62%. Основной вклад в объяснение их связи вносят занятость, уровень дохода, невозможность встреч с родственниками

и друзьями, потребление алкоголя (Кислицына, 2023). В свою очередь большой шанс на заботу о здоровье у людей с более высоким уровнем образования подтверждался в работе А.Н. Покиды и соавторов (Покида и др., 2022).

Выявленная значимая связь среднего уровня доступности частных медицинских услуг с пропуском рабочих дней по болезни может быть обоснована ростом объёма платных медицинских услуг населению. Так, К.Г. Четаева отмечает факт вынужденного обращения потребителей в платные клиники из-за длинных очередей, невозможности записи на прием к определённому времени, отсутствии нужных специалистов, а также нежелания индивидов обращаться в государственные медицинские учреждения ввиду низкого качества предоставляемых услуг (Четаева, 2025). Повышение вероятности заботы о здоровье с увеличением доступности медицинской помощи соотносится с результатами исследования А.Н. Покиды и Н.В. Зыбуновской, согласно которым отсутствие доступа к необходимым медицинским услугам из-за недоступности нужных специалистов (врачей) приводит к отказу от обращения за медицинской помощью и высокому уровню самолечения (Покида, Зыбуновская, 2021).

Предположение об опосредованной роли заботы о здоровье во взаимосвязи салютогенных факторов и показателей здоровья частично подтверждено. Выявлено, что с заботой о здоровье значимо связаны два салютогенных фактора – стремление к познанию и развитию, а также пассивность и экстернальность. При этом оба фактора повышают вероятность заботы о здоровье, что может говорить о наличии в обществе разных моделей поведения: если у одних забота о здоровье способствует выраженности пассивности и экстернальности (которая сопряжена с наличием хронических заболеваний), то у других – стремление к познанию и развитию (через вовлечённость в активные практики заботы о здоровье). Так, например, в венгерском исследовании на данных опроса учащихся средней школы (2024 год) подтверждена положительная корреляция между чувством согласованности и частотой физической активности (Karácsony, Hideg-Fehér, 2025). Качественное исследование физической активности взрослого населения, проведённое в Шве-

ции, показало, что чувство согласованности, особенно его компонента постижимость, тесно связано со знаниями о пользе физической активности для здоровья и умением их применять, что позволяет достигать её рекомендованного уровня, несмотря на экономические трудности (Johansson et al., 2024).

Выявлены 3 типа населения по выраженности салютогенных факторов: «познавательный дефицитный» (сниженная ориентация на познание и развитие при умеренно повышенной самодостаточности и коммуникативности), «салютогенно-ресурсный тип» (повышенные коммуникативность и самодостаточность, стремление к саморазвитию и познанию, сниженная пассивность и экстернальность) и «социально-инертный тип» (пониженная коммуникативность и самодостаточность, заметно повышенная пассивность и экстернальность). Специфика «портрета» обозначенных типов населения с позиции возраста, уровня образования и дохода, статуса занятости, территории проживания, а также поведения в отношении здоровья и его самооценок позволяет рассматривать их как новые целевые группы для политики здоровьесбережения. Для салютогенно-ресурсного типа, несмотря на благоприятные параметры салютогенных факторов и характеристики «портрета», актуальны мероприятия по повышению профилактической медицинской активности (вовлечению в прохождение профосмотров и диспансеризации). Для познавательного-дефицитного типа востребованными представляются меры, направленные на информирование о здоровье и здоровом образе жизни, стимулирование заботы о здоровье, повышение медицинской активности, профилактику поведенческих факторов риска. Ввиду широкой представленности среди них лиц старших возрастов особенно важно их более широкое вовлечение в программы активного долголетия. В отношении социально-инертного типа целесообразно проводить мероприятия по повышению ценности здоровья и профилактике поведенческих рисков, в частности чрезмерного потребления алкоголя.

В заключение стоит отметить ограничения исследования: специфика информационной базы (кросс-секционные данные) и логистический регрессионный анализ не позволяют однозначно говорить о причинно-следственных

отношениях между независимыми и зависимыми переменными (например, о влиянии салютогенных факторов на развитие хронических заболеваний, т. к. возможна обратная связь: наличие заболеваний способствует выраженности тех или иных салютогенных факторов); субъективность данных социологического опроса

имеет свои недостатки, так, самооценки здоровья подвержены смещению и гетерогенности, что требует осторожности в интерпретации полученных результатов; в данном исследовании не рассматривался весь спектр детерминант, опосредующих взаимосвязь салютогенных факторов и оценок состояния здоровья.

Литература

- Аксенова Е.И., Александрова О.А., Ярашева А.В., Аликперова Н.В. (2023). Модели поведения населения в отношении своего здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 31. № 52. С. 1081–1086. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1081-1086
- Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. (2019). Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей // Клиническая и специальная психология. Т. 8. № 1. С. 58–77. DOI: 10.17759/cpse.2019080104
- Журавлева И.В. (2006). Отношение к здоровью индивида и общества. Москва: Наука. 238 с.
- Журавлева И.В. (2025). Общественное здоровье и салютогенез // Социологические исследования. № 4. С. 123–134. DOI: 10.7868/S3034601025040114
- Калачикова О.Н., Барсуков В.Н., Короленко А.В., Шулепов Е.Б. (2016). Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 76–94. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.4
- Канева М.А. (2016). Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 6. С. 158–171.
- Канева М.А., Байдин В.М. (2018). Гетерогенность ответов при самооценке здоровья россиян // Прикладная эконометрика. № 3 (51). С. 102–125.
- Кислицына О.А. (2023). Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов // Социальные аспекты здоровья населения. № 3 (69). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1484/30/lang,ru/> DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2020). Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. № 4. С. 70–81. DOI: 10.31857/S013216250009116-0
- Кузьмич О.С., Рошин С.Ю. (2008). Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 12. № 1. С. 29–55.
- Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Соловьев С.С. (2017). Здоровье в субъективных оценках работающего населения России // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 12. № 3 (167). С. 108–115.
- Орехов А.А., Захаров А.Б. (2026). Стили жизни российской молодежи в отношении здоровья: гендерные различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 3–23. DOI: 10.14515/monitoring.2026.2.3059
- Осин Е.Н. (2007). Чувство связанности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. № 3. С. 22–40.
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. (2021). Здоровье в восприятии россиян и реальные медицинские практики // Здоровье населения и среда обитания. Т. 29. № 7. С. 19–27. DOI: 10.35627/2219-5238/2021-29-7-19-27
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А. (2022). Роль высшего образования в формировании здорового образа жизни (по результатам социологического исследования) // Высшее образование в России. Т. 31. № 1. С. 72–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88
- Полуэктова Н.М., Смирнова А.Н. (2016). Человек как субъект здоровья // Человек. № 1. С. 5–16.
- Рощина Я.М. (2016). Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. Т. 17. № 3. С. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2016-3-13-36>

- Синельников А.Б. (2012). Влияние семейного и демографического статуса на состояние здоровья и его самооценку // Социальные аспекты здоровья населения. № 6 (28). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/443/30>
- Твилле П.С., Севаян Л.Г., Трункова К.С. (2025). От теории к практике: историческое развитие понятия «салютогенез» и внедрение салютогенного дизайна в медицинские организации в контексте повышения пациентоориентированности // Здоровье мегаполиса. Т. 6. № 1. С. 108–118. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1;108-118
- Четаева К.Г. (2025). К проблеме доступности медицинской помощи в России // ЭКО. № 6. С. 100–117. DOI: 10.30680/ESCO0131–7652–2025–6–100–117
- Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. (2021). Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. Т. 25. № 4. С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1
- Alkharafi N. (2025). Salutogenesis for thriving nations: Sense of coherence and longevity across income strata. *SSM – Population Health*, 31, 101839. DOI: 10.1016/j.ssmph.2025.101839
- Antonovsky A. (1988). *Unravelling the Mystery of Health: How People Manage Stress and Stay Well*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Johansson L.M., Fransson E.I., Lingfors H. et al. (2024). Exploring how people achieve recommended levels of physical activity, despite self-reported economic difficulties: A sense of coherence perspective. *BMC Primary Care*, 25, 105. DOI: 10.1186/s12875-024-02354-z
- Karácsony I., Hideg-Fehér G. (2025). Relationship between self-rated health, sense of coherence and physical activity in a survey of secondary school students: A correlational study. *Scientific Reports*, 15, 26600. DOI: 10.1038/s41598-025-12686-0
- Lee H.-P., Hsu W.-Y., Liu Y.-H., Chang Y.-C., Cheng S.-M., Chiang H.-H. (2024). Sense of coherence as a mediator between functional status and health-related quality of life in patients with heart failure. *Journal of Nursing Research*, 32(1), e311. DOI: 10.1097/jnr.0000000000000590
- Ly J., Qian M., Deng M., Yu M. (2023). The association between sense of coherence and health outcomes among community-dwelling older adults: A systematic review. *Interdisciplinary Nursing Research*, 2(1), 46–57. DOI: 10.1097/NR9.0000000000000016
- Mana A., Super S., Sardu C. et al. (2021). Individual, social and national coping resources and their relationships with mental health and anxiety: A comparative study in Israel, Italy, Spain, and the Netherlands during the coronavirus pandemic. *Global Health Promotion*, 28(2), 17–26. DOI: 10.1177/1757975921992957
- Matić I., Vuletić G. (2025). Sense of coherence and health in adolescents: A longitudinal cohort study. *Psychology & Health*, 40(5), 783–795. DOI: 10.1080/08870446.2023.2256776
- Mittelmark M.B., Bauer G.F., Vaandrager L., et al. (Eds). (2022). *The Handbook of Salutogenesis. 2nd edition*. Cham (CH): Springer. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK584076/> DOI: 10.1007/978-3-030-79515-3
- Pijpker R., van der Kamp D., Vader S., den Broeder L., Wagemakers A. (2022). Socioeconomic status and mental health during the COVID-19 crisis: Are sense of coherence, sense of community coherence and sense of national coherence predictors for mental health? *Health Psychology Report*, 10(1). DOI: 10.5114/hpr.2022.114527
- Tušl M., de Bloom J., Bauer G.F. (2022). Sense of coherence, off-job crafting, and mental well-being: A path of positive health development. *Health Promotion International*, 37(6), daac159. DOI: 10.1093/heapro/daac159
- Urzúa A., Henríquez D., Caqueo-Úrizar A. et al. (2025). Sense of coherence is associated with the presence of healthy lifestyles in the migrant population. *Frontiers in Psychology*, 16, 1543830. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1543830

Приложение

Набор переменных для построения логистических регрессий и их распространённость в выборке

Переменная	Значение	Распространённость, %, ср. значение
Зависимые переменные		
Хорошая самооценка здоровья	1 – Очень хорошее, хорошее	39,9
	0 – Удовлетворительное, плохое, очень плохое	60,1
Наличие хронических заболеваний*	1 – Имеют хронические заболевания	23,2
	0 – Не имеют хронические заболевания	76,8
Пропуск рабочих дней по болезни	1 – В течение года пропускали рабочие дни по болезни	23,4
	0 – Не пропускали рабочие дни по болезни	76,6
Независимые переменные		
Возраст, лет		48,1
Пол	1 – Мужчины	44,4
	0 – Женщины	55,6
Семейное положение	1 – Состоящие в браке	66,5
	0 – Одинокое	33,5
Уровень дохода	1 – Высокий	16,8
	2 – Средний	62,4
	3 – Низкий	20,8
Уровень образования	1 – Неполное среднее, среднее	6,1
	2 – Среднее специальное, техническое	60,6
	3 – Высшее и послевузовское	33,3
Территория проживания	1 – Городская местность	71,9
	0 – Сельская местность	28,1
Занятость	1 – Работающие	65,8
	0 – Неработающие	34,2
Уровень доступности медицинской помощи в государственных медучреждениях	1 – Высокий	19,6
	2 – Средний	53,7
	3 – Низкий	24,1
	4 – Медицинские услуги совершенно недоступны	2,7
Уровень доступности медицинской помощи в частных медучреждениях	1 – Высокий	31,4
	2 – Средний	45,0
	3 – Низкий	15,7
	4 – Медицинские услуги совершенно недоступны	8,0
Употребление алкоголя	1 – Употребляют	61,5
	0 – Не употребляют	38,5
Курение в настоящее время	1 – Курят	28,6
	0 – Не курят	71,4
Занятия физкультурой и спортом	1 – Не занимаются (отказ от занятий)	75,9
	0 – Занимаются	24,1
Соблюдение режима и рациона питания	1 – Не соблюдают	78,9
	0 – Соблюдают	21,1
Забота о здоровье**	1 – Заботятся о здоровье (очень заботятся, в основном заботятся)	58,4
	0 – Мало заботятся или не заботятся о здоровье	41,6

* Выступает как независимой переменной (в моделях хороших самооценок здоровья, пропуска рабочих дней по болезни и заботы о здоровье), так и зависимой (в модели наличия хронических заболеваний).

** Выступает как независимой переменной (в моделях хороших самооценок здоровья, наличия хронических заболеваний и пропуска рабочих дней по болезни), так и зависимой (в модели заботы о здоровье).

Примечание: средние значения переменных – салютогенных факторов не приведены, т. к. все равны 0 в связи с тем, что в процессе вычисления главных компонент данные стандартизируются (центрируются и нормируются).

Сведения об авторе

Александра Владимировна Короленко — старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

Personal Health Resources of the Population of a Russian Region: Impact Assessment and Typology

Abstract. The lack of a well-established healthy lifestyle model among most Russians, combined with insufficient personal responsibility for one's own health, calls for a closer look at internal (protective) factors. This study seeks to assess the influence of salutogenic factors on health indicators and to identify population types according to the degree of their expression. The empirical base draws on the sociological monitoring of the physical health of the Vologda Region population conducted in 2026 (N = 1,500). A review of international and Russian research on the impact of salutogenic factors on health shows that their relationship with physical health and overall health remains underexplored. Using factor analysis of the survey data, we identify three salutogenic factors: "self-sufficiency and sociability", "striving for knowledge and development", and "passivity and externality". We then design logistic regression models in which the dependent variables are good self-rated health, the presence of chronic diseases, and sickness absence from work, while the independent variables include the salutogenic factors alongside socio-demographic, socio-economic, and behavioral indicators. To test the assumption that salutogenic factors affect health indirectly through health self-care, we also design a separate logistic model with health self-care as an independent variable. No statistically significant association is found between salutogenic factors and self-rated health; however, all three factors are associated with the presence of chronic diseases, self-sufficiency and sociability is associated with sickness absence from work, and striving for knowledge and development and passivity and externality are associated with health self-care. Three population types are identified according to the expression of salutogenic health factors: "cognitively deficient type", "salutogenic-resource type", and "socially inert type". Their distinct profiles make it possible to treat them as new target groups for health protection policy.

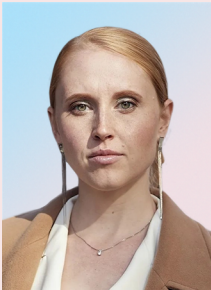
Key words: salutogenic health factors, self-rated health, presence of chronic diseases, sickness absence from work, health self-care, sociological survey, Vologda Region.

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko — Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Статья поступила 01.07.2026.

Расширение инструментария изучения бедности: аналитический обзор исследовательских практик

**Татьяна Сергеевна
КОЗИЦИНА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0504-2643; ResearcherID: J-6732-2015

**Алексей Константинович
КЛЮЕВ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.k.klyuev@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8042-0619; ResearcherID: R-1101-2018

Аннотация. Цель статьи — систематизировать основные направления расширения инструментария изучения бедности и определить, каким образом новые источники данных дополняют традиционные методы, повышая возможности измерения, объяснения и оперативного мониторинга различных проявлений бедности. Обзор опирается на многоэтапный отбор российских и зарубежных публикаций по проблеме бедности и сравнительный анализ этих исследований в части используемого инструментария. В центре внимания находятся как классические количественные и качественные инструменты: обследования домохозяйств, статистика, полевые исследования и т. д., так и подходы, использующие цифровые следы: данные мобильной связи, спутниковые снимки, транзакционные и e-commerce-данные, данные онлайн-платформ. Для

Для цитирования: Козицина Т.С., Ключев А.К. (2026). Расширение инструментария изучения бедности: аналитический обзор исследовательских практик // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 213–225. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.12

For citation: Kozitsina T.S., Klyuev A.K. (2026). Expanding the toolkit for poverty research: An analytical review of research practices. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 213–225. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.12

анализа классического инструментария приоритет отдавался наиболее авторитетным и цитируемым международным и российским публикациям, позволяющим реконструировать устойчивое методологическое и инструментальное ядро исследований бедности. Для обсуждения новых подходов в обзор включались релевантные работы последних лет, посвященные big data, спутниковым снимкам, цифровым следам и иным источникам данных, при условии достаточной методической детализации. Научная новизна работы состоит во вкладе в развёртывающуюся дискуссию об использовании новых инструментов исследования бедности и обосновании гибридных подходов в использовании методов как одной из наиболее перспективных стратегий изучения бедности в условиях цифровой трансформации и усложнения социальных неравенств. Расширение инструментария может способствовать повышению пространственной и временной детализации измерения бедности, лучшей операционализации её многомерных аспектов и уточнению границ уязвимых групп. Ограничения работы связаны с различием процедур отбора двух частей корпуса, что позволяет сопоставлять конфигурации практик, но не даёт оснований для общих суждений о теоретической проработанности цифровой литературы. Перспективы дальнейших исследований связаны с применением предложенной рамки к более широкому корпусу публикаций и с эмпирической проверкой гибридных дизайнов.

Ключевые слова: бедность, концепции бедности, измерение бедности, цифровые методы исследования бедности, гибридные методы исследования бедности, социальная политика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01542, <https://rscf.ru/project/25-28-01542/>.

Авторы выражают благодарность рецензентам за экспертное мнение и конструктивный подход.

Введение

Бедность относится к числу наиболее устойчивых и социально значимых проблем современного общества, затрагивающих не только распределение доходов, но и доступ к базовым общественным благам, качеству человеческого капитала, возможности социальной мобильности и степени включенности индивидов и домохозяйств в экономическую и общественную жизнь. Для России, даже в условиях сокращения абсолютной бедности, не снижается актуальность ее изучения в силу масштаба социально-экономического пространства, региональной дифференциации бедности, сложной структуры уязвимости населения и обусловленной этим потенциальной зависимостью результативности социальной политики от точности диагностики нуждаемости (Овчарова, 2012; Kartseva, 2020; Суринов, Луппов, 2022).

Традиционный инструментарий, основанный на официальной статистике и репрезентативных обследованиях домохозяйств, сохраняет ключевое значение для получения надежных и сопоставимых оценок масштабов, глубины и социально-демографической структуры бедности (Moatsos, 2025). Вместе с тем его возмож-

ности оказываются ограниченными при решении задач оперативной и территориально дифференцированной настройки социальной политики. Периодичность обследований, недостаточный объем выборок для отдельных категорий населения и малых территорий, преимущественно поперечный характер данных и доминирование монетарного критерия затрудняют своевременное выявление изменений, анализ траекторий бедности и распознавание неоднородных форм нуждаемости (Елисеева, Раскина, 2017; Dang et al., 2019; Van der Weide et al., 2022). В этих условиях растет востребованность инструментария, способного работать с динамично обновляемой информацией, фиксировать неоднородность бедности и обеспечивать более раннее распознавание рисков ее возникновения, углубления и воспроизводства.

Новые возможности могут быть связаны с расширением информационной базы исследований и использованием цифровых данных. Так, в исследовательской практике последних лет усилился интерес к использованию спутниковых снимков, данных мобильной связи, транзакционной информации, цифровых сле-

дов, платформенных данных для оценки благосостояния, картирования бедности, выявления уязвимых групп и совершенствования механизмов социальной помощи¹ (Hall et al., 2023). Такие подходы позволяют получать регулярные пространственно детализированные оценки, а их практическая применимость показана в ряде эмпирических работ, основанных на сочетании мобильных, геопро пространственных и алгоритмических данных (Steele et al., 2017; Aiken et al., 2022).

В российских исследованиях отдельные элементы нового инструментария уже используются, однако их распространение и интеграция в сложившуюся систему изучения бедности происходят медленнее, чем в международной исследовательской практике. В отечественной литературе активнее анализируются абсолютные, относительные и многомерные подходы к измерению бедности (Тихонова, 2011; Kartseva, 2020; Slobodenyuk, Mareeva, 2020; Nazarbaeva et al., 2022), тогда как цифровые и гибридные методы представлены в основном общенаучными обзорами (Маркеева, Гавриленко, 2021; Константиновский и др., 2025). Несмотря на увеличение числа работ, посвященных отдельным цифровым источникам и аналитическим методам, сохраняется потребность в анализе исследовательских практик, понимании того, как они используют новые возможности изучения бедности и развивают традиционные исследовательские подходы. Цель статьи состоит в систематизации основных направлений расширения инструментария исследования бедности и оценке возникающих аналитических возможностей и ограничений. Такой ракурс позволяет рассматривать новые методы не как замену традиционным, а как основу их дополнения и комбинирования при решении исследовательских и практических задач политики преодоления бедности. Таким образом, в нашей статье предпринимается попытка дать ответ на исследовательский вопрос: как расширяется инструментарий изучения бедности за счет развития методов и источников данных и какие дополнительные возможности это создает для измерения, объяснения и мониторинга различных проявлений бедности?

В обзоре разграничиваются теоретический, методический и информационный уровни исследования. Подходы образуют теоретическую рамку изучения бедности и определяют понимание ее содержания и значимых проявлений; методы сбора, измерения и анализа образуют исследовательский инструментарий; источники данных составляют информационную базу для его применения. Под исследовательскими практиками понимаются представленные в научной литературе логическая связь теоретических подходов, исследовательского инструментария и информационной базы, ориентированные на решение конкретных задач изучения бедности. Соответственно, расширение инструментария рассматривается как развитие методов сбора, измерения и анализа, происходящее во взаимосвязи с появлением новых источников данных и формированием способов их комбинирования.

Материалы и методы

Исследование выполнено в логике научного обзора в базах Web of Science и РИНЦ (eLibrary) с опорой на многоэтапный поиск, отбор и сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций за 2000–2025 гг. Выбор периода обусловлен задачей сравнения публикаций с традиционными инструментами и современными, которые появились уже после 2000 года.

На первом этапе формировался массив публикаций по запросам, связанным с бедностью. Поиск шел по ключевому слову poverty и ключевыми теоретическими рамками исследования бедности: social space, social exclusion, capability approach, welfare regimes, institutional theory, co-production (Klyuev et al., 2025). Отбор публикаций основывался на рассмотрении рецензируемых журналов, высоком уровне цитирования и наличию теоретической рамки исследования. Далее исключались работы, не содержавшие описания и обоснования методов исследования. На этапе полнотекстового анализа в итоговый список включались публикации, непосредственно посвященные измерению бедности с явным описанием исследовательского метода и процедуры измерения. Для анализа публикаций с традиционными инструментариями приоритет отдавался наи-

¹ Stubbers M., Holvoet N. Big data for poverty measurement: insights from a scoping review. IOB Discussion Papers, 2020, No. 2020.03. Antwerpen: Universiteit Antwerpen, Institute of Development Policy (IOB).

более авторитетным и цитируемым публикациям, позволяющим реконструировать устойчивое методологическое ядро исследований бедности и сопоставить международное и российское исследовательские поля. Таким образом, был сформирован пул публикаций с традиционными инструментариями, включающий в себя 16 источников.

Для отбора публикаций, где для исследования бедности использовались цифровые инструментарии, использовалась иная стратегия отбора: в обзор включались релевантные работы последних лет, посвященные big data, спутниковым снимкам, цифровым следам и иным альтернативным источникам данных, при условии достаточной методической детализации. Использовались следующие ключевые слова: poverty prediction, poverty estimation, poverty analysis, big data, machine learning, svm, deep learning. Основная сложность в данном отборе публикаций заключалась в отсутствии явного списка исследовательских практик изучения бедности при помощи цифровых инструментов. Таким образом, на основании изучения статей были выделены основные направления, в которых основным инструментом исследования бедности являются данные, полученные не ручным способом. Для отбора статей внутри выделенных направлений решающее значение имели не столько показатели цитируемости, сколько прозрачность описания данных, логика валидации результатов и возможность оценить аналитические преимущества и ограничения метода. Такой дифференцированный подход позволил, с одной стороны, опереться на устойчивые научные подходы, а с другой — охватить формирующийся цифровой инструментарий. В итоге были отобраны 22 публикации с цифровыми инструментариями исследования бедности.

Таким образом, в соответствии с аналитической рамкой были отобраны публикации с устойчивыми исследовательскими практиками со следующими признаками:

- наличие и обоснованность теоретической рамки, методов и информационной базы работы;
- повторяемость практики в корпусе наиболее цитируемых российских и зарубежных публикаций; принадлежность работ к высокоцитируемому сегменту как показатель их науч-

ного влияния, а доля публикаций соответствующей практики — воспроизводства внутри этого сегмента.

Для дальнейшей аналитической работы в отобранных публикациях были выявлены доминирующие исследовательские практики:

- 1) традиционный инструментарий: монетарно-статистическое измерение; эконометрическое моделирование факторов и рисков; многомерное индексное измерение; институционально-сравнительный анализ; качественное изучение бедности и социальной эксклюзии; анализ общественных представлений о бедности;
- 2) цифровыми инструментарий: оценка бедности по данным мобильной связи; спутниково-геопространственное картирование бедности; использование цифровых данных о ценах и потреблении, информации социальных сетей и цифровых платформ.

Такая структура позволяет избежать избыточной детализации и вместе с тем сохранить ключевые измерения, которые задают основу для последовательного сравнения традиционных и цифровых инструментов, выявления их преимуществ и ограничений, а также определения возможностей их взаимодополнения в российском контексте.

Результаты

Кодирование публикаций по доминирующей исследовательской практике позволило классифицировать публикации с традиционными инструментариями в три группы.

1. Ядро, включающее монетарно-статистические и эконометрические практики. В корпусе наиболее цитируемых работ монетарно-статистические и эконометрические практики составляют 38%; их концентрация выше в российском подкорпусе — свыше 50% против трети в зарубежном.

2. Центр — практика многомерного индексного измерения, охватывающая 19% общего корпуса анализированных работ. Российских работ такого плана в три раза меньше, чем в зарубежном подкорпусе.

3. Периферия, в которую вошли институционально-сравнительные, качественные и дискурсивные практики, в совокупности это свыше трети публикаций. При этом каждая отдельная практика представлена одинаковым количеством работ.

Результаты проведенного анализа традиционных исследовательских практик изучения бедности представлены в *таблице 1*.

Таким образом, традиционные инструментарию оценки бедности сыграли в развитии ее исследований ключевую роль. Именно они обеспечили сопоставимость измерений, воспроизводимость результатов и связь анализа бедности с практикой поддержки бедных. Развитие инструментарию было вызвано расширением теоретического понимания бедности: от дефицита доходов к многомерным лишениям, социальным рискам, институциональным меха-

низмам и социальной эксклюзии (D'Attoma, Matteucci, 2024). В отобранных работах эти подходы реализуются посредством статистических, эконометрических, индексных, сравнительных и качественных методов, применяемых к официальной статистике, обследованиям домохозяйств, массовым опросам, документам и полевым материалам.

Как уже отмечалось, корпус исследований бедности, основанный на цифровых данных, формировался по иному принципу: в него включались все выявленные релевантные публикации, в которых описывалось фактическое

Таблица 1. Устойчивые исследовательские практики изучения бедности в корпусе наиболее цитируемых публикаций с традиционными инструментарию

Исследовательская практика	Теоретическая рамка	Основные методы	Данные	Публикации из обзора
Монетарно-статистическое измерение (1)	Монетарный подход; абсолютная и относительная бедность; welfare-подход	Определение черты бедности; расчет уровня, глубины и динамики; статистические сопоставления	Официальная статистика; обследования доходов, расходов и бюджетов домохозяйств	Овчарова, Попова, 2013; Шайдуллина, Степанова, 2020; Ерохина, Джергения, 2020
Эконометрическое моделирование факторов и рисков (1)	Стратификационный подход; теория социальных рисков; welfare regimes	Регрессионный анализ; моделирование факторов риска; межгрупповые и территориальные сопоставления	Микроданные обследований; панельные данные; массовые опросы	Лежнина, 2010; Van Oorschot, 2006; Larsen, 2008
Многомерное индексное измерение (2)	Подход возможностей; депривационный и ресурсный подходы	Конструирование композитных индексов; пороговая идентификация; агрегирование; типологизация	Обследования домохозяйств и специализированные опросы; показатели здоровья, образования, занятости и условий жизни	Alkire, Foster, 2011; Alkire, Santos, 2014; Римашевская и др., 2013
Институционально-сравнительный анализ (3)	Институциональная теория; теория прекаризации; подход социальных режимов	Анализ институтов, законодательства и документов; сравнительный и исторический анализ; case studies	Нормативные акты; документы социальной политики; исторические материалы; данные о занятости	Бобков и др., 2011; Ferraro et al., 2015; Smith et al., 2013; Lucas, 2012
Качественное изучение бедности и социальной эксклюзии (3)	Теория социальной эксклюзии; конструктивистский подход	Глубинные интервью; наблюдение; case studies; биографический и тематический анализ	Интервью; полевые материалы; истории жизни; материалы наблюдений	Bayat, 2000; Mosse, 2010; Шеремет, 2022
Анализ общественных представлений о бедности (3)	Субъективный и конструктивистский подходы; концепция «заслуженности» помощи	Массовые опросы; шкалирование; контент- и дискурс-анализ; анализ установок	Данные опросов; тексты СМИ и социальной политики; экспертные материалы	Марева, Тихонова, 2016; Van Oorschot, 2006; Larsen, 2008
Составлено по: результаты анализа отобранного корпуса публикаций.				

использование цифровых данных для изучения бедности и достаточно подробно раскрывалась методическая процедура. Поэтому в эту часть обзора ожидаемо попали публикации с разным исследовательским дизайном, включая эмпирические работы, ориентированные на апробацию источников данных, построение прогнозных моделей и пространственное картирование. Неоднородность исследовательского дизайна обусловила более сложный подход к оценке концептуальности этих практик, и нами выделены три типа концептуализации: теоретически обоснованные исследования, в которых рамка определяет выбор измерений, цифровых признаков и интерпретацию (1); исследования с фоновой теоретической рамкой, где теории бедности упоминаются без анализа их связи с инструментарием (2); инструментально ориентированные исследования, где основное вни-

мание сосредоточено на данных (3). В итоге работы, включенные в первую группу, составили 18% (4 из 22), исследования с фоновой теоретической рамкой — 32% (7 из 22), инструментально ориентированные — 59% (13 из 22) (две публикации (Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024) включены сразу в две практики). Наиболее выраженная инструментальная ориентация обнаружена в работах на основе мобильных данных. Более явная связь с концепциями многомерной и территориальной депривации представлена в спутниково-геопространственных исследованиях, а с монетарной и относительной бедностью — в работах о цифровых ценах и потреблении.

В целом анализ публикаций позволил выделить четыре исследовательские практики работы с цифровыми данными, которые представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Исследовательские практики изучения бедности с использованием цифровых инструментариев

Цифровая исследовательская практика	Теоретическая рамка и степень ее интеграции	Основные методы	Информационная база	Публикации из обзора
Оценка бедности по данным мобильной связи (n = 7)	1 – 0%. 2 – 28,6% (2 из 7): монетарный и ресурсный подходы, социальная уязвимость; 3 – 71,4% (5 из 7): доход, потребление, активы или статус бедности задаются как внешняя переменная	Конструирование цифровых признаков; регрессия; машинное обучение; пространственное прогнозирование	Записи мобильных соединений; мобильность и коммуникации; геоданные; обследовательские показатели доходов, потребления и активов	Soto et al., 2011; Frías-Martínez, Virseda, 2012; Pokhriyal, Jacques, 2017; Steele et al., 2017; Njuguna, McSharry, 2017; Aiken et al., 2022; Aiken et al., 2023
Спутниково-геопространственное картирование бедности (n = 8)	1 – 25,0% (2 из 8): многомерная бедность, пространственная и инфраструктурная депривация; 2 – 25,0% (2 из 8): многомерность и пространственная неоднородность задают контекст; 3 – 50,0% (4 из 8): спутниковые данные используются в прогнозных целях	Компьютерное зрение; машинное обучение; геопространственное моделирование; анализ освещенности и инфраструктуры	Дневные и ночные снимки; карты дорог, землепользования, застройки и инфраструктуры	Jean et al., 2016; Tingzon et al., 2019; Yeh et al., 2020; Smythe, Blumenstock, 2022; Hall et al., 2023; Nzelibe, 2024; Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024
Использование цифровых данных о ценах и потреблении (n = 3)	1 – 33,3% (1 из 3): относительная и монетарная бедность, локальная стоимость жизни; 2 – 33,3% (1 из 3): потребление рассматривается как проявление материального благосостояния; 3 – 33,3% (1 из 3): транзакции используются для прогнозирования	Локальные индексы цен; анализ транзакций; конструирование потребительских признаков; прогнозное моделирование	Ценовые массивы; данные розничных сетей, электронной торговли, маркетплейсов и транзакций; показатели доходов и расходов	Marchetti et al., 2024; Wijaya et al., 2022; Wijaya et al., 2024

Окончание таблицы 2

Цифровая исследовательская практика	Теоретическая рамка и степень ее интеграции	Основные методы	Информационная база	Публикации из обзора
Опора на данные социальных сетей и цифровых платформ (n = 6)	1 – 16,7% (1 из 6): социальная и цифровая включенность связаны с выбором признаков; 2 – 33,3% (2 из 6): социальная эксклюзия, цифровое неравенство и пространственная неоднородность задают контекст; 3 – 50,0% (3 из 6): платформенные характеристики выступают косвенными характеристиками	Конструирование цифровых признаков; анализ аудиторий; машинное обучение; пространственное прогнозирование; слияние данных	Данные социальных сетей, рекламных кабинетов и аудиторий; интересы и цифровое присутствие; геоинформация; внешние показатели бедности	Fatehkia et al., 2020; Fatehkia et al., 2022; Giurgola et al., 2022; Ledesma et al., 2020; Geng et al., 2023; Marty, Duhaut, 2024
Составлено по: результаты анализа отобранного корпуса публикаций.				

Таким образом, две части обзора выявляют различную организацию исследовательских практик. В высокоцитируемом корпусе традиционных исследований устойчивые практики реконструируются через повторяющиеся связи теоретической рамки, методов и информационной базы. В цифровом корпусе более чем в половине работ доминирует инструментальная постановка, а теоретическая рамка чаще выражена опосредованно — через показатель бедности, используемый для обучения или проверки модели. Полученное распределение характеризует состав отобранного массива и должно интерпретироваться с учетом различий процедур отбора двух корпусов.

Обсуждение

Результаты обзора показывают, что расширение инструментария изучения бедности происходит не как линейный, а как сложный и многоуровневый процесс:

- инструментарий расширяется быстрее на методическом и информационном уровнях, чем на теоретическом;
- происходит существенный прирост методов сбора и анализа данных, прежде всего в сфере пространственной детализации и прогнозного моделирования;
- возникают принципиально новые возможности в развитии информационной базы и данных.

При этом традиционные инструментарии сохраняют ключевую роль в определении границ и содержания бедности, обеспечении сопоставимости измерений и выявлении фак-

торов ее воспроизводства. Цифровые инструментарии дополняют их возможностями более детализированного пространственного анализа и прогнозирования, а регулярность формирования цифровых данных создает предпосылки для более оперативного наблюдения за изменениями. Поэтому основным результатом развития инструментария становится не замена одного типа данных другим, а расширение круга исследовательских задач, которые могут решаться за счет функционального сочетания теоретических подходов, методов и информационных источников. Такой вывод согласуется с исследованиями, показывающими, что монетарные показатели сохраняют базовое значение для измерения масштабов бедности, но нуждаются в дополнении многомерными характеристиками для выявления различий в составе и формах нуждаемости (Елисеева, Раскина, 2017; Kartseva, 2020). Вместе с тем результаты обзора выявили неодинаковую степень согласованности теоретического, методического и информационного уровней исследования. В корпусе наиболее цитируемых публикаций с традиционными инструментариями устойчивые практики образованы повторяющимися связями теоретической рамки, методов и информационной базы. В цифровом корпусе обнаружена иная конфигурация. Только ограниченное число публикаций демонстрирует выраженную связь теоретической рамки с выбором измерений, цифровых признаков и интерпретацией результатов. Это распределение необходимо трактовать с учетом различий формирования

двух частей обзора, однако оно показывает, что в рассмотренном корпусе инструментальное освоение новых источников данных развивается быстрее, чем формирование устойчивых связей между теоретическими рамками бедности, цифровыми признаками и интерпретацией результатов. Выявленная асимметрия позволяет сформулировать исследовательскую проблему — обеспечение теоретически точной операционализации бедности в цифровых данных. Мобильные соединения, спутниковые изображения, транзакции, цифровые цены и характеристики платформ предполагает построение логической связи между теоретическим пониманием бедности, измеряемым проявлением, цифровым признаком и итоговым показателем.

Другим важным выводом обзора является перспективность гибридных дизайнов, сочетающих традиционные и цифровые источники данных. При анализе публикаций мы выделили два взаимосвязанных измерения гибридизации. Первое характеризует конфигурацию взаимодействия данных: взаимопроверку оценок (Van der Weide et al. (2022), в которой сопоставляется карта бедности, построенная на основе обследования домохозяйств и дистанционных данных, с эталонной картой, объединявшей обследование и перепись); взаимоуглубление за счет повышения их детализации (Jean et al., 2016; Yeh et al., 2020; Chi et al., 2022); дополнение информационной базы новыми признаками (например, включение мобильных, платформенных, ценовых и транзакционных данных, фиксирующих характеристики, отсутствующие в традиционной информационной базе (Steele et al., 2017; Fatehkia et al., 2020; Marty, Duhaut, 2024)).

В тематическом отношении наиболее развито пространственное направление. Спутниковые изображения, ночная освещенность, данные о застройке, дорожной сети, землепользовании и инфраструктуре позволяют распространять обследовательские оценки на малые территории и выявлять внутритерриториальную неоднородность бедности (Jean et al., 2016; Yeh et al., 2020; Chi et al., 2022). Темпоральное направление связано с использованием регулярно формирующихся данных о ценах, транзакциях, мобильности и цифровой активности. Однако такие источники пока преимущественно при-

меняются для оценки текущего состояния, а их способность надежно отражать изменения бедности подтверждена значительно слабее (Wijaya et al., 2022; Marchetti et al., 2024; Marty, Duhaut, 2024). Поведенческое направление представлено мобильными, транзакционными и платформенными признаками, характеризующими мобильность, коммуникации, потребительскую активность и цифровую включенность населения (Pokhriyal, Jacques, 2017; Steele et al., 2017; Fatehkia et al., 2020; Aiken et al., 2022). Эти данные расширяют наблюдаемое пространство бедности, но в большинстве работ используются для прогнозирования внешнего показателя, а не для объяснения поведения и стратегий населения.

Таким образом, гибридизация развивается неравномерно: наиболее последовательно представлены взаимоуглубление и пространственная детализация; поведенческое дополнение уже сформировалось как эмпирическое направление, но остается слабо интегрированным в теорию бедности; темпоральная гибридизация пока не образует устойчивой практики изучения динамики и траекторий. Поэтому значение гибридного дизайна определяется не числом объединяемых источников, а их функциями, тематическим содержанием и связью с общей теоретической рамкой.

В целом сопоставление исследовательских практик показывает, что эволюция методов исследования бедности не сводится к последовательной смене одного доминирующего подхода другим. Напротив, наблюдается наложение исследовательских стратегий, при котором новые методы не вытесняют старые, а компенсируют их ограничения и расширяют аналитический инструментарий.

Результаты обзора позволяют улучшить понимание процесса развития исследовательских практик в оперативности выявления изменений в положении отдельных категорий населения и территорий. Запрос социальной политики на исследовательский инструментарий, способный работать с динамично обновляемой информацией, фиксировать неоднородность бедности и обеспечивать раннее распознавание рисков ее возникновения, углубления и воспроизводства, отмеченный нами выше, в целом, как показывают материалы обзора,

получает поддержку (Aiken et al., 2022; Marty, Duhaut, 2024). Вместе с тем нельзя не отметить, что новые данные не могут автоматически преобразовываться в управленческие решения и их целесообразно использовать прежде всего как инструменты мониторинга бедности: предварительной диагностики, территориального профилирования и выбора объектов углубленного исследования. Такой подход позволяет преодолеть ограниченный мониторинговый потенциал традиционных исследовательских практик, обусловленный их зависимостью от периодичности обследований, обновления статистики и доступности массивов данных. Цифровые же данные, включая мобильную связь и иные цифровые следы, предоставляют больше возможностей для мониторинга бедности, т. к. они позволяют получать оперативные и пространственно детализированные оценки.

Углубление анализа результатов обзора показывает, что развитие исследовательских практик ведет к различению измерений и мониторинга, т. к. для последнего необходимо доказать временную устойчивость признаков, учитывать изменение поведения пользователей, состава платформ, алгоритмов формирования данных и цифровой инфраструктуры. Изменение цифрового признака может отражать как трансформацию материального положения, так и изменение технологии либо практики использования сервиса. В этом контексте проведенный обзор позволяет выделить новую крупную исследовательскую проблему — использование новых данных для изучения динамики и совершенствования политики преодоления бедности.

Таким образом, обобщение полученных данных позволяет сделать вывод о целесообразности перехода от конкурирующей логики сопоставления методов к логике их функциональной взаимодополняемости. Для современных исследований бедности принципиально важным становится не поиск одного универсального инструмента, а выстраивание таких аналитических комбинаций, которые были бы одновременно чувствительны к многомерной природе бедности, объясняли механизмы ее воспроизводства, обеспечивали регулярный мониторинг и оставались институционально применимыми в практике социальной политики.

Заключение

Проведенный обзор позволил систематизировать сложившиеся и формирующиеся исследовательские практики изучения бедности и определить основные направления расширения используемого инструментария. Полученные результаты показывают, что его развитие происходит за счет расширения методов и информационной базы, усложнения исследовательских задач и постепенного формирования гибридных дизайнов.

Научная значимость работы состоит в том, что нами предложен подход к анализу исследований бедности, основанный на оценке взаимосвязанности теоретической рамки, методов и информационной базы. В отличие от систематизаций, рассматривающих эти элементы отдельно, данный подход позволяет оценить целостность исследовательского дизайна. Его применение показало, что быстрое освоение цифровых источников и методов не всегда сопровождается сопоставимым развитием их теоретического обоснования.

Обзор позволил уточнить проблемное поле современных исследований бедности и выявить недостаточно разработанные области. Первая связана с вопросом о том, как обеспечить теоретически обоснованную операционализацию бедности в цифровых данных. Вторая проблемная область связана с вопросом о том, как использовать новые данные для изучения динамики бедности и совершенствования политики ее преодоления. Регулярность формирования цифровых данных создает предпосылки для более частого наблюдения, однако сама по себе не доказывает их пригодности для мониторинга.

Статья вносит вклад в обсуждение границ доказанных возможностей цифровых инструментов для решения практических и управленческих задач. Возможности цифровых данных обеспечивать надежный оперативный мониторинг, выявлять индивидуальные траектории бедности, персонализировать социальную поддержку и повышать качество управленческих решений нуждаются в дальнейших исследованиях, включая изучение направления гибридизации методов и данных. Предложена двухмерная систематизация форм гибридизации данных в исследованиях бедности. По конфигурации взаимодействия традици-

онных и цифровых источников выделены взаимопроверка, взаимоуглубление и дополнение; по тематике добавляемой информации — пространственное, темпоральное и поведенческое направления. Предлагаемая схема не претендует на исчерпывающую классификацию, но позволяет систематизировать основные направления развития гибридных исследовательских дизайнов и определить степень их представленности в рассмотренном корпусе. Полученные выводы имеют ряд ограничений. Две части обзора формировались по различным принципам: корпус сложившихся практик включал преимущественно наиболее цитируемые публикации, тогда как цифровой корпус был ориентирован на работы, описывающие фактическое применение новых данных. Поэтому их сопоставление позволяет выявить различия в конфигурации исследовательских практик, но не дает оснований утверждать, что цифровая литература в целом теоретически слабее традиционной.

Перспективы продолжения исследования связаны прежде всего с развитием предложенной рамки анализа и ее применением к более широкому корпусу публикаций на основе единой процедуры отбора и кодирования. Это позволит точнее оценить связь между теоретическими подходами, методами и источниками данных в различных типах исследований бедности.

Второе направление предполагает разработку и проверку гибридных дизайнов. В них традиционные инструментарии должны обеспечивать определение и внешнюю валидацию бедности, цифровые данные — территориальную детализацию и дополнительные признаки, а качественные методы — содержательное объяснение механизмов и стратегий населения. Их преимущество должно подтверждаться сравнением не только прогнозной точности, но и временной устойчивости, интерпретируемости, стоимости, охвата уязвимых групп и пригодности для конкретных управленческих задач.

Литература

- Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. (2011). Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // *Уровень жизни населения регионов России*. № 5. С. 13–26.
- Елисеева И.И., Раскина Ю.В. (2017). Измерение бедности в России: возможности и ограничения // *Вопросы статистики*. № 8. С. 70–89.
- Ерохина Е.В., Джергения Ю.Б. (2020). Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии // *Экономическая безопасность*. Т. 3. № 3. С. 259–272. DOI: 10.18334/есsec.3.3.110681
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С., Кузнецов И.С., Кузнецов Р.С. (2025). Цифровые технологии и большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, возможности // *Мир России*. Т. 34. № 1. С. 144–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160
- Лежнина Ю.П. (2010). Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // *Социологические исследования*. № 3. С. 36–44.
- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. (2016). Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 37–67.
- Маркеева А.В., Гавриленко О.В. (2021). Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике // *Общество: социология, психология, педагогика*. № 12. С. 94–103. DOI: 10.24158/spp.2021.12.12
- Овчарова Л.Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO*. № 16. С. 15–38.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // *Мир России*. № 3. С. 3–32.
- Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. (2013). Человеческий потенциал российских регионов // *Народонаселение*. № 3. С. 82–141.
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022). Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 26. № 4. С. 552–578. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578

- Тихонова Н.Е. (2011). Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. № 5. С. 24–35.
- Шайдуллина, Р. М., Степанова, Р. Р. (2020). Основные тенденции социально-экономического неравенства и уровня бедности населения на примере Республики Башкортостан // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 2. С. 92–100. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.1004>
- Шеремет А.Н. (2022). Социальная эксклюзия в современном российском обществе: масштабы, разновидности, прогноз // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 3. С. 209–212. DOI: 10.24412/2686-9365-2022-3-209-212
- Aiken E., Bedoya G., Blumenstock J.E., Coville A. (2023). Program targeting with machine learning and mobile phone data: Evidence from an anti-poverty intervention in Afghanistan. *Journal of Development Economics*, 161, 103016. DOI: 10.1016/j.jdevco.2022.103016
- Aiken E., Bellue S., Karlan D., Udry C., Blumenstock J.E. (2022). Machine learning and phone data can improve targeting of humanitarian aid. *Nature*, 603(7903), 864–870. DOI: 10.1038/s41586-022-04484-9
- Alkire S., Foster J. (2011). Counting and multidimensional poverty measurement. *Journal of Public Economics*, 95, 476–487. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.11.006
- Alkire S., Santos M.E. (2014). Measuring acute poverty in the developing world: Robustness and scope of the multidimensional poverty index. *World Development*, 59, 251–274. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.01.026
- Bayat A. (2000). From “dangerous classes” to “quiet rebels”. *International Sociology*, 15(3), 533–557. DOI: 10.1177/026858000015003005
- Chi G., Fang H., Chatterjee S., Blumenstock J.E. (2022). Microestimates of wealth for all low- and middle-income countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(3), e2113658119. DOI: 10.1073/pnas.2113658119
- Dang H.-A., Jolliffe D., Carletto C. (2019). Data gaps, data incomparability, and data imputation: A review of poverty measurement methods for data-scarce environments. *Journal of Economic Surveys*, 33(3), 757–797. DOI: 10.1111/joes.12307
- D’Attoma I., Matteucci M. (2024). Multidimensional poverty: An analysis of definitions, measurement tools, applications and their evolution over time through a systematic review of the literature up to 2019. *Quality & Quantity*, 58(4), 3171–3213. DOI: 10.1007/s11135-023-01792-8
- Fatehkia M., Coles B., Ofli F., Weber I. (2020). The relative value of Facebook advertising data for poverty mapping. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 14(1), 934–938. DOI: 10.1609/icwsm.v14i1.7361
- Fatehkia M., Del Villar Z., Koebe T. et al. (2022). Using Facebook advertising data to describe the socio-economic situation of Syrian refugees in Lebanon. *Frontiers in Big Data*, 5, art. 1033530. DOI: 10.3389/fdata.2022.1033530
- Ferraro F., Etzion D., Gehman J. (2015). Tackling grand challenges pragmatically: Robust action revisited. *Organization Studies*, 36(3), 363–390. DOI: 10.1177/0170840614563742
- Frias-Martínez V., Virseda J. (2012). On the relationship between socio-economic factors and cell phone usage. In: *Proceedings of the Fifth International Conference on Information and Communication Technologies and Development (ICTD ‘12)*. DOI: 10.1145/2160673.2160684
- Geng Z., Gao Z., Tsai C., Lu J. (2023). CGPM: Poverty mapping framework based on multi-modal geographic knowledge integration and macroscopic social network mining. In: *Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases. Lecture Notes in Computer Science*, 13717. DOI: 10.1007/978-3-031-26419-1_33
- Giurgola S., Piaggese S., Karsai M. et al. (2022). Mapping urban socioeconomic inequalities in developing countries through Facebook advertising data. *Frontiers in Big Data*, 5, art. 1006352. DOI: 10.3389/fdata.2022.1006352
- Hall O., Dompae F., Wahab I., Dzanku F.M. (2023). A review of machine learning and satellite imagery for poverty prediction: Implications for development research and applications. *Journal of International Development*, 35(7), 1753–1768. DOI: 10.1002/jid.3751
- Jean N., Burke M., Xie M. et al. (2016). Combining satellite imagery and machine learning to predict poverty. *Science*, 353(6301), 790–794. DOI: 10.1126/science.aaf7894
- Kartseva M.A. (2020). Poverty in the Russian Federation: Possibilities and specifics of the use of the AROPE multi-criteria index in the poverty monitoring system of the Russian Federation. *Population and Economics*, 4(1), 1–19. DOI: 10.3897/popecon.4.e50836
- Klyuev A., Šuvaković U.V., Bagirova A., Kozitsina T. (2025). The social space of poverty as an object of sociological analysis. *Sociološki pregled*, 59(4), 1388–1425. DOI: 10.5937/socpreg59-62133

- Larsen C.A. (2008). The institutional logic of welfare attitudes: How welfare regimes influence public support. *Comparative Political Studies*, 41, 145–168. DOI: 10.1177/0010414006295234
- Ledesma C., Garonita O.L., Flores L.J., Tingzon I., Dalisay D. (2020). Interpretable poverty mapping using social media data, satellite images, and geospatial information. *Machine Learning for the Developing World (ML4D) Workshop, NeurIPS 2020*. arXiv:2011.13563.
- Lucas K. (2012). Transport and social exclusion: Where are we now? *Transport Policy*, 20, 105–113. DOI: 10.1016/j.tranpol.2012.01.013
- Marchetti S., Giusti C., Schirripa Spagnolo F., Bertarelli G., Biggeri L. (2024). The impact of local cost-of-living differences on relative poverty incidence: An application using retail scanner data and small area estimation models. *Statistical Methods & Applications*, 33(4), 1117–1143. DOI: 10.1007/s10260-023-00742-w
- Marty R., Duhaut A. (2024). Global poverty estimation using private and public sector big data sources. *Scientific Reports*, 14, 3160. DOI: 10.1038/s41598-023-49564-6
- Moatsos M. (2025). Global poverty: A review of measurement, levels, and trends in a historical perspective. *Journal of Economic Surveys*, 39(2), 706–766. DOI: 10.1111/joes.12644
- Mosse D. (2010). A relational approach to durable poverty, inequality and power. *The Journal of Development Studies*, 46(7), 1156–1178. DOI: 10.1080/00220388.2010.487095
- Nazarbaeva E.A., Pishnyak A.I., Khalina N.V. (2022). Multidimensional poverty: Methodology and calculations on Russian data. *Russian Journal of Economics*, 8(4), 352–380. DOI: 10.32609/j.ruje.8.81710
- Njuguna C., McSharry P. (2017). Constructing spatiotemporal poverty indices from big data. *Journal of Business Research*, 70, 318–327. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.08.005
- Nzelibe I.U. (2024). Satellite and artificial intelligence in mapping multidimensional poverty in Africa: A review study. *African Journal of Land Policy and Geospatial Sciences*, 7(1), 325–347. DOI: 10.22004/AG.ECON.342079
- Pokhriyal N., Jacques D.C. (2017). Combining disparate data sources for improved poverty prediction and mapping. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(46), E9783–E9792. DOI: 10.1073/pnas.1700319114
- Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. (2020). Relative poverty in Russia: Evidence from different thresholds. *Social Indicators Research*, 151(1), 135–153. DOI: 10.1007/s11205-020-02364-1
- Smith W.K., Gonin M., Besharov M.L. (2013). Managing social-business tensions: A review and research agenda for social enterprise. *Business Ethics Quarterly*, 23(3), 407–442. DOI: 10.5840/beq201323327
- Smythe I.S., Blumenstock J.E. (2022). Geographic microtargeting of social assistance with high-resolution poverty maps. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(32), e2120025119. DOI: 10.1073/pnas.2120025119
- Soto V., Frías-Martínez V., Virseda J., Frías-Martínez E. (2011). Prediction of socioeconomic levels using cell phone records. In: *User Modeling, Adaption and Personalization*. DOI: 10.1007/978-3-642-22362-4_35
- Steele J.E., Sundsøy P.R., Pezzulo C. et al. (2017). Mapping poverty using mobile phone and satellite data. *Journal of the Royal Society Interface*, 14(127), 20160690. DOI: 10.1098/rsif.2016.0690
- Tingzon I., Orden A., Go K.T. et al. (2019). Mapping poverty in the Philippines using machine learning, satellite imagery, and crowd-sourced geospatial information. *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, XLII-4/W19, 425–431. DOI: 10.5194/isprs-archives-XLII-4-W19-425-2019
- Van der Weide R., Blankespoor B., Elbers C., Lanjouw P. (2022). *How Accurate is a Poverty Map Based on Remote Sensing Data? An Application to Malawi. Policy Research Working Paper No. 10171*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/1813-9450-10171
- Van Oorschot W. (2006). Making the difference in social Europe: Deservingness perceptions among citizens of European welfare states. *Journal of European Social Policy*, 16(1), 23–42. DOI: 10.1177/0958928706059829
- Wijaya D.R., Ibadurrohman R.I.F., Hernawati E., Wikusna W. (2024). Poverty prediction using e-commerce dataset and filter-based feature selection approach. *Scientific Reports*, 14, 3088. DOI: 10.1038/s41598-024-52752-7
- Wijaya D.R., Paramita N.L.P.S.P., Uluwiyah A. et al. (2022). Estimating city-level poverty rate based on e-commerce data with machine learning. *Electronic Commerce Research*, 22(1), 195–221. DOI: 10.1007/s10660-020-09424-1
- Yeh C., Perez A., Driscoll A. et al. (2020). Using publicly available satellite imagery and deep learning to understand economic well-being in Africa. *Nature Communications*, 11(1), 2583. DOI: 10.1038/s41467-020-16185-w

Сведения об авторах

Татьяна Сергеевна Козицина — кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru)

Алексей Константинович Ключев — кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.k.kluev@urfu.ru)

Kozitsina T.S., Klyuev A.K.

Expanding the Toolkit for Poverty Research: An Analytical Review of Research Practices

Abstract. This article aims to systematize the main directions in which the toolkit for poverty research is expanding and to identify how new data sources complement traditional methods, enhancing the capacity to measure, explain, and monitor various manifestations of poverty. The review draws on a multi-stage selection of Russian and international publications on poverty and a comparative analysis of these studies in terms of the instruments they employ. It focuses on both classical quantitative and qualitative tools — household surveys, official statistics, field research, and so forth — and approaches that use digital traces: mobile phone data, satellite imagery, transaction and e-commerce data, and data from online platforms. For the analysis of the classical toolkit, priority was given to the most authoritative and widely cited international and Russian publications, making it possible to reconstruct a stable methodological and instrumental core of poverty research. For the discussion of new approaches, relevant recent works on big data, satellite imagery, digital traces, and other data sources were included, provided they offered sufficient methodological detail. The scientific novelty of the study lies in its contribution to the ongoing debate on the use of new poverty research tools and in substantiating hybrid approaches as one of the most promising strategies for studying poverty under conditions of digital transformation and increasingly complex social inequalities. Expanding the toolkit can help improve the spatial and temporal granularity of poverty measurement, better operationalize its multidimensional aspects, and more precisely delineate vulnerable groups. The limitations of the study stem from differences in the selection procedures for the two parts of the corpus, which allow configurations of practices to be compared but do not provide grounds for broad judgments about the theoretical elaboration of the digital literature. Prospects for further research lie in applying the proposed framework to a larger corpus of publications and in empirically testing hybrid designs.

Key words: poverty, poverty concepts, poverty measurement, digital methods of poverty research, hybrid methods of poverty research, social policy.

Information about the Authors

Tatiana S. Kozitsina — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru)

Alexey K. Klyuev — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: a.k.kluev@urfu.ru)

Статья поступила 30.04.2026.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2026 г.), а также за период с августа 2025 по август 2026 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока), 2023 (последний полный год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.²

В июне – августе 2026 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ остался без изменений и составил 61%. Доля отрицательных суждений – 23–24%³.

За последние 12 месяцев (с августа 2025 по август 2026 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства снизилась на 6 п. п. (с 67 до 61%), доля отрицательных суждений увеличилась на 5 п. п. (с 19 до 24%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в августе 2026 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в августе 2025 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?* (в % от числа опрошенных)

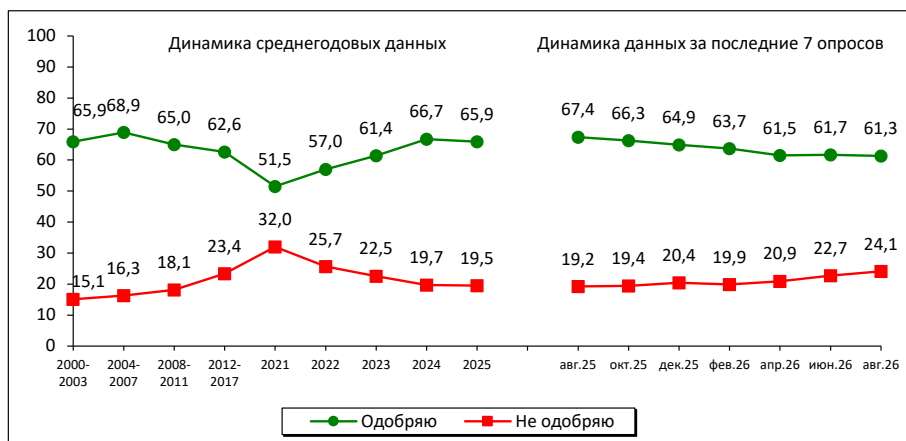
Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	2000	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025		Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	авг. 2025	июнь 2026
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9		67,4	66,3	64,9	63,7	61,5	61,7	61,3	-6	0
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5		19,2	19,4	20,4	19,9	20,9	22,7	24,1	+5	+1
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	–	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4		55,1	55,7	54,0	51,1	48,9	49,1	48,6	-7	-1
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5		20,6	23,1	22,2	21,3	22,8	25,1	26,8	+6	+2
Губернатор области**																			
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5		41,0	41,8	42,8	40,2	38,2	37,3	36,3	-5	-1
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2		39,1	41,3	39,3	39,0	41,2	42,3	44,1	+5	+2

Примечание: Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Далее респондентам предлагался список органов власти различных уровней для оценки их работы с вариантами ответов: «полностью одобряю», «в основном одобряю», «в основном не одобряю», «полностью не одобряю», «с деятельностью не знаком», «затрудняюсь ответить».

* Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

** 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ временно исполняющим обязанности губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Одобрю	-6	0
Не одобряю	+5	+1

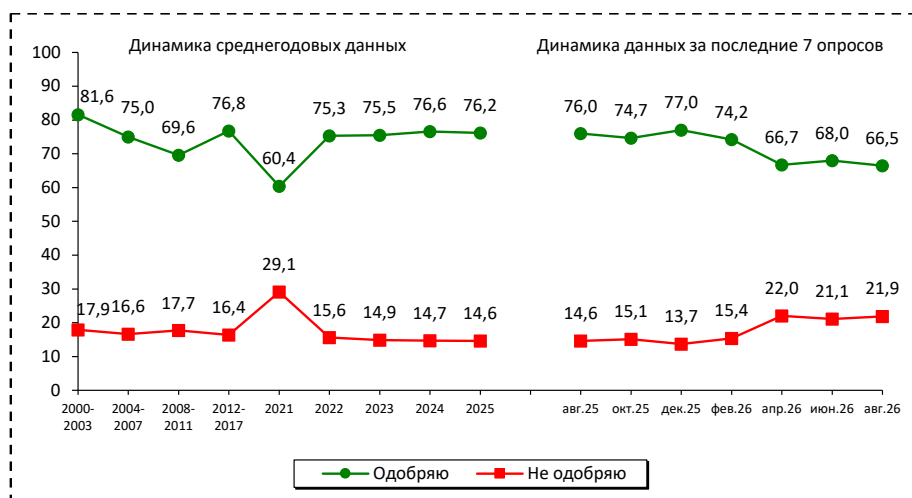
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

За летние месяцы 2026 года (июнь – август) рейтинг одобрения президента, фиксируемый ВЦИОМ, продемонстрировал незначительную отрицательную динамику, сократившись на 2 п. п.

В годовом выражении снижение показателя оказалось более заметным: с августа 2025 по август 2026 г. рейтинг снизился на 10 п. п. (с 76 до 66%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Одобрять	-10	-2
Не одобрять	+7	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

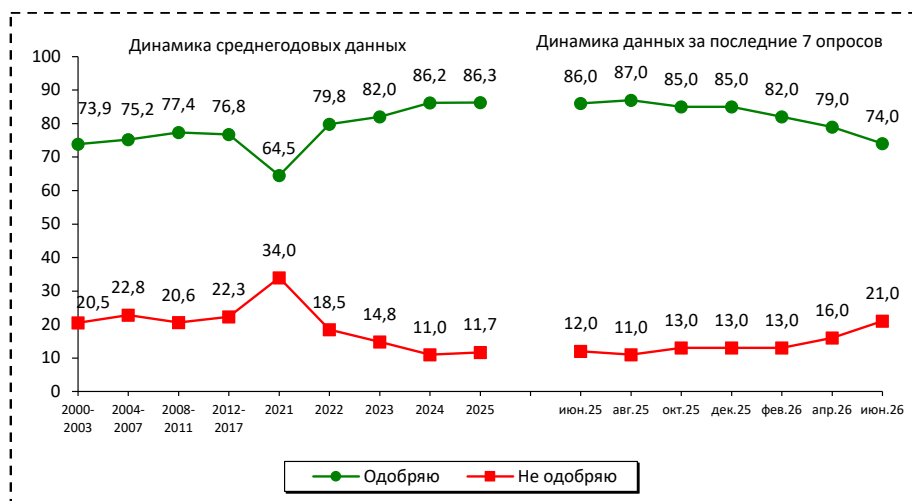
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Данные за август – среднее за два опроса: от 02.08.2026 и 09.08.2026.

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в апреле – июне 2026 г. уменьшился на 5 п. п. (с 79 до 74%).

По сравнению с августом 2025 г. в августе 2026 г. доля положительных оценок снизилась на 12 п. п. (с 86 до 74%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Одобрять	-12	-5
Не одобрять	+9	+5

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

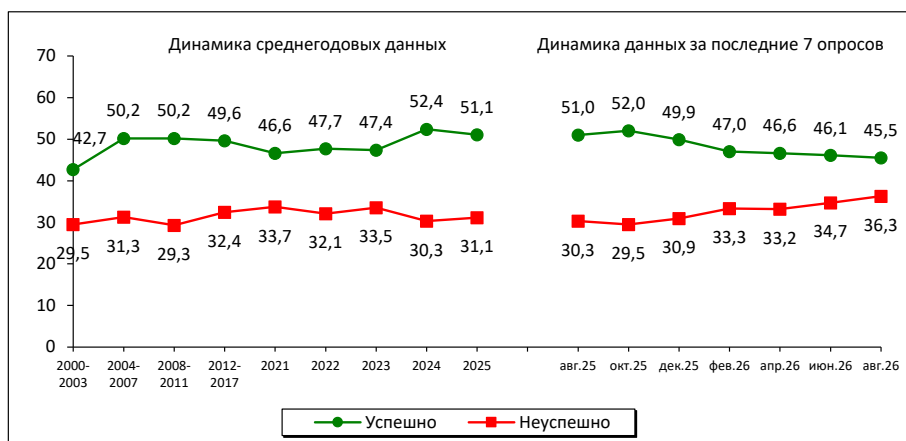
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, с июня по август 2026 г. не изменилась.

За последние 12 месяцев доля положительных суждений о работе главы государства по решению международных вопросов снизилась на 6 п. п. (с 51 до 45%).

Укрепление международных позиций России

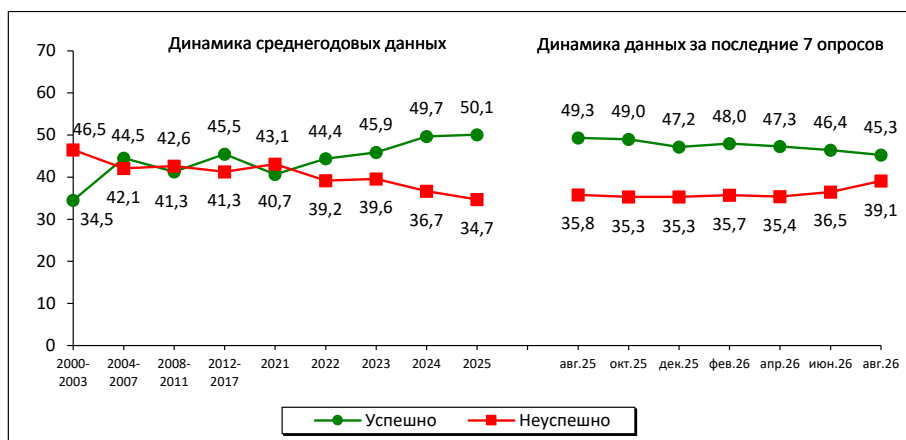

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Успешно	-6	-1
Неуспешно	+6	+2

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности Президента РФ по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 45–46%, отрицательных — 37–39%.

С августа 2025 по август 2026 г. с 49 до 45% снизился удельный вес людей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с наведением порядка в стране.

Наведение порядка в стране

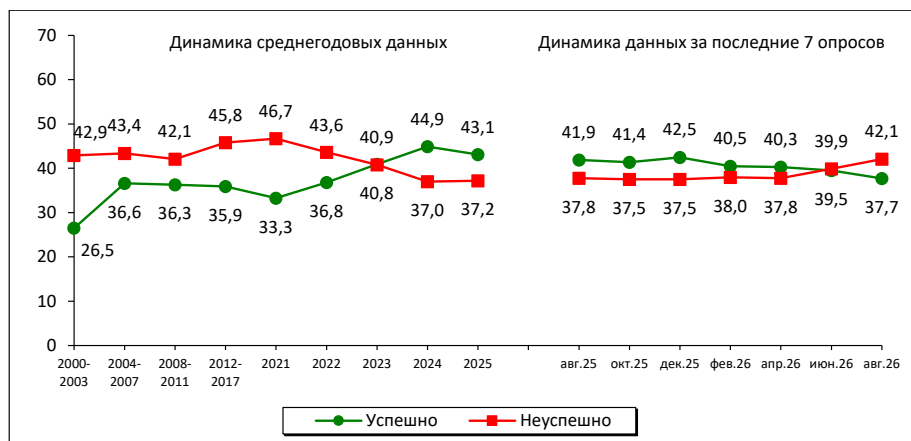

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Успешно	-4	-1
Неуспешно	+3	+3

В августе 2026 г. доля жителей области, положительно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и свобод граждан, практически не изменилась по сравнению с июнем, оставшись на уровне 38–39%.

За последние 12 месяцев наблюдаются негативные изменения. Удельный вес одобряющих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан снизился на 4 п. п. (с 42 до 38%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

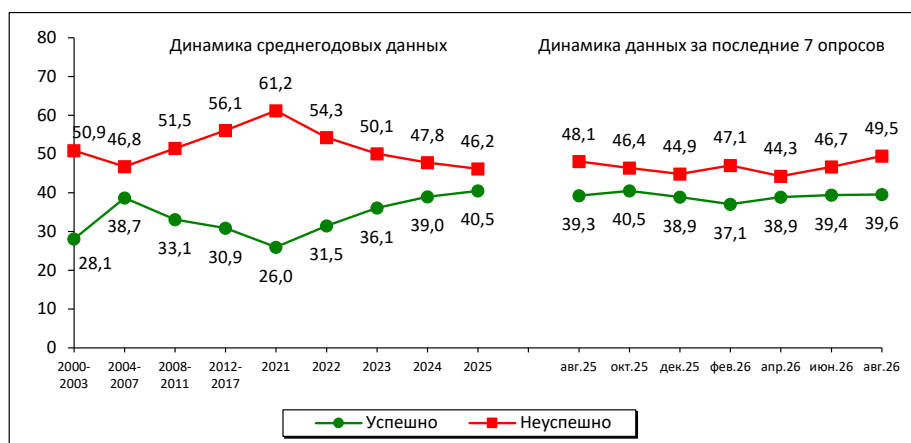

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Успешно	-4	-2
Неуспешно	+4	+2

В июне – августе 2026 г. доля жителей, положительно оценивающих деятельность Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан, сохранилась на отметке 39%.

В годовом сопоставлении (август 2025 – август 2026 г.) распределение мнений также стабильно: успешной работу главы государства считают 48–49% опрошенных, противоположной точки зрения придерживаются 39–40%.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Успешно	0	0
Неуспешно	+1	+3

В июне – августе 2026 г. структура партийно-политических предпочтений жителей области сохраняет стабильность. Большинство опрошенных (36–37%) по-прежнему поддерживают партию «Единая Россия». Далее следуют КПРФ (9–10%), ЛДПР (8–9%), «Справедливая Россия» (3–4%) и «Новые люди» (2–3%).

За последние 12 месяцев удельный вес людей, отмечающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия», снизился на 5 п. п. (с 41 до 36%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	авг. 2025	июнь 2026
Единая Россия	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	41,2	40,5	38,1	36,1	35,7	36,8	36,1	-5	-1
КПРФ	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	11,5	10,5	9,7	9,2	8,1	8,9	10,5	-1	+2
ЛДПР	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	8,7	7,8	8,6	8,9	7,9	7,6	8,6	0	+1
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	4,2	3,4	4,1	3,1	4,3	3,7	4,5	0	+1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	1,8	2,2	2,5	2,4	2,3	2,6	2,5	+1	0
Другая	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5	0	0
Никакая	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	23,3	24,3	26,1	29,1	31,5	30,5	27,9	+5	-3
Затрудняюсь ответить	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	9,2	11,3	10,7	11,0	9,8	9,7	9,3	0	0

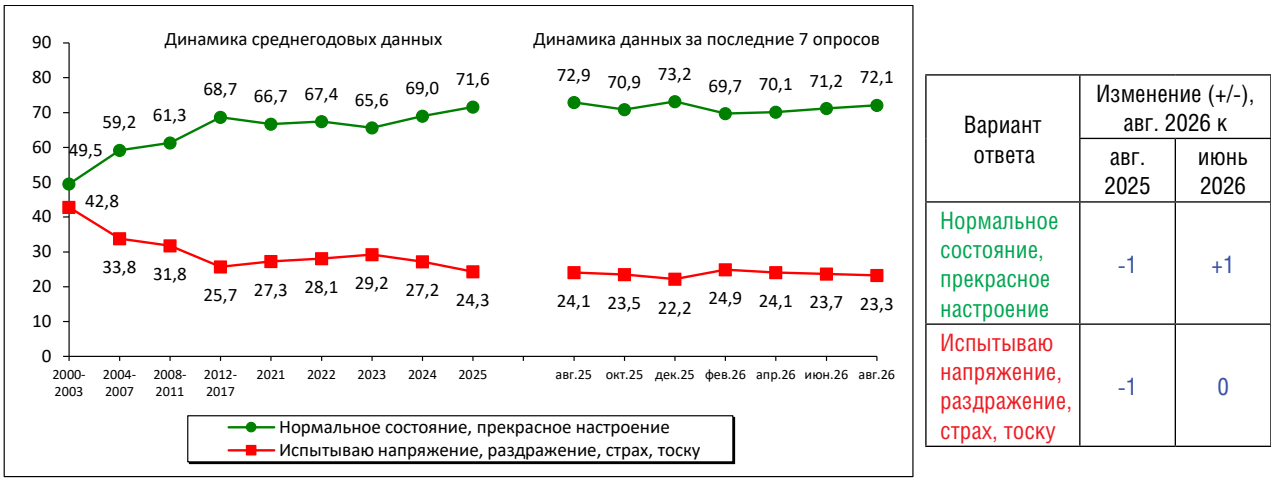
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального самочувствия сохранился на прежнем уровне (71–72%).

Годовая динамика (август 2025 – август 2026 г.) также демонстрирует стабильность: доля тех, кто описывает свое настроение как «нормальное» или «прекрасное», составляет 72–73%. При этом противоположные эмоции – «напряжение, раздражение, страх, тоску» – испытывают 23–24% опрошенных.

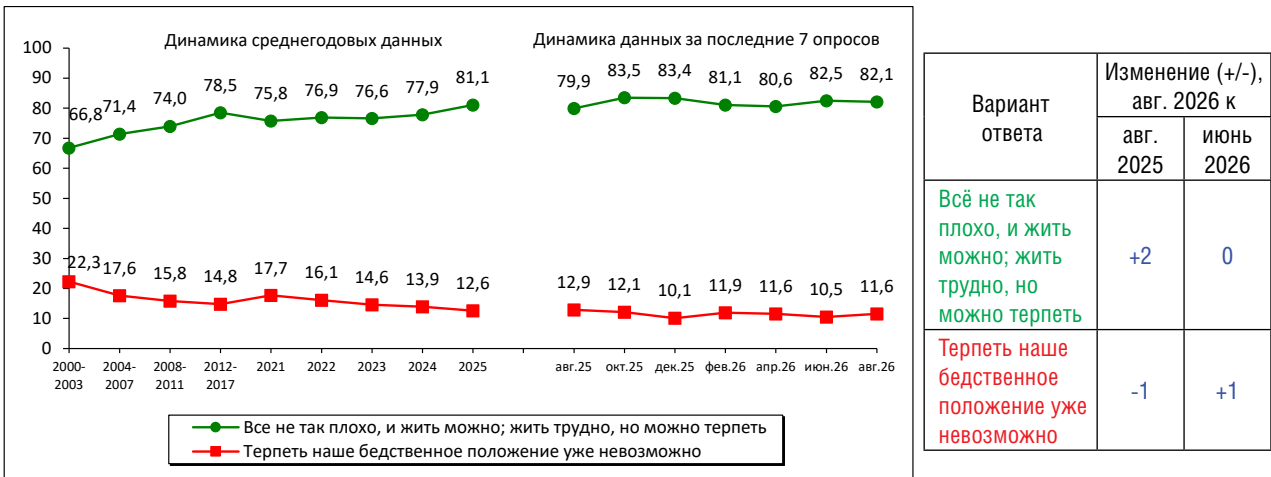
Социальное настроение

В июне – августе 2026 г. запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 82–83% жителей области отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 10–12%.

В августе 2026 года показатель запаса терпения сохранился на уровне августа 2025 года.

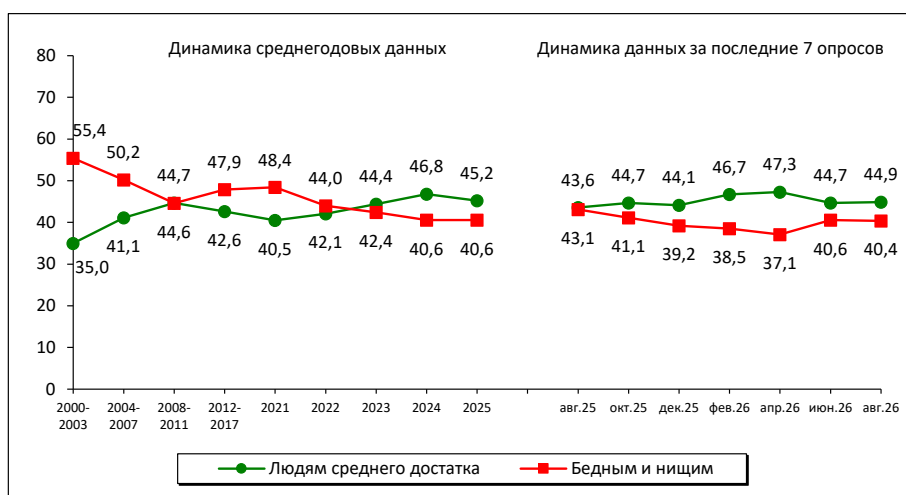
Запас терпения

В августе 2026 года по сравнению с июнем структура социальной самоидентификации жителей области осталась без изменений. Доля граждан, относящих себя к людям среднего достатка, зафиксирована на уровне 45%, а категорию «бедные и нищие» выбирают 40–41% опрошенных.

За 12 месяцев на 3 п. п. сократилась доля считающих себя бедными и нищими (с 43 до 40%).

Социальная самоидентификация

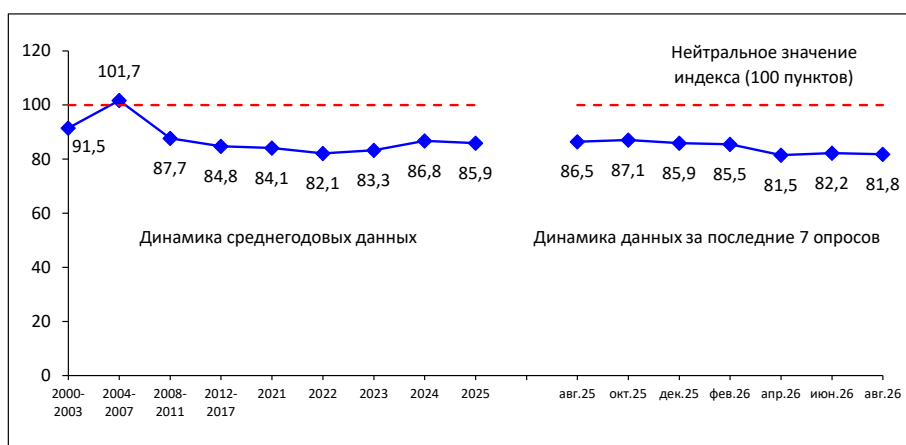
Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+1	0
Доля считающих себя бедными и нищими	-3	0

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в июне – августе 2026 г. составил 82 пункта и остался без изменений.

С августа 2025 по август 2026 г. наблюдается негативная динамика. ИПН снизился на 5 п. п. (с 87 до 82 пунктов).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

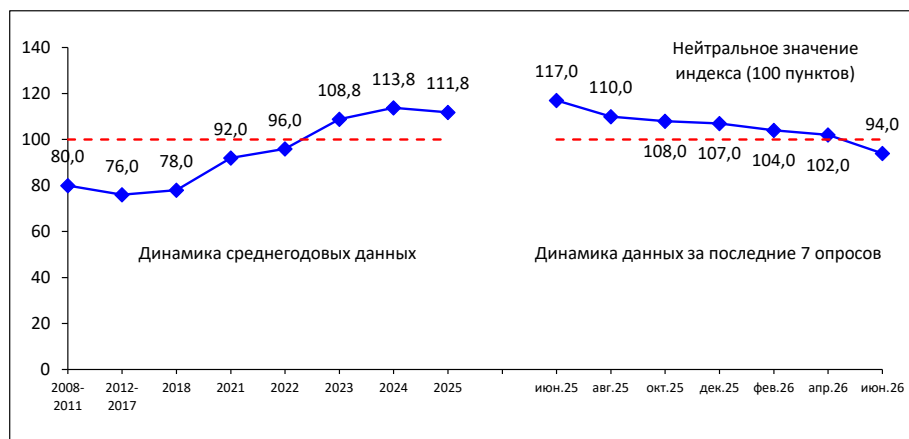
Вариант ответа	Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	авг. 2025	июнь 2026
Значение индекса, в пунктах	-5	0

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с апреля по июнь 2026 г.), индекс потребительских настроений снизился со 102 до 94 пунктов.

С июня 2025 по июнь 2026 г. значения ИПН уменьшились на 23 пункта, с 117 до 94 п.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России⁵)

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Значение индекса, в пунктах	-23	-8

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за июнь 2026 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В период с июня по август 2026 года в большинстве социально-демографических групп не наблюдалось значительных изменений в социальном настроении. В одной категории зафиксирована положительная динамика: среди 20% наименее обеспеченных (доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 4 п. п.)

За год рост доли позитивных оценок социального настроения среди социально-демографических групп не отмечается. Ухудшение настроений произошло в одной группе: среди молодежи до 30 лет – снижение на 10 п. п. (с 78 до 68%).

⁵ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года, и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyyj-indeks-potrebitelskikh-nastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2026 к	
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Авг. 2026	авг. 2025	июнь 2026
Пол																	
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	72,1	68,2	73,3	69,1	71,9	70,7	72,1	0	+1
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	73,5	73,1	73,1	70,1	68,7	71,6	72,1	-1	+1
Возраст																	
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	78,1	75,2	74,3	69,5	67,6	66,2	68,6	-10	+2
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	74,9	73,9	78,4	73,6	73,1	73,5	75,2	0	+2
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	68,6	65,9	66,6	64,9	67,5	70,2	69,5	+1	-1
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	70,3	68,4	66,1	60,6	60,4	65,0	67,0	-3	+2
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	73,6	71,4	75,6	71,6	74,7	73,4	72,2	-1	-1
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	74,7	73,1	77,6	74,7	74,0	75,5	77,4	+3	+2
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	58,3	53,3	50,7	48,2	51,3	55,6	59,4	+1	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	73,1	73,1	75,2	72,2	72,7	72,0	74,4	+1	+2
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	83,8	84,8	89,4	87,7	83,4	84,7	86,7	+3	+2
Территории																	
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	72,9	71,4	71,9	68,1	68,8	68,1	69,5	-3	+1
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	75,0	73,2	76,3	73,0	73,5	75,3	76,0	+1	+1
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	71,6	69,3	72,2	68,7	69,0	70,8	71,3	0	+1
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	72,9	70,9	73,2	69,7	70,1	71,2	72,1	-1	+1
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения															14: 0 / 13 / 1		14: 1 / 13 / 0

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в июле — августе 2026 года. Замеры проводились на фоне отсутствия прогресса в переговорных процессах по урегулированию украинского конфликта, продолжающихся атак беспилотников на российские регионы, топливного кризиса, а также в разгар предвыборной кампании в Государственную Думу РФ.

Нарастание угроз национальной безопасности (участившие атаки «киевского режима» вглубь российских территорий, спровоцировавших в том числе бензиновый кризис в ряде регионов страны) на фоне ожиданий широких слоев населения относительно скорейшего и успешного завершения конфликта на Украине могло стать причиной ухудшения оценок деятельности органов власти, отмечаемой в годовой ретроспективе. Отметим, что снижение доли положительных оценок деятель-

ности Президента РФ в последние 12 месяцев отмечается не только по результатам исследований, проведенных на территории Вологодской области, но и в целом по стране по данным ВЦИОМ и Левада-Центра*.

В августе 2026 года по сравнению с августом 2025 года уровень одобрения деятельности главы государства снизился на 6 п. п. (с 67 до 61%). Уменьшение доли положительных оценок его работы фиксируется практически по всем ключевым направлениям:

- ✓ укреплению международных позиций России на 6 п. п. (с 51 до 45%);
- ✓ наведению порядка в стране на 4 п. п. (с 43 до 39%);
- ✓ защите демократии и укреплению свобод граждан на 4 п. п. (с 42 до 38%).

Снижение поддержки фиксируется также для других уровней власти: удельный вес положительных оценок деятельности Председателя Правительства РФ за год уменьшился на 7 п. п. (с 55 до 48%), главы региона — на 5 п. п. (с 41 до 36%), поддержка партии «Единая Россия» — на 5 п. п. (с 41 до 36%). При этом доля респондентов, не видящих партии, выражающей их интересы, выросла за год на 5 п. п. (с 23 до 28%).

Тревожным сигналом выступает устойчивое снижение индекса потребительских настроений (ИПН), который за год сократился на 5 пунктов (с 87 до 82 п.). Это свидетельствует о постепенном ухудшении экономических ожиданий населения и снижении уверенности в завтрашнем дне. На общероссийском уровне негативная динамика выражена еще более отчетливо: по данным Левада-Центра* ИПН уменьшился на 23 пункта (со 117 до 94 пунктов).

Вместе с тем, несмотря на фиксируемое снижение ряда ключевых показателей, в обществе сохраняются важные стабилизирующие факторы. Запас терпения остается стабильно высоким: 82–83% жителей области считают, что «всё не так плохо и можно жить», а доля тех, кто заявляет о невозможности терпеть их бедственное положение, не превышает 10–12%. Социальное настроение в 13 из 14 социально-демографических групп за последние два месяца не претерпело значимых изменений, что свидетельствует о сохранении социального равновесия. Структура партийно-политических предпочтений остается устойчивой, а распределение голосов между партиями — стабильным, что говорит об отсутствии политической дестабилизации перед выборами в Государственную Думу РФ в сентябре 2026 года.

Таким образом, данные мониторинга общественного мнения за август 2026 года зафиксировали дальнейшее развитие негативных тенденций, обозначенных в начале года, и переход отдельных показателей из разряда колебаний в устойчивый тренд на снижение. С одной стороны, сохраняются относительно высокий уровень поддержки Президента РФ и запас терпения населения. С другой стороны, снижение ряда ключевых индикаторов приобретает более системный характер.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

* Внесен в реестр иностранных агентов.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева

Подписано в печать 27.08.2026.

Дата выхода в свет 31.08.2026.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 27,88. Тираж 500 экз. Заказ № 46.

Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru